Н. В. ЛУКИНА

1 85-444
Е20-Х

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ХАНТОВ

(Восточная группа)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1985

Лукина Н. В. **Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа).** — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. — 19 л. с ил.— 3 р. 700 экз. 0508000000.

В монографии впервые исследуется процесс формирования материальной культуры одного из крупных подразделений хантыйского этноса. Сравнительно-исторический анализ компонентов культуры проведен с широким привлечением данных по другим группам обских угров, многим народам Сибири и сопредельных регионов. В результате выявлены отличия восточных хантов от западных групп народа, а также общехантыйские и обско-угорские черты материальной культуры; те и другие рассмотрены под углом зрения происхождения и истории народа. В работе показаны разносторонние и разновременные этнокультурные и этногенетические связи хантов, вскрыта различная их направленность у восточных и западных групп.

Для этнографов, археологов, историков, краеведов и всех интересующихся культурой коренных народов Сибири.

Рецензент — канд. ист. наук Г. Н. Грачева

Редактор — докт. ист. наук, проф. Р. Ф. Итс

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛ[illegible]А
им. [illegible]
1985 г.

Л 85 $\frac{0508000000}{177\ (012)\ 85}$

© Издательство Томского университета, 1985

N. W. Lukina

DIE ENTWICKLUNG DER MATERIELLEN KULTUR BEI DEN CHANTEN

VERLAG DER TOMSKER UNIVERSITÄT

Tomsk — 1985

Lukina N. W. **Die Entwicklung der materiellen Kultur bei den Chanten.** — Tomsk: Verlag der Tomsker Universität, 1985. — 19 Bogen mit Ill.— 3 Rb. 700 Ex. 0508000000.

In der Monographie wird die Entwicklung der materiellen Kultur einer der grossen Gruppe von Chanten erforscht. Bei der historisch-vergleichenden Untersuchung der Kultur wird viel Literatur über andere obugrische Gruppen und auch verschiedene Völker ausgenutzt. Als Resultat ist eine Reihe von ethnographischen Eigenschaften der Ostchanten herausgefunden; es sind auch die der ganzen chantischen Kultur gemeinsame Züge genannt. In der Arbeit werden vielseitige ethnisch-kulturelle Beziehungen der Ostchanten gezeigt.

Für Ethnographen, Archeologen, Historiker, Landeskundiger und alle, die sich für Kultur der sibirischen Völker interessieren.

Rezensent — G. N. Gratscheva

Redigit — Professor R. F. Its

L $\frac{0508000000}{177\ (012)\ 85}$ 85

© Verlag der Tomsker Universität, 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значение материальной культуры для изучения традиционно-бытовой культуры — ядра предметной области этнографии — определено Ю. В. Бромлеем. Обобщая результаты, достигнутые отечественными и зарубежными этнографами в изучении разных аспектов материальной культуры, и определяя задачи будущих исследований, он считает: «Все ощутимей становится отсутствие в исторической науке особой отрасли, главной целью которой явилось бы изучение закономерностей развития материальной культуры, конкретно-историческое описание ее форм и классификация их». [Бромлей Ю. В., 1973, с. 216, 219]. В последние годы расширяется круг проблем, сопряженных с ее изучением. Одним из таких новых направлений является выделение культуры жизнеобеспечения, при этом в анализе материальной культуры помимо собственно материальной стороны основное внимание уделяется отражению функций соционормативной, познавательной и производственной сфер культуры [Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И., 1980, с. 18—19]. Имеется опыт изучения поселения, жилища, пищи и одежды как компонентов культуры жизнеобеспечения в их единстве, с выделением существующих системных связей между ними [Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И., 1983, с. 22—23]. Материальная культура как составная часть жизнеобеспечения рассматривается в связи с проблемами этнической экологии [Козлов В. И., 1983, с. 10].

Растет число работ с конкретными описаниями материальной культуры или отдельных ее компонентов. На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук это направление было определено как основное достижение советских этнографов в изуче-

нии материальной культуры [Маслова Г. С., 1970, с. 7—8]. Наш интерес к традиционно-бытовой культуре сформировался под влиянием именно этого направления, а выбор конкретной темы был обусловлен малоизученностью одного из крупных подразделений хантов — восточных групп.

Необходимость и целесообразность изучения отдельных групп обских угров сейчас не вызывает сомнений, хотя в недавнем прошлом существовала тенденция к рассмотрению хантов и даже хантов и манси в целом, что приводило к определенной нивелировке их культуры и экстраполяции выводов, полученных из наблюдений над отдельными группами, на народ или оба народа в целом. В литературе отмечалась важность накопления и исследования материалов по этнографии отдельных подразделений тех народов Сибири, этническую специфику которых составляла дробность языковых и культурно-бытовых различий. Такой подход дает возможность не только заглянуть в глубину их истории, но и использовать соответствующие обобщения в целях содействия современному культурному и этническому развитию [Вдовин И. С., 1980, с. 21]. Деление обских угров на группы разных категорий рассматривается в специальной статье З. П. Соколовой (1975, с. 186—210). Наиболее принятым является деление хантов на северных, южных и восточных, что отражено в обобщающих изданиях последних лет [Брук С. И., 1981, с. 249]. Современные лингвисты, впрочем, выделяют только две группы диалектов в языке хантов: западную и восточную [Караулов Ю. Н., 1976, с. 245; Терешкин Н. И., 1981, с. 3—4].

Н. И. Терешкин разделяет восточнохантыйские диалекты на три наречия: вах-васюганское (с говорами ваховских, александровских и васюганских хантов), сургутское (с говорами юганских, аганских, тромюганских, пимских хантов) и салымское (с двумя говорами, носители которых теперь живут смешанно). В названиях говоров отражены соответствующие притоки Оби в среднем течении. Исключением является лишь термин «александровские ханты», введенный (за неимением более удачного) по названию современной административной единицы — Александровского района, расположенного по бассейну Оби выше Ваха. Лингвистическое деление вос-

точных хантов принято нами при исследовании их культуры.

Задачей работы является, во-первых, описание материальной культуры сургутских и салымских хантов в период с конца XIX в. по 1970 годы (васюганско-ваховский материал опубликован ранее) и, во-вторых, сравнительно-исторический анализ материальной культуры всех групп восточных хантов.

Методологической и методической основой исследования послужили теоретические марксистско-ленинские положения, развитые в трудах ведущих советских этнографов. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «все общественные и государственные отношения, все религиозные, правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и когда из этих материальных условий выводится все остальное» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 491]. Развивая положение марксизма о хозяйстве и материальной культуре как части базиса общества, Г. Е. Марков (1979 а, с. 3—8) подчеркивает их важное место в изучении исторических и культурных процессов и считает исследование истории хозяйства и материальной культуры важной задачей этнографии. Следуя принципиальным методологическим требованиям марксистской теории этноса [Бромлей Ю. В., 1981, с. 81—84] и методике изучения материальной культуры, разработанной советскими учеными [Маслова Г. С., 1970; Токарев С. А., 1970], мы рассматриваем компоненты материальной культуры хантов в их историческом развитии, как один из источников для решения проблемы этнической истории народа. В процессе исследования констатировалась и учитывалась степень распространенности тех или иных элементов внутри исследуемой части хантыйского этноса, соотнесенность их с местными или чуждыми традициями. Принималась также во внимание принадлежность восточных хантов к определенному хозяйственно-культурному типу и историко-этнографической области.

Исходной базой для работы послужили положения и гипотезы об этногенезе и этнической истории обских угров, разработанные отечественными и зарубежными исследователями; их последняя сводка дана З. П. Соко-

ловой [1980, с. 89—117; 1982а, с. 8—47]. Как известно, единства во взглядах на эти проблемы нет; невозможно объединить в рамках общей концепции и те суждения, которые высказаны в литературе относительно происхождения отдельных элементов материальной культуры хантов. Следует отметить, что мы не ставили целью подкрепить своими материалами и выводами ту или иную точку зрения, уже высказанную, либо собственную, в чем-то отличную от существующих взглядов. Пользуясь сравнительно-историческим методом, мы стремились «идти от материала», чтобы выявить возможные истоки определенного элемента культуры, его вхождение в восточнохантыйскую среду и дальнейшую трансформацию в ней. Этот методический прием позволил взглянуть на историю многих вещей иначе, чем это представлялось прежде, когда отправными точками служили лишь априорные суждения.

В последние годы неоднократно высказывалось мнение об условности понятия «материальная культура». «...К материальной культуре относится все, что удовлетворяет материальные потребности, к духовной — все, что удовлетворяет духовные потребности», — говорит Ю. В. Бромлей (1983, с. 10). Этнографическая терминология дается по работе Р. Ф. Итса (1974).

Следует оговорить некоторую условность в отнесении отдельных предметов к той или иной части материальной культуры. Это особенно касается утвари, понятие которой в нашей этнографической науке строго не определено. Некоторые изделия, тесно связанные между собой в быту, исполняют тем не менее разные функции и формально относятся к разным компонентам. Например, нож — орудие труда, а ножны — вместилище, которое относится не к орудиям труда, а к утвари. Что такое колыбель — предмет утвари или микрожилище? Заплечный кузов, с одной стороны, относится к разряду коробок, т. е. к утвари, а с другой — используется для переноски грузов на большие расстояния и может рассматриваться вместе со средствами передвижения.

В работе рассматриваются традиционные элементы и новации в культуре той части населения, которая до недавного прошлого проживала в условиях традиционного быта, занимаясь добычей рыбы, охотой и содер-

жанием оленей. Исследованы такие компоненты, как средства передвижения, одежда и утварь. Для получения полного представления о материальной культуре необходимо включение еще орудий труда и жилища, но они в меньшей степени отражают этническую специфику и поэтому выбор был сделан в пользу названных выше компонентов. Учитывалось также, что орудия труда и жилище хантов подробно описаны в литературе, а последнее исследовано З. П. Соколовой и в этногенетическом плане [Sirelius U. T., 1906—1911; Сирелиус У. Т., 1907; Соколова З. П., 1957 а, 1957 б, 1959 а, 1959 б, 1960, 1963 а, 1963 б].

Краткий обзор истории изучения материальной культуры был дан автором ранее применительно к васюганско-ваховским хантам [Кулемзин В. М., Лукина Н. В,. 1977, с. 7—11], но он практически охватывает и сургутские группы; к нему следует добавить лишь публикации богатого иллюстративного материала по хантам р. Юган и описание быта хантов р. Салым [Martin F. R., 1897; Городков Б., 1913; Шульц Л. Р., 1924]. Из работ, вышедших после этого обзора, непосредственно к исследуемым группам относится статья на эстонском языке о быте сургутских хантов [Konsin K., 1978, с. 149—176]. Из резюме на русском языке становится ясно, что наблюдения этого автора поверхностны, а некоторые суждения просто неверны[1]. При рассмотрении проблемы этногенеза обских угров З. П. Соколова (1980, с. 98—106) приводит данные по их орудиям охоты, средствам передвижения, жилищу, одежде и форме берестяных сосудов. Она выявляет особенности, по которым материальная культура хантов отличается от мансийской, отмечает ряд черт, сходных у обских угров с другими народами, называет заимствованные элементы.

В I главе описание материальной культуры сургутских и салымских хантов дано в основном по полевым материалам и музейным коллекциям. В ходе восьми экспедиционных поездок (1972—1983 гг.) на р. Юган, Аган, Пим и Тромъеган были описаны, зарисованы,

---

[1] Неверно определены «типичные» и «своеобразные» очаги, сухожильные нити неправильно названы «пряжей», наблюдение о малом внимании к порядку в жилище нельзя отнести к традиционному быту и т. д.

сняты на фото- и кинопленку практически все существующие ныне элементы традиционной материальной культуры; фиксировались также предметы-новации, пришедшие на смену собственным изделиям[2]. Кроме непосредственных наблюдений о бытующих вещах применялся опросный метод «на узнавание» с использованием фотографий или зарисовок. Например, на р. Юган современным хантам были показаны фотографии с иллюстраций конца XIX в. и предложено назвать бытующие сейчас вещи и уже исчезнувшие. Выяснилось, что к числу последних относятся лишь единицы; тем самым установлен важный факт почти полной идентичности современного «набора» традиционных изделий тому, что был в конце XIX в. В других случаях иллюстрации применялись, когда нужно было выяснить, существовало ли в прошлом изделие, которое сейчас не встречается, и т. д.

При подготовке второй главы использовались материалы семи экспедиций (кроме вышеназванных), работавших в 1969—1977 гг. среди васюганско-ваховских, кондинских и ляминских хантов. Привлекались также сведения, полученные в пяти экспедициях 1959—1963 гг. к нарымским селькупам и шорцам под руководством Г. И. Пелих.

Из музейных материалов особенно важны коллекции Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ) и Тобольского государственного музея-заповедника (ТГМЗ). В ГМЭ имеется коллекция № 3950 из 103 предметов, собранная А. А. Дуниным-Горкавичем у остяков (хантов) Сургутского уезда и поступившая в музей в 1912 г., а также две коллекции Р. П. Митусовой с р. Аган, относящиеся к 1923—1924 гг.: № 4329 из 25 предметов и № 4047 — из 376. В ТГМЗ принята сквозная нумерация экспонатов, и коллекции отдельных собирателей не выделены, но, судя по записям, в 1911 г. были сданы Л. Шульцем изделия хантов р. Салым,

---

[2] Экспедиции организованы Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета (руководитель экспедиций Н. В. Лукина). Зарисовки и фотоснимки частично выполнены другими участниками экспедиций: В. М. Кулемзиным, А. М. Кулемзиным. В. Н. Котликовым, Е. М. Титаренко; киносъемки произведены А. Н. Михалевым. Все материалы хранятся в архиве МАЭС ТГУ.

имеются здесь предметы и с других мест Сургутского уезда. Использованы также фототеки указанных музеев, относящиеся не только к сургутским и салымским, но и другим группам обских угров. Изучены фотоколлекции С. И. Руденко (ГМЭ, № 1705, 1837), Б. Н. Клопотова (ГМЭ, № 3939), В. М. Новицкого (ГМЭ, № 5196), В. Пигнатти (ТГМЗ, № 1152) и др. Кроме этого мы познакомились с коллекциями или описями местного музея в пос. Угут на р. Юган, Колпашевского краеведческого музея, Томского областного краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета (МАЭС ТГУ), Ханты-Мансийского окружного музея, Новосибирского областного краеведческого музея, Омского государственного исторического и литературного музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ, г. Ленинград), Государственного этнографического музея ЭССР (г. Тарту). Некоторая полезная информация получена при просмотре экспозиций в Музее археологии и этнографии Омского университета, Музея Института истории АН ТаджССР (г. Душанбе). Отдельные сведения извлечены из архива МАЭС ТГУ (фонд В. Н. Чернецова) и Географического общества СССР.

В ходе сравнительно-исторического анализа (вторая глава) привлечен широкий круг литературы, посвященной другим группам обских угров, финно-угорским народам, коренному населению Сибири и сопредельных территорий. Характер использования этой литературы был двояким и определил различия в оформлении ссылок на нее. Там, где для сравнения привлекался просто описательный, фактологический материал, источники информации не указываются каждый раз, так как это требует много места и затрудняет чтение текста. Перечень таких работ дается в начале каждого параграфа второй главы. Если использован вывод, суждение или интересное замечание, то ссылка на источник оформлена обычным порядком. Источник указан и в случае противоречивой либо малоизвестной, но важной информации.

Для выяснения истории тех или иных предметов мы пытались привлекать и их названия. При наличии этимологий, установленных лингвистами, использовались их выводы, но, к сожалению, такая возможность была

далеко не всегда и приходилось искать собственное объяснение. Основными источниками словарного материала послужили полевые записи автора и словарь Н. И. Терешкина (1981). В приложениях к работе имеется русско-хантыйский словарь использованных терминов.

При описании материала в первой главе русские названия предметов, для которых в словаре есть хантыйский термин, даны в разрядку. При анализе хантыйских и других терминов со сложным написанием они приводятся в тексте буквами русского алфавита.

Иллюстрации, выполненные по опубликованным или музейным материалам, содержат ссылки на источник. Преобладающая часть иллюстраций имеет источником фотографии и полевые рисунки автора, в этих случаях ссылок не делается. Для книги рисунки изготовлены С. Бардиным и И. Рудковским.

Приношу благодарность сотрудникам сектора этнографии народов Сибири Ленинградской части Института этнографии АН СССР за ценные замечания, высказанные при обсуждении рукописи.

ВВЕДЕНИЕ

Историческое прошлое восточных хантов изучено слабо. Проведенные на их территории археологические работы пока не дают возможности в целом представить последовательный ход развития местных культур и их связь с хантыйским этносом. Существует точка зрения В. А. Могильникова и З. П. Соколовой о том, что формирование южных, северных и восточных хантов было связано с различиями в тех родственных культурах, которые лежали в их основе [Соколова З. П., 1980, с. 110]. Некоторые сведения об истории восточных хантов содержатся в их фольклоре [Лукина Н. В., 1976, с. 158—161]. Устная традиция относит к местным предкам хантов народ *арэх ях*. Это были огромные люди, занимавшиеся в основном охотой на лосей и добычей рыбы. Жили они в землянках, остатки которых в виде бугров и ям сохранились до настоящего времени. Этому народу приписывается создание людей (хантов) и передача тех рациональных знаний и навыков, которые необходимы для проживания в местных условиях. С нашей точки зрения легенды об арэх ях отражают образ жизни аборигенного населения Среднего Приобья. Устная традиция говорит о происхождении хантов от арэх ях возможно потому, что древнее местное население сыграло значительную роль в их формировании.

В мифологических сказках и исторических преданиях повествуется о переселениях хантов и контактах с иноэтническим населением. Так, имеются рассказы о приходе хантов с Иртыша на Васюган, о частичных перемещениях с Югана на Васюган, с Казыма на Аган. Особенно много рассказов записано о переселении хантов на Вах и вытеснении оттуда ненцев. Взаимоотношения

с соседями были разные: с селькупами *нёрам ях*—мирные и дружественные, а с другими — воинственные. Васюганским и александровским хантам приходилось обороняться от татар, совершавших набеги со стороны Тары; почти повсеместно рассказывается о набегах с севера ненцев *яраган ях* и народа *авус ях,* этническая принадлежность которого не установлена. Освоение края русскими, судя по преданиям, происходило в основном мирным путем.

Этот процесс начался в конце XVI в., когда на территории остяцкого княжества Бардака был построен острог Сургут. Краткое изложение этнической истории восточных хантов, начиная с XVII в., дано ниже по работам Н. В. Лукиной (1972 б, с. 69—92), Н. А. Миненко (1975, с. 32—49) и З. П. Соколовой (1983, с. 60—84). В XVII в. ханты исследуемых групп жили на Васюгане, Югане, Салыме, Вахе, Агане, Пиме, Тромъегане и по берегам того участка Оби, куда впадали названные притоки. Это была территория Сургутского уезда Тобольской губернии со следующими волостями: Салымская, Юганская, Подгорная, Больше-Юганская, Мало-Юганская, Аганская, Пимская, Тром-Юганская, Ваховская, две Лумпокольские, две Салтыковы, Пирчина, две Караконские и четыре Тымские; условно сюда же относят Балытскую, Ларьякскую, Васюганскую волости. В XVII—XIX вв. продолжалось начавшееся ранее переселение хантов с Иртыша на Обь, в западные районы Сургутского Приобья, и с севера—в его восточные районы. Вместе с тем ханты Сургутского уезда уходили на другие территории, например, в Тобольский уезд. Внутри исследуемой территории в конце XVIII—начале XIXвв. произошла передвижка населения с Югана на Балык, где прежде ханты не жили. Очевидно, шло постоянное, хотя и не массовое, переселение хантов с левобережных на правобережные притоки Оби. Численность восточных хантов менялась на протяжении XVII—XIX вв., при этом общей тенденцией было увеличение населения: в 1624 г.— 2206 чел., в 1897—5964 чел. [Соколова З. П., 1982 а, табл. 8]. В конце XIX в. общая численность хантов (вместе с северными и южными) составляла 15773 чел. [Соколова З. П., 1982 а, табл. 6, 7, 8].

Этническое окружение восточных хантов было неоднородным. Их южные соседи — нарымские селькупы, на юго-западе — тарские татары, на западе — иртышские ханты, на севере — северные ханты, тазовско-туруханские селькупы и лесные ненцы, на востоке — кеты и эвенки; как отмечено, с XVII в. край осваивался русскими. Наиболее тесные связи существовали у хантов с селькупами. Этой близости способствовали одинаковые занятия и сходный образ жизни, а также непосредственное территориальное соседство и начавшееся в XVII в. переселение нарымских селькупов через хантыйскую территорию на берега Таза и Туруханa. Как известно, русские называли и хантов, и селькупов остяками, что затрудняет исследователям анализ архивных материалов при определении границ расселения того и другого народа. Население некоторых волостей (Тымских и Караконских на Вахе) могло быть смешанным хантыйско-селькупским. В конце XVIII в. селькупы, переселявшиеся с Тыма на Таз, были ассимилированы угроязычным населением и, видимо, процесс становления ваховской группы хантов завершился.

Русское население края первоначально состояло из служилых людей, живших в Сургуте, позднее там же проживали и люди других сословий. Расселение русских из Сургута по территории уезда в XVII—первой половине XIX вв. шло слабыми темпами. Лишь немногие священнослужители поселились при церквях в ясачных волостях. Нужно заметить, что миссионерские экспедиции начала XVIII в., которые проводили в ряде мест насильственную христианизацию и сопровождали ее массовым уничтожением «идолов» коренного населения, не коснулись Сургутского Приобья, очевидно, за отдаленностью мест. Слабое освоение новых территорий объяснялось малочисленностью русского населения и политикой правительства, оберегавшего угодья коренных жителей от посягательства пришельцев.

Для понимания этнической ситуации на исследуемой территории очень важны данные, полученные З. П. Соколовой в результате анализа архивных и опубликованных источников. Они говорят о малочисленности русского населения в Сургутском уезде даже в конце XIX в. (5964 ханта, 140 русских). При анализе браков по волостям уезда отмечается полное или почти полное отсут-

ствие инонационального населения и межнациональных браков [Соколова З. П., 1982 а, с. 41—42, табл. 8; 1983, с. 60—84]. Межэтнические браки в XVIII—XIX вв. составляли всего 0,3% от общего числа проанализированных браков; в их число входило 11 браков с русскими, 5—с ненцами и 5—с селькупами [Соколова З. П., 1983, с. 82]. Небольшое число межнациональных браков указывает на этническую монолитность восточных хантов в XVII—XIX вв., что способствовало устойчивости их традиционной культуры.

За годы Советской власти в жизни хантов произошли крупные изменения. Территория бывшего Сургутского уезда входит теперь в Ханты-Мансийский автономный округ, созданный в 1930 г. Восточные ханты проживают здесь в Сургутском и Нижневартовском районах, а небольшая их часть — в Каргасокском и Александровском районах Томской области. Общая численность хантов увеличилась с 17 334 в 1926 г. до 20 934 чел. в 1979 г. (данными отдельно по восточным хантам мы не располагаем). Значительно увеличился приток пришлого населения, что связано главным образом с промышленным освоением края, особенно усилившимся в последнее десятилетие. Этот фактор, а также укрупнение хозяйств и поселков способствовали развитию внутри- и межнациональных связей. Русская культура оказала наибольшее влияние на хантов, живущих непосредственно по берегам Оби и на двух ее притоках — Васюгане и Салыме. Однонациональные хантыйские селения сейчас встречаются в верховьях Югана, Агана, Тромъегана и Пима.

Для понимания многих черт материальной культуры исследуемого населения необходимо учитывать природные факторы и занятия, поэтому ниже приводятся краткие сведения об этом. Рельеф края определяется Западно-Сибирской равниной с ее извилистыми реками, многочислеными озерами и болотами. Лесная зона переходит на северной границе в лесотундру. Основными занятиями восточных хантов издавна были рыболовство и охота, частично оленеводство. У значительной части населения этот хозяйственно-культурный тип сохраняется до настоящего времени. Современные охотники и рыболовы объединены в промыслово-охотничьи хозяйства. Большую часть года население питалось рыбой. Широко распространенным был запорный лов, с давних пор ис-

пользовались также сети, удочки, остроги, блесны и др. Для добычи мяса охотились на лося, дикого оленя, птицу. Охота на пушных зверей особенно интенсивно развивалась после освоения края русскими, когда пушнина стала необходима для уплаты ясака и товарообмена. Пользовались луками-самострелами и ручными луками с различными видами стрел, черканами, слопцами, петлями, а также огнестрельным оружием. Охотнику помогала собака.

Домашних оленей содержали все группы, кроме васюганской и александровской. Количество оленей в среднем на хозяйство было не велико, и только на Тромъегане имелись стада более ста голов. Для восточных хантов было характерно лесное оленеводство с вольным или полувольным выпасом животных, для которых устраивались дымокуры, строились специальные сараи, применялись различные приспособления для затормаживания бега. Оленей использовали в транспортных целях.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СУРГУТСКИХ И САЛЫМСКИХ ХАНТОВ

1. Средства передвижения

Лодки. Жизнь хантов так тесно была связана с водой, что их трудно представить без легкой долбленой лодки, называемой о б л а с или обласок (рис. 2). Обычно облас изготовляли из осины, но если его перетаскивали по суше, то лучше подходил кедровый обласок, так как он легче и не намокает в воде. Размеры обласа зависели от его назначения. Большой семейный облас длиной до 600 см, шириной 70 см, глубиной 35 см вмещал семь-восемь человек с грузом; в самых маленьких, длиной более 200 см, шириной 35—30 см, предназначенных для летней охоты на водоплавающую птицу, помещался один человек с небольшим грузом. В соответствии с размером обласа к его названию добавляли прилагательное «большой», «средний» или «маленький».

Сургутские ханты делали облас из одного ствола и обычно без н а б о е в, последние часто встречались лишь на Салыме. Равная толщина б о р т о в и д н а достигалась путем стесывания до шпеньков одинаковой высоты, вбитых заранее; на Салыме шпеньками не пользовались, определяя толщину стенок по звуку при постукивании. Форма обласа сохранялась благодаря р а с п о р к а м между бортами. Общая форма обласа — длинная и узкая, к о р м а немного ниже, чем н о с, их выступание над бортами незначительное; днище выпуклое либо слегка уплощенное; в вершине носовой части — отверстие для веревки. Такова была конструкция обласков у всех сургутских групп, при общем названии *рыт*. На Югане получены сведения о том, что при охоте на уток и заготовке камыша обласки соединяли двумя жердями, прикрученными к распоркам на носу и корме (рис. 2, *б*).

Продвигались на обласках с помощью в е с е л. Обычно мужчина управлял лодкой на корме, а женщины и дети гребли. Средние размеры мужского весла: длина—

150 см; ширина лопасти — 17 см; длина лопасти — 65 см; толщина черена—5 см; длина перекладины черена — 17 см. При гребле перекладину охватывали рукой, кроме того, ею подхватывали сеть при проверке. Женские весла — несколько меньших размеров, и еще меньше детские экземпляры. Лопасть весла изогнута, обычно узкая и заостренная (иволистная) либо закругленная, иногда в форме широкого листа; на Агане и Пиме конец лопасти нередко обрезан по прямой. На черене у перекладины встречаются зарубки; перекладина женских весел изогнута больше, чем у мужских. В одиночку гребли то с одной, то с другой стороны, поворачивая весло так, чтобы ход обласка по прямой не нарушался. Ханты умели грести одной рукой, если другая была занята.

В прошлом большие обласа нередко буксировали люди и собаки. В последние два десятилетия устанавливают моторы на большие обласа, кормовую часть которых стали делать вертикальной (рис. 2, *9*). На р. Тромъегане отмечен еще один способ продвижения на обласке — по неокрепшему осеннему льду. Для этого человек садится в обласок и отгалкивается палками от льда.

Имеются единичные упоминания о берестяных лодках. На Югане еще сейчас помнят старика, изготовлявшего лодки из двух слоев бересты. Отношение информатора к таким лодкам было неодобрительным: «наступишь ногой — ломается». Среди детских игрушек встречаются лодки из коры пихты, но в прошлом таких лодок не было.

Сургутским хантам была хорошо известна большая (дощатая, крытая) лодка из кедровых досок. В наши дни она сохраняет традиционные формы только на Югане. Средние размеры лодки: длина от 10 до 12 м, ширина от 2 до 3 м, грузоподъемность более 4-х тонн. Дно лодки — из одной доски, наклонные борта — из двух, заходящих кромками одна на другую, имеется несколько шпангоутов. Острый нос высоко выступает над бортами. Судя по фотографиям и рисункам хантов, относящимся к концу XIX в., крутая корма немного выступала над бортами; в современных лодках она имеет вид вертикальной стенки, приспособленной для мотора. Почти вся лодка покрыта досками или вываренной берестой, которая в наше время заменяется

брезентом, толем. Дощатое покрытие иногда имеет вид каюты с передней и задней стенками и дверцей (рис. 4, *2*), иногда оно снаружи окрашено масляной краской — несомненная инновация последних лет. По обеим сторонам сводчатой крыши имеется невысокое ограждение. Свет в каюту проникает через дверь или небольшое отверстие вверху. Мягкое покрытие лодок держится на сводчатом каркасе из 6—8 опор (рис. 3, *1*). Каждая опора состоит из двух прутьев, укрепленных нижним концом в деревянных болванках с внутренней стороны бортов (рис. 4, *7*) и переплетенных верхними концами (рис. 4, *9*). Поверх опор — редкий настил из пленок, привязанных к прутьям (рис. 4, *8*); полотнища бересты или толя сверху укреплены веревками. Под покрытием — место для полога, на полу — настил из досок. Прежде в средней части лодки устанавливали мачту, закрепляя ее веревочными оттяжками. Впереди одна из оттяжек крепилась к носу, а другая — к концу дощатого покрытия, обе задние оттяжки крепились к покрытию. Верхушка мачты нередко была резной, заканчивалась она флюгером с флажком. К корме лодки привязывали небольшой обласок для разъездов. Это лодка-жилище, в которой семья могла путешествовать длительное время.

Гребцы располагались парами в передней части лодки, а рулевой — на корме. Гребные весла с рабочей частью в виде вытянутого шестиугольника вставлялись в уключины; рулевое весло было тоже шестигранным, но более широким. Если лодку буксировали идущие по берегу люди или собаки (это называлось *сейна ванклем* 'песком тянем'), то веревка средней частью проходила через отверстия в бортах, затем ее расходящиеся концы прикреплялись к концам палки, прибитой поперек носовой части. На концах веревки были лямки из бересты, надеваемые на плечи. Сейчас такой способ применяется, если лодка с мотором тянет на буксире другую лодку. Парус представлял собой четырехугольный кусок холста или дерюги, закрепляемый на мачте.

В настоящее время сургутские ханты продолжают изготовлять дощатые лодки, но покрытие на них делают лишь жители бассейна Югана. Все более популярным, особенно у молодежи, становятся покупные

дюралюминиевые лодки с мощными моторами. Люди старшего поколения предпочитают устанавливать малосильные моторы на деревянные лодки собственного изготовления.

В Сургутском крае было много болот и водоемов. Это ограничивало передвижение по суше. Удобными были тропы в борах с песчаной почвой. Нередко они совпадали с зимними оленьими дорогами. Тропы и дороги проходили по наиболее коротким маршрутам. Пешком ханты передвигались очень быстро, почти бегом. Груз они в основном переносили в заплечных кузовах. Необходимые вещи подвешивались также через плечо, прикреплялись к поясу и т. д.

Лыжи. Для передвижения зимой большое значение имели скользящие лыжи, ходить на них учились с 6—7 лет. Основу лыжи делали из древесины сосны, кедра или ели. Лыжи из одной лишь деревянной части местное русское население называло голицами. Другой вид лыж — подволоки, у которых скользящую поверхность обклеивали полосой, сшитой из камусов лося, реже оленя или коня; в старину ее делали из шкуры выдры, натягивая необрезанный нос животного на носок лыжи. Подволоки служили во время зимней охоты мужчинам либо женщинам-охотницам. На голицах охотники передвигались по насту, их использовали для переходов по непрочному весеннему льду и во время хозяйственных работ. Обычно голицы повторяли форму подволок, отличаясь от них толщиной и простотой устройств. На Югане, где были различия между мужскими и женскими лыжами, мужские голицы повторяли форму мужских подволок, а женские — женских. Женские лыжи были меньше мужских по размерам.

У сургутских хантов выделяется два типа лыж. Для I типа (рис. 6, *4*), распространенного на Агане и Тромъеганe, характерна равномерная ширина основы (20 см), острые или округло-заостренные носок (длина 33 см) и задник (длина 14 см), иногда с шишечками на концах. Для привязывания лыж к оленьим нартам в носке и заднике имеются отверстия. Площадка под ступней оклеена берестой. Средняя длина лыж 200 см, толщина под ступней — 1,5 см, в остальной части — 1 см. Такие лыжи делали без изгиба под ступней, хотя встречались и выгнутые экземпляры. Трехпетельное крепление из-

вестно в двух вариантах. В первом случае петли для носка и пятки укреплены шпонками в отверстиях, просверленных в основе лыжи; пяточная петля застегивается сзади деревянной палочкой. Петля для подъема прикреплена бечевками к двум первым. Во втором варианте два ремня укреплены в лыже шпонками и здесь же перекрещиваются, создавая крепление для носка; далее они соединяются с петлей для подъема, тоже укрепленной шпонками, а затем завязываются на пятке (рис. 6, *3*). В современных экземплярах таких лыж обычно имеется защитный мешок из белой ткани. Он надевается на кольцо из гибкого прута, прибитого гвоздями на площадке для ступни, и завязывается под коленом вздержкой.

II тип лыж характерен для левобережья Оби (Юган, Салым), но отмечен наряду с I типом на Пиме. Наиболее устойчиво он локализуется на Югане, где был и остается единственным типом мужских лыж. Они не выгнуты и имеют своеобразную форму: постепенно расширяясь от носка, лыжи достигают максимальной ширины дальше середины и сразу же переходят в сужающийся задник с фигурными очертаниями (рис. 6, *1*). По отпечаткам задника на лыжне ханты определяли владельца лыж. В наши дни такие лыжи все чаще делают с равной шириной во всех точках. На мужских подволоках носок, а иногда и задник заканчиваются небольшим выступом, который, будучи обтянут шкурой, выглядит как шишечка. Средняя длина лыж 200 см, максимальная ширина — 26 см. Особенностью лыж этого типа является приподнятая на 6—8 см ступательная площадка в форме восьмерки, вырезанная из единой с лыжами основы и обклеенная сверху берестой. Ее назначение — предохранять обувь от налипания снега.

Крепление также имеет свои особенности. В ступательной площадке, под носком, имеется сквозное горизонтальное отверстие, в котором закреплен обод из черемухи. Пяточный ремень привязан к отверстию под перемычкой ступательной площадки. Концы третьего ремня отходят от носочного обода, подцепляют по бокам пяточный ремень и завязываются на подъеме. Ходьба на таких лыжах требовала особой ловкости, и не все мужчины пользовались ими. Позднее на смену ступательной площадке пришел защитный мешок, однако, по

признанию хантов, он меньше защищает ногу от налипания снега, чем подставка. На Салыме мешки зафиксированы в начале, а на Югане — в середине XX в. Сейчас на Югане некоторые прикрепляют под ступней тонкую дощечку — подобие прежней подставки. В креплении лыж без ступательной площадки имеется только широкий ремень для носка, проходящий сквозь два полукружья из гибкой планки, которые укреплены шпонками в отверстиях по бокам от ступни. На Пиме в лыжах с защитным мешком, кроме того, имеется ремень для пятки, т. е. крепление двухпетельное.

Лыжный посох изготовляли из елового дерева, при ходьбе его обычно держали в левой руке. У зимнего посоха на одном конце имеется кольцо, на другом лопатка, которая в женских экземплярах изогнута. Назначение лопатки—разгребать снег и удалять его с обуви и лыж. У посоха для ходьбы по насту имеется Г-образный наконечник из железа или отростка оленьего рога. Некоторые посохи украшены несложным узором.

Для перевозки груза зимой иногда служили лыжи либо волокуша из шкуры. Вокруг головной части шкуры привязывали веревку, в боках делали отверстия и через них зашнуровывали волокушу, подогнув бока и заднюю часть так, чтобы внутрь не попадал снег.

Нарты. Основным транспортом зимой были нарты— ручные (собачьи) либо оленьи, дополняемые на ограниченной территории конными нартами и санями. Ручная нарта (рис. 10, *4*) использовалась сургутскими хантами повсеместно, хотя и не в равной степени. У левобережных групп (Юган, Салым) она играла более важную роль, чем в правобережье, где ханты широко пользовались оленьим транспортом. Различались и типы ручных нарт.

Описание I типа даем по юганскому экземпляру. Общие очертания нарты: двухполозная, косокопыльная, длинная, узкая, трапециевидная в поперечном разрезе, баран на одной линии с нащепами; детали из разных пород деревьев и тщательно отделаны. Общая длина 250 см.

Березовый полоз имеет неодинаковые размеры в разных точках: ширина сзади 7 см, впереди у изгиба 9,5 см; в загнутой части полоз резко сужается до 3—4 см. Толщина полоза в задней части по краям 1,2 см,

в центре 1,8 см; в средней части она увеличивается: по краям 1,4 см, в центре 2,2 см, на загнутой верхушке 4 см. Расстояние между наружными краями полозьев (ширина нарт внизу) сзади 74 см, впереди 63 см, т. е. нарта сужается к передку. Полозья опираются о землю внутренними краями, а наружные приподняты на 0,7 см. В пазы на полозьях вставлены по три (реже четыре) пары березовых копыльев, которые для прочности просмаливают, расстояние между копыльями на одном полозе 45 см. Каждый копыл дополнительно привязан оттяжкой из сарги, закрепленной в отверстии позади копыла на расстоянии 12 см. Высота копыла 51 см, у полоза он плоский (ширина 5 см, толщина 1,2 см), а к кузову утолщается (ширина 2,5 см, толщина 3 см). Копылья наклонены назад и одновременно внутрь. На высоте 36 см от полоза копылья соединены попарно березовыми вязами, концы которых закреплены шпонками в сквозных отверстиях на утолщающихся частях копыльев.

В верхних концах копыльев просверлены отверстия и через них саргой привязаны березовые нащепы, которые в передней части через отверстия привязаны ремешками к загнутым концам полозьев. Здесь находится головной вяз — толстая планка, концы которой привязаны саргой к черемуховой дуге (барану); его радиус от головного вяза 25 см. Концы барана на расстоянии 50 см от головного вяза соединены между собой перекладиной (ширина 2,7 см), проходящей поверх кузова, а далее на самом конце привязаны ремешками к передним копыльям. Кузов начинается от головного вяза, его ширина 35, высота 12 см. Дно кузова — из сосновых планок (ширина 3 см), вплотную примыкающих друг к другу; планки стенок кузова (толщина 0,8 см) соединены с промежутками и переплетены в нескольких местах саргой. Планки дна приплетены саргой к вязкам копыльев, а на передке нарты уложены в углубление головного вяза; затем поверх планок наложена деревянная пластина и все вместе переплетено саргой. Кузов имеет дополнительные опоры из перекладин под дном, выступающие концы которых приплетены саргой к стенкам кузова и нащепам. Спинка кузова — из кедровой доски с закругленным верхним краем и отверстиями по бокам, через них спин-

ка связана ремешками с дном и стенками. Когда человек тянул нарту не один, а с собакой, слева к нарте привязывалась оглобелька, которую он держал в левой руке.

На такой нарте главным образом подвозили к месту охоты продукты и необходимые вещи, вывозили добычу. Несмотря на легкость, она отличалась прочностью и поднимала до 400 кг груза. Мужские и женские нарты в целом не различались по устройству, но женские нарты для перевозки дров были длиннее и у́же охотничьих. Кроме того, полозья у них располагались параллельно земле и расстояние между ними было одинаковым у передка и сзади; меньше была выражена и трапециевидность поперечного разреза. На Салыме ручная нарта по сравнению с юганской имела меньший наклон копыльев, здесь же зафиксирована нарта с двумя прямыми копыльями.

Тягловой силой для описанной нарты служил человек, либо собака, либо они тянули нарту вместе. Упряжь для человека — это бечевка (ширина 1,5 см, длина 110 см), привязанная к середине дуги; на другом ее конце — петля из мешковины (длина 70 см), надеваемая поперек плеч. В упряжи собаки более длинная постромка (185 см) и лямка (длина 50 см) из старой сети, подбитой изнутри заячьей шкуркой, или из лосиной шкуры ворсом наружу; к ней, отступя 7 см от соединения с постромкой, пришита веревка с концами по 50 см. Петлю надевали собаке на шею, а концы веревки завязывали под грудью за передними ногами; постромка отходила со спины и немного сбоку (рис. 10, *6*).

На Югане в нарту обычно запрягали от одной до трех собак с постромками разной длины, привязанными к середине дуги. Если в пути к двум собакам нужно было подпрячь третью, имеющую короткую постромку, то ее привязывали либо к постромке одной из собак, либо к постромкам обеих собак, соединенных вместе (рис. 9, *4, 5*). При запряжке четырех и более собак использовали потяг, привязанный к середине дуги и головного вяза; на другом его конце делали петлю и немного отступя — узел, к которым привязывали постромки. Для езды по хорошей дороге часть собак привязывали к потягу, а часть — к барану (рис. 9, *6, 7*),

при плохой же дороге — только к потягу (рис. 9, *8*). По заснеженному пути человек шел на лыжах и тянул нарту лямкой, удерживая левой или правой (рабочей) рукой постромки собак, а другой — оглобельку или лыжный посох; при одной собаке ее постромку пропускали между ног человека. На хорошей дороге, когда человек подсаживался на нарту, оглобельку поворачивали и клали на нарту. По наезженной дороге собаки тянули нарту одни, а человек лишь придерживал их постромки, располагаясь справа и слева, а иногда и между собаками. Нередко он шел впереди, а за ним шли собаки с нартой. По знакомой дороге собаки не нуждались в управлении и их лишь подгоняли командой «*тэч!*». Для поворота в новом, непривычном для собак направлении, их останавливали и поворачивали нарту либо передок слегка поворачивали на ходу, что также служило для собак сигналом к повороту. На команду: «*тыхнам, тыхнам* 'сюда, сюда'!» собаки оглядывались, человек кивком головы или рукой указывал новое направление, и собаки следовали по нему. Для остановки ездок соскакивал с нарты и придерживал ее за передок.

Выше речь шла о нарте I типа и связанной с ней упряжью. Ручная нарта II типа была известна в правобережье Оби, на Агане, Тромъегане и Пиме (рис. 8, *1*). У нее более массивные полозья с утолщениями на передних загнутых концах, задние концы стесаны по бокам и снизу. Головной вяз из деревянного бруска иногда имеет на концах отверстия для прохождения потяга. Два-три прямо или косо поставленных копыла (высота 35 см) вверху утолщены и здесь в них закреплены вязки. Нарта не имеет кузова, а лишь дощатый настил на вязках, но и он не обязателен. На нарте, предназначенной для перевозки воды (рис. 8, *2*), вязки и настил расположены ниже середины копыльев; доски настила имеют загнутый передний конец и прикреплены к нащепам: головной вяз в этой нарте отсутствует. Нащепы у нарт II типа в задней части более массивны, чем у передка нарты. Потяг привязан к головному вязу или перекинут через нащепы. Средняя длина нарты 170—200 см, ширина от 35 до 50 см; крепление всех деталей жесткое. На таких нартах женщины обычно перевозили дрова и воду на территории поселения. Ими пользовались также для перевозки мяса или рыбы с места промысла, когда снег

был слишком глубок и по нему не могли пройти олени. Человек шел впереди на подволоках и тянул лямку грудью, иногда в помощь подпрягали собак. Люди на таких нартах не ездили.

Запряжка оленя в нарту практиковалась у сургутских хантов повсеместно, хотя роль оленьего транспорта в разных группах была не одинакова. По данным А. А. Дунина-Горкавича (1910 г.), относящимся к рубежу XIX — XX вв., меньше всего оленей было на Салыме — 12. На Югане из 141 хозяйства оленей имели 79. В правобережье — на Агане, Тромъегане, Пиме — все хозяйства содержали оленей. Оленьи нарты, как и ручные, делятся на два типа и локализуются таким же образом: I тип — в левобережье, II тип — в правобережье Оби.

Нарта I типа, распространенная на Югане, по конструкции повторяет местную ручную нарту, описанную выше (рис. 10, *4*). Отличия заключаются в больших размерах оленьей нарты и массивности отдельных ее частей; кроме того, она имеет четыре копыла, что на ручной встречается редко (обычно три). Ниже приводятся сравнительные данные о размерах оленьей нарты с ручной (цифры в скобках), взятые в одном и том же хозяйстве юганских хантов; измерения выражены в сантиметрах. Длина нарт 325 (259); ширина спереди 73 (63), а сзади 78 (77); расстояние от земли до кузова у передка 50 (37), сзади 51 (38); длина кузова 300 (216), высота 13 (12); ширина планок кузова 3 (3) и толщина 0,8 (0,8); радиус дуги от головного вяза 26 (25); ширина полоза сзади 7,5 (7) и спереди 10,5 (9,5); толщина полоза в центре 2,5 (2,2) и по краям 1,7 (1,4); расстояние от земли до внешней кромки полоза 0,7 (0,8); высота копыла 57 (51) и ширина копыла в утолщении 3,5 (2,3); расстояние между копыльями на полозе 45 (42).

Оленью нарту для зимы делали легче, чем для осени. Ханты Югана считали неприемлемой для местных условий массивную оленью нарту, известную на соседних реках. Юганцы, которым приходилось бывать на правых притоках Оби и ездить на местной нарте, рассказывали, что это непривычно и страшно. В I типе женская нарта не отличалась от мужской. Детей на ней перевозили так же, как на ручной,— колыбель

ставили в передней части. Не было и разделения на грузовые и ездовые нарты. В кузов обычно клали груз, сверху его закрывали оленьей шкурой, а затем верхом садился ездок.

Оленьи нарты II типа на Юган попадали лишь в качестве подарков и использовались здесь редко. Они широко распространены у правобережных групп, где разделяются на грузовые и ездовые. Среди первых один вид нарт предназначен для смешанного груза, а другие — являются специализированными и носят особые названия: для дров, для шестов чума, для духа, а также нарты с ящиком. Среди ездовых выделяются женская и мужская; в словаре Н. И. Терешкина дается еще название крытой нарты, о которой у нас нет сведений.

Неспециализированная грузовая нарта (р. Аган) — это косокопыльная трапециевидная нарта длиной 280 см. Расстояние от первого копыла до загнутой верхушки полозьев 125 см. Расстояние между полозьями спереди 77 см, а сзади 95, т. е. нарта расширяется сзади в нижней плоскости; в верхней же плоскости по линии нащепов она, напротив, сужается от 77 до 61 см. Расстояние от грузовой площадки до земли в передней части 43 см, а в задней 51 см. Нарту делают сзади шире и выше, чтобы при проскакивании передка через пень она не застревала бы задней частью. Этот принцип выдерживается и в других видах оленьих нарт. Полозья сделаны из кедра и располагаются не параллельно земле, а под углом, с опорой на внутреннюю кромку; ширина полоза 10 см, его форма неодинакова в разных точках. Задний заостренный конец стесан снизу и благодаря этому приподнят над землей; на площадке под копыльями полоз утолщается от краев к центру до 4—5 см. Место изгиба, плоское и более тонкое, заканчивается утолщением в виде прямоугольных брусков; здесь концы полозьев соединены прямым или изогнутым головным вязом, нередко их делают два. Изгиб и удвоение вяза делают его более прочным.

У описываемого экземпляра нарт головной вяз имеет редко встречающийся признак: его концы утолщены и в них вырезаны отверстия для прохождения тяжа (рис. 10, 7). В некоторых грузовых нартах ниже

головного вяза полозья соединены с нащепами поперечинами, за которыми пропускают тяж. Однако чаще всего в верхушках полозьев ниже головного вяза имеются вертикальные отверстия для закрепления ремня с блоками, через которые пропускается тяж (рис. 11, *2*).

Березовые копылья, обычно три, поставлены наклонно под углом 45°; известны отклонения в ту или другую сторону, а также прямая постановка копыльев. В утолщающейся части копыльев закреплены вязки, а на них — настил из досок, изредка и просто из палок. Нащеп в передней части более тонкий и немного прогнут книзу, в задней части нарты он расширяется и утолщается. Здесь снаружи нащепа имеется внизу длинная выемка, а в козырьке над выемкой — пазы, куда входят верхние концы копыльев. В некоторых грузовых нартах нащепы имеют более простую форму — без расширения и выемок над копыльями, т. е. как у ручной нарты. Все детали нарты имеют жесткое крепление; исключением является дополнительное ременное крепление головного вяза с отверстиями, а также привязывание веревкой настила из палок на некоторых нартах.

Оленья нарта для перевозки дров при той же конструкции шире, длиннее и выше обычной грузовой. На ней перевозили также шесты чума в зимних перекочевках. Такие нарты имелись только в хозяйствах с большим количеством оленей. Нарта с ящиком предназначалась зимой для перевозки мяса и рыбы, а летом — для хранения зимней одежды. От обычной грузовой нарты ее отличали большие размеры и дощатое покрытие высотой 45 см с двускатной крышей (рис. 10, *6*).

Ездовые нарты устроены так же, как грузовые, но обработаны более тщательно. Они обычно меньше грузовых (рис. 10, *2*) и имеют следующие размеры: длина 252 см; ширина спереди 65 см, сзади у полозьев 98 см; ширина полоза 10 см; расстояние от земли до настила спереди 32 см, сзади 40 см; ширина настила спереди 61 см, сзади 51 см. Число копыльев у ездовых нарт — три и более, они тоньше и сильнее наклонены, чем у грузовых. Новым элементом здесь являются борта — закругленные вверху доски в передней и зад-

ней части дощатого настила; высота переднего борта 13 см, заднего 11 см. Они укреплены пазами, а в некоторых экземплярах дополнительно привязаны бечевками к настилу. Нащепы ездовой нарты выше, чем у грузовой, и создают невысокие боковые стенки, что вместе с бортами образует неглубокий кузов, покрытый оленьей шкурой; последняя привязана к нарте веревкой.

Женская ездовая нарта при той же конструкции длиннее мужской, так как на ней помещались дети, и ниже, чтобы ноги доставали до полоза. Выделяется два варианта в устройстве сидения-кузова. При 1-м передок делали более широким, чем у мужской нарты; здесь женщина ставила справа от себя колыбель, а другие дети помещались у нее за спиной. 2-й вариант — это нарта со спинкой (высота до 50 см), к которой ставили и привязывали колыбель. Нащепы для такой нарты изготовляли из березы с естественным изгибом корня («рогами», по выражению хантов); к изгибам привязывали бечевками доски. Нарты со спинкой встречались у всех правобережных групп сургутских хантов, сейчас же сохраняются лишь в некоторых семьях на р. Пим. Женская нарта считалась красивой, если имела много копыльев; встречались нарты с семью парами копыльев. Головной вяз и нащепы женских нарт украшали бахромой из кожаных косичек.

В нарту запрягали зимой от одного (Юган) до четырех оленей. В многооленных хозяйствах и общественных стадах практиковалась летняя езда на семивосьми оленях. Для скоростной езды запрягали важенок, так как у них легче и быстрее бег, а для перевозки грузов — быков. Для обучения езде двухгодовалого оленя ставили вторым или средним пристяжным, по возможности вместе с важенкой-матерью; его упряжь не имела каких-либо особенностей.

Прежде чем перейти к описанию упряжи, отметим такую интересную деталь в «снаряжении» оленя, как ошейник из ремня или черемуховой пластины, нередко орнаментированный (рис. 12, 7). Он служил для ловли животного руками; на нем подвешивали доску или рогульку, замедляющие движение животного. На другом ошейнике висел колокольчик. Упряжь в ездо-

вой упряжке была сложнее, чем в грузовой. При запряжке двух или более оленей один является передовым, а другой пристяжным; между ними располагаются средние. Основные элементы упряжи: недоуздок, лямка, пояс, тяж, поводок (вожжа). Недоуздок передового оленя состоит из двух налобных пластин, соединенных ремешками на затылке и под шеей. Правая пластина всегда изогнута, а левая чаще прямая, особенно у малообученных оленей. Прямая пластина сильнее давит на лоб, когда ездок тянет оленя за поводок. Нередко между налобными пластинами прикреплена вертикальная ременная полоска и от нее отходят подглазные ремни; то и другое украшено костяными пряжками с профилированными краями, либо это пряжки, соединенные ремешками. Недоуздки выездных оленей имеют украшения из ременных косичек-кисточек красного цвета. С левой стороны недоуздка к кольцу на подшейном ремне прикреплен поводок.

Лямки в оленьей упряжи юганских и правобережных хантов имеют свои особенности. На Югане лямка из лосиной шкуры ворсом наружу, а в правобережье— из кожи; на концах юганской лямки имеются прорезные петли, через которые она костяной застежкой прикрепляется к поясу. В правобережье лямка с поясом соединяется бечевкой, пропущенной через отверстия на концах пояса и лямки; концы бечевки неподвижно закреплены системой узлов на костяных застежках. На Югане лямка обычно завязывается на груди оленя двумя узкими ремешками, пришитыми на концах лямки. Встречающийся иногда подгрудный ремень справа пришит к лямке, а слева соединяется с ней деревянной застежкой. В ездовой упряжи правобережных групп подгрудный ремень обязателен и соединен с лямкой бечевкой и застежками. Юганские ханты пропускали концы лямки между передними ногами оленя, а при подгрудном ремне—с внешней стороны передних ног; правобережные ханты надевали лямку ведущему и среднему оленям под левую ногу, а оленям в правой половине упряжки — под правую.

На поясе передового оленя слева имеется костяной или металлический крючок для вожжи (рис. 12, *б*). Нередко здесь же прикреплено металлическое

кольцо либо кожаная петля, из которых не выскакивает вожжа. Это удобно при ночной езде, однако при продвижении по льду вожжа должна быть на крючке, откуда ее легко сдернуть, если олень провалится. Левая сторона пояса бывает украшена ажурной металлической бляхой или набором колец. На Югане пояса нередко представляют собой орнаментированную полосу, сшитую из ровдуги мозаикой либо из сукна с аппликативным узором. На Пиме и Тромъегане орнаментированный пояс накладывается поверх основного кожаного и закрепляется ремнем под животом оленя. Справа от пояса отходит цепочка (или ремень) пристяжного оленя, на которой подвешивают колокольчики. Отдельные детали упряжи, изготовленные из кожаных ремней, соединены между собой швами, узлами, костяными пряжками с профилированными краями и костяными либо деревянными застежками.

Недоуздок пристяжного оленя имеет изогнутые налобные пластины и, кроме того, нащечные пластины из кости. На Югане известен специальный недоуздок пристяжного оленя, состоящий из трехконечных нащечных пластин, вырезанных из отростков рога; через отверстия на концах проходят бечевки, завязываемые на лбу, затылке и шее. Такой недоуздок предназначен послушному пристяжному оленю.

Описанные выше недоуздки относятся к вариантам одного типа. На Югане широкое применение имел также недоуздок-оброть, относящийся ко II типу (рис. 12, 5). Его надевали непослушным оленям (потомству от дикого хора), которые сбрасывали обычные недоуздки. Оброть состоит из двух петель, для переносья и затылка, связанных внизу на шее; свободный конец веревки или ремня является поводом, а в упряжке привязан к поясу передового оленя. Оленей в оброти ставили пристяжными или привязывали сзади к нарте. Оброть или недоуздок с подглазными ремнями надевали также оленям в период сбрасывания рогов.

У пристяжных оленей, как и у передового, имеется лямка и пояс; только в многооленных упряжках правобережных хантов у крайнего справа оленя пояс не обязателен. Пояс и лямка соединяются под живо-

том оленя, там же прикрепляется тяж, идущий между задними ногами животного. Средней частью тяж проходит через сегментовидные отверстия в нижней части блоков, изготовленных из дерева и реже из кости. Через второе отверстие в узкой части блока проходит ремешок, соединяющий блок с нартой. В юганской нарте концы ремешка перекрещиваются над полозом, затем один конец проходит за бараном, а другой с внутренней стороны кузова, после чего они связываются. В правобережье блок крепится иначе: бечевка проходит через отверстие в верхушке полоза и затем примотана к нащепу (рис. 12, *2*). Эти два постоянных блока используются при парной упряжке. Между ними на тяже висят дополнительные блоки или кольца, к которым по отдельности привязывают тяжи 3 и 4-го оленей; для 5-го оленя блок помещается на другом ремне, привязанном параллельно головному вязу. Современные ханты на р. Пим предпочитают деревянным блокам металлические кольца. Юганские ханты при запряжке одного оленя завязывали конец тяжа, предназначенный для второго оленя, узлом на рабочем конце тяжа, перед нартой.

Оленей с грузовой нартой привязывали к впереди-идущей нарте, их упряжь — без пояса. В некоторых грузовых нартах тяж проходит не через блоки, а позади перемычек между верхушками нащепа и полоза либо через отверстия в головном вязе.

У сургутских групп наблюдались разнообразные способы расположения на оленьей нарте. Юганские ханты независимо от пола и возраста чаще всего садились на нарту верхом; реже—слева, причем у женщин обе ноги стояли на полозе, а у мужчин правая вытянутая нога помещалась на дне кузова; женщины иногда садились на дно кузова, вытянув вперед ноги. Когда олени шли обозом по хорошей дороге и требовалось управлять только передней упряжкой, то взрослые мужчины и женщины иногда становились на левый полоз и ехали, держась руками за перевязь груза на нарте. На Югане у нарты без груза устраивали специальное сидение из оленьей шкуры, сложенной по длине втрое и затем перегнутой пополам.

Место ездока зависело от наличия или отсутствия других ездоков, качества дороги и т. п. Так, если жен-

щина ехала с мужчиной, то садилась верхом, а если одна — с вытянутыми ногами. Если ездок был один, то садился в середине нарты и чаще всего верхом; с пассажирами он сдвигался к передку и садился слева; возможны были и другие варианты. В правобережье Оби тот, кто управлял оленями, садился только слева у передка; у мужчин правая подогнутая нога находилась на нарте, левая на полозе, а женщины опускали обе ноги на полоз. На женской нарте колыбель помещалась у спинки (если она была) либо справа от женщины на передке. Малолетних детей без колыбели привязывали к настилу нарты, а дети постарше располагались произвольно; в частности на р. Пим они садились верхом на нарту. Справа к ездовой нарте привязывали лыжи и чехол с ружьем, на настиле при необходимости везли небольшой груз.

Передовым оленем управляли с помощью команд, вожжи и хорея. Хорей — это шест длиной около 3 м; в передней части он более тонкий и заканчивается круглым наконечником — деревянным, реже костяным со спиралевидной нарезкой. В правобережье у мужчин встречались хореи с металлическим втульчатым наконечником в виде копья, который на р. Пим имел прямообразный конец. Металлическим наконечником проверяли прочность льда. При езде хорей держали в левой руке, а вожжу в правой. Трогаясь в путь, ведущего оленя толкали хореем. Для понукания во время езды его похлопывали по крупу вожжой и негромко произносили кс-кс-кс-кс. Для резкого ускорения сильно били вожжой и толкали или били хореем. Незапряженных оленей, следующих за упряжкой, понукали звуком о-о-ок! При повороте вправо слегка хлопали вожжой слева по оленю, а для поворота влево тянули вожжу на себя. Для остановки резко тянули вожжу влево и выдвигали хорей перед головой оленя. Во время стоянки оленей поворачивали головой к левой стороне нарты и привязывали вожжу на Пиме и Тромъегане к нащепу у передка кузова или к переднему копылу, а на Югане к передку у головного вяза; здесь же как запряженных, так и незапряженных оленей привязывали к специальным кольям.

Положение хорея на остановке было разным: на Тромъегане и Пиме его ставили вертикально или клали одним концом на нарту, а на Югане чаще всего бросали на снег.

В семейной поездке на оленях впереди шла упряжка мужчины, в сборном караване мужские упряжки шли первыми попеременно. Через каждые 5—10 минут делали остановку по несколько минут. В грузовом обозе упряжки привязывали одну к другой и ездок ехал на передней. На Югане были известны сборные обозы: впереди шли оленьи упряжки, а сзади собачьи.

На Салыме и Оби в начале века были известны конные нарты. По сведениям Л. Р. Шульца, в верховьях реки они напоминали русскую кошевку, но с более узким задком, на очень высоких копыльях и без отводов. В низовьях Салыма и на Оби прототипом конной нарты послужила собачья, только грубее сработанная. Это прямокопыльная нарта с кузовом из досок, возвышающейся спинкой (как у женской оленьей нарты), и коробообразным устройством передка (рис. 8, *5*). Обрусевшие ханты пользовались также санями и конской упряжью русского производства. В наши дни ханты осваивают новый для них вид наземного транспорта — мотосани. Давно привычным стало передвижение на вертолетах и самолетах, которые регулярно курсируют между крупными поселками.

Данные по традиционным средствам передвижения сургутских и салымских хантов свидетельствуют о наличии в них как общих, так и локальных особенностей. Общее наиболее четко проявляется в водном транспорте, особенно долбленках; вопрос о дощатых крытых лодках остается в этом плане не вполне выясненным из-за недостатка сведений. Относительно лыж можно предполагать, что у правобережных групп (Аган, Тромъеган, Пим) в прошлом были известны оба описанные типа, но более характерным был I тип; у левобережных групп, особенно на Югане, преобладали лыжи II типа, имеющие ряд необычных черт. Нарты — ручные (собачьи) и оленьи — у левобережных и правобережных хантов существенно различались и отнесены нами к разным типам. В левобережье основным тягловым животным была собака, а в правобережье — олень. Особенностью культуры юганских хантов явля-

ется использование ручной нарты увеличенных размеров в качестве оленьей. Их оленья упряжь менее совершенна по сравнению с упряжью у правобережных групп. Такой элемент, как оброть из веревки или ремня, известен только на Югане.

В целом средства передвижения юганских хантов обнаруживают ряд своеобразных черт, в то время как на Агане, Пиме и Тромъегане они как бы унифицированы.

2. Одежда

Для традиционной одежды сургутских хантов характерна универсальность многих ее видов. Это выражается в единстве принципов кроя одежды, предназначенной для разных сезонов, и в сходстве одежды женщин и мужчин, взрослых и детей. У хантов не существовало межсезонной одежды, и в холодные летние дни они носили зимнюю одежду. Зимой на улице иногда работали без верхней одежды. Осенью дети раньше, чем взрослые, начинали носить зимнюю одежду, но ноги при этом часто оставались босыми, даже если выпал первый снег.

Праздничная одежда отличалась от повседневной не покроем, а лишь внешним оформлением, более яркой расцветкой ткани или белым цветом оленьих шкур, а у женщин и большей степенью украшения. Специальной одежды для свадьбы или погребения не существовало; в первом случае использовали только новую, а во втором — любую.

Летнюю одежду хранили в больших коробках из бересты, а зимнюю — развешивали в амбаре. Зимой одежду из оленьих шкур в жилище не заносили, а оставляли в свернутом виде на улице. Обувь развешивали на стенах в жилище, мужскую и женскую в разных местах.

Нижняя одежда. Традиционные виды нательной поясной одежды мужчин и женщин различались, а малолетние дети не носили ее вообще. Девочкам повязывали на пояс веревочку, к которой позднее прикрепляли обувь. По сообщениям хантов, это делалось для того, чтобы «пояс нашел себе место»; если его по-

вязывали слишком поздно, то он не лежал на одном месте и создавал неудобства. Название женского нательного пояса, как и пояса-повязки, было запретным. Пояс-повязку начинали носить с появлением менструаций. Традиционные образцы этого элемента одежды известны на р. Юган. Он представляет собой широкую полосу из ровдуги или сукна, завязываемую на поясе спереди; сзади к ней пришита лопасть из бересты или ровдуги, сужающийся конец которой проходит между ногами и застегивается спереди на пуговицы или пряжки (рис. 16, *5*). На поясной полосе пришиваются ремешки или кольца для привязывания обуви. Современный образец проще по форме и изготовлен целиком из ткани. Нижняя поясная одежда женщин хранилась отдельно, например, в углу за очагом.

В последние годы женщины покупают и носят новые виды поясной одежды: трусы, длинные рейтузы, колготки, изредка можно встретить девушек в брюках.

Мужской поясной одеждой были и остаются штаны. Мальчикам их надевали, когда переставали сажать в колыбель, т. е. с трех лет; по другим сведениям — с шести лет. Этот вид одежды представлен двумя вариантами одного типа. 1-й, более ранний вариант, известен по музейным материалам с Оби и Агана. Прежде такие штаны шили из ровдуги или рыбьих кож, теперь — из прочных тканей (рис. 19, *1, 2*). Между штанинами — широкая, доходящая до поясницы полоса, ниже которой бывают вшиты клинья. В традиционных, глухих экземплярах штаны закрепляются вздержкой, а в современных — пуговицами на гульфике. 2-й вариант, изготовляемый из прочных тканей, существует в настоящее время на Югане и Тромъегане (рис. 19, *5*). У русских заимствовали ношение кальсон. В последние годы на детей колыбельного возраста стали надевать ползунки и колготки.

Рубашка была первой нательной одеждой ребенка. По одним данным, ее надевали, когда у ребенка отпадала пуповина, по другим — в возрасте около года. Рубашка имела одинаковый покрой у мальчиков и девочек, но когда дети начинали ходить, для девочек ее шили подлиннее. По традиции детские рубашки имели такой же покрой, как у взрослых. I тип

рубашки (рис. 19, *3*) известен у всех групп сургутских хантов, кроме салымских. Его туникообразная основа — прямая или немного расширяется книзу (иногда за счет клиньев)[3]. Пола нагрудного разреза имеет обшивку, воротник — стойка или отложной, рукава с обшлагами вшиты в прямую пройму, обязательно имеется ластовица. В рубашках, которые носили дети до появления зубов, ластовица имела отверстие. У женщин рубаха была длиной ниже колен, у мужчин—выше колен. Характерная черта рубах — опускание плечевой части на руку.

В современных женских экземплярах нередко делается на плече две-три складки, которые прошиваются до пояса или ниже, отчего пройма поднимается выше к плечу (рис. 14, *1*). Специального названия эти складки не имеют, что говорит об их необязательности, нетрадиционности. На Тромъегане женщины пришивали к подолу широкую оборку, которая на других реках считается «тромъеганской модой». Новым явлением было пришивание кармана для спичек с изнаночной стороны под мышкой. По традиции нагрудный разрез проходил по срединной линии, его украшали нашивками с обеих сторон и завязывали на шее. У хантов р. Пим рубашки малолетних детей — без воротников, что когда-то было, видимо, характерно и для взрослых. На фотографиях юганских хантов в конце XIX в. у мужских и женских рубах видны отложные воротники, опускающиеся на грудь прямоугольными лопастями и отличающиеся от рубах расцветкой. На тех же снимках нагрудный разрез мужской рубахи в одном случае оформлен по-другому: к правой полке пришита планка, смещенная на левую половину груди и создающая подобие косоворотки. Этот более поздний способ с использованием петель и пуговиц к настоящему времени стал преобладающим. По современным понятиям красоты

---

[3] По наблюдениям автора, в современных рубахах и других видах одежды клинья нередко вставляют, даже если ширина материала позволяет обойтись без них. Женщина с р. Аган объяснила, что принято вставлять в платья и саки хотя бы маленький клинышек, «чтобы не стыдно было». Очевидно, клинья — традиционный признак, который мог сформироваться в прошлом при использовании узкой домотканины.

застежка на планке женских рубах (платьев) должна проходить по срединной линии груди, поэтому разрез сдвигают немного вправо.

Вариант I типа рубахи встречен на р. Пим. Это детский экземпляр. Его особенность в ассиметричности покроя: одна половина туникообразная, а другая — с плечевым швом и клином в боку.

II тип нательной плечевой одежды несколько усовершенствован: (рис. 14, *3а, б*): туникообразная кокетка, обычно на подкладке из другой ткани, стан у кокетки присборен; воротник, как и в первом типе, — стойка или отложной, но другой формы — маленький, облегающий шею. Мужчины такую рубаху носили только на Салыме, у женщин она известна более широко в правобережье Оби. На р. Аган женщины среднего возраста считают платье на кокетке новой модой, которой еще не знало старшее поколение. Женские экземпляры отличаются от мужских полосками-украшениями. Более всего отдалены от прототипа женские рубахи на р. Тромъеган, где к стану по верхней линии бедер пришивается широкая оборка (рис. 14, *1*). Такое изделие на кокетке и с оборкой правомерно назвать не рубахой, а платьем, что отражено и в хантыйском названии *нинернас* 'женская рубаха (платье)'.

Как в мужских, так и в женских экземплярах воротник, ластовицы, обшлага имеют иную расцветку, а иногда и иную фактуру, чем основная ткань; в женских платьях это распространяется и на кокетку; нагрудный разрез обшит контрастной тканью или украшен полосой из пуговиц, узором из бисера. На р. Пим говорили, что в старину мужские рубахи имели нашивки на подоле. На платьях женщин и девочек по линии кокетки и плечевого шва нашиты узкие полоски контрастной ткани (см. словарь: «полоски» — 6, 7). Такие же полоски нашиты выше оборки у тромъеганских платьев; в последние годы здесь прививается «казымская мода»: к кромке подола пришивают полосы ткани, расшитой бисером. Повсеместно обшлага украшены полосками ткани или нанизанного бисера.

III тип нательной плечевой одежды — женская рубаха из крапивного холста (рис. 16, *6*). Она известна

на Салыме по литературным и музейным данным начала XX в. Средняя часть стана — туникообразная; боковые полотнища проходят под входящими в стан рукавами, последние имеют клинья, ластовицы и обшлага; нагрудный разрез завязывается, воротник расшит бисером либо его нет вообще. Цветными шерстяными нитками вышиты верхняя часть рукавов, центральная часть стана спереди до подола или пояса, а сзади — до лопаток; обшлага украшены бисером. В начале XX в. такие рубахи уже не носили, но их покрой сохранялся в тех изделиях, у которых наплечная часть была из ситца, а стан из холста.

По традиции рубахи и платья не подпоясывали. Мужчины прежде носили рубахи навыпуск, а сейчас нередко заправляют в брюки. У женщин и в наши дни подпоясывание платья — случай исключительный (рис. 15, *3*). На Тромъегане у женщин принято носить два-три платья одновременно, для остальных районов это не характерно.

На время сна нижнюю одежду не снимали. Под русским влиянием мужчины изредка стали носить нижнюю рубаху, вследствие этого появилось понятие верхней рубахи. У обрусевших хантов р. Салым в начале века женщины носили кофту из цветистого ситца с полустоячим воротником, расшитым бисером или украшенным оловянными подвесками. Полосками бисера украшали также нагрудный разрез, плечи и обшлага кофты.

Верхняя одежда. У салымских и сургутских хантов была распространена верхняя распашная одежда. По покрою она делится на три типа. Одежда I типа известна в двух вариантах: сак и шуба из оленьих шкур; II тип представлен саком особого покроя; в III типе выделяются два варианта: кафтан и шабур. Наиболее распространенным был сак, относящийся к 1-му варианту I типа.

В начале XVIII в. Д. Г. Мессершмидт встретил у хантов ниже Сургута женскую распашную одежду из шкур налима, окрашенных корой ольхи; ее носили поверх рубахи и время от времени подпоясывали. В XIX—XX вв. распашную одежду шили из однотонных тканей или меха. Для мужских и женских будничных саков использовались прочные хлопчатобу-

мажные ткани темных расцветок, а для женских праздничных — яркие сукна, бархат, вельвет, плюш. Сак был и остается мужской, женской и детской одеждой для всех сезонов. Однако не во всех группах она была столь универсальной. На Агане и Тромъегане мужчины и мальчики носили не распашной сак, а глухую одежду.

Часто маленьких детей укладывали в колыбели обернутыми саком, иногда (когда не было мехового одеяльца) для этого использовали саки старших детей. Первый сак для ребенка шили, когда ему было более полугода. Сак для мальчика украшали как мужской, а для девочки — как женский; когда приезжали гости, они могли определить пол ребенка по украшению его сака. Если мужчины носили глухую одежду, то в некоторых ситуациях пользовались женским саком; например, выходя на улицу, они накидывали его на плечи, а также накрывались им во время сна. Женщины и девочки в теплые летние дни спускали сак с плеч и подвязывали рукавами на поясе, а во время работ в жилище иногда спускали его с левого плеча. В дождливые дни они надевали два-три летних сака или зимний сак с подкладкой, но последнюю все-таки берегли от промокания. В сильные морозы поверх подкладки надевали два-три матерчатых сака.

Покрой сака у всех был одинаковым (рис. 14, *2, 4а, б*). Между прямоугольной спинкой и расширяющимися книзу полами вшиты клинья (или клин с одной стороны), иногда начинающиеся от плечевого шва; пройма прямоугольная, рукава сужаются к устью, обязательно имеется ластовица. Воротник (если он есть) и ластовицы обычно из сукна, контрастного по цвету с основной тканью. Запахивается сак правой полой на левую, соединяется двумя-тремя парами завязок и подпоясывается. Женщины тщательно следили за тем, чтобы полы сака не распахивались.

При общей схожести саки имели межсезонные различия, были и локальные особенности.

Женские саки были ниже колен, а мужские — разной длины: на Югане — выше или ниже колен, а на Пиме — только короткие, называемые «полусак» (см. словарь: «сак» — 7). У зимних женских саков кроме

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР

двух-трех нагрудных завязок пришиты дополнительные — у ворота и на подоле. В детских экземплярах завязки только у ворота и на груди. В летних женских саках воротник не обязателен, с ними носили съемные воротники; мужские саки — всегда с воротниками. У летних саков воротники двух форм: узкие и заканчивающиеся у горла либо широкие и свисающие прямоугольными лопастями на грудь, лопасти обычно из сукна и отличаются по расцветке. Кромки воротников не подшиты, на них встречаются полоски бисера, тесьма и др. У женщин лопасти воротника прежде украшались литыми металлическими бляшками, а теперь — пуговицами, бисером и подвесками; в одном из современных детских экземпляров нашиты цветы, вырезанные из пластмассовых пластин. Непришивные воротники оформлены подобным же образом либо они нанизаны из бисера и имеют на концах трапециевидные кусочки сукна с пуговицами и петлями.

Непременное украшение женских саков — полосы (см. словарь: «полосы» — 1, 2, 3, 6, 11) вдоль правой полы, немного отступя от кромки, и по подолу выше колен. Девочкам полосы нашивали на сак после появления у них зубов. По старинной моде полосы создавались из бляшек, пуговиц, аппликативных матерчатых полос, сейчас же наиболее принято нашивание орнаментированных полос из нанизанного бисера. Полоса на подоле обычно в два раза шире полосы на поле, последняя не всегда имеет специальное название. На Агане, Пиме и Тромъегане современные женщины любят нашивать не одну, а две-три полосы из разных материалов. Обычай требовал, чтобы уголок между полосами был зашит или намечен одним-пятью рядами бисера, пуговиц или бляшек. При нарушении обычая якобы может ослепнуть мастерица или ее младший брат. Левая пола обычно не украшена, но изредка здесь тоже нашита полоса, более узкая, чем на правой поле. Почти на всех современных летних саках женщин вдоль самой кромки подола и правой или обеих пол нашиты полосы (7, 8) контрастной ткани. По объяснениям мастериц, это недавняя мода, которая привилась еще не везде, например, ее нет на Югане. Там до настоящего времени опушка правой полы и подола выполняется в виде полосы (4) из шкурок

выдры или лап пушных зверей. Такая опушка была и остается обязательной на зимних саках, мужских и женских. На устье рукава принято нашивать полосу контрастной ткани, а в зимних экземплярах — меха. На женских саках здесь бывает нашит еще ряд узких полосок из ткани или бисера. На детских саках встречаются дополнительные украшения: полоса бисера в верхней части спинки, подвески из желудка кедровки, обшитые сукном и расшитые бисером, или из металлических колец.

Зимний сак был по размеру больше летнего, так как его надевали поверх меховой одежды, которую мы условно называем подкладкой (см. также словарь: сак — 4, 5, 6). На Югане подкладку прежде шили главным образом из заячьих шкур [4], а с 1940-х гг.— из ткани, простеганной с ватой; последний вид называют «фуфайкой» или «саком». Подкладку из стеганки в наши дни носят зимой и в дождливую погоду, для зимы ее шьют более толстой. В правобережье Оби у детских экземпляров стан шили из птичьих шкур, а рукава — из шкур оленя. Здесь подкладки саков для взрослых были чаще всего из оленьих шкур, встречались также из шкур зайца или птичьих с покрытием из хлопчатобумажной ткани, простеганной редким швом. Ворс подкладки всегда обращен к телу.

Подкладку можно считать в какой-то мере самостоятельным видом одежды, так как она издавна имела такой же покрой, что и сак, и не обязательно пришивалась к нему; завязывалась она так же, как и сак. И сейчас стеганые подкладки носят отдельно, особенно старики и дети. К подкладке пришивали воротник, более широкий, чем на наружном саке, поверх которого он выпускался. Воротники шили из шкурок с лап и голов пушных зверей или из цельных шкурок, оставляя иногда свисающие хвосты; в швах делали

---

[4] Вызывают сомнения сведения Ф. Р. Мартина о том, что на Югане толстый сак для зимы был только у богатых, а бедные ходили в одном и том же саке круглый год [Martin F. R., 1897, Taf. 3, 4]. Несколькими строками ниже он сообщает о халате из шкур зайца как обычной зимней одежде, поверх которой носили более толстый халат из шкур оленя. Можно согласиться с тем, что не всем была доступна одежда из оленьих шкур, но из шкур зайца ее мог изготовить каждый.

прокладки из полосок сукна. На Тромъегане чаще всего встречались воротники из подгрудка оленя. К детским воротникам сзади пришивали украшение. На Югане это прямоугольный кусок ткани с нашитыми пуговицами, бисером, цепочками, а на Пиме — низки бус и бисера; у детей были маленькие колокольчики на воротниках. К рукавам подкладки иногда пришивали рукавицы.

На Югане Ф. Р. Мартин зафиксировал мужскую распашную одежду, сшитую из оленьих ушек ворсом наружу. Судя по внешнему виду, ее покрой не отличается от описанного выше.

Разновидностью распашной одежды 1-го варианта I типа является промысловый сак юганских хантов (его носили, впрочем, не только на промысле). Он короче выходного сака, не украшен, зимний сак — белого цвета. По назначению и внешним признакам ему подобен шабур салымцев из грубого холста.

2-м вариантом распашной одежды I типа была женская двойная шуба из шкур оленя, которую носили только зимой (рис. 15, *5*). В настоящее время шубы наиболее известны на Агане и Тромъегане и отсюда поступают в качестве подарков или обмена на р. Пим, где их умеют шить лишь женщины старшего поколения и носят немногие. Отдельные части шубы шили из разных шкур. Например, у шубки девочки-подростка с р. Тромъеган основная часть стана и рукава — из зимней шкуры молодого оленя, а надставные полосы вдоль пол и широкая опушка на подоле — из летней; внутренняя часть (подкладка) — из зимней шкуры взрослого оленя. Ворс наружной части шубы обращен наружу, а внутренней — внутрь.

Покрой наружной части (рис. 12, *3 а, б*) повторяет сак, описанный выше. Внизу пришита полоса из трапециевидных кусков ткани, расширяющая шубу в подоле. На вороте и полах шесть пар ременных завязок, которые на правой поле пришиты к самой кромке, а на левой внизу немного отступают от края. Шуба имеет небольшой запах правой полы на левую. Воротник — из подгрудка или другой части шкуры оленя, без подкладки, лопасти свисают на грудь. Украшением шубы служит сочетание светлого меха на основной части и темного — на ластовицах, полосах вдоль пол и подола.

Между станом и этими полосами вшиты узкие ленты мозаики из темных и белых камусов, несколько коротких лент отходят вверх от полосы между станом и опушкой и от устья рукава. По самой кромке пол и подола проходит узкая полоска белого меха, а рядом нашита полоса яркого сукна; суконные полосы нашиты также по устью рукавов и поперек плеч у ворота. Плечевой шов отделан полосками яркого сукна, и их незашитые концы свисают на рукав; суконные ленточки пришиваются также спереди на стане.

Покрой внутренней части шубы в целом подобен наружной, но к ней пришиты рукавицы, нет воротника и украшений. Обе части сшиты вдоль пол, подола и устья рукавов.

На Салыме зимой носили овчиные шубы, иногда крытые какой-либо тканью.

Распашная одежда II типа (сак особого покроя) — сейчас изредка встречается на р. Пим, где считается, впрочем, не местной, а «русскинской» модой (Русскинские — поселение на р. Тромъеган). Это летняя женская одежда, сходная по покрою с рубахой-платьем II типа (рис. 14, *6а, б*). От туникообразной кокетки отходит прямой стан со складками, внизу — широкая оборка, сужающиеся рукава вшиты в прямую пройму, ластовицы — из иной по расцветке ткани. На правой поле сака петли, на левой — пуговицы, расположенные по кромкам до самого низа. Отложной воротник пришит редким швом, его широкие лопасти, украшенные бисером, пуговицами и другими материалами, опускаются чуть ниже кокетки. Подкладка воротника — из черного сатина, верх — из кусков красного вельвета. Украшение подола, пол и рукавов — такое же, как у сака I типа.

Распашная одежда III типа с двумя вариантами существовала в начале XX в. на Салыме. 1-й вариант представлен женским праздничным кафтаном (рис. 14, *5а, б;* 17, *1, б*). Один из них сшит из черного сукна, со швами на плечах, сквозными полами и средней частью спинки, между которыми проходят боковые полотнища, отрезные в талии и образующие складки; рукава расширены клиньями и заходят сзади на спинку. Сходящиеся полы застегиваются воздушными петлями и пуговицами. Грудь, спинка, края пол и подо-

ла имеют подкладку из хлопчатобумажной ткани. Кафтан богато украшен полосами нанизанного бисера, пришитыми вдоль пол, подола, в углах между ними, в устье и на середине рукавов, на плечах и вдоль конструктивных швов на спине.

Сведения о 2-м варианте III типа распашной одежды — шабуре — менее определенны, так как он известен только по фотографиям с Салыма. Если покрой этой одежды определен правильно (рис. 19, 7), то шабур напоминает вышеназванный кафтан, но отличается входящими рукавами и способом украшения (более скромным) — ворот, полы и подол обшиваются узкой полоской контрастной ткани. Судя по длине и наличию сборок у талии, такой шабур носили женщины.

Глухая одежда играла у сургутских хантов меньшую роль, чем распашная. Ее местные русские названия — малица и кумыш.

У малицы ворс обращен внутрь, а у кумыша — наружу. Зимнюю одежду шили из шкур, а для теплого времени года — из тканей, последнюю носили и поверх зимней. Использовались главным образом шкуры оленей, но немалую роль в прошлом играли и птичьи шкурки, особенно в детской одежде; на р. Пим еще и сейчас носят осенью малицы из шкур птиц, простеганных с тканью. Малицы шили комбинированными. Например, стан — из птичьих шкурок, а опушку — из шкуры оленя.

Глухая одежда была распространена почти исключительно на правобережных притоках Оби, а в левобережье, на Югане встречался лишь кумыш из шкур. Носили такую одежду мальчики и мужчины, однако ее одевали и на малолетних девочек, чаще всего летом для защиты от комаров. Зимнюю малицу шили годовалому ребенку иногда и раньше. Так, по рассказу женщины с Тромъегана, она сшила малицу сыну через несколько дней после его рождения.

Типичный покрой зимней малицы приведен на рис. 21, *4а, б;* перед и спинка из двух шкур со швами на плечах и в боках, перед короче спинки. Красивой считалась малица с вертикальным швом спереди; на одном из экземпляров он был сзади, но мастерица объяснила это нехваткой шкур. У одной из детских ма-

лиц по средней линии спинки вшит клин, имеются и дополнительные швы спереди. К ней пришита широкая опушка из нескольких трапециевидных кусков шкуры ворсом внутрь; по нижнему ее краю бывает нашита узкая полоска меха ворсом наружу, которая видна из-под навершницы. Между основой и опушкой нередко вшиты узкие полоски шкуры, украшенные сукном. Рукава сильно сужены к устью и заканчиваются пришитыми рукавицами, такими же, как у двойных шуб. У детей рукавицы без «пальца» либо рукава зашиты и имеют небольшой разрез. Капюшон выкроен отдельно, между ним и станом вшита полоска, но она может и отсутствовать. Затылочная часть капюшона — из летней шкуры оленя с низким ворсом, опушка — из сложенной вдвое полосы шкуры с длинным ворсом, внутри пропущена вздержка. Капюшон также из шкурок птиц или мелких пушных зверей, а иногда скомбинирован из полос темного и светлого меха; на Пиме в этих целях часто используют шкуры выдры. Основные швы малицы имеют прокладку из яркого, обычно красного сукна либо из суконных полосок двух цветов, развернутых по обе стороны шва.

Кумыш из шкур — это дорожная одежда мужчин, более длинная, чем малица и сак, поверх которых она надевалась. Малолетние мальчики носили кумыш зимой не только в дорогу. Кумыш шили из зимних шкур оленя с длинным ворсом, обращенным наружу, а детские экземпляры — и из более тонких шкур, например, жеребенка. Повседневный кумыш был из темных шкур, а нарядный — из белых. Часто изделия были скомбинированы, например, спинка ниже пояса из темной, а выше — из белой шкуры; или у белого кумыша вшивали темную полосу между станом и опушкой; последнюю стремились сделать белой.

По покрою все встреченные кумыши относятся к одному типу с вариантами (рис. 20, 7 *а*, *б*). При общей основе есть и вариантные различия в форме вставки на груди и способе создания затылочной части капюшона: иногда она пришивная, но чаще выкроена вместе со спинкой. В детских экземплярах она из шкуры головы олененка, на которой яркой тканью зашиты глазные отверстия и пришиты «уши» — полоски шкуры и сукна. Здесь же иногда нашита по-

лоска сукна, украшенная бисером или другими материалами (рис. 24, *1*). Опушка капюшона — из шкуры с длинным ворсом, внутрь нее для сохранения формы вложена полоска кожи. На спинке продольными или поперечными рядами нашита бахрома из полосок яркого сукна; суконные обшлага иногда украшены аппликацией из ткани или мозаикой из камусов.

Глухой одежде из тканей присуща нерасчлененность терминологии: ее называли либо *мальты-коры* 'малицы чехол', либо *ной куныш* 'суконный кумыш'; если же она предназначалась для защиты от комаров, то называлась *кехи малывси,* от кехи 'комар'. В ней выделяются два типа. Одежду I типа мужчины использовали главным образом как навершницу для малицы, а на Агане ее носили и в холодные летние дни. Шили ее из прочных однотонных тканей темных расцветок, а для зимней охоты — белую. В детских экземплярах навершницу пришивали к малице редкими стежками.

По покрою навершница повторяет малицу, но не имеет опушки, рукавиц и капюшона; у ворота иногда вшиты клинышки (рис. 19, *9*). Ворот обшит однотонной или с рисунком тканью, такие же полосы нашиты вдоль плечевого шва и на них бывает орнамент. Полосы яркой ткани нашиты по подолу и рукавам, немного отступя от кромки. В детских экземплярах полосы бывают украшены аппликативными узорами, а в области лопаток прикреплены подвески из цепочек, колец и т. п.

Матерчатую глухую одежду II типа, называемую чаще всего кумышом (см. словарь: «кумыш из ткани»), носили как отдельно, так и поверх малицы. Внешне матерчатый кумыш отличается от навершницы наличием капюшона и почти полным отсутствием украшений. Мальчикам, мужчинам и малолетним девочкам он служил для защиты от комаров. Для сырой погоды и в межсезонье кумыши шили из прочных хлопчатобумажных тканей или грубого сукна, а для охоты — из белой ткани. На Пиме мужчины надевали матерчатый кумыш не только с глухой, но и с распашной одеждой.

Традиционный покрой матерчатого кумыша — туникообразный, с клиньями в стане от плеч до подо-

ла, ластовицей, полуовальной вставкой на груди и капюшоном, затылочная часть которого выкроена вместе со спинкой; возможен также клин около капюшона (рис. 21, *1*). Ластовицы, иногда и вставки на груди отличаются от основной части по расцветке. Длина одежды у детей в среднем до колен, у мужчин — выше колен, иногда кумыш еще короче и заправляется в брюки. Для уменьшения размеров детских кумышей на спине и затылке пришивали завязки для стягивания. На р. Пим встречался вариант кумыша из ткани без клина на спине, но с широкой оборкой внизу и полоской яркой ткани выше оборки и на концах рукавов.

Традиционные виды верхней распашной одежды носили подпоясанными, и лишь на Тромъегане женщины нередко отступали от этого обычая. Из глухой одежды не подпоясывали зимний кумыш из шкур, а другие ее виды носили как с поясом, так и без него. При подпоясывании, особенно у взрослых, делали напуск, создающий за пазухой вместилище для вещей. Известны пояса трех типов; наиболее распространенными были мягкие матерчатые пояса, относящиеся к I типу. На Югане, Агане, Пиме они считались местным признаком, а в низовьях Тромъегана — принесенными с Агана. Один вариант этого типа известен как женский, а другой — женский и мужской пояса. Пояс 1-го варианта — это две полосы яркого сукна шириной 15 см и длиной около 150 см, соединенные полосой хлопчатобумажной ткани, которая составляется из кусков разных расцветок; общая длина пояса от 3 до 4 м. Пояс оставляли неподшитым либо окантовывали узкой полоской контрастной по цвету ткани; на Югане были только неподшитые пояса. Поясом обертывались трижды и завязывали сзади, прикрывая хлопчатобумажную вставку и оставляя длинные концы (рис. 15, *1, 4*). Женщины стремились иметь несколько поясов разных цветов.

Другой вариант I типа поясов повсеместно (кроме Салыма) известен как мужской, а на Тромъегане и Пиме такие пояса носили и женщины. Это необшитая полоса хлопчатобумажной ткани, которой обертывались дважды и завязывали, оставляя свисающие концы, но более короткие, чем у суконных поясов. Муж-

чины завязывали пояс спереди, а женщины сзади; на Тромъегане и Пиме женщины завязывали пояс и по-мужски, т. е. спереди. На Югане многие мужчины сейчас предпочитают пояса из покупной фитильной ленты[5], за которые удобно засовывать убитых белок.

Пояса II типа — тканые или плетеные — сейчас вышли из употребления. Один экземпляр такого пояса хранится в ТГМЗ (№ 1497), место его приобретения указано не вполне определенно: «из Сургута»; нет сведений и о половозрастной принадлежности изделия. Пояс, 360×10 см, выткан из красной и темно-синей шерсти; концы обмотаны шерстяными нитками и к ним прикреплены вначале полоски ткани, расшитые бисером, а далее — полосы нанизанного бисера с металлическими ажурными бляшками на концах (рис. 17, *2*). Подобные пояса носили с шабуром мужчины на Салыме, обертывая их несколько раз вокруг талии. Плетеные пояса с кистями на концах или без них носили мужчины и женщины на Агане. Их изготовляли из шпагата или кожаных ремешков, окрашивая поперечные полоски отваром сосновой коры. Размеры поясов для взрослых — 300×1—3 см, для детей — 100×1—2 см. Женщины обертывали пояса дважды и завязывали сзади или сбоку.

Пояс III типа — из цельной полосы кожи шириной 7—12 см и длиной, равной по объему талии, был повсеместно известен как мужской, а на Тромъегане его носили также женщины с зимней одеждой (рис. 15, *5*). Там же встречались пояса из нескольких отрезков кожи, соединенных роговыми пряжками. Пояса из кожи или другого твердого материала нередко еще и обшивали сукном. Твердые пояса завязывали спереди бечевками. Детские экземпляры кожаных поясов украшали цепочками, подвесками и нашивными бляшками, а мужские пояса на р. Тромъеган — нашивными ажурными пряжками из кости. Женщины украшали обшитые сукном пояса рядами пуговиц или бисера. На Тромъегане у женщин наблюдались оригинальные пояса, сочетающие признаки I и III типов: у необработанной полосы сукна концы пропущены сквозь пряжку и свисают спереди (рис. 16, *2*).

---

[5] Ее основное назначение — фитиль для керосиновых ламп.

На пояса всех типов мужчины обычно подвешивали ножны и сумочки, а некоторые и клык медведя. Женщины подвешивали нож к поясу, когда шли в лес.

Рукавицы. В современных образцах традиционной зимней одежды рукавицы обычно пришиты к концам рукавов. Единичные непришивные экземпляры встречены лишь на Югане. В начале XX в. рукавицы как отдельный элемент зафиксированы на Югане, Салыме и прилегающем участке Оби. Юганские непришивные рукавицы шились из оленьих шкур или камусов, ворсом как наружу, так и внутрь. В последнем случае тыльная сторона рукавицы была украшена узором, нанесенным растительной краской. На Салыме носили вязаные рукавицы, а поверх них кожаные. Пришивные рукавицы обычно сшиты из камусов оленя, а «палец» из шкуры с ушей оленя или лося. Поперек ладони имеется разрез для вынимания руки, прикрытый клапаном из шкуры, поверх которой нашита ткань; на Пиме такая нашивка отсутствует. Рукавицы, пришиваемые к детской одежде, обычно без «пальца» и разреза.

Кроме традиционных видов нижней и верхней одежды сургутские ханты освоили в XX в. ряд новых изделий. Одни из них изготовляли в подражание русской одежде, а другие покупали готовыми. У обрусевших хантов р. Салым уже в начале XX в. женщины носили такие виды поясной одежды, как юбка и фартук. Повседневные юбки шили из холста, а праздничные — из ситца, с большим количеством сборок на поясе. В других районах самодельные юбки даже в наши дни встречаются крайне редко. Так, на р. Пим молодая женщина сшила из черного ситца юбку с оборкой, с пуговицей и петлей на пояске. Отделка по низу подола и спереди из красной ткани, на которой нашита узкая полоска белой ткани, выше оборки проходит полоса нанизанного бисера. В покрое и украшении юбки видны элементы других видов одежды — платья и сака. Юбки считаются новой модой, носит их молодежь.

В начале XX в. ханты Салыма освоили некоторые виды покупной верхней одежды: армяк, распашную одежду из грубошерстных тканей, называемую халатом; носили также жилетки, пиджаки и др. В других группах к настоящему времени мужчины почти пол-

ностью отказались от традиционной летней одежды и перешли на покупные пиджаки, куртки, плащи. Рыбаки получают в качестве спецодежды прорезиненные или брезентовые куртки. Женщины охотно носят теплые шерстяные джемпера. Покупной плащ они могут переделать в сак, для чего обшивают яркой тканью кромки пол, подола и рукавов, а в плечевой шов вставляют клин из ткани.

Обувь. Первой обувью ребенка были получулки или носки, сшитые из шкур. В них ребенок находился в колыбели, а когда его вынимали, то надевали еще одну, верхнюю обувь. Подросшие дети и взрослые надевали внутрь зимней обуви меховые чулки. Получулки и чулки у детей перевязывали на подъеме. С года дети начинали носить те же виды обуви, что и взрослые.

Чулки часто были комбинированными: подошва и головка из шкуры оленя ворсом внутрь, а голенище из шкуры или простеганной ткани. Ценились чулки из овечьей шкуры, так как из нее не выпадает ворс. Сейчас, например на Югане, получулки шьют целиком из стеганки. У головки чулка шов бывает спереди или сзади, либо там и там одновременно; на голенище шов сзади. У получулка или чулка с низкой головкой между нею и голенищем встречалась вставка; на Югане она зафиксирована с орнаментом. Голенище из ткани расширялось к устью, а в меховом — пришивали широкую полосу из шкуры.

При исследовании обуви народов Сибири Г. М. Василевич (1963, с. 42) подразделяет ее на поршневидную (с подошвой в виде поршня) и башмаковидную (с подошвой, выкроенной по ноге). С «поршневидной» обувью, очевидно, следует согласиться, а определение «башмаковидной» представляется не вполне удачным. Вероятно, для последнего типа обуви наиболее важным является не форма подошвы, а наличие головки, с которой ассоциируется само понятие «башмак». Трудно согласиться также с тем, что к башмаковидной относится (по определению Г. М. Василевич) и высокая обувь из полос камуса, у которой нет головки, а голенище пришито либо непосредственно к подошве, либо соединяется с ним союзками. Для обозна-

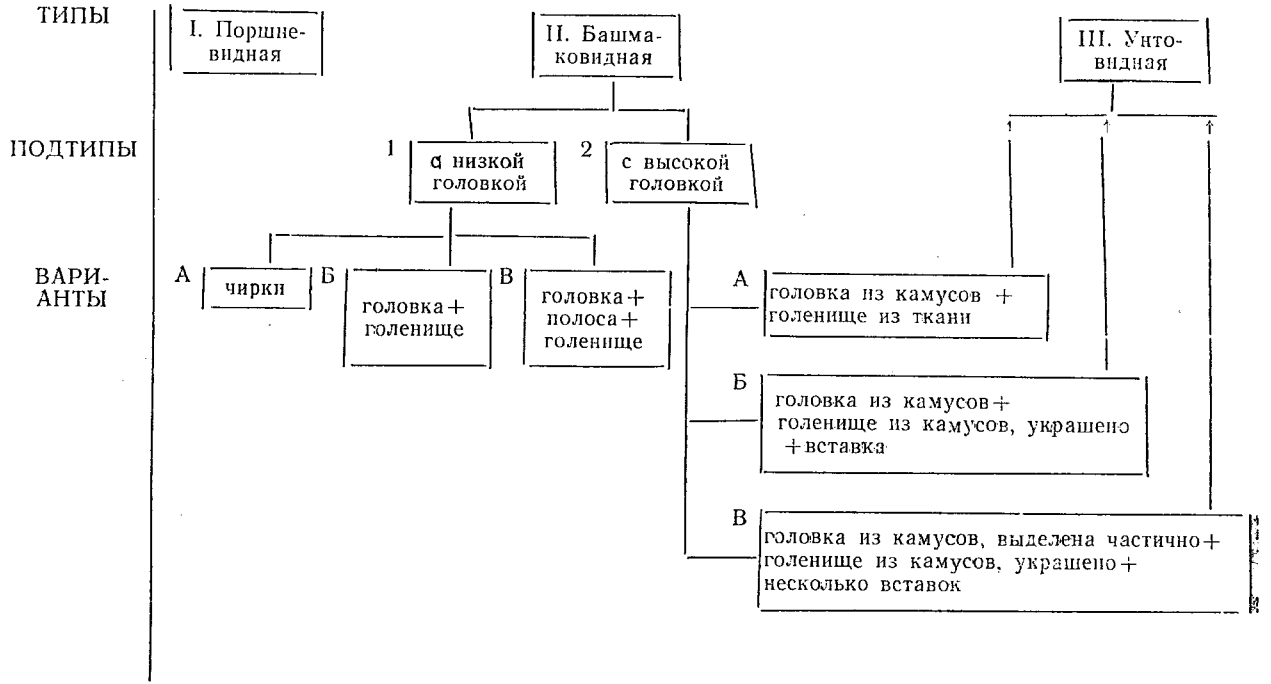
чения последнего типа обуви мы применяем термин «унтовидная».

Для обуви восточных хантов характерно разнообразие типов, вариабельность внутри типов и наличие переходных вариантов. Здесь известны следующие типы обуви: поршневидная, башмаковидная и унтовидная (см. табл.). Обувь I типа распространена в правобережье Оби и имеет различные названия (см. словарь: «обувь» — 6, 7, 9). Ее основные части: подошва-поршень и пришитое к нему длинное голенище (рис. 22, *1, 2, 3*). Поршень прикрывает верхнюю часть ступни и присборен на носке и заднике. В части голенища, прикрывающей подъем, вставлен клин. В шов между поршнем и голенищем с боков вшито по три петли, сквозь которые проходят завязки. Влагоустойчивую поршневидную обувь носили весной, летом и осенью; зимой ее надевали, когда долго оставались в жилище. По традиции подошву делали из камусов лося или оленя, а голенище — из ровдуги; клин на подъеме и петли окрашивали в красный цвет. По сведениям с р. Аган, на ровдужное голенище наносили краской узоры. Известна была также обувь с поршнем из шкуры лося и голенищем из шкуры оленя, ворсом наружу. Встречались и другие сочетания материалов, например, поршень из покупной кожи, а голенище из брезента. Внутрь обуви клали стельку из травы, а детям — шерсть оленя или пух. Обувь затягивали завязкой на подъеме: середина была над носком, а концы пропускались сквозь петли назад, обертывались один-два раза на подъеме и завязывались спереди. Мужчины, кроме того, отдельными подвязками закрепляли обувь под коленом; у мальчиков голенище иногда отгибали под коленом и опускали вниз. Женщины подколенными повязками не пользовались и верхний край обуви привязывали к нательному поясу.

Для обуви II типа — башмаковидной — характерно наличие головки, пришитой к подошве. Выделяются два подтипа: 1 — с низкой головкой, по щиколотку; 2 — с высокой головкой, до середины голени. Башмаковидная обувь служила круглогодично, материал ее определялся сезоном. Ханты левобережья Оби

Таблица

ТИПОЛОГИЯ ОБУВИ СУРГУТСКИХ ХАНТОВ



(Юган, Салым) носили почти исключительно башмаковидную обувь, а в правобережье она хорошо известна в разных вариантах лишь на р. Пим. Первый вариант (А) башмаковидной обуви с низкой головкой без голенища, так называемые чирки, зафиксирован в начале XX в. на Салыме. Женщины надевали под нее вязаные шерстяные чулки с узорами. У второго варианта (Б) башмаковидной обуви с низкой головкой имеется длинное голенище. Именно такая обувь наиболее типична для сургутских хантов (рис. 22, *6*). Она известна под разными названиями (см. словарь: «обувь» — 1, 4, 7). Широкая подпрямоугольная подошва, присборенная у пятки наподобие поршня, — из шкуры лося или камусов оленя; у головки шов сбоку или сзади; голенище из прочной ткани пришито непосредственно к головке; завязки на конце голенища служат для подвязывания к поясу или подтяжкам; внутри — стелька из травы. На Салыме стельку расчесывали, а в других местах нет. Под коленом обувь дважды обертывали подвязками и завязывали спереди. В летних экземплярах ворс подошвы обращен внутрь, в зимних—наружу, а в межсезонной обуви — внутрь или наружу. Зимние экземпляры имели подошву из щеток с ног оленя или комбинированную: у носка — из шкуры, а далее — из щеток; направление ворса на подошве — назад. Употребление щеток с ног оленя для женской обуви запрещалось обычаем, сейчас запрет нередко нарушается. Подошву делали также из камусов оленя или из шкур со щек лося; иногда для уменьшения скольжения на нее нашивали поперечную полосу (см. словарь: «полосы» — 13). В зимних экземплярах ворс на головке стригли более высоко, а голенище шили из длинных полос камуса или сукна. На Салыме подошву и головку такой обуви шили из покупной кожи, а голенище — из холста.

Следующий вариант (В) обуви с низкой головкой отличается от вышеописанного вставкой между голенищем и головкой в виде полосы ровдуги или ткани (табл., II. 1. В.; рис. 22, *4, 5*). Такая обувь сейчас особенно популярна на Югане, где ее носят круглогодично; прежде она встречалась в низовьях Агана (как летняя) и на Салыме, а в других районах Сургутско-

го края отмечена лишь эпизодически. Подошва — из шкуры с подстриженным ворсом, обращенным внутрь или наружу; головка — из шкуры оленя или лося ворсом внутрь, ее наружная часть окрашена отваром лиственничной коры. Если шили праздничную обувь, то головку оставляли не окрашенной и на нее наносили узор растительной краской, затем обшивали его сухожильной ниткой с прокладкой подшейного волоса оленя. Украшенную таким способом обувь называли *сураман-нир* (сурам 'подшейный волос'). Юганские ханты выполняли на мужской обуви один определенный рисунок, а на женской — другой.

К головке пришивали орнаментированную полосу с подкладкой из ткани. У женщин это была полоса контрастной по цвету ткани с нашитыми на нее узкими полосками (4), у мужчин — мозаика из ровдуги. Однако такое деление соблюдалось не строго. Встречались и экземпляры (на р. Пим), у которых вставка из ткани не украшалась. Длинное голенище прежде делали из тонкой белой ровдуги и нередко на него наносили узор растительной краской; особенно нарядно выглядела обувь, у которой были орнаментированы и головка, и голенище. Сейчас ровдужные голенища все чаще заменяются тканевыми, у которых внизу спереди обычно вставлен клинышек из контрастной по цвету ткани, иногда он расшит бисером. На р. Пим встретилась обувь описываемого варианта, называлась она домашней. Ее подошва и головка — из оленьей шкуры ворсом внутрь, затем идет полоса из яркой ткани; хлопчатобумажное голенище вверху подогнуто и подшито. Такую специальную обувь имели не все.

2-й подтип башмаковидной обуви имеет также три варианта. Он отличается от первого подтипа более высокой головкой, а также тем, что ворс на подошве и головке всегда обращен наружу; по последнему признаку обувь сближается с унтовидной (III тип). Этот подтип выделяется названием *поккы,* в котором нет восточнохантыйского обозначения обуви *нир.* Следующая особенность заключается в ограниченности функций: это только зимняя и только мужская обувь. Более всего она была известна на р. Пим, а один из вариантов (В) отмечен на р. Тромъеган.

У обуви с высокой головкой из шкуры (А), имеющей иногда впереди клин, подошва — из камусов, а голенище из сукна (табл., II. 2. А; рис. 22, *7*). В другом варианте (Б) подошва, головка и голенище изготовлены из камусов (табл., II. 2. Б; рис. 22, *9*). Ворс на подошве бывает направлен как вперед, так и назад; на заднике имеется вставка, на подъеме — поперечный шов. Передняя и две боковые полосы голенища украшены продольными полосками белого камуса с прокладкой яркого сукна; под коленом вшиты поперечные полоски. В этом варианте налицо некоторые признаки III типа обуви — унтовидной. Еще больше к унтовидной приближается обувь с высокой головкой (табл., II. 2. В; рис. 22, *8*). У нее головка отделена швом от голенища только спереди. Такие признаки, как подошва из щеток, клин между нею и головкой-голенищем, а также прокладки сукна в швах, являются характерными для унтовидной обуви. Описываемый вариант имеет и другие черты сходства с унтовидной обувью, например, овальные вставки на заднике или союзки на передке и др., но отличается названием и тем, что принадлежит только мужчинам.

Обувь III типа — унтовидная (рис. 22, *11*). Ее местное русское название «кисы», а хантыйские обозначения различаются (см. словарь: «обувь» — 3, 5). Носили ее независимо от пола и возраста, но только зимой. Подошва обуви — из щеток, камуса или шкур со лба оленя; последний материал использовался только в мужской обуви, а в женской запрещался обычаем. Ворс на подошве обычно направлен вперед. Между подошвой и голенищем вшиты один или два ряда союзок и имеются вставки различных конфигураций для придания объемности и сохранения формы в нижней части обуви. Голенище сшито из полос камуса (см. словарь: «полоса» — 10, 11) во всю длину обуви; вверху — завязки. Обшивка голенища в виде узкой полосы шкуры у женских экземпляров обращена ворсом внутрь, а у мужских наружу. Обычное украшение цельнокамусной обуви — продольные полоски (2, 3, 5) белого камуса и сукна в швах. Поперечные полоски расположены у женских экземпляров на подъеме или чуть выше, а у мужских — под коленом. На Агане и Пиме встречалась унтовид-

ная обувь, украшенная полосами мозаики из белого и коричневого меха; нередко обувь шили без украшений.

Традиционная обувь прикреплялась у девочек и женщин к нательному поясу, а если женщины носили ворун, — то к нему. Мальчики и мужчины носили поверх рубах подтяжки из двух ременных петель (рис. 13, *4*), которые в отличие от пояса не давили на тело и были удобны при ходьбе и работе. Подтяжки перекрещивались на спине и груди, а впереди имели металлические кольца, к которым привязывалась обувь. Сейчас многие мужчины носят брючные ремни и привязывают обувь к ним, но не вышли из употребления и подтяжки.

Мужчины любую обувь подвязывали под коленом; также поступали и женщины, делая исключение лишь для поршневидной. Женщины пользовались случайными подвязками — веревочками или полосками ткани, а у мужчин это были специальные изделия — плетеные с кистями, из ремней с пряжками и др. Наиболее принято было завязывать их спереди и лишь на Тромъегане — сбоку; иногда подвязки пришивали к обуви. Поршневидная обувь, как уже отмечалось, перевязывалась и на подъеме. Юганские ханты, не знавшие такой обуви, насмешливо отзывались об этом обычае, считая его приемлемым лишь для детей. У детей перевязывание на щиколотке наблюдалось повсеместно и во всех типах обуви.

В современной жизни степень устойчивости обуви оказывается различной в зависимости от назначения. Для проживающих в условиях традиционного быта незаменимой остается зимняя обувь. Осенне-весенняя обувь быстро вытесняется покупными резиновыми сапогами. У мужчин популярны бродни, имеющие длинные голенища; женщины иногда надставляют голенища сапог тканью. В покупную обувь, как и в традиционную, кладут стельку из травы и надевают на босую ногу; постепенно привыкают носить носки, чулки, портянки. Дети в теплое время года нередко носят покупные туфельки и другую легкую обувь.

В последние годы для удовлетворения спроса приезжего населения ханты стали изготовлять теплую зимнюю обувь нового образца, которая здесь называется бурками. Она шьется из камусов или шкур

оленя с меховой или простеганной подкладкой, длиной ниже колен. В покрое наблюдается сочетание черт традиционной обуви с новыми. Такую обувь можно видеть и на хантыйских женщинах, проживающих в поселках, в новых условиях труда и быта.

Головные уборы. Универсальным головным убором сургутских хантов был и остается платок. Летом женщины носили легкие хлопчатобумажные или шелковые платки небольших размеров. Их покупали или шили сами из цветистых тканей, украшая кромки основной части полосы другой тканью и самодельной бахромой из ниток. Зимой носили большие кашемировые платки. На Салыме встречались платки, расшитые цветными шерстяными нитками, с бисерными подвесками.

Ребенку подвязывали голову платком, когда он еще находился в колыбели. Малолетние носили платок-накомарник (рис. 18, *8*). Сложенный наугол платок завязывали под подбородок, а на шее стягивали пришитыми тесемками или пуговицей с петлей; вокруг лица иногда делали вздержку. В районах, где дети носили летнюю глухую одежду из ткани, голову защищал капюшон. Девочки носили платок с ранних лет, складывая его наугол и завязывая под подбородком либо перекрещивая здесь и завязывая сзади на шее. Такие же способы были характерны для женщин.

При занятии рукодельем углы платка откидывались за плечи назад. На Пиме и Тромъегане зимой одним платком повязывали голову, а другой накидывали на плечи и углы привязывали к поясу. Особенностью юганцев было повязывание платка маленьким углом наверх; здесь же было принято накидывать на голову сложенный по диагонали платок. Обычай требовал, чтобы замужняя женщина закрывала лицо в присутствии определенных родственников мужа. Чаще всего это наблюдалось на р. Пим (рис. 18, *3*). Девочки-подростки немного припускали платок над лицом.

Мужчины носили небольшой головной платок только летом и повязывали его под подбородком, иногда в роспуск, а чаще, складывая наугол вдвое. Зимой, при распашной одежде, они надевали шейный платок, складывая его наугол и повязывая по-разному: углом на шею с завязыванием под подбородком; углом на шею, но с перекрещиванием спереди и завязыванием сзади;

углом спереди, перекрещиванием на шее и завязыванием под подбородком (рис. 23). Сейчас на смену платку приходит шарф. На фотографии начала XX в. у некоторых мужчин на шее повязана шаль. Мужские платки не украшали.

Традиционными головными уборами сургутских хантов были также капоры и шапки, имевшие общее название *мюл*, *мил*. Капор носили предпочтительно мужчины и мальчики. Известно два типа этого головного убора. Капор I типа зафиксирован в верховьях Агана, где сейчас его носят только пожилые женщины. Он состоит из трех частей (рис. 18, 7). Широкая полоса оленьей шкуры проходит вокруг лица и имеет опушку из длинношерстного оленьего меха или шкур песца; макушечная часть — из шкурки с головы олененка с глазными отверстиями, зашитыми красным сукном, затылочная часть свисает на шею. Подкладка капора из утиных шкурок. Внутрь опушки вложена мягкая стружка, имеются бечевки для завязывания под подбородком. Сзади прикреплены на цепочках или бечевках несколько фигурных металлических подвесок, благодаря которым капор плотно прилегает к шее и его не сносит ветром.

Капор II типа носят на Югане, Агане, Пиме (рис. 23, *4*). В музейных описях он изредка фигурирует как женский головной убор, но в наши дни встречается только у мужчин и детей. Основная часть капора облегает всю голову, кроме затылка, шьется из лапок соболя, меха ондатры или выдры, из шкуры с головы медведя, а также из камусов. К лицевой кромке пришита полоска сукна ярких тонов на подкладке из хлопчатобумажных тканей, а к ней — опушка из шкуры выдры или лапок пушных зверей на подкладке из ткани. В затылочной части — полукруглая вставка из тонкой шкуры или сукна; в последнем случае в средней части имеется еще небольшая вставка из шкуры основной части капора. По нижней кромке капора проходит полоса оленьей шкуры. В отличие от I типа этот капор плотно прилегает сзади к шее. Завязывается он бечевками, короткими или длинными, с подвесками из крупных бус; в теплую погоду «уши» капора подворачивают внутрь или капор откидывают на спину. Детские экземпляры имеют больше украшений из пуговиц, бисера и др.

На Салыме и Оби носили зимой шапку — круглую, не закрывающую ушей, с околышем из шкуры и тульей из сукна (рис. 23, *3*). Здесь же мужчины носили шапку из холста, низкую или высокую, с круглой тульей. Когда мужчина одет в глухую одежду, его голову закрывает капюшон, который в теплую погоду откидывается на спину. Сейчас нередко носят шапку-ушанку и фуражку. Члены рыболовецких государственных объединений получают стандартные головные уборы (рис. 23, *12*).

Для защиты глаз от яркого солнца и сильного ветра служили беличьи хвосты, нанизанные на шнурок, который завязывали на затылке. Подобные низки носили также для утепления шеи. Сейчас изделия такого рода не встречаются. Другим средством защиты глаз были очки в виде полумаски из сукна на подкладке из простой ткани или беличьих шкурок, в которую вшиты овальные пластины из слюды, жести или меди с узкими прорезями для глаз (рис. 19, *8*). Оправа расшита бисером или плетеным шнурком, к ней пришиты бечевки для завязывания на затылке. В наши дни самодельными очками практически не пользуются, вместо них носят покупные темные очки.

Прически и украшения. Девочки носили волосы подстриженными, с челкой на лбу, а с 12—13 лет заплетали косы, но это было не обязательным. У взрослых волосы на затылке выстригались для охлаждения головы. Молодые женщины выстригали небольшую часть и косы заплетали ниже ушей или у висков. В концы кос вплетались косоплетки или ленты, соединявшие косы. Косоплетки заканчивались тремя низками бисера и старинными бронзовыми жетонами, использовались и подвески, найденные в земле. У старух выстригался весь затылок и заплетались тоже две косы. На Салыме раньше заплетали от висков две косы, сходящиеся ниже головы в одну. Взрослые жещины нередко носили волосы распущенными.

На р. Пим девочки носили накосные украшения (5) из двух овально-заостренных кусочков ткани, расшитых бисером или пуговицами и соединенных цепочкой. Они присоединялись к лентам, которые вплетались в косы таким образом, что украшение находилось на теменной части.

Имеются единичные сведения о ложных косах. В музеях хранятся экземпляры с Салыма, поступившие в начале XX в. Это жгуты, сплетенные из тряпок и обшитые сукном, на концах бисерные подвески с медными отливками. В экспедициях последних лет нам лишь однажды рассказали о старухе с р. Пим, носящей ложные косы, но встречаться с таким явлением не приходилось. Нет упоминаний об этом и в литературе по сургутским хантам.

Мальчики и мужчины подстригались в кружок выше ушей либо спереди выше, а по бокам и сзади ниже (рис. 25, *1, 2*; 24, *4*). У мальчиков при стрижке оставляли длинную прядь «на счастье». Нередко волосы носили нестриженными.

На Салыме и Агане в начале XX в. зафиксированы девичьи повязки-украшения (рис. 25, *10*). Это полоса ткани длиной от 40 до 50 см, шириной от 4 до 5 см, сшитая или с завязками на концах. На средней части прикреплены орнаментированная полоса бисера длиной в половину основы или оловянные бляшки. К нижнему краю пришиты оловянные подвески или ажурная сетка бисера. Украшенная часть располагалась на лбу, вязки вплетались в основания кос или завязывались на затылке. Сейчас налобные повязки не носят.

В уши вдевали длинные серьги, обычно из низок бисера. На Агане носили и одну серьгу в левом ухе. На шее носили две-три низки бус. Встречались и ожерелья, например, из металлических колец с подвесками в виде колокольчиков, крестиков и др. На Салыме и прилегающем участке Оби зафиксировано в начале XX в. нагрудно-шейное украшение (рис. 16, 7). У одного из экземпляров шейная часть шириной 6 см имеет основу из ткани с нашитой на нее орнаментированной полосой бисера; от основы на груди спадают две лопасти нанизанного бисера с бисерными подвесками на концах. Общая длина украшения от 90 до 140 см. В других экземплярах сукно проходит по всей длине украшения, но его шейная часть не орнаментирована, а нагрудные лопасти украшены прямоугольными бляшками из олова и окантованы бисером; на концах—подвески в виде колец и круглых бляшек. Подвесками служили также низки бус, бубенчики, напер-

стки, лапки зверей и др. Некоторые украшения изготовлялись из одного лишь бисера; это две полосы, завязанные на шее и соединенные спереди по нижнему краю низками бисера.

Девочки и женщины носили кольца на указательном, среднем и безымянном пальцах, предпочитая надевать несколько штук на один палец, а не распределять их по разным пальцам. Особенно любимы были гладкие кольца из серебра или сплава с ним, т. е. из белого металла. Сейчас их умеют делать из алюминиевых ложек, монет и опорных труб от раскладных кроватей. Реже на пальцы надевали одну-две низки бисера, обычно это делали девочки. Браслеты были самодельными из низок бус или бисера либо это была полоса бисера, нанизанного ажурной сеткой. В последние годы становится модным носить наручные часы на бисерных браслетах, которые охотно приобретает и приезжее население.

К украшениям принято относить татуировку. Сейчас она у сургутских хантов не применяется.

Из литературы известно лишь одно изображение с р. Тромъеган, нанесенное на тыльную сторону женской кисти иглой с последующим втиранием сажи или пороха.

В традиционной одежде сургутских хантов выявляются как общие для всех групп черты, так и важные локальные особенности. Во-первых, вполне заметны признаки, различающие левобережные и правобережные группы; у последних одежда носит более северный характер. Во-вторых, четко выступают отличительные черты хантов р. Салым, что дает основание выделять общесургутские элементы одежды без учета салымских. Общесургутскими являются: рубаха I типа, женский воруп, сак I типа, подпоясывание только верхней распашной одежды, длинные пояса из тканей и короткие — из кожи, башмаковидная обувь с низкой головкой и длинным голенищем, использование травяных стелек и меховых чулок, платок как основной головной убор, капор II типа, низка беличьих хвостов и очки-полумаска, распущенные волосы у представителей обоих полов и косы у женщин, из украшений — кольца, серьги, бусы или ожерелья. Для правобережных групп, особенно для Агана и Тромъегана,

характерны женские двойные шубы из оленьих шкур (их основа — общесургутский сак), глухая одежда из шкур и тканей; здесь фиксируется также более выраженное стремление к модернизации рубахи и сака по сравнению с левобережьем; в обуви — преобладание I (поршневидная) и III (унтовидная) типов. На левобережных притоках — Югане и Салыме — носили только башмаковидную обувь II типа.

К числу наиболее заметных локальных черт, выявляемых у одной-двух групп, относятся следующие. На Салыме — это особый покрой рубахи и распашной одежды, тканые узорные опояски, башмаковидная обувь без голенища и вязаные чулки, а также более развитые формы украшений — как съемных, так и нашиваемых на одежду. Для юганских хантов характерны особые способы украшения одежды и обуви, например, вшивание орнаментированной полосы между головкой и голенищем, а также украшение всей наружной поверхности обуви. На р. Пим обращает на себя внимание многообразие типов и вариантов обуви, среди которых есть переходные от одного типа к другому. Одни из указанных особенностей осознаются современными хантами как локальные традиции, а другие — как местные моды недавнего происхождения.

3. Утварь

Традиционная утварь в каждом из хозяйств исследуемых групп представлена пестро. При ее классификации нами используются понятия вид и тип. *Вид* — это предметы, различающиеся по своему назначению, например, кузовок, табакерка, крюк для котла, курительная трубка, колыбель и т. д. Видовой набор утвари отражает не только хозяйственно-бытовой уклад, который определяется местными географическими условиями, но и несет в себе этнодифференцирующие признаки. Еще более этот аспект выявляется при анализе типов того или иного вида утвари. *Тип* — это комплекс нескольких признаков: конструкция, форма, материал; учитывается также конкретное назначение, размеры и национальное название. Особо важное значение при выделении типа придается конструкции (у предметов,

соединенных из нескольких частей) и форме (у цельных изделий).

При описании утварь сгруппирована определенным образом. Вначале речь пойдет о предметах, используемых в процессе заготовки, хранения и потребления пищи. Затем следуют вместилища для разных вещей, швейные принадлежности и, наконец, обстановка жилища и колыбели. Некоторые предметы многофункциональны и поэтому упоминаются неоднократно.

Большинство видов утвари фигурирует в источниках и литературе под общеизвестными вполне определенными названиями, такими как ступка, табакерка, подушка, котел и т. д. Этого нельзя сказать о традиционных хантыйских вместилищах, изготовлённых из коры деревьев или древесных пластин. Среди местного русского населения они были известны под многими названиями: кузов, чуман, коробка, туесок, набирка, корневатик и т. д. Эта терминологическая неопределенность проникла в музейные описания и в работы авторов, пользующихся местными русскими наименованиями. Для унификации терминологии целесообразно исходить из двух родовых понятий: сосуд и коробка. Такое деление учитывает основное функциональное значение вместилищ. Сосуд — это вместилище для жидких и дающих жидкость веществ; специализированными видами этого рода вместилищ являются кузов(ок) для ягод и сосуд для растапливания клея. Коробка — вместилище для сухих продуктов и вещей, ее специализированным видом является табакерка.

Сосуды и коробки имели наибольшее значение при заготовке продуктов, их доставке, обработке и употреблении. У сургутских хантов бытовали сосуды трех типов.

I тип — плоскодонные сосуды подквадратной формы (рис. 26, *1, 3*). В их основе — четырехугольный кусок бересты, углы которой загнуты «конвертом» и таким образом созданы стенки, плавно переходящие одна в другую; внешний белый слой бересты обращен наружу. Под загнутые углы подложены одна или две перегнутые вдвое полоски бересты, внутри которых имеется деревянная пластинка — все это укрепляет стенку. Кедровым корнем или саргой полоски вместе с верхними концами загнутых углов пришиты к стенке.

У сосуда бывает крышка со стенками, которые почти полностью его скрывают. На наружных стенках крышки обычно пришита аппликация из зачерненной бересты, изредка узор выскоблен и на внутренних стенках сосуда. Размеры сосудов различны: от 15×10 см до 80×35 см. В них складывали рыбу, обрабатывали ее и мясо, хранили ягоды, рыбий жир и варку, кормили собак, ими вычерпывали воду из лодок, пользовались при умывании и стирке, в старом сосуде хранили котел. Известна еще одна функция берестяных плоскодонных сосудов: будучи наполнены толстым слоем глины, смешанной с соломой, они служили в качестве передвижного очага на лодке. При езде на лодке пили воду или вычерпывали ее из лодок берестяным черпачком в виде козырька.

I тип сосудов представлен, кроме того, специализированным видом: кузовком для низкорастущих ягод — брусники, клюквы (рис. 26, *7*). Кроме общей конструктивной основы их единство выражается в терминологии: название сосуда *савун* входит в название кузовка *норэн-савун*; норэн отражает конструктивную особенность кузовка — ручку из сучка с естественным изгибом. К устью кузовка гибкой древесной пластинкой прикрепляли толстый обруч из черемухового прута. Размеры изделий варьировали. В среднем высота 11 см, длина и ширина 19 см. При сборе ягод кузовок держали в руке или ставили на землю. Прежде в нем носили и хранили воду. В жилище его подвешивали на деревянный крюк длиной 40 см, привязанный веревкой к поперечной перекладине, чтобы воду не доставали собаки.

II тип сосудов представлен кузовками для высокорастущих ягод — смородины, черемухи (рис. 26, *5*). Они отличаются от сосудов первого типа по конструкции и форме, а также по названию. Для таких кузовков длинную полосу бересты перегибают вдвое белым слоем внутрь, края полос накладывают один на другой и сшивают. В нижней части снаружи загибают углы и пришивают их к боковым стенкам, а к верхнему краю пришивают через верх обруч из черемухи. Кузовок немного сужается кверху, здесь он круглый, а в нижней части уплощенный; средние его размеры: высота 50 см, диаметр 16 см. Нередко на на-

ружной стороне кузовков выскабливали узоры или прикрепляли по устью аппликативную полосу из бересты. Во время сбора ягод кузовок подвешивали на шею. В других случаях к широкой стенке прикрепляли петлю с косточкой из ноги птицы или с деревянной палочкой, которые затыкали за пояс, при этом кузовок висел на бедре. Кузовки с накладной крышкой использовали охотники, в небольших по размеру хранили соль, подвешивая их внутри жилища к полке.

Ко II типу сосудов относится также кузов заплечный (рис. 26, *8*). При том же устройстве его особенность в ином названии, он имеет вставную или накладную крышку и больше размером: высота — до 80, диаметр — до 30 см. У заплечных кузовов вдоль боковых швов прикреплены деревянные планки, а к ним — лямки из старой сети, ткани или веревки; наиболее вместительные экземпляры укреплены дополнительным слоем бересты, пришитым редкими стежками; эта полоса проходит от одной стенки к другой через дно. У вставной крышки к круглой двойной пластине бересты пришит широкий ободок, входящий в кузов при закрывании; у накладной — невысокие стенки из бересты, накрывающие кузов снаружи. Наружная стенка кузова бывает украшена выскобленным узором, а стенки накладной крышки — аппликацией из зачерненной бересты.

Специализированным видом является сосуд для клея; высота 12, диаметр 10 см. Треугольную пластинку бересты перегибали вдвое и смыкающимися краями вставляли в верхний расщепленный конец стержня. Застывший клей хранился в сосуде, а для растапливания стержень втыкали в землю у костра. С этой целью использовался также черпачок в виде лодочки из железа.

Под влиянием местного русского населения ханты стали заменять традиционные вместилища из бересты покупными металлическими сосудами. Особенно активно этот процесс шел там, где из-за плохого качества местной бересты затруднялось изготовление традиционных сосудов. С освоением моторных лодок в последнем десятилетии связано появление металлических бочек и канистр. Используются также кадки, металлические ведра, бидоны и банки. Вместилищами

из стекла ханты почти не пользуются, лишь изредка в бутылках хранят медвежье или барсучье сало. Для посуды с узким горлом применяли воронки.

Традиционные вместилища другого рода — коробки — служили для хранения сухих продуктов: муки, сушеной рыбы и мяса, золы для табачного состава, а также разных вещей. Известны коробки трех типов. I тип представлен двумя вариантами. 1-й — коробки из бересты, цилиндрические или подпрямоугольные (рис. 27, *1, 3*). Стенки сделаны из полосы бересты, изогнутой белым слоем внутрь; края полосы наложены друг на друга и сшиты. К верхнему и нижнему краям через верх пришиты саргой обручи: нижний — вместе с дном, а верхний — с подложенной изнутри полоской бересты. Крышка вставная, из двух слоев бересты; с внутренней стороны перпендикулярно крышке прочными нитками пришит широкий ободок из гибкой пластины, плотно входящий в коробку. К одной из стенок вверху прикреплена ременная петля, а к противоположной — две бечевки. Одну из бечевок поверх крышки пропускают через петлю и завязывают с другой бечевкой, так что узел получается в центре крышки. На стенках коробки обычно выскоблен узор, на стенках крышки — аппликация из бересты на зачерненном фоне или выскабливание. Размеры различны: от 10×9,5 до 80×40 см.

Но более характерен для сургутских хантов 2-й вариант I типа — коробки из пихтовой коры. Они круглые и иногда овальные в плане (рис. 27, *1*). Точнее, эти коробки — комбинированные, так как у них из коры только наружные стенки, а дно, крышка и внутренняя стенка — из бересты. Полоса коры изогнута так, что ее гладкий внутренний слой оказывается наружной стенкой коробки, а внутренняя берестяная стенка изогнута естественным образом — желтым слоем внутрь; иногда внутренняя стенка не сплошная, а в виде двух полос — по верхнему и нижнему краям. По устью коробки проходят два обруча из черемухи — снаружи и изнутри, они вместе со стенкой обшиты сухожильной ниткой. По нижнему краю снаружи проходит обруч, сшитый с дном и стенками. Крышка коробки — накладная или вставная; в последнем случае к верхнему краю коробки прикреплены бечевки для за-

вязывания. Размеры от 8×12 до 70×45 см. Наружная стенка иногда окрашена в черный цвет, но чаще на нее краской нанесен узор; на стенке крышки — аппликация из бересты на зачерненном фоне.

II тип коробок — так называемые корневатики (рис. 27, *8*). Учитывая местный характер этого термина, вероятно, правильнее будет называть их плетеными коробками. Женщины хранили в них бьющуюся посуду, мужчины — боеприпасы, дети — игрушки. Дно, стенки и крышка изделия состоят из пластин черемухи или рябины, оплетенных полосками расщепленного кедрового корня или черемухового прута. В музейных документах описаны коробки с Агана из ивовых прутьев. Известны плетеные коробки круглые, овальные и подпрямоугольные в плане. Стенки круглых коробок расширяются, начиная от дна, а к крышке снова сужаются; у прямоугольных же стенки вертикальные и лишь в верхней части резко сужаются. Накладные крышки — плоские, конусовидные, четырехскатные или уступами — завязываются с помощью бечевок в крышке и стенках; в центре крышки кожаная петля для руки. Размеры от высоты 12, диаметра 10 см до высоты 18, длины 35, ширины 30 см. Стенки и крышки бывают украшены геометрическим узором, который получается при вплетении полосок, окрашенных отваром лиственничной коры. Орнаментированные экземпляры зафиксированы на Агане, Тромъегане, Пиме; плетеные коробки с Югана — без орнамента.

Специализированным видом коробок были табакерки (рис. 27, *5*). Они отличаются от описанных выше коробок и по конструкции, поэтому выделяются в особый III тип. Стенки табакерки 5—6 см высоты, из двух слоев бересты, края соединены «в замок», дно и крышка деревянные, в форме овала 8×3,5 см. Крышка снаружи выпуклая, в центре закреплен ремешок с разрезом, куда вставляют палец, когда нужно вытянуть крышку. Наружные стенки обычно украшены рядами узоров, нанесенных штампом или кончиком ножа. Табакерку наполняли смесью махорки с золой березового трутовика и водой, хранили их за пазухой. Сейчас табакерками нередко служат жестяные баночки из-под консервов, но с деревянным дном и крышкой. Называются они так же, как и берестяная табакерка.

Смесь сплевывали в небольшой плоскодонный сосуд из бересты, сейчас пользуются жестяными банками для табака. Существуют и банки для окурков.

Вместилищами для сухих продуктов служили мешки. По воспоминаниям и музейным коллекциям известно о мешках из рыбьих кож (рис. 31, *8*). На Оби их шили из кож налима или стерляди. В таких мешках хранили муку, сушеную рыбу и мелкие вещи. На Югане отмечен мешок для продуктов и других вещей, скомбинированный из разных материалов. Одна его сторона из холста, а другая представляет собой мозаику из шкурок и кож с геометрическим узором; в устье полоса из шкуры оленя ворсом внутрь. Высота 44, ширина внизу 56, вверху 36 см. Самодельными были мешочки для чая из хлопчатобумажной ткани (8×15 см) на вздержке с привязанной чайной ложкой или косточкой для чая. Покупными были большие мешки для муки.

Для приготовления пищи кроме вместилищ использовали другую утварь. Каждая хозяйка имела доску для разделывания рыбы и рожны для поджаривания рыбы, мяса или хлеба у огня. Запасаемую впрок рыбу сушили на деревянном решете с дном из тонких планок, переплетенных саргой; обычные размеры: длина 150, ширина 70, высота 15 см. Встречались и меньшие экземпляры. В качестве листа для просушки ягод использовали полотнище бересты. Ягоды и орехи просеивали через сито, Это описанный выше подпрямоугольный сосуд с пробитыми в дне отверстиями, и название сита такое же, как у сосуда. Некоторые пользовались для просеивания муки маленькими ситами.

На Югане были известны цилиндрические ступы, выдолбленные из ствола пихты, с деревянными обручами (рис. 28, *5*): высота 82 см, диаметр 23, толщина стенок 2, длина песта 118 см. В них толкли черемуху пестами из пихтового дерева, сейчас для этой цели пользуются и мясорубками. Сухую рыбу толкли в ступах для порсы. На Салыме в ступах размягчали стебли крапивы, из которых готовили нитки.

Наиболее распространенным сосудом для приготовления жидкой пищи на огне был и остается котел.

В наши дни он иногда заменяется кастрюлей с дужкой. Котлы у хантов издавна были обменным или покупным видом утвари, и различия в их форме зависели скорее от предложения, чем от традиций народа. Есть основания выделить большой овальный котел с ушками — калташиху. На тагане над очагом постоянно висели крюки для котлов — деревянные, с несколькими зарубками на разной высоте, или из изогнутой железной проволоки. Существовали лопатки для помешивания в котле, на конце рукояти у них делали развилку, чтобы снимать крышку чайника (рис. 48, *1*). На Югане зафиксирована крышка для котла, которая служила и подставкой для него. Вырезанными из березы черпаками (рис. 29, *6*) помешивали в котле и разливали готовую пищу. Черпательная часть (диаметр 8 см) обычно неглубокая, круглой, подчетырехугольной или многоугольной формы, иногда вытянута вдоль или поперек. Рукояти (длина 12 см) иногда украшены прорезями или трехгранно-выемчатой резьбой, а на конце — зооморфными фигурками. Рыбу вынимали черпаками с отверстиями в дне, а из глубоких — пили уху. Ложки из дерева были мало распространены. Их вырезывали из березы, иногда — из нароста на сухом кедре.

Вареную рыбу и мясо, а позднее и новое блюдо — суп подавали в овальных блюдах, стенки которых плавно переходят в дно (рис. 29, *1, 2*). В них заводили также пресное тесто для лепешек. Были известны тарелки собственного изготовления; на Югане — это округлый кусок бересты со слегка приподнятыми и загнутыми углами, а на Оби — тарелки, плетеные из кедрового корня; сейчас их роль выполняют покупные тарелки и миски из металла или пластмассы. В круглой деревянной солонке (высота 9, диаметр 6 см) хранили соль, маленькое отверстие вверху затыкали пробкой.

В исследуемый период в быт сургутских хантов прочно вошли покупные чайники. Крышки с них снимали ухватиками. Подставкой для чайника служила доска с ручкой, она отмечена на Пиме и Югане. На Салыме в начале века почти в каждой семье был самовар, который очень ценился. Обязательным предметом были чайные чашки и блюд-

ца из фарфора. Сейчас при чаепитиях нередко можно наблюдать сочетание металлической кружки и фарфорового блюдца. Из стаканов пили очень редко и лишь вино, еще реже пользовались рюмками.

В специальных кадушках заквашивали тесто. Стенки их — из пластин дерева с двумя железными обручами снаружи, дно деревянное. Высота кадушки 30—50 см. Обычно кадушку обертывали для сохранения тепла одеждой; на Югане была специальная подстилка из лосиной шкуры, без собственного названия. Обязательным атрибутом была лопатка для теста вытянутой формы, с рабочей частью, плавно переходящей в рукоять без украшений. Длина 30, ширина рабочей части 8 см. При работе с тестом пользовались незаточенным хлебным ножом. При наиболее раннем способе выпекания хлеба тесто насаживали на деревянный рожон, который в отличие от рыбного вверху немного расширялся. Необходимым видом утвари были и покупные сковороды, используемые, главным образом, для выпечки хлеба. В последние годы стали популярными железные формы, такие, как в общественных пекарнях. Сковороды и формы ставили в печь на деревянных лопатах для хлеба, иногда использовали весло.

Трубки для курения были и самодельными, и покупными (рис. 27, 7). Один из экземпляров с Агана отлит из олова; длина 9, диаметр головки 1,5 см; деревянный мундштук длиной 12 см. Другая трубка с Агана имеет костяной мундштук длиной 7 см, деревянный чубук — 9 см с головкой 5 см высоты и отверстием сбоку для чистки, железная трубка диаметром 1,5 см. На Югане отмечены трубки с глиняной головкой русской работы и деревянным резным чубуком. Для хранения трубки и табака шили кисеты из ткани или из шкурок с украшениями из сукна и бисера. Табачные стебли резали на доске для табака. Состав из табака растирали в ступах, вырезанных из березы (рис. 28, 6). Они небольшие: высота 12, диаметр 6 см, имеют одну или несколько ножек. Иногда ступки украшены резным геометрическим орнаментом. Песты различались в отдельных группах. На Агане и Пиме это небольшая палка (длина от 15 до 17 см), закругленная на рабочем конце. На Югане высота песта во много

раз больше ступы и достигает 95 см; рабочий конец закруглен, а другой имеет набалдашник в форме чурочки или естественный шишкообразный нарост.

При описании вместилищ для продуктов указывалось, что некоторые из них применялись и для хранения вещей. Особенно это относится к коробкам из бересты и пихтовой коры. Во время переездов женщины помещали в них фарфоровые чашки и блюдца, переложенные стружкой. В очень больших коробках находилась одежда. Дети тоже имели собственные коробки для игрушек. В небольших сосудах из бересты хранили разную мелочь. В упоминавшиеся мешки из рыбьих кож и тканей складывали покупки. Для этих же целей служили и головные платки: из них делали узел. Мелкие предметы женщины завязывали в уголок повязанного на голове платка. Наперстки «без дна» нанизывались на уголок платка, а ниже завязывали узелок.

Мужским аксессуаром были сумочки, которые подвешивали к поясу на двух петлях. Среди них выделяется два типа. I тип — в виде плоского мешочка — чаще всего представлен сумочками для оселка. Обычно они из сукна или комбинированные с кожей, имеют меховую опушку и украшены бисером, цепочками. Современный экземпляр с Пима — прямоугольной формы, длина 9, ширина 4 см (рис. 30, *4*) — сшит из сукна, опушен шкуркой выдры, украшен нарезанной проволочной изоляцией.

II тип мужских сумочек — объемные, с вшивной полосой в боковой части, их длина 13, ширина 10 см. Известны два варианта этого типа с клапаном и без него. Сумочки без клапана характерны для Югана. У них основная часть и опушка — из шкуры выдры, между ними вшита полоса мозаики из белой и коричневой ровдуги; подобная полоса вшита также в боковой части сумочки. Снаружи нашиты для украшения пуговицы. В устье сумочки с обеих сторон наложены роговые пластинки с отверстиями, через которые проходит, затягивая сумочку, бечевка; этой же бечевкой сумочку привязывают к поясу на левом боку.

На Агане, Пиме и Тромъегане известен другой вариант этого типа сумочек, состоящих из двух одинаковых по форме и величине частей,— собственно сумочки

и клапана (рис. 30, *3*); в развернутом виде длина 16, ширина 9 см. Обе части сшиты из шкуры с головы оленя, шеи лося или из камусов, украшены мозаикой с прокладкой сукна и бисером. Боковые стенки сумочки образованы вшивной полосой. Будучи сложена вдвое, сумочка завязывается снизу одной или двумя парами бечевок. На сгибе вшиты две ременные петли, сквозь которые продевается пояс.

Вне типологии находится мужская сумочка, отмеченная на р. Аган (рис. 30, *6*). Она имеет вытянутую прямоугольную форму, сшита из двух слоев ткани, наружный слой сплошь зашит узорчатой аппликацией. Внутри сумочки — два карманчика для хранения мелочей; они разделены полосой ткани, в которую втыкают иглы. На карманчике вышит узор и памятная надпись; на одном конце сумочки пришиты две вязки, которыми обматывают скатанную для хранения сумочку. По конструкции, способу хранения и некоторым деталям можно выделить ее в самостоятельный — III тип. Но этому препятствует единичность находки. Возможно, здесь сказалось индивидуальное творчество мастерицы, стремящейся создать изделия нового типа. Не исключено и другое предположение, что это старинный тип сумочки, практически исчезнувшей из обихода. Об этом говорит сходство конструкции, назначения и способа хранения сумочки с одним из типов женских игольников восточных хантов.

Особо ценные вещи (культовые предметы) хранились в небольших деревянных сундучках, среди которых были и обитые железом.

Простым по устройству было вместилище для варгана (губного музыкального инструмента) в виде двух деревянных пластинок, повторяющих форму инструмента и обмотанных нитью, которая имеется на конце варгана. Его хранили также внутри двойной крышки от коробки со швейными принадлежностями. Такие коробки не отличались от описанных выше для хранения продуктов. Коробками женщины пользовались обычно в постоянном жилище, а при переездах и в лесу удобнее были сумки. В женских сумках, как и в мужских, выделяется два типа: плоские и объемные. В плоских небольших сумочках I типа хранили разную мелочь. Их основная часть — из камусов или меховой мозаики с

прокладкой сукна в швах; в устье пришита полоса ровдуги со вздержкой, украшением являются кисточки. Но более характерными были сумки II типа. В разных районах они имели одну и ту же конструкцию и близкие размеры: 30×18 см; сумки девочек — меньше (рис. 31, *4, 12*). Особенно выразительны сумки из двух шкур с оленьих лбов, соединенных вкруговую (кроме верха) орнаментированной полосой из ровдужной мозаики, к которой изнутри подшита ткань. Вверху у сумки надставленная широкая полоса ровдуги (реже ткани), затягиваемая вздержкой. Для украшения нашиты низки бус, подвески, в глазные отверстия вшиты кусочки ткани, расшитые бисером, а у некоторых экземпляров оставлены подшитые тканью ушки; такие сумки особенно напоминают головы животных. Пустая сумка имеет форму полуовала, слегка зауженного кверху; благодаря боковым полосам она весьма объемна и при наполнении округляется.

При том же покрое сумка бывает иначе скомбинирована. Например, боковая орнаментированная полоса не из ровдуги, а из камусов; иногда она вместо орнамента украшена кистями и т. п. Такие сумки шили и из ровдуги. К этому же типу относятся сумки для выкроек, известные на Югане (рис. 31, *6*). Широкие стенки сумки и опушка — из шкуры с подбородка лося; узкие боковые стенки и полоса между опушкой и основной частью — из той же шкуры, но ворсом внутрь, наружная же их часть окрашена в коричневый цвет. К опушке пришиты четыре бечевки: две к боковым стенкам и связаны петлей, две покороче — к широким стенкам. Высота 25, ширина 16 см.

На Югане отмечен мешок больших размеров (60×44 см) с иным назначением — для хранения и перевозки разных вещей и продуктов. В целом его покрой (рис. 31, *3*) такой же, как у швейной сумки, но есть и отличия. Опушка мешка не из ровдуги, а из шкуры оленя ворсом внутрь; его задняя стенка — из грубого холста, а передняя — из кожи и украшена продольными полосами меховой мозаики, что почти не встречается на швейных сумках.

Каждая женщина и девочка имела игольник, который часто получали в подарок. У сургутских хантов были игольники двух типов — твердые и мягкие. I тип

(рис. 32, *15*) представлен в музейных коллекциях, собранных в первых десятилетиях XX в. на Оби и Агане. Это трубки из кости оленя или соболя с пробками из дерева или травы. Сейчас такие игольники не встречаются. Определяющий тип игольников у сургутских хантов в прошлом и настоящем — мягкие, по форме круглые или квадратные, с закругленными углами (рис. 32, *7*, *12*). Рабочая часть обязательно из сукна (менее прочные ткани быстро изнашиваются от втыкания игл); вернее, это мозаика из полос цветных сукон с геометрическим узором в центре, линии швов которой расшиты бисером. Обратная сторона игольника — из хлопчатобумажной ткани, реже — из ровдуги; по краям имеется опушка из шкуры выдры. В качестве украшений на игольниках встречаются пуговицы, кусочки лебяжьего меха, различные подвески. Средние размеры 15×15 см. Обычный способ хранения мягких игольников — в развернутом виде, а подквадратные игольники иногда свертывали в трубку. К игольнику обязательно прикрепляли держатель наперстков (рис. 32, *9*). Это была либо сумочка из шкуры с половых органов самца выдры, либо костяная или деревянная пластинка на бечевке с бусами, либо зуб лисы; встречались и просто петли из ткани.

Наперстки ханты когда-то умели изготовлять сами из шкуры оленя, но в исследуемый период они были покупными. Предпочитались сквозные наперстки без дна, либо его срезали, так как по давней традиции ханты пользовались при шитье боковой стенкой наперстка (а не дном, как это принято у русских).

Часто к игольникам присоединяли бечевками крепилки для ниток из сухожилий, иногда их хранили отдельно. Крепилки сургутских хантов — разнообразны по формам. Среди них можно выделить пять типов. I тип — подъязычная кость лося или оленя — был распространен повсеместно (рис. 32, *4*). II тип представлен двойной костью из крыльев различных птиц: глухаря на Югане, утки на Агане, лебедя на Тромъегане (рис. 32, *5*). III тип — бедренная кость белки (для тонких нитей) или соболя (для толстых нитей) — преобладал на Югане (рис. 32, *3*). Крепилки названных типов были естественного происхождения. IV тип — это пучок сухожильных нитей, отмеченный на Пиме. V тип представлен специ-

ально изготовленными пластинками 12×3 см из рога оленя или лося, с прорезями в виде простых геометрических фигур (рис. 32, *10*). Они были наиболее характерны для Агана и встречались на Пиме.

Нити на крепилке хранили по-разному: каждую нить отдельно, переплетали их в косу или более сложным способом; иногда их наматывали. На одну крепилку помещалось до 13 пучков по 10 нитей в каждом. По сообщениям аганских хантов, способы переплетения нитей совпадали с таковыми при изготовлении циновок, а получаемые узоры имели определенные названия.

У хантов Агана зафиксирована специальная обертка для сухожилий, которые шли на изготовление нитей и должны были храниться чистыми. Это двуслойный кусок бересты овальной формы, 50×60 см (рис. 32, *13*), прошитый по краям крупными стежками ниток из конского волоса. У этой же группы сухожильные нити хранили в берестяной обертке размером 20×20 см. Сейчас женщины широко пользуются покупными нитками и катушки с ними хранят обычно отдельно; некоторые же присоединяют их к игольнику бечевкой, продетой в катушечные отверстия (рис. 32, *6*).

К утвари для рукоделия относятся кроильные доски размером от 12×12 до 41×17 см, украшенные иногда рядами простых геометрических фигур, вырезанных по краям (рис. 33, *1, 2*).

Утварь, составляющая обстановку жилища, была немногочисленна. Обязательной принадлежностью каждой семьи был небольшой обеденный стол, со средними размерами столешницы 60×30 см и высотой ножек 10—15 см. В большой семье его имела каждая семейная пара, а также одинокий человек, оставшийся без супруга или детей. Доску для стола стремились изготовить из цельного кедрового дерева, но это удавалось не всегда. Углы доски слегка закругляли, ножки делали из двух досок с фигурными вырезами или из четырех палочек по углам. Низкие столики ставили на нары, а при отсутствии последних — на пол или на землю. Такие столики были удобны при переездах, но ими повсеместно пользовались и в постоянных жилищах. На Югане и Агане нередко встречались и более высокие столы — до 60 см, которые ставились к нарам. Традиционным способом чистки стола было выскабливание

ножом; под влиянием русских их иногда накрывали клеенкой и, как исключение — скатертью. В некоторых домах можно встретить традиционную низенькую или заимствованную высокую табуретку, а также скамью.

В традиционном жилище в стены вбивали деревянные штыри, а вверху укрепляли шесты для развешивания вещей. У входа в жилище хранились выбивалки снега из зимней одежды и обуви или из подстилок на нарте; ими же выбивали пыль из постелей. Зимой их постоянно возили на нарте. Известны два типа этих изделий. I тип — юганский — в форме кинжала или меча из соснового дерева, длина до 50 см, ширина от 4 до 5 см; рукоять немного у́же и имеет на конце отверстие для подвешивания, иногда на переходе к рукояти по бокам вырезаны две-три зарубки (рис. 33, *6, 7*). Изготовляли их мужчины, но иногда и женщины. На Пиме и Тромъегане зафиксированы выбивалки II типа — в виде изогнутой деревянной лопатки, длина 40, ширина 7 см; сужающаяся рукоять заканчивается выступом (рис. 33, *13*). Выбивалки этого типа напоминают шаманские колотушки, но без меховой обшивки.

Снег от жилища отгребали деревянными лопатами длиной 122, шириной (в рабочей части) 19 см, с отверстием на конце рукояти (рис. 29, *5*).

К традиционной утвари сургутских хантов относится опахало-веник. Им обмахивались в жару, раздували огонь, направляли дым на человека для защиты его от комаров, а старыми экземплярами подметали пол или дно лодки. Это два крыла гагары, гуся или утки, сплетенные у основания кедровым корнем. Несколько выше они соединены деревянной пластинкой, воткнутой в ткань крыльев; еще выше перья связаны сухожильной ниткой (рис. 34, *3*). Возможен и более простой способ изготовления: основания крыльев связаны в двух местах бечевкой, а выше перья привязаны к двум деревянным пластинкам, и все детали соединены (рис. 34, *4*).

У порога жилища клали мат из травы. На нарах или на полу, где спальные места, расстилали циновки (рис. 34, *6, 8*). Форма циновок прямоугольная, средние размеры 190×120 см. По материалу и способу изготовления, определявшему конструктивные особенности циновок, выделяется три типа. У циновок I типа пучки

травы или стебли вейника высокого перевиты вручную бечевками, такие циновки чаще встречались у хантов Пима и Агана. Циновки II типа сшивали из полосок, сплетенных из ситника скученного. В одном варианте этого типа узкую полоску плели как косу, складывали ее зигзагообразно и сшивали. В другом варианте полосу плели особой техникой, при этом требовалось до десяти ленточек травы. Приемы плетения различались, что определяло и получаемый узор. Готовую полосу разрезали на участки, равные ширине циновки, и сшивали; боковая кромка обшивалась рыбьими кожами, птичьими шкурками, особенно лебяжьими, или тканью. Иногда этими материалами обшивали кромки и у циновок 1-го варианта. Наиболее распространены были циновки III типа, изготовляемые из камыша на станке. На Югане этот процесс описан У. Т. Сирелиусом [Sirelius U. T., 1903, S. 39]. Речь идет о простейшем вертикальном станке, где пучки камыша переплетали перекидыванием через них бечевок с грузиками на концах. Боковую кромку заплетали вручную. Циновки II и III типа были обычно орнаментированы; простые геометрические узоры получали при вплетении лыка ивы, окрашенного в черный цвет.

Циновки были обязательной принадлежностью традиционного жилища. Когда они приходили в негодность, сверху расстилали новые, отчего спальные места становились мягкими. Поверх циновок или вместо них клали подстилку — оленью шкуру. Для сна устраивали изголовье из вещей или пользовались подушками из пера с матерчатыми наволочками. На Пиме зафиксированы продолговатые подушки, а в остальных районах — квадратные. Накрывались во время сна распашной одеждой.

Над спальными местами каждой семьи или взрослых детей на ночь натягивали полога из хлопчатобумажных тканей (рис. 34, *1*). Полог изолировал от соседей по жилищу, сохранял тепло и служил защитой от гнуса. По поверьям его следовало шить из разноцветных полос хлопчатобумажной ткани, хозяйка же одноцветного полога якобы могла ослепнуть. Для расширения полога внизу по углам вшивали клинья. По верхнему краю коротких стен прикрепляли палки, и к ним в середине привязывали веревки: одну — к стене, а с по-

мощью другой полог растягивали. После сна его сворачивали к изголовью.

Повсеместно, кроме Югана, на ездовую оленью нарту расстилали и привязывали оленью шкуру (рис. 34, *5*); на Югане сложенная в несколько раз шкура служила высоким сидением. На Пиме зафиксировано покрывало для женской нарты из покупных одеял с пришитыми по краям ленточками из цветных тканей.

Определенную роль в быту хантов играли гигроскопические средства. Наструганные гнилушки клали в колыбель, а мягкими тонкими стружками из мерзлой осины вытирали насухо мелкую посуду. Стружками вытирали лицо и руки после умывания и пользовались во время еды рыбы или мяса. Женщины вкладывали также стружку в пояс-повязку во время менструаций.

В последние годы стружки все чаще стали заменять утиральником, которым служит обычно тряпка. Полотенце в условиях традиционного быта применяется еще редко. Сейчас принято умываться с мылом, появились и мыльницы. Пользуются ханты и зеркалами, хотя они не считаются обязательным атрибутом.

Освещали жилище прежде огнем очага: жгли в чувале лучину или тонкое смолистое полено. В наши дни широко пользуются керосиновыми лампами со стеклом. Вечером место лампы — рядом с хозяйкой, занятой рукоделием. Ханты считают необходимым, чтобы лампа светила и в ночное время. «Когда умрем, тогда в темноте належимся» — таково их объяснение. Иногда прибегают к помощи свеч, но они не популярны.

К утвари условно отнесены и колыбели. Традиционный уклад жизни хантов предусматривал тесную связь ребенка с колыбелью, которая служила ему микрожилищем первые три-четыре года. Различались дневные и ночные колыбели. Дневную колыбель (рис. 35, *2*) изготовлял из кедрового дерева мужчина. Она состоит из трех частей: полуовального дна, подтреугольной спинки и стенки, изготовленной из гнутой доски высотой 10—15 см. Длина колыбели 45—50 см, ширина 27—30 см, высота спинки 50—55 см. Дно соединено с бортами и спинкой лентами сарги или кедрового корня, они проходят сквозь отверстия. У маленькой колыбели для новорожденных дно и спинка — из одной доски,

надрезанной и надломленной на месте сгиба. В нижней части спинки имеются прорези, куда вставляются зауженные выступы бортов. Последние имеют отверстия, а в них вставлены одна или две деревянные планки, идущие параллельно спинке. По бокам на верхних краях бортов укреплены петли из бечевок или сухожильных нитей, в которые вдет ремень для зашнуровки. У изголовья бечевками прикреплена одна или две дуги из черемухового или тальникового прута; от вершины спинки к вершине дуги проходит бечевка, за свободный конец которой натягивают дугу, когда на колыбель накидывают платок. Параллельно этой бечевке бывают укреплены цепочки, низки бус с подвесками и колокольчиками — украшения дужки, для развлечения ребенка. В ножной части колыбели укреплен еще один ремень, оканчивающийся петлей, которую одевают на руку или ногу при покачивании колыбели. И, наконец, два сухожильных шнура или цепочки укреплены сбоку в бортах и спинке, образуя большие петли для подвешивания. Верхняя, подголовная часть спинки покрыта шкурой оленя, обычно с головы животного. С наружной стороны спинки иногда прикрепляли мешочек с пуповиной ребенка.

Ночную колыбель изготовляла мать или другая женщина до рождения ребенка. Это продолговатый сосуд из бересты, сужающийся к ногам (рис. 35, *1*). Его длина 72 см, ширина 78 см, высота 15 см. Борта, кроме участка в изголовье, покрыты полосой ткани с петлями внутри колыбели, через которые проходит бечевка-шнуровка. Над изголовьем — дужка для накидывания платка. В ночной колыбели ребенок находился только в горизонтальном положении, и обычно ее ставили на пол. На Югане отмечено, что ночную колыбель иногда подвешивали ремнями, прикрепленными к наружным деревянным планкам. На Салыме известны ночные колыбели из дерева с такой же конструкцией, как у дневных, но более вытянутые в длину и с укороченной спинкой.

В колыбель — дневную или ночную — помещали вкладыш размером немного меньше ее. Это подпрямоугольный сосуд из бересты, на Югане с высокой спинкой. Во вкладыш насыпали наструганные гнилушки березы, хорошо впитывающие влагу, а поверх — мягкий

подшейный волос или шерсть оленя, иногда — мох. Реже это была подстилка из выделанной оленьей шкуры, к нижней части которой пришивали кусок шкуры с подшейным волосом оленя (с него легко скатывается влага). Подстилкой служила и шкурка гагары. Новым элементом является маленькая перина — это мешочек из старой хлопчатобумажной ткани, наполненный шерстью лося.

Прежде ребенка усаживали на подстилку голеньким, а сейчас нередко его заворачивают в пеленку. Мальчикам клали на бедра округлую или овальную набедренную пластину из бересты 20×17 см, обшитую по краям темной тканью. Она предохраняла одеяльце от мочи. Одеяло для новорожденного (рис. 35, *4*) делали из шкуры зайца, которую иногда простегивали с хлопчатобумажной тканью; детей постарше накрывали и оленьей шкурой. В наши дни новорожденного часто заворачивают в теплую одежду старших детей. Ребенка во вкладыше помещали в колыбель и зашнуровывали. Сверху на дужки накидывали женский платок, и лицо ребенка было затенено. При необходимости, например для защиты от гнуса, платком накрывали колыбель целиком.

Существовали специальные двусторонние крюки для колыбелей (рис. 35, *2*). Их вырезали мужчины из кости оленя или лося и наносили резной орнамент. Были известны и железные крюки. Над спальным местом родителей в балку вбивали штырь, к нему прикрепляли ремень, на конце которого был крюк для колыбели. На улице ее подвешивали на наклонный шест или другую опору. У подвесной дневной колыбели можно менять угол наклона, и ребенок находится не только в в лежачем, но и в сидячем положении. Эта колыбель нравилась детям больше, чем ночная, так как в ней их раскачивали.

Таков набор утвари, которой пользовались и пользуются сургутские и салымские ханты в условиях традиционного быта. Большинство ее видов представлено у разных групп одними и теми же типами. Однотипными, т. е. совпадающими по назначению, материалу, форме и, главное, конструкции, можно считать плоскодонные сосуды, кузовки и кузова, а также коробки из бересты и коры пихты; доски для разделки рыбы и рожны для

ее зажаривания; котлы, а также деревянные крюки и лопатки для них; черпаки и корытца из дерева; кадушки и лопатки для изготовления теста и лопаты для посадки хлеба в печь; чайники и чайные чашки с блюдцами; табакерки и плетеные коробки; наперстки и мягкие игольники; крепилки для сухожильных ниток из подъязычной кости лося; II тип сумок для швейных принадлежностей; низкие столики; опахала и полога, циновки, изготовленные на станке; подстилки (на нары) из оленьей шкуры и использование верхней одежды в качестве одеял; деревянная дневная и берестяная ночная колыбели; пеленки и набедренные пластины из бересты для мальчиков в колыбели.

Перечисленные однотипные изделия были характерны в целом для сургутских и салымских хантов. Однако нужно иметь в виду, что некоторые из них, хотя и употреблялись повсеместно, но не в равной мере. Так, невозможно представить хантыйское хозяйство на любой реке без использования водонепроницаемых сосудов из бересты или кузовков и кузовов для сбора ягод. Но этого не скажешь о коробках из бересты для сухих продуктов или вещей. Более всего они были распространены на Агане, хотя здесь немалую роль играли и коробки из пихтовой коры. Последние наиболее характерны для Югана. На Пиме и Тромъегане роль вместилищ обычно исполняли плетеные коробки. На Салыме в начале XX в. утвари из бересты было немного. По прочности, качеству отделки и украшению она значительно уступала изделиям из бересты соседних групп.

Ряд изделий представлен разными вариантами в отдельных районах. Ступки для растирания состава из табака в целом однотипны, но песты к ним имеют локальные особенности. На Югане они непропорционально большие по сравнению со ступой, а на других реках — маленькие. Ложки-черпаки на тромъегане имеют особенность: треугольный выступ со сквозным отверстием на конце рукояти.

Мужские сумочки с клапаном были известны на Агане, Тромъегане, Пиме, а на Югане они имели иную форму. У юганских хантов наряду с общеизвестным типом швейной сумки зафиксирован большой мешок для вещей.

Как уже отмечено, повсеместно в качестве крепилки

для сухожильных ниток использовалась подъязычная кость лося. Другие типы крепилок локализовались следующим образом. На Югане наиболее типичной была кость из бедра соболя или белки и лишь изредка встречалась двойная кость из крыла птицы. На Агане и Пиме для хранения ниток изготовляли пластину из кости, а на Пиме использовали к тому же пучок сухожильных волокон; на Тромъегане отмечена двойная кость птицы.

Низкие столики были присущи в равной мере всем сургутским хантам, высокие же — аганцам и юганцам. Повсеместно использовались циновки, изготовленные на станке, а циновки из перевитых пучков травы встречались чаще в северных районах исследуемой территории. В колыбелях особенности отмечены на Салыме (использование в качестве ночной не только общесургутской берестяной, но и деревянной) и Югане, где вкладыши в колыбели имели спинки, а у берестяных колыбелей снаружи были планки для подвешивания. Подстилка из оленьей шкуры на ездовой оленьей нарте применялась везде, кроме Югана. Покрывала из одеял для нарты отмечены лишь на Пиме Выбивалки снега у хантов Югана резко отличались от таковых на других реках.

Многие предметы трудно привлечь к сравнительному анализу по выявлению локальных особенностей в среде сургутских хантов, так как о них нет достаточно представленных сведений по каждой из групп. Это мешки из рыбьих кож, чайные мешочки, ступы для черемухи, ложки для еды, ухватики для чайников, тарелки, солонки, трубки курительные, кисеты, распялки для шкур, обертки для сухожилий, сумки для выкроек, трубчатые игольники, подушки, лопаты деревянные, крюки для колыбелей и др.

ВТОРАЯ ГЛАВА

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ

1. Средства передвижения*

Лодки. Водный транспорт у сургутских и васюганско-ваховских хантов был одинаковым. Их однотипные долбленки с общим названием рыт имели лишь некоторые локальные особенности. Так, у васюганских и ваховских обласков — более острые водорезы, а также приподнятые корма и нос, на Оби и Агане последние почти не возвышаются над бортами. Для юганских и аганских лодок характерны особая узость и верткость, а также почти одинаковый уклон носа и кормы. Любопытно замечание хантов р. Васюган о том, что на Югане долбленки в плане напоминают форму местных лыж. У васюганских и александровских лодок на концах носа и кормы встречаются своеобразные «головки» (рис. 2, *2*), не зафиксированные на других реках. Гр. Дмитриев-Садовников, посвятивший ваховскому обласу специаль-

* При анализе средств передвижения использован фактический материал из следующих работ: Адрианов А. В. (1886); Алексеенко Е. А. (1961); Антропова В. В. (1953, 1961а, б); Антропова В. В., Левин М. Г. (1961); Арциховский А. В. (1947); Васильев В. В. (1929); Васильев В. И. (1962); Гаген-Торн Н. И (1961); Городков Б. (1926); Гурвич И. С. (1977); Иванов С. В. (1963); Ковригина В. А., Марасинова Л. Н. (1979); Козьмин В. А. (1983а, б); Конаков Н. Д. (1978); Кулемзин В. М., Лукина Н. В. (1977); Левин М. Г. (1946); Лукина Н. В. (1966); Лукьянченко Т. В. (1971); Львова Э. Л. (1972); Пелих Г. И. (1972); Преображенский А. А. (1975); Прокофьева Е. Д. (1961); Сатлаев Ф. (1974); Соколова З. П. (1972); Таксами Ч. М. (1975); Тароева Р. Ф. (1965); Терешкин Н. И. (1961, 1981); Хомич Л. В. (1961); Чернецов В. Н. (1949); Шатилов М. Б. (1931); Шульц Л. Р. (1924); Ahlquist A. (1883); Itkonen T. (1939—1940); Karjalainen K. F. (1899, 1921, 1927); Manninen I. (1929); Martin F. R. (1897); Sirelius U. T. (1913—1918); Steinitz W. (1967); Wiklund K. W. (1913—1918).

Некоторые сведения получены из устных сообщений Е. А. Алексеенко, П. Е. Бардиной, Г. Н. Грачевой, Л. В. Хомич.

ную статью (1913), объясняет некоторые особенности обласа на территории восточных хантов местными гидроусловиями. Кроме того, наши информаторы отмечали, что для представителей разных фамилий характерен особый «вид» долбленки (разная степень крутизны носа и кормы, форма головок и др.), по которому можно определить, кем она изготовлена.

Исходя из классификации лодок [Антропова В. В., 1961 а, с. 114], восточнохантыйские обласа можно отнести к западносибирскому варианту остроконечного типа долбленых лодок. Такие лодки были распространены у южных хантов, известны также у северных групп и у манси. Из других сибирских народов ими пользовались (как основным видом водного транспорта) нарымские селькупы и кеты; меньшую роль подобные долбленки играли у сибирских татар, карагасов Томской области, сымских и кетских эвенков, шорцев, алтайцев и ненцев. Известны они и у финноязычных народов — карелов, эстонцев и др. Для северных хантов и, вероятно, манси более характерны «калданки» — лодки из выдолбленного плоского днища и пришитых к нему бортов из двух досок. Они относятся к плоскодонному типу составных лодок [Антропова В. В., 1961, с. 114]. Учитывая это, констатируем, что по типу долбленок и их роли в быту особенно близки друг другу восточные ханты, кеты и нарымские селькупы.

В Нарымском крае как ханты, так и селькупы оформляли нос, а иногда и корму долбленки в виде завитка или фигурного выступа («головки»). Этот признак не известен в более северных районах, но неоднократно отмечен к югу от Нарыма. Томские татары вырубали нос и корму в форме выступов, напоминающих головки, а по рассказам, раньше вырезали в носу лодки изображение головы овцы, лошади или собаки. Лодки с головками были известны у чулымских тюрков и русского населения Нижнего Притомья. Приводя эти сведения, Н. А. Томилов (1980, с. 69—70) связывает этнографические данные с археологическими, а именно с глиняными моделями лодок-сосудов из могильника Релка в Нарымском крае, датируемого VI—VIII вв. н. э. У моделей на обоих концах имеются характерные выступы, а в одном случае выступ оформлен в виде головы животного. Некое подобие головки встречается на долбленках шорцев.

Истоки этого явления можно видеть в тувинских колодообразных долбленках со скульптурными изображениями на носу в форме конских голов; из двух соединенных долбленок в прошлом устраивали плот для переправы. (Восточные ханты также пользовались сдвоенными долбленками). Тот факт, что зооморфное оформление носа лодки, как наиболее близкое к предполагаемому первоистоку, зафиксировано у томских татар, дает основание связывать продвижение традиции на север с тюркоязычным населением. Процесс стилизации изображения шел до тех форм, которые зафиксированы в Нарымском крае у хантов и селькупов[6]. Ханты воспринимали головки двояко: как функционально необходимый элемент (для вытаскивания лодок на берег) и, напротив, как излишний (мешающий при продвижении по кустам и траве). Учитывая наличие других приспособлений для вытаскивания лодок, можно все-таки считать головки деталью необязательной и сохранявшейся по традиции, которая севернее Нарымского края не проникла.

Восточнохантыйское название долбленки *рыт* отличалось от южно- и северохантыйского и мансийского *хоп*. В. Н. Чернецов (1937, с. 356—358) установил, что этимология последнего термина связана со значениями 'выдолбленный', 'полый', 'сосуд' в языках манси, удмуртов и финнов[7]. Включение названия долбленки в один семантический ряд с указанными терминами является вполне логичным. Иначе обстоит дело с восточнохантыйским рыт, которое не обнаруживает связи с местными терминами 'паз', 'желоб', 'колода', 'чашка', 'долбить' и т. п. (последние не имеют ничего общего и с термином хоп). Этот факт особенно загадачен потому, что для восточных хантов долбленка более характерна, чем для других групп обских угров, у которых наряду с долбленкой бытовала составная лодка. В. Н. Чернецов (1937, с. 359) дает подборку названий лодки: рыт, рот, ронта у южных хантов и у манси. С указанными терминами пред-

---

[6] Г. И. Пелих (1972, с. 164) сравнивает головки селькупских лодок с выступами на носу и корме древнешумерийских лодок.

[7] Возможно, этот термин связан с реконструированным праенисейским названием (берестяной) лодки qä(')р, которое сопоставляется с названием сосуда, лодки, деревянной чашки в «палеоевразийских» (бакских, иберийско-кавказских и др.) и ностратических языках [Старостин С. А., 1982, с. 200].

положительно можно сравнивать нарымско-селькупское название долбленки ронтык и северо-селькупское название шаманской лодки ротык[8]. У селькупов существует и другое обозначение долбленки *анты*, которое лингвисты относят к общесамодийской лексике [Терещенко Н. М., 1971, с. 288]. Если предположение о связи приведенных терминов допустимо и если у селькупов ротык является более древним термином, чем анты (как сохранившееся в культовой лексике), то возникает мысль о существовании древнего названия лодки, вошедшего в язык селькупов и обских угров. Говорить о позднем заимствовании у селькупов не приходится, потому что термин существовал у южных хантов и манси, а у непосредственных соседей селькупов — восточных хантов — рыт было единственным названием обласка и кроме того — названием дощатой лодки. У селькупов наряду с ним существовало еще одно обозначение долбленки. Заметим, что у других групп обских угров рыт, ронта также обозначало большую лодку, баржу, карбас, а у северных селькупов ротык — название семиухой шаманской лодки, которое переводится 'корабль' [Прокофьева Е. Д., 1961, с. 59]. Не исключено, что первоначально этот термин был связан не с долбленой лодкой, и в таком случае становится понятной разъединенность названия обласка с выдолбленными изделиями у восточных хантов. Предположение о том, что в слове рыт — ронта «мы имеем старый не угорский термин для берестянки» [Чернецов В. Н., 1937, с. 359], пока не подтверждается.

В. Н. Чернецов обратил внимание на то, что при несовпадении обско-угорского названия лодки с венгерским у них совпадает название распорки в долбленой лодке: манс. тохт, венг. tat. У. Т. Сирелиус считал несомненным, что древнейшим видом лодки у финно-угорских народов была однодеревка, не требующая разводки бортов, а значит и распорок [Sirelius U. T., 1913, S. 2]. В. Н. Чернецов (1937, с. 358) тоже предполагал, что до прихода угров на север там изготовляли примитивные однодеревки без распорок. (В фольклоре хантов Васюгана упоминается плавание на «корытах»). Приход угров с их относительно высокой техникой привел к сдвигу в изготовлении лодок и появлению нового типа долб-

---

[8] Сходство селькупских терминов ронтык и ротык отмечено Г. И. Пелих (1972, с. 15—16).

ленки с разведенными бортами и распорками. Эта мысль В. Н. Чернецова заслуживает внимания, и ее следует проверить на археологических данных. Общеугорское происхождение названия распорки подтверждается тем, что ее восточнохантыйское название сходно с мансийским и венгерским (при отличии восточнохантыйского названия долбленки от западнохантыйского и мансийского!). У восточных хантов для обозначения распорки кроме тохт существует еще одно слово *меч*, семантически связанное с местными названиями стойки, подпорки, опоры.

Этнографические факты тоже позволяют считать распорки угорской чертой в долбленках финно-угорских народов. Обские угры делали распорки не только в долбленках, но и в составных лодках, где можно было бы ожидать использования кривых ребер (шпангоутов). Прямые распорки известны также в кетских долбленках, и их название *тат* совпадает с угорским, поэтому можно предположить, что у кетов это угорская черта. У финноязычных народов было принято делать долбленки не с прямыми распорками, а с кривыми ребрами. В свое время У. Т. Сирелиус отмечал, что в Северо-Западной Сибири он не встречал долбленок с ребрами, таких, как на севере России или у зырян и удмуртов. Способ крепления ребер в лодках этих народов он связывал, с одной стороны, с особенностями устройства шпангоутов на старинных скандинавских судах, а с другой — с устройством крепления старинных лыж у ингерманландцев, эстонцев и зырян [Sirelius U. T., 1913, S. 1—6].

А. Алквисту принадлежит мысль о том, что прежде у угров были только долбленые лодки и лишь позднее на Оби их стали сшивать из трех частей[9] [Ahlquist A., 1883, S. 219]. В Нижнем Приобье это могло быть связано с условиями, не позволяющими плавать в неустойчивой долбленке по широкому разливу реки. Восточные ханты сшивными (составными — по классификации В. В. Антро-

---

[9] У северных хантов характерной особенностью старинных составных лодок являются выступы ниже кормы и носа — признак, отсутствующий в восточнохантыйских лодках. В фольклоре южных хантов «лодка с раздвоенной кормой» является эпитетом самодийских лодок, который, возможно, отражает устройство кормы с выступом под ней. Выступы ниже носа — типичный признак долбленых и дощатых лодок народов Дальнего Востока.

новой) лодками не пользовались и не украшали своих лодок в отличие от северных хантов. У последних обычай украшать лодки относится, очевидно, к глубокой древности. Среди сосудов эпохи ранней бронзы из Нижнего Приобья (сартыньинская культура) встречаются орнаментированные ладьевидные изделия, которые Е. А. Васильев (1984, с. 13) склонен считать глиняными моделями лодок. В фольклоре южных хантов упоминаются предназначенные для войны лодки богатырей, украшенные изображениями птиц и зверей.

Восточные ханты повсеместно пользовались на обласках однолопастным веслом. То же можно сказать о других группах обских угров, за исключением нижнеобских хантов, у которых нередко встречалось и двулопастное весло, вероятно, заимствованное у ненцев. Однолопастным веслом пользовались селькупы и кеты; у последних было известно также двулопастное весло эвенкийского происхождения [Алексеенко Е. А., 1961, с. 89]. В форме весел у восточных хантов не выявляется существенных локальных различий. Они имели сравнительно короткий черен с прямой или изогнутой перекладиной и изогнутую удлиненную лопасть листовидной или шестигранной формы, на Агане и Пиме нижний конец лопасти был прямообрезанным. В фольклоре упоминаются весла богатырей «с глухариную шею толщиной», «с лебединую шею толщиной». Листовидная форма лопасти наиболее характерна как для исследуемых, так и для других групп обских угров. Н. В. Сорокин (1873, с. 30) отмечал, что весла вогулов сужаются к концу в виде копья и напоминают весла дикарей Тихого океана. Весла с листовидной лопастью известны у селькупов, сходство кетских весел с селькупскими отмечено Е. А. Алексеенко (1961, с. 89). У хантов Ваха встречались весла эвенкийского происхождения.

Восточнохантыйские весла если и украшались, то очень бедно. Обычно это профилировка черена в виде нескольких (трех) зарубок и перекладины и в единичных случаях сквозные прорези в этой же части. У северных хантов и у манси зафиксированы весла с профилировкой более значительного отрезка черена, с погремушками в прорезях и резным орнаментом как на черене, так и на лопасти; особенно богато украшались де-

вичьи весла. Сведения о подобных способах украшения весел у других народов Сибири не встречались.

Восточнохантыйское название весла *лув, туп* входит в единый семантический ряд, выявленный исследователями у финно-угорских и самодийских народов. Насколько известно, последним к этимологии термина обращался В. Н. Чернецов. Он отметил, что «не только по обско-угорским, но и по ряду самодийских языков здесь можно наблюдать совершенно исключительное единство» [Чернецов В. Н., 1937, с. 359]. Связь самодийского *лабео, лап* с финским лапа 'лист', 'лопатка', 'лопасть', которую установил Е. Сетеля, В. Н. Чернецов считает мало говорящей об этимологии слова 'весло'. Он выводит это слово от глагола *тоу, ту-го,* 'грести'. Возможно, что в языке восточных хантов термин лув 'весло' связан с глаголом *лахынта* 'грести'. Их название кормового весла *сехыс лув* образовано от названия кормы *сехыс.* Лопасть весла в местных диалектах называли по-разному. Васюганско-ваховское *ламп* обозначает также лопасть лопаты и находится в семантическом ряду с *кур ламп* 'стопа' и *кет ламп* 'ладонь', выражая понятие плоскости. Салымское *пилы* 'лопасть весла' связано, вероятно, с восточнохантыйским названием лопаты *пилив.* Привлекает внимание еще одно местное обозначение лопасти весла *лув вах* 'весло железо'. Нет оснований связывать этот термин с металлическим веслом шлюпок, так как он зафиксирован Н. И. Терешкиным в 1950-х гг., когда шлюпки еще не получили здесь распространения. Обозначение словом 'железо' лопасти традиционного деревянного весла требует объяснения.

Рассказы об использовании в прошлом берестянок зафиксированы у разных групп восточных хантов. На Васюгане одни информаторы связывают их с древними жилищами, имеющими подземный въезд с реки, а другие считают, что их предки не делали берестянок, и этим отделяют себя от эвенков. В фольклоре хантов Ваха их долбленки противопоставляются берестянкам самоедов. То же известно и по героическим сказаниям южных хантов: самоеды во время походов в глубь остяцкой страны пользовались берестяными лодками. В. Н. Чернецов, собиравший материалы среди манси и северных хантов, приводит фольклорные сведения о том, как приплывшие на берестянках враги напоро-

лись на колья, вбитые в дно реки. Как видим, в фольклоре разных групп обских угров берестянки приписываются главным образом врагам. Такое отчуждение свидетельствует о неугорском происхождении берестянки. Не случайно, очевидно, что все авторы XVIII в. сообщали о долбленке обских угров. и лишь в одном случае П. С. Паллас (1786, с. 328) наблюдал у южных манси берестянку.

То, что береста как материал не применялась для лодок в быту обских угров, можно объяснить лишь этнической традицией, особенно если учесть роль, которую играла береста в других сферах их материальной культуры. Эвенки, наоборот, пользовались берестой меньше, чем ханты и манси, но для них была характерна берестяная лодка. Из непосредственных соседей хантов берестянку использовали в прошлом нарымские селькупы. Г. И. Пелих (1972, с. 268—273) приводит о ней фольклорные сведения, устные описания и рисунок очевидца, выявляет роль берестянки в погребальном обряде селькупов и древнего населения к югу от селькупской территории. Эти данные наряду с упоминаниями самоедских берестянок в фольклоре хантов говорят о бо́льшей их роли в культуре самодийских народов по сравнению с обскими уграми. У кетов, имевших много общего с восточными хантами по другим видам водного транспорта, берестянка известна лишь по данным фольклора и языка и, очевидно, не играла большой роли в прошлом.

Данные об использовании плота у восточных хантов отсутствуют, известно лишь его название *пора*. Оно относится к семантическому ряду, который В. Н. Чернецов (1937, с. 360) выявляет у манси, хантов, удмуртов и сближает с венгерским *пара* 'наплав' и мансийским *партан* 'плавник'. У восточных хантов слова 'плот', 'наплав', 'поплавок' являются омонимами.

Все группы восточных хантов пользовались большими дощатыми лодками с покрытием, при этом их устройство и способы продвижения были одинаковыми. Крытые лодки упоминаются также в фольклоре южных хантов. Судя по кратким сведениям и изображениям в музейных фотоколлекциях, крытые лодки существовали в XIX — начале XX вв. у южных и северных хантов и манси (Демьянка, Ляпин, Сосьва, Нижняя Обь), а по форме были подобны восточнохантыйским. Боль-

шие крытые лодки упоминаются у нарымских селькупов. Наиболее подробное описание таких лодок дано по кетам [Алексеенко Е. А., 1961]. Устройство их илимки в целом сходно с хантыйской.

Установилась точка зрения, что крытая лодка (илимка) заимствована коренными народами Сибири у русских [Антропова В. В., 1961 а, с. 115; Алексеенко Е. А., 1961, с. 89, 95; Гаген-Торн Н. И., 1961; с. 81]. В свое время мы тоже придерживались этой точки зрения относительно селькупской лодки [Лукина Н. В., 1966, с. 116]. Однако последующие полевые наблюдения и изучение всей совокупности имеющихся данных вызывают сомнения в бесспорности существующей точки зрения, по крайней мере в отношении хантов.

Известно, что лодка была не только видом транспорта, но и жилищем, в котором семья разъезжала и жила длительное время. Следует подчеркнуть, что такие лодки изготовлялись не с целью перевозок больших грузов — эту функцию выполняли большие обласа. Сочетание лодка + жилище могло быть только у коренного населения, летний образ жизни которого был тесно связан с рекой и не требовал постоянного места жительства. У русского населения Среднего Приобья не принято было летом уезжать всей семьей на длительное время. Если мужчины уезжали надолго рыбачить, они жили не в лодках, а на берегу. Большие лодки с каютами были известны местному русскому населению, и использовались как специализированный вид речного транспорта, связанный с перевозками грузов и пассажиров. Вряд ли эпизодические встречи хантов с такими судами могли привести к заимствованию. Показательно, что на вопрос: не научились ли ханты у русских делать лодки с покрытием, на Васюгане ответили: «У русских? Да русскому никогда не сделать такой лодки!». Разумеется, это категорическое суждение высказано только на основании представлений о местных русских. Важной предпосылкой создания дощатых лодок были навыки хантов в изготовлении длинных досок.

Распространение навыков речного судостроения в Западной Сибири после освоения ее русскими связывается с поморами, которых присылали для изготовления дощаников. Отсутствие точных сведений о конструкции и технике изготовления русских дощатых лодок для

плавания по рекам лишает возможности сравнить их с лодками дорусского населения. В книге «История открытия и освоения Северного морского пути» (1956, с. 195, 464, 465) имеются изображения русских судов (шитиков и каюков), похожих на хантыйские лодки. Однако они имеют и ряд существенных отличий: короткий, а не выступающий вперед нос, большое количество оттяжек для мачты и возвышение над кормой. Поморские суда имеют конструкции, намного более совершенные, чем интересующие нас лодки сибирских народов.

В прошлом наиболее распространенным покрытием хантыйской лодки было берестяное. По данным Е. А. Алексеенко (1961, с. 95), у восточных хантов и кетов оно по конструкции сходно с их временным полусферическим жилищем, имеющим каркас из гнутых прутьев и берестяное покрытие. Жилище такого типа очень древнее, локализуется оно в Западной Сибири у обских угров и кетов. Возможно, что его сооружали вначале не на большой дощатой лодке, а на долбленке. Основание для такого предположения дает модель долбленки с берестяным покрытием из Нарымского края [МАЭ, № 376—42], а также употребление термина *коран рыт* 'крытый облас' по отношению к дощатой лодке с покрытием. Имеются сведения о том, что обские угры устраивали покрытия из бересты на плотах [Manninen I., 1932, S. 356].

Основными способами продвижения лодки у хантов были гребля веслами, толкание шестами и тяга бечевой. Мачта с парусом, возможно, была введена под русским влиянием. Не случайно все части крытой лодки, за исключением мачты и паруса, имеют хантыйские названия, совпадающие в большинстве с названием соответствующих частей обласа. Парус назывался у восточных хантов *парвис, парс, анкыль* (анкыль 'столб, кол'). Сходный термин известен у хантов Казыма, Сыни и у манси. В одной из групп восточных хантов (Салым) парус называли *отып* 'полог'[10]. На верхнем конце мачты ханты прикрепляли доску, декоративное оформление которой было одинаковым на Васюгане и Демьянке. Вы-

[10] Как установила Е. А. Алексеенко (1961, с. 89—90), в кетской терминологии крытой лодки название кормы, носа, дна, борта и весла сходны с соответствующей терминологией долбленки, а название паруса имеет русское происхождение.

ше доски прикреплялся флюгер с крестом на верхушке стержня (Васюган, Нижняя Обь). Форма флюгерного флажка с вырезанным крестом и развевающимися концами совпадала на Васюгане, Демьянке и Нижней Оби; подобный флажок отмечен и у кетов. Очевидно, у разных групп хантов форма флюгера была одинаковой. Аналоги во флюгерных флажках прослеживаются также у кетов, но стержни у них были другие, более сложных форм. Не исключено, что флюгер как часть мачты с парусом заимствован хантами у русских. Относительно кетов такое мнение было высказано В. И. Анучиным, что побудило Н. И. Гаген-Торн (1961, с. 81—82) сравнить кетские флюгера с русскими, привезенными с низовьев Печоры. В результате выяснилось, что от русского влияния у кетского флюгера остался только крест, вырезанный в жестяном флажке; этот же признак имелся во флажках хантов.

У восточных хантов были разные названия для лодки с покрытием, из них наиболее принятое *кирив, кирап*. Сходный термин в значении 'судно', 'грузовая лодка', 'паром' известен у южных хантов и западных манси. Его сравнивают с тюркским названием судна, где он, в свою очередь, считается русским заимствованием [Kannisto A., 1925, S. 130]. В цитируемом месте приводятся и другие мнения: о непосредственном заимствовании остяками и вогулами из русского 'корабль', а также о связи с финским *карвас* и саамским *гарбес* 'лодка'. Мы не беремся судить о соответствиях с точки зрения лингвистики, но считаем уместным высказать некоторые замечания историко-этнографического плана. Опосредованный путь проникновения русского названия через тюрков к обским уграм кажется малореальным потому, что он предполагает знакомство последних с дощатой лодкой благодаря тюркам, а это вряд ли имело место. Заимствование из русского возможно для обских угров в том случае, если термин корабль был бытовым и массовым в народной среде русских. Начиная с Древней Руси и по XVII в. известны разные русские названия судов — ладья, насад, струг и др.; термин же корабль произошел от греческого χαραβοα (Словарь... 1956, с. 1411). На заимствованный характер указывает тот факт, что в Древней Руси «корабль» употребляется в договорах для замены русского названия «ладья» [Во-

ронин Н. Н., 1951, с. 290] [11]. Эти данные, наряду с существованием сходных терминов у финноязычных народов, говорят о сложной истории обско-угорского термина *кирив*. В случае с восточными хантами предположение о заимствовании из русского затрудняется тем, что в местных русских говорах слово корабль известно в фольклоре, а бытовые названия речных судов были иными. Кстати сказать, это не согласуется с мнением о заимствовании хантами от русских крытой дощатой лодки [12].

Другое восточнохантыйское название дощатой лодки с покрытием *каяк* считается заимствованием из тюркского [Paasonen H., 1902, S. 122]. Известно также несколько терминов с компонентом рыт (так называется долбленка): *коран рыт* (коран 'с покрытием'), *пары рыт* (пары 'плот'), *сэран рыт*. Последнее название можно перевести 'зырянская лодка' (долбленка?); однако на Югане, где оно записано, так же назвали и модель лодки из пихтовой коры, а о народе *сэрян* рассказывали, что он жил под землей. Эти сведения нельзя с уверенностью отнести к тем реальным зырянам, которые осваивали Сибирь в последние века, хотя некоторого их влияния на лодки хантов отрицать не приходится. По информации, полученной от восточных хантов, создается впечатление, что «зырянскими» они считают лодки-неводники, не имеющие покрытия. Вероятно, так обстояло дело и у других групп обских угров. Л. Н. Жеребцов (1974, с. 29) приводит сведения Н. Ф. Прытковой о том, что манси называли «зырянской» большую дощатую лодку-неводник. Возможно, что под влиянием зырян ханты стали пользоваться большими парными веслами.

Итак, можно полагать, что древнейшей праформой хантыйских долбленок были колодообразные лодки, созданные, очевидно, в Южной Сибири и вынесенные в более северные районы. Не исключено, что переработка колоды в те совершенные формы, которые присущи хантыйским обласкам, была начата населением Север-

---

[11] Н. Н. Воронин говорит о русском происхождении слова корабль, хотя этому противоречат приводимые им же данные.

[12] Любопытно, что в представлениях хантов термин кирив связывается со сложными конструкциями и это отражено в перенесении его на названия самолета: *лэхлилта кирив* 'летающая лодка', *тохлын кирив* 'крылатая лодка', *тором кирив* 'небесная лодка' (о реактивном самолете).

ного Алтая, где древние навыки кузнечества позволяли создать необходимые орудия труда. Этнографические данные по хантам рисуют долбленку в органичном единстве с рыболовством, однако можно полагать, что эта связь не всегда была безусловной. С одной стороны, в Южной Сибири (у тувинцев) выдолбленные колоды применялись в целях переправы, т. е. их создавали не для рыбной ловли. С другой — у хантов известны способы добычи рыбы, позволяющие обходиться без лодки; например, запоры на ручьях или зимние. Такое «долодочное» рыболовство могли практиковать древнейшие пешие охотники. Использование лодки для добычи рыбы началось, вероятно, со способа лучения, хорошо известного на Северном Алтае и практикуемого иногда восточными хантами.

На долбленках можно было совершать длительные переезды и осваивать новые речные бассейны. Чтобы увеличить вместимость лодок, их соединяли по две. Первоначально при переездах на время длительных остановок сооружали временное жилище на земле, затем его стали устраивать на долбленках. Строительство больших дощатых лодок с покрытием началось, видимо, с выходом на просторы Оби. Лодки-жилища в бо́льшей мере, чем долбленки, способствовали освоению новых мест речным путем. Не исключено, что идея создания лодок из досок была принесена на исследуемую территорию группами, двигавшимися не с юга, а с севера. Как отмечено, в Нижнем Приобье изготовляли составные лодки из выдолбленного дна и дощатых бортов, не известные у восточных хантов. Обращает на себя внимание тот факт, что в названиях лодок у хантов, в частности у восточных групп, отражены смутные воспоминания о судах более сложных конструкций, чем те, которые известны по этнографическим описаниям.

За многие века ханты, вода и лодка так «сжились», что русские новопришельцы воспринимали ханта и его долбленку как нечто нераздельное[13]. Дети хантов в возрасте 4—5 лет бесстрашно разъезжали на этом вертком судне. Несчастные случаи, связанные с ездой на обласке, происходили крайне редко и воспринимались как резуль-

[13] Среди русских старожилов распространена шутливая присказка, в которой вес ханта определяется вместе с его обласком.

тат вмешательства сверхъестественных сил. Важная роль лодки (колодообразной, долбленой и составной) в жизни обских угров подчеркивается использованием ее в качестве гроба. Данные об этом суммированы З. П. Соколовой (Семейная обрядность..., 1980, с. 130—131). С переходом на глубокие могильные захоронения облас стали класть над могилой, что нередко наблюдается у восточных хантов и сейчас. Долбленки служили здесь жилищем для собак, а собака — животное весьма почитаемое у хантов. Как элемент погребального обряда, долбленка отмечена также у селькупов и в фольклоре кетов.

Лыжи. Оба описанные у сургутских хантов типа лыж зафиксированы также у васюганско-ваховских групп. Общими были лыжи-подволоки I типа (рис. 6, *4*) — как правило, без выгиба, с острым коротким носком и таким же либо закругленным задником; ширина равномерная во всех точках; крепление трехпетельное. Особенность аганских лыж — загнутый задник и шишечки на концах носка и задника, а васюганско-ваховские лыжи в среднем короче сургутских при почти одинаковой ширине (20—22 см). Среди лыж I типа нередко встречались толстые (до 3 см), грубо обработанные. Среди других групп хантов подобные лыжи известны только на Лямине. По форме, размерам и устройству крепления они сопоставимы с подволоками чулымских тюрков, барабинских татар (I тип), эуштинцев, нарымских селькупов (II тип по: [Пелих Г. И., 1972, с. 24]). У перечисленных народов такие лыжи часто или всегда делали с выгибом посередине, в то время как у восточных хантов выгиб был скорее исключением и, кроме того, выполнялся как под ступней, так и ближе к заднику [14]. Уже отмечалась

---

[14] Н. А. Томилов (1980, с. 60) выделяет такие лыжи в особый вид подволок Западной Сибири. Здесь вызывает возражение столь широкое определение территории, тогда как анализируемые лыжи не зафиксированы у северных и южных хантов, манси, тазовско-туруханских селькупов, ненцев. Кроме того, он считает: «Наибольшее число аналогий по признакам эти подволоки имеют с лыжами приобского типа, что наталкивает на мысль о возможно прямой генетической связи между ними». С этой точкой зрения трудно согласиться. Лыжи приобского типа, выделенного В. В. Антроповой (1961б, с. 85), известны в двух формах: 1. С равномерной шириной по всей длине. 2. Сужающиеся от точки максимальной ширины, причем в этих случаях задник фигурно оформлен; в обоих случаях носок (иногда и задник) — шишковидные. У лыж, о которых ведет

близость этих хантыйских лыж саяно-алтайским [Лукина Н. В., 1972 в, с. 81]. Из числа последних по отсутствию выгиба, форме носка и задника, приклеиванию подшивки из камусов оленя более всего с восточнохантыйскими сходны лыжи тофаларов. (У лыж других саяно-алтайских народов носок более вытянут, задник обрезан прямо, подшивка в основном из камусов лошади и прикрепляется разными способами). Восточнохантыйские лыжи в целом шире и тоньше саяно-алтайских. Это объясняется условиями более редкой тайги и отсутствием гор. Тонкие лыжи менее прочны, и поэтому их нужно изгибать.

II тип лыж хорошо известен у левобережных групп восточных хантов, а в правобережье отмечен только на р. Пим. Ему присущ ряд оригинальных черт: обтекаемая форма лыжи с фигурным задником и шишечками на носке и заднике, возвышенная ступательная площадка в виде восьмерки и лубяная петля для носка в трехпетельном креплении (рис. 6, *1*). Такие лыжи, но с равномерной шириной известны у хантов Иртыша, Казыма, у манси; возвышенная подставка имелась на лыжах некоторых финноязычных народов. В. В. Антропова (1961 б, с. 85, 86), выделяет их в приобский тип и подчеркивает, что лыжи с приподнятой ступательной площадкой неизвестны у других народов Сибири, но встречаются у саамов Кольского п-ва и найдены в археологических раскопках на территории Финляндии. К этому можно добавить, что древнейшая известная лыжа (возраст не менее 4200 лет), найденная на территории Швеции, имеет приподнятое подножие с отверстием для ремня [Валонен Н., 1982, с. 69]. Лыжи с высоким подножием и креплением, идентичным обско-угорскому, отмечены у самоедов [Sirelius U. T., 1913—18, S. 19, Fig. 26]. Приподнятую ступательную площадку из дерева или нескольких слоев бересты делали коми. В художествен-

---

речь Н. А. Томилов, нет ни оригинальной сужающейся формы, ни фигурного задника, ни шишковидных концов, ни возвышенного подножия, характерного для лыж приобского типа. Если говорить о выгибе, то В. В. Антропова относит приобский тип к выгнутым лыжам условно, что оговорено в примечании. Все это, вопреки мнению Н. А. Томилова (1980, с. 60), *не* «подводит к возможности выделения особого западносибирского типа выгнутых скользящих лыж».

ной литературе упоминаются лыжи с высокой подставкой у нарымских селькупов.

Исследователи обращали внимание на анализируемый признак в разных аспектах. У. Т. Сирелиус, доказывая происхождение нарты от лыж, ссылается на лыжеподобные транспортные средства с возвышенной площадкой в средней части, которые использовались в прошлом финнами для перевозки воды и бревен [Sirelius U. T., 1913—18, S. 21—22, Fig. 27—28]. В. В. Антропова (1953, с. 32) предполагает, что наличие лыж со ступательной площадкой у обских угров и лопарей «не является простым совпадением, а скорее всего свидетельствует о древних связях сибирских угров с лопарями». Заслуживает внимания и крепление таких лыж. В отличие от других типов восточнохантыйских лыж, где крепление было только ременным и присоединялось через вертикальные отверстия в основе лыжи, здесь крепление проходило сквозь горизонтальные отверстия в приподнятой площадке. Как показано У. Т. Сирелиусом, последний прием широко применялся у финноязычных народов и у русских на севере Европейской части СССР в лыжных креплениях, при соединении деталей нарт и лодок (что не характерно для западно-сибирских нарт и лодок). Он зафиксирован в древних археологических находках полозьев нарт на территории Финляндии и остатков скандинавских судов в Норвегии [Sirelius U. T., 1913—1918, S. 14—20]. Характерно, что в восточнохантыйских лыжах, повторяющих местную форму лыж с возвышенной площадкой (но не имеющих этой площадки в современных экземплярах, ремень для носка продевается в два полукружия из черемухового прута, которые укреплены шпонками в вертикальных отверстиях по бокам лыжи (рис. 6, *8*). Вероятно, при отказе от возвышенной площадки таким образом была реализована идея крепления ремня в горизонтальных отверстиях, созданных на поверхности лыж.

Итак, имеющиеся данные позволяют говорить о существовании типа лыж, протянувшегося прерывистой цепочкой от финнов до восточных групп обских угров. Перед нами один из немногих этнографических фактов, свидетельствующих о родстве финно-угорских народов в области материальной культуры.

Отсутствие сведений об очертаниях древнейших лыж этого типа не позволяет определить, является ли форма восточнохантыйских лыж оригинальной среди всех финно-угорских народов или она отличает исследуемые нами группы только от западных обских угров. Не исключено, что она была выработана предками восточных хантов. Эта необычная форма лыж напоминает рисунок тамги бобра на Васюгане и Югане (см.: [Симченко Ю. Б., 1965, с. 126—128, табл. 67—68]). Бобр играл особую роль в социальной и сакральной сферах жизни этих групп, с ним связывается, в частности, появление хантов на Васюгане. Интересно, что «бобровидная» форма лыж использовалась здесь только мужчинами, в других же типах восточнохантыйских лыж мужские и женские экземпляры различались лишь по размеру, но не по форме.

Лыжи анализируемого типа делали с выступами на носке и заднике, которые в подволоках обтягивались мехом вместе с основой. Местные ханты считали эти выступы признаком собственных «остяцких» лыж, который отличает их от лыж соседних народов. Это суждение может быть верным относительно непосредственных соседей восточных хантов, однако в действительности не отражает специфики только их лыж. Небольшой удлиненный выступ встречается на лыжах алтайцев, более выраженным и иногда фигурно оформленным его делали народы Дальнего Востока. Известен он и у коми, саамов. Лыжи с узким, иногда фигурным выступом на носке имеются в археологических находках VIII—IX вв. из Старой Ладоги, в I в. до н. э. они были в Финляндии [Валонен Н., 1982]. Вероятно, у предков хантов выступы на концах лыж были характерны для определенного типа, а именно — с приподнятой ступательной площадкой. От площадки постепенно отказались, заменив ее защитным мешком, но традиция изготовления выступов сохраняется до настоящего времени.

Кроме двух основных, указанных выше типов лыж у восточных хантов встречались и другие. Жители бассейна Васюгана, а чаще Ваха, особенно в его верховьях, изготовляли тонкие, широкие и короткие лыжи с выгибом под ступней и называли их «тунгусскими». Судя по всему, местные ханты заимствовали этот тип (III) у кочевавших здесь эвенков и внесли в него элементы

собственных лыж: способ крепления, защитный мешок, утолщение под ступней. На Вахе нами был выделен и, согласно классификации В. В. Антроповой, отнесен к северо-западному типу еще один — IV тип местных лыж; следует, однако, сказать, что это было сделано без достаточных оснований [Лукина Н. В., 1972 а, с. 62]. Сужающаяся к заднику форма этих лыж встречается у эвенков, сходство с эвенкийскими лыжами проявляется также в наличии выгиба в средней части лыж; очевидно, ханты Ваха заимствовали такие лыжи у эвенков.

У восточных хантов встречаются лыжи и с загнутым задником, что позволяет двигаться назад. Эта древняя идея могла зародиться конвергентно в разных регионах, но осуществить ее можно было на лыжах с закругленным либо заостренным задником. У предков восточных хантов загибание задника не могло быть связано с лыжами алтайского происхождения, у которых задник обрезан прямо. К этому вопросу мы еще вернемся при анализе нарт. На исследуемой территории зафиксирован только один способ соединения лыжи с подшивкой — приклеивание. По устным рассказам, подтверждающимся музейными данными, в старину здесь предпочитали обшивку, из шкуры выдры. Сведения о ней имеются по южным хантам и нарымским селькупам, а также отражены в фольклоре. Это древняя местная черта культуры приречных жителей. В XX в. предпочтение отдавалось лосиным камусам, при отсутствии — пользовались оленьими. В последние десятилетия нередко стала встречаться подшивка из конских шкур, которая ценится хантами достаточно высоко. По устной традиции васюганцы отличали себя от ваховцев тем, что каждый раз завязывали крепления, тогда как на Вахе ногу вставляли в заранее завязанные ремни. Эти различия относятся к подволокам, в голицах же крепления завязывали при каждом надевании и на Вахе.

Лыжи кроме основного назначения иногда использовались в качестве волокуши, а также для разгребания снега. В последние годы у александровских хантов молодежь иногда пользуется традиционными лыжами, к которым прибиты головки резиновых сапог (для катания по воде).

У всех групп восточных хантов подволоки назывались *нимыль*, а голицы *лумп*; на Васюгане отмечено еще одно название голиц *йох*[15]. Варианты слова нимыль в качестве обозначения лыж, подволок известны южным и северным хантам и манси. В. Н. Чернецов (1937, с. 361) относит его к числу терминов, не имеющих соответствий в венгерском языке, и предполагает существование этого названия в обско-угорском языке до прихода угров-кочевников. (Из контекста следует, что В. Н. Чернецов считает его образованием не финно-угорского языкового слоя).

Восточнохантыйское название голиц лумп, очевидно, можно сопоставить с ненецким *ламбы*, выражающим общее понятие «лыжи». Предполагается, что первоначальное значение ненецкого термина было 'доска' [Антропова В. В., 1953, с. 26, со ссылкой на Е. Д. Прокофьеву]. Интересно, что восточнохантыйское название голиц при сходстве с ненецким отличается от селькупского *тольчи*. Западнохантыйский и мансийский термины *лох, тох, товт* находят соответствие васюганскому йох, которое, очевидно, проникло сюда от южных хантов и не является исконным восточнохантыйским. Е. А. Алексеенко (1961) сравнивает с ним кетское *локтак* 'голицы'. Это слово считают финно-обско-угорским по происхождению [Manninen I., 1932, S. 355; Чернецов В. Н., 1937, с. 361], а Е. Сетеля — и самоедским [Чернецов В. Н., 1937, с. 361]. В числе соответствий указанные авторы приводят финское *сукси*, эстонское *сууск* и др.; в саамском языке сукси возводят к уральскому языку-основе [Валонен Н., 1982, с. 69], отмечено и сходство с тунгусским *сукси* [Joki A., 1973, S. 142]. Имеющиеся данные говорят о единстве восточных хантов с остальными обскими уграми в терминологии подшитых лыж и о различиях в названии голиц.

Оба вида сургутских лыжных посохов с кольцом и лопаткой либо с кольцом и крючком известны также у васюганско-ваховских групп (последний — только на Вахе). Кроме того, на Васюгане зафиксированы посохи с одной лишь лопаткой, а на Вахе — только с кольцом. По материалам разных регионов известно, что по-

---

[15] Употребление различающихся терминов для подволок и голиц отмечено у большинства народов Сибири, в том числе у обских угров [Антропова В. В., 1953, с. 26—28].

сох — явление исторически более позднее, чем лыжи. Первоначально лыжники использовали для опоры лук, копье и др. У шорцев, кумандинцев и алтайцев посохом была палка с утолщением или лопаткой, имеющей углубление. Ему особенно близок васюганский посох с одной лишь лопаткой; таким же посохом, но имеющим на другом конце вырезанный след лисы, пользовались ханты Конды. Углубленная лопатка на посохе, очевидно, была изобретена народами Южной Сибири, а с продвижением на север, на территорию хантов, она постепенно превратилась в плоскую и уменьшилась в размерах. Говоря о южносибирских истоках, как наиболее возможных для восточных хантов, нельзя забывать о распространении посоха с лопаткой у финноязычных народов — коми-зырян, вепсов, саамов, финнов. Маленькая лопаточка была и у посохов амурских народов, т. е. это явление распространено очень широко. Изготовление посоха с крючком вместо лопатки у восточных хантов можно объяснить влиянием нарымских селькупов, кетов или эвенков. Вероятно, этот переход стимулировало усиление роли пушной охоты, в которой крючок имел свою функцию — для вспугивания белки. Другое его назначение — для очищения обуви от снега; в этом отношении крючок стал заменять лопатку.

Кольцо на другом конце посоха широко известно как у восточных хантов, так и у других обских угров. Его истоки выяснить трудно. Ясно лишь, что эта деталь не связана с саяно-алтайскими народами, так как она не характерна для их посохов. Кольца известны к западу и востоку от обско-угорской территории как у непосредственных соседей — селькупов, кетов, эвенков, так и у отдаленных финноязычных народов. В наскальных изображениях Залавруги и Белого моря, относящихся к концу III — началу II тысяч. до н. э., лыжники изображены с посохом и кольцом [Арциховский А. В., 1947, с. 57]. Заметим, что наличие кольца свидетельствует об оформлении посоха как такового, об его утверждении именно в качестве опоры при ходьбе, в то время как посох-лопатку нередко просто носили в руке. К истории посоха в исследуемых группах следует добавить, что здесь он не был безусловно обязательным элементом, ходьба на лыжах была возможна и без него. Приподнятая ступательная площадка препятствовала накоплению

снега на обуви; для разгребания снега пользовались лыжей, для вспугивания белки — бичом (Васюган) или случайной палкой. Роль посоха как очистителя снега уменьшилась с появлением защитного мешка.

У восточных хантов сохранились воспоминания о переноске грузов на себе, без приспособлений для их перетаскивания по земле. В их фольклоре рассказывается, как идущие на лыжах несут груз, включая и детей, в заплечном кузове. На Васюгане приходилось слышать об этом и в рассказах о недавнем прошлом. Вероятно, эти сведения говорят о времени, когда лыжи уже были изобретены, но нарты еще не были разработаны.

Нарты. В фольклоре восточных хантов говорится о нарте из косточек и кудели. Аналог этому — упоминание нарты из слоновой (вероятно, мамонтовой) кости в мансийском фольклоре [Архив ВГО, разр., 61, оп. 1, д. 43]. В связи с этим уместно привести этнографические данные о подбивании полозьев собачьих нарт полосками кости или китового уса у народов Восточной Сибири и Амурского бассейна. Возможно, здесь скрыт отголосок какой-то древней традиции, связанной с использованием костей в изготовлении нарт. Шкура в качестве волокуши не отражает специфики восточных хантов ввиду широкого распространения этого явления в разных регионах Сибири, а также у индейцев Северной Америки. Сводка таких данных имеется у М. Г. Левина (1946, с. 80—81).

У исследуемых групп не зафиксированы сведения об употреблении лодки-нарты. Новейшая работа о западносибирской лодке-нарте принадлежит В. А. Козьмину (1981 а). В ней наряду с историей оленьих нарт затрагивается вопрос о происхождении ручной копыльной нарты. По аргументированному мнению В. А. Козьмина, наряду с переходом лодки в нарту можно говорить о происхождении последней от лыж и волокуш. Важно отметить, что конкретными материалами обоснована связь лишь между каркасной лодкой и копыльной нартой [Симченко Ю. Б., 1976, с. 149—151], а переход к копыльной нарте от долбленой лодки остается пока умозрительным суждением. Оно высказано Г. И. Пелих (1972, с. 109) на основании данных по нарымским селькупам, у которых существовали долбленая

лодка, долбленая нарта и копыльная нарта. Характерно, однако, что в копыльной нарте прослеживаются терминологические параллели с рыболовными ловушками [Лукина Н. В., 1966, с. 117; Пелих Г. И., 1972, с. 110], но не с долбленой лодкой[16]. Этнографические данные о связи долбленой лодки или нарты с копыльной нартой неизвестны.

У. Т. Сирелиус высказал и обосновал тезис о создании нарты типа кережи на однополозной основе [Sirelius U. T., 1913—1918]. Убедительно выглядит и выполненная в цитируемой работе реконструкция нарты с втулками-опорами для кузова, расположенными в два ряда на одном полозе, по находкам полозьев на территории Финляндии. Этот автор предполагает, что однополозная охотничья нарта с копыльями восходит по крайней мере к прафинно-угорскому времени [Sirelius U. T., 1913—1918, S. 23]. Такое предположение, с нашей точки зрения, не вытекает из материалов, привлеченных У. Т. Сирелиусом. Они относятся почти исключительно к финноязычным народам; большую роль в его аргументации играет также нарта юраков-самоедов с двумя рядами копыльев на полозе (Fig. 30), сведения о которой нам не приходилось встречать в других источниках. Расположение отверстий или пазов в два ряда на полозе известно с глубокой древности на территории севера Европейской части СССР; из 11 выявленных здесь типов полозьев только на одном пазы располагались в один ряд [Буров Г. М., 1979, с. 87]. У обских угров ни археологическими, ни этнографическими данными не зафиксирована однополозная нарта с двумя рядами пазов или копыльев. Очевидно, такая нарта является этнопоказательным элементом культуры финноязычных народов, но распространять ее на угров пока нет оснований. Забегая вперед, заметим, что трудно согласиться с предположением У. Т. Сирелиуса о создании двухполозной оленьей нарты путем соединения двух охотничьих

---

[16] Как можно понять из цитируемого места в работе Г. И. Пелих, она считает близкими селькупские названия копыльной нарты *канжи* и долбленой лодки *квышанд*. Возможно однако, что указанные термины не относятся к одному семантическому ряду. Квышанд, вероятно, образовано из нарымско-селькупских слов *кве* 'береста'+ *анд* 'лодка' (см.: [Castren A., 1855, S. 207—209]). Этот термин указывает на связь с берестянкой, название же нарты *канже, канч* (ibid., S. 272) является однокоренным словом.

нарт, поставленных рядом и связанных поперечинами [Sirelius U. T., 1916—1920, S. 14].

С нашей точки зрения, прав В. А. Козьмин (1981 а, с. 31—32), который подчеркивает возможность формирования западносибирской копыльной нарты на основе лыж и волокуши из ветвей. В более широком плане эта идея была высказана много раньше [Sirelius U. T., 1913—1918, S. 1; Левин М. Г., 1946, с. 81—82; примечание, с. 108], теперь же она может быть конкретизирована относительно интересующей нас территории. А именно, в Западной Сибири, в частности в Среднем Приобье, исходным типом ручной копыльной нарты была не лодкообразная волокуша или лодка, а волокуша из деревьев либо лыжи. О том, что основой для ручной нарты западносибирского типа могла послужить нарта из еловых ветвей, писала Э. Л. Львова (1972, с. 149), опираясь на материалы по тюркам Чулыма. О первых шагах изготовления нарты из хвойных деревьев нами записан фольклорный текст у восточных хантов. В нем речь идет об оленьей нарте.

На происхождение от лыж указывает восточнохантыйское название полоза нарты *пахыл,* ступательной площадки на лыжах пахыл и верхней плоскости лыж *пахылтив*. Местное название копыла *куры* происходит, очевидно, от *кур* 'нога'. Интересно, что название вязка, соединяющего копылья, *ылт* является самостоятельным термином, в то время как головной вяз имеет описательное название *ахыл ахын юх* 'нарты передка дерево'. Это, вероятно, говорит о более раннем появлении копыльного вязка, прототипом чего было соединение основы лыж поперечинами. Соединение полозьев нарт в головной части, очевидно, стали делать позднее, чем между копыльями, и подтверждением этому служат отдельные экземпляры восточнохантыйских нарт, не имеющие головного вяза. Описательным является и название кузова *ахыл лыхпи* 'нарты внутренность' либо оно повторяет название дранки *сахыл*, из которой изготовлялся кузов. Баран называется либо так же, как передок нарты *эхын*, либо описательно: *ликыр кюсы* 'нарты обод'. Нащеп *вахыль* в разговорах на русском языке ханты иногда называли «верхним полозом», в чем отражена его вторичность по отношению к полозу.

Итак, в терминологии ручной нарты самостоятельное значение имеют названия полоза, копыла и вязка для соединения копыльев. Это, наряду с общностью в названии полоза и поверхности лыж, определенно указывает на роль лыж и те первые элементы, благодаря которым был сделан переход от лыж к нартам.

У восточных хантов известно два названия ручной нарты: васюганско-ваховское *икыр, ликыр* и сургутское *ахыль, охыт*. Эти различия обращают на себя внимание особенно потому, что лыжи у тех и других групп назывались одинаково. Возможно, что лыжи появились у восточных хантов в период их языкового единства, а нарты — после разделения на васюганско-ваховские и сургутские диалекты. Васюганско-ваховское название нарты икыр, ликыр лингвисты сопоставляют с венгерским названием телеги széker и выводят из среднеиранского sakar 'телега'; при этом констатируется, что слово проникло в остяцкий язык в период обско-угорского языкового единства, на рубеже эр [Korenchy E., 1972, S. 73—74]. Сургутское название нарты *ахыль* находится в одном ряду с западнохантыйским, его сравнивают с финским ahkio и относят к уральскому наследию [Steinitz W., 1966, S. 39]. Интересно, что мансийское название нарты *сун* отличается от хантыйских, и, как показал В. Н. Чернецов (1937, с. 361), имеет аналоги в финских и тюркских языках.

I тип ручной нарты сургутских хантов — узкой, длинной, с кузовом из планок (рис. 10, *4*) — преобладал также у васюганско-ваховских групп, хотя имел здесь некоторые особенности. Так, если прикрепление концов барана к передним копыльям было принято повсеместно, то у васюганско-ваховских групп их привязывали также к полозьям либо нащепам. Иногда александровские ханты делали вязки между копыльями не из брусков, а из черемуховых прутьев. У них и на Васюгане нарты были прямокопыльными, хотя информаторы признавали, что наклонная постановка копыльев придает нарте прочность. Кроме того, их нарта имела в разрезе вид прямоугольника, а не трапеции. Расположение полозьев под углом, дающее трапециевидный разрез, делает нарту более устойчивой на поворотах, но утяжеляет ее ход, считали васюганцы. Использование этого приема у юганцев они объясняли тем, что на

Югане в нарту запрягали оленей. Васюганцы для устойчивости нарты удлиняли задние концы полозьев. У васюганских и александровских нарт кузов имел относительно низкую посадку (его высота в среднем равнялась расстоянию от земли), в то время как на Югане его поднимали выше. Кузов васюганско-ваховской нарты, в отличие от юганской, был без спинки, она лишь упоминается в фольклоре и устных рассказах о прошлом.

Наиболее древний вариант ручной нарты на исследуемой территории известен у васюганских и александровских хантов. По абсолютному большинству признаков он сходен с южнохантыйской, нарымско-селькупской и кетской нартой. Меньшее сходство было с нартами чулымских тюрков, барабинских татар, алтайцев, шорцев, кумандинцев, зырян, неясным остается соотношение с мансийской нартой. Не перечисляя общих и особенных черт в нартах этих народов (многие из них выявлены разными авторами), попытаемся в соответствии с задачами нашей работы представить процесс формирования восточнохантыйской нарты. Истоки ее раннего варианта следует, очевидно, искать на Северном Алтае. Именно с этим регионом наиболее уверенно связывается происхождение нарты от лыж, так как здесь совпадают названия первых и вторых: *чана*, *шана* 'лыжи' и *шанак*, *шанач* 'нарты', *шанак* 'полоз нарты'. Такое же явление отмечено в литературе у чулымских тюрков и западносибирских татар. Относящиеся к этому семантическому ряду термины известны не только в тюркских, но также в кетском, самодийских и финно-угорских языках в значении 'нарта'; В. Н. Чернецов (1937, с. 361) считает их чрезвычайно древними.

Признаком происхождения нарты от волокуши из хвойных деревьев являются копылья из еловых палок с отходящим сучком на шорских, селькупских и кетских нартах. Первым материалом для связывания копыльев были черемуховые прутья, что известно по шорским, кумандинским, чулымско-тюркским нартам и по некоторым экземплярам у александровских хантов. Одним из древних элементов была оглобелька с левой стороны нарты. Ею пользовались шорцы, восточные ханты, манси, кеты, а также тунгусы Северного Прибайкалья.

Вероятно, на этой древней первооснове сложились варианты нарты, один из которых можно условно назвать тюркским, а другой связать с хантыйско-селькупско-кетской средой. Для 1-го варианта характерны брусковидные утолщения на передних концах полозьев, настил из досок или прутьев, отсутствие спинки в кузове и веревочное переплетение боковых стенок (последние оставляли и открытыми). Особенность 2-го варианта заключается, во-первых, в наличии барана, малоизвестного в 1-м варианте. У этого элемента была собственная линия развития, отраженная в перемещении точек его прикрепления к нарте. Наиболее ранним можно считать прикрепление барана к загнутым концам полозьев, когда он уходил круто вверх. Возможно, что до нарт этот прием использовали в волокушах из деревьев или на лыжах, приспособленных для перетаскивания груза. Потяг, привязанный к такой дуге (что встречается у восточных хантов), тоже уходил резко вверх, и его мог тянуть только человек, но не собаки. Следующий этап — привязывание концов барана к передним копыльям, что, с одной стороны, делало его крепление прочнее, а с другой — приближало баран к земле. То и другое позволяло призвать на помощь человеку собак. И, наконец, позднейший способ — прикрепление барана к нащепу, что дает горизонтальное расположение («лежачий баран»). У восточных хантов зафиксированы все три способа.

Другим обязательным признаком хантыйско-селькупско-кетских нарт, отличающим их от тюркских, является дополнительное крепление копыла в виде оттяжки из сарги. Следующая черта — деревянная спинка, получившая наибольшее развитие у кетов и перенесенная ими на покрытие лодки. Идея использования сосновых планок для нарты могла зародиться в Среднем Приобье, где из них издавна изготовляли орудия рыбной ловли. Возможно, поэтому у восточных хантов название кузова *сахылт* совпадает с названием дранок *сахыл*. Отметим в этой связи, что на территории восточных хантов зафиксировано максимальное разнообразие приспособлений для рыбной ловли, изготовляемых из дранок [Sirelius U. T. 1906 a, S. 5—10].

Итак, наиболее примитивные из восточнохантыйских нарт (васюганско-александровские) имели общие кор-

ни с североалтайской нартой, а по более поздним признакам — с кетской и селькупской. Дальнейшее их развитие в восточнохантыйской среде заключалось в переходе к косой постановке копыльев, наклоненных назад и внутрь, и возвышению нарты над землей; в головном вязе появилось углубление для планок настила. Копылья стали делать толще в той части, где имеется паз для вязка, немного изменилась их общая конфигурация. Изменения коснулись и нащепов. Во-первых, от толстого прута был сделан переход к нащепу в виде бруска, толщина которого постепенно увеличивалась. Во-вторых, в ранних вариантах нащеп был коротким и соединялся с передним концом полоза растяжкой, а позднее его стали удлинять и привязывать непосредственно к полозу. В-третьих, смещалось положение нащепа по отношению к земле. Наиболее ранним вариантом был изгиб в направлении земли (очевидно, в подражание растяжке между нащепом и полозом), затем— расположение параллельно земле и, наконец, повторение линии изгиба полоза, т. е. от земли вверх.

В целом эти изменения делали нарту прочнее и устойчивее, но требовали увеличения силы тяги. Для этого использовали собак. Такая нарта была уже не только грузовой, но и ездовой, так как при небольшом грузе и хорошей дороге человек садился на нее; ее можно назвать не ручной, а ручной-собачьей. На следующем этапе развития в нее стали запрягать оленей. Относительно этой нарты следует добавить, что она является одним из наиболее совершенных хантыйских изделий. Вплоть до наших дней ханты изготовляют такие нарты по традиционным образцам, а нововведения касаются лишь скрепляющих материалов (проволока и капроновые веревки вместо сарги и бечевок).

Восточнохантыйская ручная нарта II типа (рис. 8, *1*), распространенная только у правобережных групп, дает меньше информации об ее истории, чем нарта I типа. Ее конструкция сходна, с одной стороны, с местной грузовой оленьей нартой (при меньших размерах), а с другой — с ездовой собачьей нартой, которую В. В. Антропова и М. Г. Левин (1961, с. 60) относят к типу косокопыльных нарт. Езда на такой нарте с запряжкой собак встречалась в Северо-Западной Сибири у небольшой части ненцев и эпизодически в неко-

торых районах хантов и манси. На исследуемой нами территории это была только грузовая нарта, в которую иногда подпрягали собак. Наиболее простым объяснением происхождения II типа восточнохантыйской нарты является мысль о том, что это уменьшенная копия оленьей нарты, т. е. исторически она моложе последней. Не исключая полностью такой возможности, нужно учитывать и то, что в нарте II типа есть некоторые общие признаки с местной ручной (собачьей) нартой I типа. Эти признаки мы рассмотрим при анализе оленьих нарт. А пока остановимся на способах перетаскивания нарты.

Восточнохантыйский материал подтверждает известную мысль о том, что первой тягловой силой был человек [Sirelius U. T., 1913—1918, S. 12]. Авторы, занимавшиеся проблемами классификации и происхождения упряжного собаководства, четко отделяют его от тяглового [Антропова В. В., Левин М. Г., 1961, с. 55]. Исходя из их определений, относительно восточных хантов можно говорить лишь о тягловом собаководстве, когда собака и человек тянули нарту вместе. Факты запряжки в нарту одних лишь собак не меняют сути дела, так как это не были специально ездовые собаки, тренируемые и используемые только для транспорта. По объяснениям наших информаторов, хорошая собака должна помогать человеку в охоте, «а плохая будет таскать нарту». У северных хантов «добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые во дворе всегда около юрты бывают...» [Зуев В. Ф., 1947, с. 29]. Подобные оценки, наряду с другими фактами, ясно говорят, что собак ханты использовали в основном не для транспорта. Специальной работы о тягловом собаководстве народов Сибири нет, но оно было объектом внимания М. Г. Левина и В. В. Антроповой. Недостаток фактов об упряжи человека и собаки у разных народов Сибири позволяет провести сравнительный анализ восточнохантыйского материала лишь по некоторым моментам.

Название упряжи для человека было здесь одинаковым у разных групп — *ван пюхал* 'плечевая лямка'. При одинаковом ее устройстве — широкая петля, переходящая в одну постромку, — несколько различалась техника изготовления и материал. На Васюгане в начале века петлю сшивали либо сплетали из веревок в ви-

де полосы шириной 3—4 см, концы которой скручивали в одну постромку (рис. 8, *7*). Позднее петлю стали делать из мешковины или толстой веревки и постромку пришивать к ней.

Судя по имеющимся данным, восточнохантыйская упряжь была более развитой по сравнению с шорской и кетской (у них не было деления на постромку и петлю, а концы длинной петли непосредственно привязывали к нарте), но менее сложной, чем у коми (с делением петли на две части — для обоих плеч). У исследуемых групп было общепринято надевать петлю на грудь поперек плеч; на Васюгане, кроме того, наискось через грудь под правую руку. Оба эти способа применялись кетами. Косое расположение петли известно у чулымских тюрков, а через одно лишь правое плечо — у шорцев. Вероятно, поперечное расположение лямки является у восточных хантов древней местной чертой[17], а перекидывание через плечо объясняется южным тюркским влиянием. Относительно точки прикрепления постромки человека к нарте можно полагать, что у восточных хантов наиболее ранним было привязывание к середине дуги.

Запрягание собаки в помощь человеку или отдельно от него среди восточных хантов практиковалось чаще всего у левобережных групп и в низовьях Ваха. Тип упряжи был единым — шейный, с двумя лямками (рис. 8, *6*), общим было и название *амп сихэ* (амп 'собака'). Шейную лямку сургутские ханты делали из старой мережи либо лосиной шкуры, а на Васюгане — из мешковины или веревок, сшитых в виде полосы. Вторая лямка, завязываемая под грудью, была более узкой, из бечевки или веревочки. Постромку одной собаки или самой сильной в упряжке чаще всего перекидывали двойной петлей либо привязывали к середине дуги, а затем к головному вязку; встречалась и привязь только к вязку либо к концу барана с правой стороны нарты. Остальных собак привязывали к дуге или потягу в зависимости от типа упряжки. Участие собак в перетаскивании нарт принимало разные формы. Они

[17] Этот прием имеет аналоги в мужском способе переноски тяжестей за спиной с помощью лямки, охватывающей грудь и плечи, который относят к числу общих черт у народов Северо-Восточной Азии и Америки [Гурвич И. С., 1980, с. 218].

помогали человеку, тянущему нарту, либо тянули ее одни, а человек шел рядом и держал постромки; по хорошей дороге при двух собаках человек мог подсаживаться на груженую нарту, а если собак было больше, то ехал постоянно.

Виды тягловой силы и ее использования у восточных хантов показывают, что наряду с общими устойчивыми традициями существовали локальные явления. Первые связаны с подпряганием одной-двух собак в помощь человеку, а вторые — с переключением на собак как главную или единственную тягловую силу. Судя по нашим материалам, при использовании собаки, очевидно, ее лямка первоначально была такой же, как у человека — в виде простой петли. Не случайно, например, на Васюгане лямку для человека и собаки изготовляли из одного и того же материала (веревка) и одинаковой техникой (сплетение или сшивание в полосу, образующую замкнутую петлю). Собаке, как и человеку, надевали лямку поперек груди[18], и постромка отходила от спины; дополнительные завязки под грудью стали делать, очевидно, позднее. Первоначально, когда подпрягали одну собаку, ее постромку и постромку человека привязывали в одном месте — к середине дуги. С увеличением числа собак их потяг стали привязывать еще и к головному вязу или к концу барана, чтобы уменьшить нагрузку на его изогнутую часть.

Материалы по исследуемым группам хорошо иллюстрируют преемственность упряжного собаководства с тягловым [Левин М. Г., 1946, с. 108; Лашук Л. П., 1951, с. 32]. Подпрягание собаки в помощь человеку известно у многих народов Северной Азии, а также в Северной Америке, о чем писал М. Г. Левин (1946, с. 76—79). В Западной Сибири оно существовало у северных хантов, манси, нарымских селькупов, а также у кетов и сымских тунгусов. В этот круг не входят тюркоязычные народы южной части Западной Сибири, и возможно, что формирование тяглового собаководства происходило вне их среды[19], на более северной территории.

---

[18] По классификации В. В. Антроповой и М. Г. Левина (1961, с. 61) эта упряжь относится к шейной, но более точное ее название — шейно-грудная [Алексеенко Е. А., 1961], так как собака тянет грудью.

[19] На тягловое собаководство чулымских тюрков и томских татар, очевидно, повлияли северные соседи. Заметим, что у барабин-

В Западной Сибири существовало два типа собачьей упряжи. Описанная у восточных хантов шейная (шейно-грудная) упряжь отмечена, кроме того, у южных и северных хантов, западных и северных манси, нарымских селькупов, чулымских тюрков, сымских тунгусов и в качестве основного способа запряжки собак — у кетов. Е. А. Алексеенко (1961, с. 71) считает, что самостоятельная терминология шейно-грудной лямки и широкое ее распространение в прошлом у всех групп кетов «могут быть приняты во внимание при выяснении кетской специфики в данном разделе материальной культуры кетов». Это суждение вполне обосновано данными, имевшимися в распоряжении Е. А. Алексеенко, к тому же оно сформулировано достаточно осторожно. Новые факты говорят о более широком распространении шейно-грудной упряжи, которая наиболее устойчиво локализуется в Среднем Приобье и у кетов. Напомним, что речь идет о тягловом собаководстве. Если же учитывать упряжное собаководство, то ареал анализируемого типа упряжи расширяется и включает ненцев. Кроме того, шейно-грудная упряжь (шейная с двумя лямками) была основной в ездовом собаководстве народов Амурского бассейна. Подобная упряжь известна и за пределами Сибири. Охотники Северной Америки применяли ее для собак, тянущих нарту или волокушу, а индейцы прерий — для собак, несущих груз на спине [Народы Америки, 1959, с. 252].

Собачья упряжь другого типа — тазовая — известна в Западной Сибири главным образом по ездовому собаководству некоторых групп ненцев, хантов, манси и русского старожильческого населения. Встречалась она также в тягловом собаководстве обских угров и у кетов, в основном для перетаскивания илимки. В.Н.Чернецов (1949, с. 19) полагает, что этот способ запряжки является несовершенным «и его можно рассматривать как очень архаический». В ездовом собаководстве Западной Сибири тазовая упряжь считается более ранней по сравнению с шейной [Хомич Л. В., 1966, с. 98]. Что же касается тяглового собаководства обских угров, то в нем наряду с тазовой упряжью, известной лишь у север-

---

ских татар тяжелую нарту тянули два человека, идущие рядом, а у шорцев идущий сзади подталкивал нарту лыжным посохом, т. е. дополнительной тягловой силой служил человек.

ных хантов и манси, более широко была распространена шейная упряжь, генетически связанная с лямкой человека и имеющая древнее происхождение. Вероятно, шейная упряжь собак упоминается в XIV в. у Ибн-Батуты при описании «страны мраков», под которой предположительно имеется в виду югорский край [Алексеев М. П., 1932, с. 41]. На скульптурном изображении запряженной собаки из Усть-Полуя шлейка охватывает грудь [Мошинская В. И., 1953 б, с. 84], т. е. здесь упряжь не тазовая, а грудная.

Упряжка (способ расположения собак) представлена у восточных хантов разными типами. Для васюганско-ваховских групп более характерна продольная (парная и попеременная), а для юганских — поперечная (веерная) со многими вариантами. При нечетном количестве собак в парной упряжке собаку без пары ставили сзади. В продольной переменной упряжке собаки переходили с одной стороны потяга на другую и располагались, как им было удобно. Отсутствие единого типа упряжки (при однотипности нарты и упряжи) говорит о незавершенности в формировании этого явления, о локальной разработке способов расположения собак в упряжке. Это подтверждается и неопределенностью терминологии; информаторы затруднялись в подборе хантыйского термина для выражения понятия «упряжка» и называли несколько разных словосочетаний. Все они описательные, например, *эйнам ампул авул* 'вместе собаки и нарты'; *эйнам сигэ* 'одна лямка' (об одной собаке); *коломям сигэ* 'три лямки' (о трех собаках).

Вопрос о соотношении восточнохантыйских типов упряжки с таковыми у других групп обских угров остается не вполне ясным из-за недостаточности данных. Имеются некоторые сведения об использовании восточными хантами оленя для верховой езды. В литературе сообщений об этом нет, но опубликован рисунок сургутских хантов, изображающий всадника верхом на олене [Иванов С. В., 1954, с. 38, рис. 18]. Во время экспедиций последних лет мы постоянно задавали вопрос, ездили ли ханты исследуемых групп верхом на олене, и всегда получали отрицательный ответ: мелкий хантыйский олень не может выдержать всадника на спине. И лишь однажды в верховьях Вагана молодой хант рас-

сказал, что он ездит на оленях верхом. Олени были заведены в его семье отцом, купившим важенку у народа *пампагал-ях*. Олени были крупные. По сообщению ханта, он садится на оленя с нарты, подкармливая его в это время хлебом, и дает команду: «*Мэна* 'иди'!» Недоуздок верхового оленя имеет только налобные пластинки — прямые и заостренные для обучения оленя, а позднее обтягиваемые кожей. У недоуздка два поводка: «На олене верхом едешь, управляешь, как лошадью». Ездок держит в руке палочку длиной 20—30 см, которую выдвигает на уровне глаз оленя, если нужно остановиться. Езда верхом называется *охтыя лелем* 'верхом сажусь', а езда на нарте *ликэрна мэнлэм* 'на нарте еду'.

Учитывая единичность информации, можно полагать, что в данном случае имеет место индивидуальная попытка ваховского ханта приспособить оленя для езды верхом в отличие от общепринятой практики запрягать его в нарту; к этому его побудило, очевидно, общение с эвенками. Наше внимание привлекло упоминание о короткой палочке, так как это совпадает с изображением палочки в руке наездника на рисунке сургутского ханта[20]. Такое совпадение вряд ли случайно и, возможно, отражает реальные факты использования палочки для управления верховым оленем у восточных хантов. Аналоги этому явлению у других народов Сибири неизвестны. Использование двух поводков в оленьих недоуздках тоже не отмечено у народов Сибири. Возможно, что ваховский хант сделал их в подражание конской узде, которую он мог видеть у местного русского населения.

Запрягание оленя в нарту среди сургутских хантов практиковалось повсеместно, а среди васюганско-ваховских — только на Вахе. I тип оленьей нарты, описанный на Югане и повторяющий ручную (рис. 10, *4*), среди других групп восточных хантов не встречался. Своеобразие юганского способа езды на оленях — запряжку одного оленя в собачью нарту — отметил в свое время А. А. Дунин-Горкавич (1910, с. 145).

Оленья нарта II типа, известная у правобережных групп, в отличие от юганской имела несколько видов

---

[20] Палочка отчетливо просматривается в рисунке на оригинале [ГМЭ, № 3950—90,4].

(рис. 10, *2, 3, 5, 6*). Кроме нарт для смешанного груза здесь имелись нарты с ящиком, нарты для перевозки дров и шестов чума (этот вид не отмечен на Вахе); среди ездовых различались мужские и женские нарты. Такой же набор нарт существовал у кетов и селькупов; более выраженная специализация и разнообразие видов нарт характерны для ненцев.

Восточнохантыйское название оленьей нарты образовано от слов *вели* 'олень' + название ручной нарты в зависимости от диалекта: на Вахе *ликэр,* у сургутских групп *ахыль, охыт.* Указанные обозначения нарты входили в названия разных видов: например, ездовая *лелын ахыль* (лелта 'сесть в лодку, сани'), грузовая с ящиком *перт ахыль* (перт 'доска') и т. д. Из этого ряда выпадает сургутское *мис* — название нарты для перевозки шестов чума и дров. К сравнительному анализу общего понятия 'нарта' мы обращались выше, в связи с ручной нартой, здесь отметим лишь, что восточнохантыйское название оленьей нарты отличается от кетского, селькупского и северосамодийского. Единственным исключением является название грузовой нарты *ютаптиауш,* записанное в верховьях р. Аган от ханта, женатого на ненке и, очевидно, употребившего ненецкий термин. Оно сопоставимо с мансийским *уттуш* 'нарта для перевозки шестов чума' и северохантыйским *утту,* которые считаются заимствованием из ненецкого *нутос, нгуто* в том же значении [Чернецов В. Н., 1937, с. 350; Steinitz W., 1980, S. 161]. Нужно заметить, что наш информатор назвал так грузовую нарту вообще, а не нарту для шестов чума (по другим данным ее местное название мис); вероятно, он не вполне точно использовал иноязычный термин. Название деталей оленьей нарты — полоза, копыла, нащепа, вязка, барана, спинки и настила кузова—повторяют название деталей в ручной нарте. При сравнении их с соответствующими обозначениями у ненцев, кетов и селькупов [Хомич Л. В., 1961; Алексеенко Е. А., 1961; Гемуев И. Н., Пелих Г. И., 1974; Прокопьева Е. Д., 1976] нам не удалось обнаружить сходства, т. е. у восточных хантов была собственная терминология оленьей нарты.

Исходя из классификации Г. М. Василевич и М. Г. Левина (1961, с. 20—21), оленьи нарты правобережных групп восточных хантов следует отнести

к типу косокопыльных, которые в литературе нередко называют «самодийскими». Указанные авторы выделяют два варианта этого типа: тундровый — без барана, с копыльями в задней половине нарты, и таежный — с бараном и копыльями по всей длине полоза. Нарты восточных хантов в большей мере относятся к таежному варианту, однако это определение не безусловно, так как копылья здесь иногда ставили по всей длине полоза, а баран встречался не часто. Таежный вариант известен манси, селькупам, кетам, долганам, северо-западным эвенкам, а тундровый — обским уграм, кетам, селькупам, северосамодийским народам, долганам, якутам. М. Г. Левин (1946, с. 103), связывая тип косокопыльной нарты с западносибирским оленеводством, вначале оставил открытым вопрос о его генезисе, а позднее он в соавторстве с Г. М., Василевич выявил некоторые ее истоки [Василевич Г. М. Левин М. Г., 1951, с. 81—82]. Затем к этому вопросу обращалась Л. В. Хомич (1976 б, с. 80—81). Она признала, что ответить на него не очень просто. Л. В. Хомич убедительно показала, что ненецкая оленья нарта не имеет генетической связи со средством передвижения типа кережи, и предположила, что ненецкое упряжное оленеводство развилось на опыте впрягания оленя в волокушу, ручную нарту. Л. В. Хомич отмечает отсутствие или недостаточность сведений о ручной, собачьей нарте ненцев и, очевидно, по этой причине оставляет открытым вопрос о конкретных путях формирования оленьей нарты на основе ручной или собачьей. Некоторые признаки самодийской нарты, сложившиеся под влиянием экологической среды, выделены В. А. Козьминым (1981 в, с. 152—153).

Попытаемся свести воедино разнородные данные, позволяющие в какой-то мере осветить вопрос о сложении западносибирской оленьей нарты[21]. Выше приводились мнения Л. В. Хомич и В. А. Козьмина о том, что конструкция ручных и оленьих копыльных нарт генетически связывается с лыжами и волокушей из деревьев. В этой связи большой интерес представляют фольклорные данные, полученные у пожилых хантов с р. Тромъеган, об изготовлении первой оленьей нарты из хвойных деревьев [Материалы по фольклору хантов, 1978, с. 146]. Следует

---

[21] Такой же задаче посвящена статья В. А. Козьмина (1983а).

подчеркнуть, что во время беседы речь шла именно об оленьей нарте, а не ручной. Нарта была упомянута в рассказе о первых двух оленях, принадлежавших хантыйскому духу *Казым-ими*. Это была двусторонняя нарта («хоть с той стороны запрягай, хоть с другой») под названием *лунг ауль* 'дух нарта'. Согласно фольклорному тексту олени умчались с этой нартой к народу *ахус ях*[22], и она осталась там.

Двусторонняя нарта не только связана своим происхождением с хантами, но и вошла в их культовую атрибутику. Так, в песне Казымского духа-женщины говорится: «Я сижу на нарте с двумя передками...» [Steinitz W., 1939, S. 364]. В комментариях к этой фразе В. Штейниц пишет, что нарты для перевозки духов имели обычную конструкцию, но иногда у них задняя часть была загнута так же, как передняя, и оленей в них запрягали с любой стороны. Такую нарту видел у обдорских хантов И. Папай [Steinitz W., 1941, S. 273, 285][23]. В мансийском предании, записанном В. Н. Чернецовым, говорится, что дух *Сорт пупих* сидел на нарте, у которой были загнуты оба конца, и на ней можно было ехать в любую сторону, не поворачивая нарты [Архив МАЭС, № 869, д. 14, л. 72]. Двусторонняя нарта, как и бытовая, неизвестна у народов Западной Сибири и аналог ей имеется только в собачьей нарте народов Амурского бассейна и о. Сахалин, однако судить об их генетической связи трудно. Можно допустить, что в двусторонней культовой нарте обских угров осуществлена идея, отчасти реализуемая в их бытовых лыжах и нартах. У восточных хантов были известны лыжи с загнутым задником; на Конде также рассказывали о лыжах, на которых можно было ходить взад-вперед. Восточнохантыйские ручные нарты иногда имели загнутый сзади конец полоза.

Кроме косвенных свидетельств о создании оленьей нарты из волокуши, материалы с р. Юган убедительно подтверждают мысль М. Г. Левина (1946, с. 104—105),

---

[22] Рассказчик назвал ахус ях «тазовскими нещами», однако нам приходилось встречать и другие переводы этого этнонима, из которых следует, что у восточных хантов нет четкого представления об этнической принадлежности ахус ях. В словаре Н. И. Терешкина (1981, с 30) этот термин дан в значении «жители низовий Оби».

[23] На эти материалы В. Штейница нам указала Е. Шмидт.

что в ряде случаев оленья нарта восходит непосредственно к ручной охотничьей нарте, и позволяют проследить происходящие при этом изменения. Длина нарты значительно увеличивается, а ширина — в меньшей степени и только на передке. Кузов не изменяет высоты, но помещается выше в связи с удлинением копыльев; полоз и копылья становятся более толстыми. При увеличении числа копыльев расстояние между ними остается тем же, так как удлиняется полоз. Изменяется способ прикрепления тяжа: в ручной (собачьей) нарте он был неподвижным, а в оленьей с помощью блоков стал подвижным. Среди юганских оленьих нарт, так же как и среди ручных, еще нет деления на грузовые и ездовые, женские и мужские. Юганцы садились на оленьей нарте так же, как и на ручной, когда ее тянули собаки.

В ручной и оленьих нартах правобережных групп восточных хантов прослеживается дальнейшее развитие западносибирской оленьей нарты. Эти изменения были вызваны несколько иными географическими условиями: меньшей густотой леса, наличием больших открытых пространств. Имеет значение и тот факт, что путь для ручной нарты выбирал человек, который заботился о сохранности нарты и обходил опасные препятствия. Юганские ханты и на оленях ездили в основном по лесным дорогам, в то время как в правобережье привычной была езда по бездорожью. Указанные факторы, наряду с увеличением числа запрягаемых оленей, обусловили основные отличия оленьей нарты правобережных хантов от ручной — ее массивность, прочность, большую ширину и неподвижное крепление деталей. Полозья еще более утолщаются (до 5 см), их передние загнутые концы приобретают форму бруска[24], и здесь прибавляется отверстие для бечевки, удерживающей блок. Загнутые концы полозьев поднимаются выше плоскости кузова, этим обусловлен изгиб нащепа вверх, а не вниз, как в ручной нарте; сохраняется и расположение переднего конца нащепа параллельно земле.

С отказом от непрочных планок, как материала для кузова, его дно стали делать из досок. В некоторых

---

[24] Брусковидное утолщение на переднем конце полоза имеется в ручных нартах северных алтайцев и, возможно, вынесено оттуда.

грузовых оленьих нартах борта отсутствуют, как это наблюдается в ручных нартах правобережных хантов, и нащеп в таком случае мало отличается от нащепа левобережной ручной нарты, хотя он и более массивен. В грузовых оленьих нартах восточных хантов отражены дальнейшие изменения нащепа: его заднюю часть стали делать более высокой и с выемкой внизу, в которую входят верхушки копыльев. В ездовых нартах нащеп еще более возвышается над сиденьем и высота выемки внизу увеличивается. Передняя и задняя перекладины площадки в грузовой нарте увеличиваются по высоте, что особенно заметно в ездовой нарте, где они становятся невысокими бортами. В завершение развития этой линии в женской нарте появилась высокая дощатая спинка, которую привязывали к изогнутым концам нащепов, следуя традиции прикрепления спинки в ручной нарте с кузовом из планок. На территории северных хантов женская восточнохантыйская нарта аналогична «старохантыйской», т. е. высокая спинка является общехантыйским признаком.

Нижнюю часть копыльев у оленьей нарты стали делать более узкой, чем в ручной, где копыл расширялся книзу, чтобы к нему можно было крепить оттяжку. Удлинение копыльев и утолщение в месте крепления вязков было отмечено в оленьей нарте юганских хантов, повторяющей форму ручной. На ней же копылья устанавливали наклоненными назад и внутрь, а полозья располагали под углом к земле. Эти данные не позволяют согласиться с мнением Г. М. Василевич, М. Г. Левина (1961, с. 24) и В. А. Козьмина (1981 в, с. 152—153) о том, что разведение полозьев в стороны, увеличение высоты копыльев и их наклонное расположение связаны с круглогодичной ездой на нарте в тундре. Требует корректировки и мысль о сравнительно позднем проникновении уже сложившейся косокопыльной нарты в пешую охоту и тягловое собаководство. Названные усовершенствования были разработаны предками хантов в таежной зоне Нарымско-Сургутского Приобья, причем косую постановку копыльев в ручной нарте практиковало население, не знавшее оленеводства. К тому же косокопыльность не является обязательным признаком оленьей нарты, используемой в тундре. Прямокопыльная нарта с высокой спинкой, т. е. ездовая, изображена

в работе В. Ф. Зуева; прямые копылья имели также грузовые нарты северных самодийцев. В восточнохантыйской оленьей нарте копылья чаще всего расположены по всей длине полоза, как в ручной нарте, хотя заметна и тенденция смещения их в заднюю часть полоза у северных границ исследуемой территории. Происхождение этого признака правомерно связывают с тундровой зоной [Козьмин В. А., 1981 в, с. 153].

Баран был обязательным атрибутом ручной (собачьей) нарты, где он служил двум целям: для защиты нарты от ударов и для привязывания упряжи. В юганской оленьей нарте баран сохраняется, но вторая его функция отпадает; в правобережье баран теряет свое значение и используется лишь неопытными ездоками либо при езде по кустарникам. При отсутствии барана ударная сила препятствий приходится на головной вяз, который в подражание барану стали делать изогнутым, тогда как в ручной нарте он был прямым; еще более надежным был двойной вяз.

У восточных хантов зафиксированы различные способы соединения тяжа с оленьей нартой, и мы считаем их переходными вариантами от местной ручной нарты. Один из вариантов — пропускание тяжа позади деревянных стяжек между верхушкой полоза и нащепа в грузовой нарте (рис. 12, *1*). Другой вариант предусматривает прохождение тяжа в отверстиях утолщенных концов головного вяза у нарты для перевозки шестов чума; такой способ применялся правобережными хантами и в ручной нарте (рис. 10, *7*). Указанные способы безблочного соединения тяжа с нартой отмечены также у ненцев. Дальнейшим усовершенствованием было изготовление отдельного элемента, называемого обычно блоком, с отверстиями для тяжа и для бечевки, соединяющей блок с нартой. Одно из восточнохантыйских названий блока *лонки* является омонимом с названием поплавка невода, что основано, вероятно, на сходной форме этих предметов; другие названия являются описательными: *юх пуль* 'дерева кусок' и *лихрын юх* 'нарты дерево'. О том, что безблочные способы являются более ранними, говорит их использование в грузовой оленьей нарте, которая предшествовала ездовой. Отметим сходство нартенного блока с костяным блоком на конце аркана, что говорит о возможной генетической

связи между ними. В восточнохантыйских блоках отверстие для тяжа имеет сегментовидную форму, такую же, как отверстие для тяжа в головном вязе ручной нарты. По этому признаку хантыйский блок отличается от ненецкого и нганасанского с круглым отверстием для тяжа; селькупский блок по одним данным имеет прямоугольное отверстие [Прокофьева Е. Д., 1976, с. 150], по другим — сегментовидное [Гемуев И. Н., Пелих Г. И., 1974, с. 88]. У юганских хантов известен первоначальный способ соединения блока с нартой — привязывание в точке соединения нащепа с полозом; более сложным является пропускание бечевки блока через специальное отверстие в верхушке полоза с последующим обматыванием вокруг нащепа.

Оленья упряжь сургутских и ваховских хантов в целом однотипна, но, как и в других элементах их материальной культуры, имеется ряд важных локальных особенностей, раскрывающих процесс сложения и развития упряжи. Ее название *ахылнын* лингвисты предположительно возводят к термину *ох* 'голова' и указывают, что в народной этимологии оно связано с названием нарты *ахыль* [Steinitz W., 1966, S. 41]. Имеются и другие обозначения: *вели нюр* 'оленя ремень'. либо *сар нюр* 'передового оленя ремень'. Наиболее древние элементы упряжи и способы соединения ее частей зафиксированы нами на Югане. Здесь и сейчас широко применяется простейший недоуздок-оброть, состоящий из двух петель — для носа и шеи; от места их соединения под подбородком отходит повод (рис. 12, *5*). Такой недоуздок относится к типу простых (см.: [Василевич Г. М., Левин М. Г., 1961, с. 22]), употребляемых всеми народами с вьючно-верховым транспортом, а также в грузовых упряжках народов Западной и Восточной Сибири; на Югане же оброть надевали пристяжным оленям в ездовой упряжке. На иллюстрациях в цитируемой работе у одних недоуздков ремни проходят на лбу выше глаз, у других — под глазами. Юганский недоуздок относится к числу вторых с тем отличием, что в нем петля бывает расположена еще ниже, на самом носу: это отражено в названии оброти *нюл чончох* 'носовая веревка'.

В литературе по народам Сибири нам не удалось найти сведений о таком расположении петли, и оно

отражено лишь на реконструкции оленьего недоуздка, выполненной С. И. Вайнштейном по изображению на Сыынчюрекской писанице в Туве, которая датируется рубежом нашей эры. Этот автор считает, что расположение повода здесь является подражанием конской узде [Вайнштейн С. И., 1972, с. 108]. Хантыйская оброть напоминает о конской узде еще и потому, что ее надевали оленям в период сбрасывания рогов, когда их голова становилась более похожей на конскую. Очень важно, что ханты использовали оброть для оленей, являющихся потомством от дикого хора; в ней можно предполагать ту наиболее раннюю форму недоуздка, которая появилась у предков хантов в процессе приручения оленя и использования его, например, в качестве манщика.

Возможно также, что первоначально оброть надевали предназначенному для жертвоприношения оленю, которого нужно было привести к определенному месту и крепко держать во время забоя. Присутствуя на жертвоприношения оленя у хантов р. Юган, мы видели, что животное привели именно в оброти, которую затем сменили на недоуздок с пластинками. Эта же процедура повторилась со шкурой жертвенного животного, на которую вначале накинули оброть, а позднее — сложный недоуздок. Такой ритуал, очевидно, отражает историческую последовательность простого и сложного недоуздка в оленьей упряжи хантов.

Если исходить из положения о том, что в нартенном оленеводстве вначале оформилась грузовая нарта и грузовая упряжь, то логично допущение о запряжке в грузовую нарту оленей именно с обротью. При этом человек должен был вести животных в поводу, что вполне возможно у юганских хантов, предпочитавших ездить на оленях по дороге, а не бездорожью. Мы наблюдали, что среди других групп восточных хантов в малооленных хозяйств на оленях везут только груз, ведя их в поводу (подобная же картина наблюдается в тягловом собаководстве).

По объяснению хантов, недостатком оброти является трудность с развязыванием, так что на морозе ее нередко приходилось разрезать. Для устранения недостатка послушным оленям (вероятно, на более поздней стадии) стали делать легко снимаемый недоуз-

док, состоящий из нащечных пластин и соединительных ремешков. На Югане известны оригинальные пластинки в виде трехконечного куска необработанного оленьего рога; отсутствие обработки, возможно, говорит о древности таких пластинок. Подобное изделие найдено в усть-полуйских памятниках и определено как рукоятка шильца [Мошинская В. И., 1953 б, табл. VIII — 4]. В этом случае остается неясным назначение отверстий на двух концах изделий (третий конец обломан), именно там, где они помещаются в нащечных пластинах оленя. В трехконечных пластинках отражен новый по сравнению с обротью прием крепления недоуздка: создание петли не на носу, а на лбу. Пластинки иной формы—подпрямоугольные либо подтреугольные, удлиненные либо широкие — были известны как на Югане, так и у других групп восточных хантов; они подобны нащечным пластинам, отмеченным у остальных обских угров и других народов; подтреугольная форма является, вероятно, переходной от треугольной к прямоугольной. Не исключено, что идея создания нащечных пластин возникла по аналогии с нащечными бляхами конской упряжи. Недоуздок с одними лишь нащечными пластинами, как и оброть, мог служить только оленям, идущим в поводу или на привязи. Мы наблюдали это на Вахе в упряжи оленей, привязанных в обозе с грузом. Включение оленя в упряжку и присоединение к другому оленю говорит о его использовании в качестве ведомой тягловой силы. Не случайно юганские ханты надевали на пристяжных оленей либо оброть, либо недоуздок с нащечными пластинами.

Недоуздок пристяжного оленя в ездовой упряжке имел кроме нащечных налобные пластины. Последние были обязательны для передового оленя, т. е. они являются атрибутом не грузовой, а ездовой упряжи. Недоуздок из пластин и ремешков относится к типу сложных недоуздков, распространенных у обских угров, самодийских народов Севера, кетов, долганов, части эвенков и северных якутов. Левую пластинку в недоуздке передового оленя восточные ханты делали обычно прямой, чтобы она сильнее давила на лоб, этим самым подчиняя оленя. Обе налобные пластины пристяжного оленя и правая в недоуздке передового оленя были изогнуты под углом, близким к прямому. Такое же соотношение

прямых и изогнутых пластин характерно для самодийских недоуздков (при правостороннем управлении оленем, например, у долган, прямой была правая пластина). Восточнохантыйский недоуздок с прямой пластиной использовался и при тренировке ездового оленя.

Прямые и изогнутые пластинки были найдены в памятниках усть-полуйской культуры, датируемой второй половиной I тыс. до н. э., и отнесены В. И. Мошинской (1953 б, табл. IV, с. 78) к упряжи оленя-манщика. Она отмечает близость пластинок деталям уздечек верхового оленя у тунгусов и упряжного оленя у чукчей. С. И. Вайнштейн (1972, с. 123—124) считает весьма важным, что усть-полуйские наголовники аналогичны недоуздкам для тренировки оленей в нартенной упряжке, применяемой большинством оленеводческих народов Севера. Ю. Б. Симченко (1976, с. 97—99, рис. 2) приводит данные об однотипных наголовниках, используемых самодийскими и другими народами Северной Сибири для оленя-манщика, дрессировки ездовых оленей и управления передовым оленем, запряженным в нарту. В указанных работах речь идет о пластинах с зубчатой или ребристой внутренней поверхностью, прикрепленных к ременной петле; обычно эти изделия называют наголовниками. Здесь имеется ряд отличий от сложного недоуздка, описанного выше у хантов и применяемого ими, как и другими народами, для упряжи нартенного оленя. Во-первых, в наголовники входит только одна налобная пластина, а в недоуздке их две. Во-вторых, пластина наголовника располагается обычно за рогами и лишь в некоторых случаях над глазами, в недоуздках же пластины всегда над глазами. В-третьих, у наголовника воздействие на оленя оказывают зубцы, а у недоуздка — давление прямой пластины.

Наголовник, несомненно, имеет более древнее происхождение, чем сложный недоуздок. Впервые мысль об этом высказана С. И. Вайнштейном, который считает, что в развитии упряжного оленеводства сыграла роль и «определенная генетическая связь между «упряжью» оленя-манщика и современным нартенным оленеводством» [Вайнштейн С. И., 1972, с. 123]. Можно проследить путь перехода от наголовника оленя-манщика к недоуздку упряжного оленя. Зубчатые пластины пер-

вого имеют как изогнутую, так и прямую форму; эти же формы представлены в сложных недоуздках. Оленьманщик должен быть выдрессирован гораздо лучше и выполнять более сложные команды, чем ездовой олень. От последнего требовалось главным образом послушание вожже, поэтому необходимым и достаточным было болевое воздействие на оленя с одной стороны головы. Вероятно, промежуточным звеном был недоуздок, состоящий из изогнутой и прямой пластин с уменьшенным числом зубцов. Этот этап отражен в изогнутых и прямых пластинах из Усть-Полуя, у которых зубцы расположены с промежутками и их меньше, чем в наголовниках, определенно принадлежащих оленям-манщикам (по этнографическим данным). Заметим, что среди усть-полуйских пластин имеются и прямые без зубцов, как в недоуздках упряжных оленей народов Севера; в наголовниках оленя-манщика они неизвестны.

В. И. Мошинская, определив усть-полуйские пластины как детали оленьей уздечки, заключает: «Однако нет оснований предполагать существование в Усть-Полуе ездового оленеводства, так как кроме немногочисленных находок частей уздечки мы не имеем остатков оленьей упряжи или седел...» [Мошинская В. И., 1953 б, с. 78]. Вопроса о седлах мы не касаемся, так как данных о вьючно-верховом оленеводстве обских угров практически нет. Если же говорить о деталях оленьей упряжи, то к их числу можно добавить пяшки, помещенные В. И. Мошинской вместе с деталями собачьей упряжи (табл. VI—13, 14). Именно так выглядят застежки для соединения ремней в современной оленьей упряжи обских угров и самодийцев. Кожаные ремни и деревянные блоки не могли здесь сохраниться. Из деталей современной упряжи остается лишь один элемент, который потенциально мог быть найден в Усть-Полуе,— это крючок для поддержания вожжи на поясе оленя. Среди опубликованных предметов мы не обнаружили изделия, аналогичного современным крючкам, кроме обломанной изогнутой пластины, которая могла использоваться в этой роли; такой случай отмечен у хантов Югана [Martin F. R., 1897, Taf. 17—4].

«Наличие в Усть-Полуе развитого собаководства,— пишет В. И. Мошинская,— также исключает возможность существования упряжного оленеводства, что

в свое время было показано Л. Шренком и позднее отмечалось А. М. Золотаревым и М. Г. Левиным...» Мы не беремся судить о данных, на основании которых Л. Шренк высказал мысль об антагонизме транспортного оленеводства и собаководства, хотя можем согласиться с тем, что «оленевод не в состоянии кормить огромную свору собак, а собаковод не может кормить оленье стадо; для этого он должен следовать за оленем в поисках мха...» [Золотарев А. М., Левин М. Г., 1940, с. 185]. Реальные факты из этнографии хантов убедительно говорят о возможности сочетания собак и оленей как транспортных животных, правда, в определенных условиях.

Мы неоднократно наблюдали такое сосуществование у исследуемых групп хантов, особенно на Югане. Они не содержали специальных ездовых собак, и в помощь человеку подпрягали охотничьих; количество оленей было небольшим и перекочевок ради поисков ягеля не делали. В одном и том же хозяйстве в нарты запрягали то оленей, то собак, в зависимости от обстоятельств; иногда те и другие шли в одном обозе[25]. В данном случае нет ни ездового собаководства, ни развитого оленеводства. Такая ситуация не исключена и для населения, оставившего памятники Усть-Полуя, тем более, что В. И. Мошинская отмечает немногочисленность оленьих уздечек. Итак, не отрицая возможной принадлежности деталей оленей упряжи оленю-манщику, как это считает названный автор, мы допускаем и вероятность их использования для оленя в нартенной упряжи.

Возвращаясь к сложному недоуздку восточных хантов, отметим наличие в нем ремней, проходящих между и под глазами оленя (рис. 12, *4*). У других народов эта деталь отсутствует в сложном недоуздке нартенного оленя. Простые недоуздки верхового оленя, например, у эвенков и ороков, надевались таким образом, что петля проходила не над глазами, а под ними; так же располагалась оброть у нартенного оленя на Югане. В отличие от этого под- и межглазные ремни в сложном недоуздке восточных хантов не заменяют, а дополняют надглазные

---

[25] В. И. Мошинская, подробно ознакомившись с нашими материалами, в устной беседе отметила, что они меняют ее представления о соотношении собаководства и оленеводства, основанные прежде на мнении Л. Шренка.

ремни и пластины. Юганцы надевали недоуздки с подглазными ремнями только на безрогих оленей, так как они лучше удерживаются на голове. На Пиме и Тромъегане меж- и подглазные ремни, украшенные фигурными костяными пряжками, входили в недоуздки и рогатых оленей; здесь они служили скорее украшением оленя, в то время как на Югане имели только функциональное значение. Указанная деталь вероятно связана своим происхождением с конской уздой и, будучи украшена, напоминает наборные уздечки. Это предположение подтверждается тем, что ваховское название сложного недоуздка *пэк* В. Штейниц сравнивает с венгерским названием конской узды fék и считает его воспоминанием о прежней верховой езде угров [Steinitz W., 1938, S. 132, 139]. Сургутский термин для недоуздка *охылнын* совпадает с местным названием упряжи, здесь известно и еще одно название *олнын*. Для обозначения налобных пластин служили термины *олнын лох* 'недоуздка кость' и *сэм локута* (сэм 'глаз'), а нащечных — *пухлым лок* 'щеки кость' и *пелэк олнын* 'бок недоуздка'.

При анализе деталей восточнохантыйской упряжи, предназначенной для туловища оленя, прежде всего отметим, что юганские ханты вначале надевали оленю лямку, а затем пояс, служившие самостоятельными частями упряжи; у правобережных групп лямка и пояс накладывались на туловище оленя вместе, так как они были прочно соединены. Нам рассказывали о недоразумении, возникшем из-за указанных различий. Во время приезда гостей с Тромъегана на Юган хозяева стали распрягать их оленей и занимались этим очень долго, стремясь развязать узлы, соединяющие лямку с поясом. Юганская оленья лямка имеет свои особенности по сравнению с правобережной в материале, устройстве и способе надевания. Она изготовлена из шкуры лося ворсом наружу (а не из кожи) и имеет на каждом конце пришитый ремешок. По этим признакам оленья лямка подобна местной собачьей лямке. Сургутское название лямки *улек* в том же значении известно северным хантам. К. Ф. Карьялайнен предполагал самодийское значение термина, однако было установлено, что «самодийского оригинала не существует» [Steinitz W., 1966, S. 91].

Позднее высказывалось предположение, что это название заимствовано северными остяками непосредственно из эвенкийного *alag* 'упряжь для оленя или собаки' [Futaky I., 1975, S. 62]. Если такое предположение верно, то к сургутским хантам термин, очевидно, проник от северных групп. Ваховское же название оленьей лямки *сегы* у разных групп восточных хантов обозначает собачью упряжь. Для собак здесь применялась только шейно-грудная упряжь. Это, наряду со сходством в устройстве и терминологии, определенно указывает на генетическую связь оленьей и местной собачьей лямки. Различие заключается, во-первых, в том, что у собак конец петли выходил на спину и отсюда отходила постромка, а у оленя конец петли, соединяемый с тяжом, был на животе. Такое различие вполне понятно, если учитывать более высокий рост оленя и необходимость расположения тяжа на одной линии с нартой. Перемещением места присоединения тяжа к лямке объясняется прохождение его внизу между ногами оленя (у собак со спины—сбоку). Нужно заметить, что и у оленя в процессе езды тяж нередко располагался не между ногами, а сбоку.

Мысль о том, что в Западной Сибири оленья лямка создана в подражание собачьей, уже высказана Г. М. Василевич и М. Г. Левиным (1951, с. 81). Они допускали связь шейной лямки оленя с тазовой упряжью собаки, распространенной в Нижнем Приобье. Как показано выше, обским уграм была известна и шейная лямка собак, которая у восточных хантов служила единственным видом упряжи. Эти данные позволяют еще более уверенно говорить о происхождении оленьей лямки от собачьей.

Юганские ханты пропускали концы лямки между передними ногами оленя, а пришитые ремешки завязывали на груди. Они признавали, что такое устройство и расположение лямки менее совершенно, чем, например, на Тромъегане, где лямка имела подгрудный ремень и в нее продевали одну ногу оленя. На вопрос, почему юганцы не откажутся от своего несовершенного способа, ответили: «Так привыкли». Перед нами пример устойчивости традиции, которая уже осознается неоправданной. Пропускание обоих концов лямки между ногами оленя мы наблюдали на Вахе; у северных хан-

тов этот способ зафиксирован на известных шторках Н. Шахова и как будто следует из описания В. Ф. Зуевым самоедской упряжи. Пришивные ремешки на концах юганской лямки можно считать зарождением подгрудного ремня, который делали более широким и прочно прикрепляли к одному концу лямки, застегивая на другом. Такой ремень эпизодически встречался в юганской упряжи. При этом лямка проходила по бокам от передних ног оленя, что известно также на Вахе в упряжи оленя с грузовой нартой.

Итак, в восточнохантыйской упряжи концы лямки продевают либо между ногами, либо по бокам туловища и соединяют за передними ногами. Сочетанием этих двух приемов является пропускание одного конца лямки между ног, а другого — с внешней стороны той или другой ноги в зависимости от места оленя в упряжке. На исследуемой территории последний способ распространен в правобережье, такое же расположение лямки практиковали самодийские и другие народы Севера.

Название пояса в оленьей упряжи *солы, салы* было общим у всех групп восточных хантов и, возможно, имеет семантическую связь с терминами *сол* 'кишка', *солым йол* 'поясница'. Относительно пояса высказывались предположения, что он появился позже, чем лямка, так как у ненцев он отсутствует в грузовой упряжке. Это подтверждается материалами по восточным хантам, у которых пояса нет в грузовой упряжке и, кроме того, он иногда отсутствует у крайнего правого оленя в ездовой упряжке Дополнительным аргументом является тот факт, что ханты р. Юган вначале соединяли лямку с тяжом, а затем надевали на оленя пояс. Существование оленьей упряжи без пояса и последующее его появление отмечено у саамов. Пояс, очевидно, был обусловлен необходимостью прикрепления крючка для поддержания вожжи и присоединения второго оленя, т. е. он связан с ездовым оленеводством.

Если на Югане выявляется ранняя стадия независимого существования пояса и лямки, то у других групп восточных хантов их соединение между собой приобрело формы даже более развитые, чем, например, у ненцев: В хантыйской упряжи имеется дополнительный ремень, соединяющий лямку с поясом на том боку оленя, где лямка проходит с наружной стороны ноги;

это как бы продолжение подгрудного ремня. Такая деталь отмечена в оленьей упряжи саамов Кольского п-ва. У восточных хантов существовала традиция украшения пояса, зародившаяся, очевидно, на Югане. Местные ханты выполняли узоры в виде мозаики из ровдуги или аппликации из сукна непосредственно на поясе; на Пиме и Тромъегане известны накладные узорные пояса, т. е. здесь произошло их отделение от основного пояса. Суконные орнаментированные покровы для оленьего пояса изготовляли ненцы, у других народов также были собственные приемы орнаментации этого элемента. Возможно, что пояса, особенно орнаментированные, у хантов как-то связаны с жертвенными покрывалами. На Казыме их клали вдоль спины жертвенного животного, а на Демьянке — и поперек туловища, так же как пояс в оленьей упряжи. Застежка, соединяющая лямку, пояс и тяж, называется у восточных хантов *ники,* так же как колок для натягивания струн и настрожка капкана. Одним из названий тяжа является *улек нюр* 'лямки ремень'; другое *вели сехы* включает компонент 'олень' и название собачьей упряжи. Название передового оленя *сэр вели* образовано от слова сэр 'передовой, передний', а название пристяжного *пелык вели* означает 'боковой олень' и *кочынтых вели* 'привязанный олень'.

Как и везде в Западной Сибири, у восточных хантов было левостороннее управление оленьей упряжкой. Заметим, однако, что вожжа находилась в правой руке, а в левой был хорей, Один из истоков такого приема мы видим в управлении ручной нартой с собаками. Когда человек тянул нарту один, то управлял оглобелькой, которую держал в левой руке. При запряжке собак он брал их постромки правой рукой, а в левой находилась оглобелька либо лыжный посох, копье. Левостороннее управление ездовыми оленями можно объяснить также тем, что «манчишный» ремень у оленя-манщика привязывали слева. Существует предположение, что «хорей северных самоедов есть не что иное, как видоизмененное копье» [Симченко Ю. Б., 1976, с. 101]. Имеется в виду копье, используемое охотниками с оленем-манщиком. Как отмечено, охотник, тянущий нарту вместе с собаками, тоже держал в руке копье, оглобельку либо лыжный посох.

При езде на собаках в Среднем Приобье их подгоняли палкой или прутом, а в более северных районах — хореем. Небезынтересны, хотя и фрагментарны, косвенные сведения из Среднего Приобья об использовании короткой палочки для управления верховым оленем. Движение палочкой в качестве команды для оленя напоминает прием с выдвиганием хорея в управлении ездовым оленем у хантов и ненцев. Таким образом, существовали разные предпосылки для появления хорея. На связь с копьем особенно четко указывает использование хорея с железным копьевидным наконечником у ненцев и в некоторой мере на севере восточнохантыйской территории. Название хорея у исследуемых групп *вялых* совпадает с понятием 'шест' или 'голый' — о дереве без сучьев.

Заслуживают внимания и такие детали, как положение хорея и место привязывания повода-вожжи передового оленя на остановке. На Югане и Вахе хорей бросали возле оленей на землю, а на Пиме и Тромъегане, как отмечалось, прислоняли к нарте или ставили вертикально у стены, дерева и т. д. Ваховские ханты объясняли, что лежащий хорей является для оленей приказом не двигаться с места, и насмешливо относились к обычаю ставить его вертикально. Лесные и тундровые ненцы бросали хорей на землю, у них торчащий хорей указывал на место погребения.

Вожжу передового оленя юганские ханты привязывали либо к специальному колу, который мы считаем подражанием коновязи, либо к барану у передка кузова, что, очевидно, перенесено с собачьей упряжи. В правобережье Оби вожжу привязывали только к нарте, причем наблюдается постепенное перемещение узла в одном направлении. Очевидно, вначале, в соответствии с юганской традицией, вожжу привязывали к нащепу у головного вяза, затем узел стали делать дальше от передка — на участке нащепа, примыкающем к кузову. Этот вариант был не очень удобным, так как узел соскальзывал по нащепу, и впоследствии место привязывания вожжи окончательно переместилось на передний копыл.

В способах размещения на нарте наибольшее разнообразие обнаруживается у хантов Югана, которые садились либо верхом, либо слева сбоку, либо с вытянутыми ногами на дне (женщины), а также вставали на

левый полоз. Здесь отражена ранняя стадия езды на оленьей нарте, о чем говорят следующие признаки: отсутствие единого, строго определенного способа, подражание езде на собачьей нарте, одинаковые посадки у мужчин и женщин. Летняя езда верхом на оленьей нарте отмечена В. Н. Чернецовым у остяков Лозьвы, Сосьвы, Тагила. Она характерна также для некоторых районов Восточной Сибири, но трудно судить, имеются ли здесь общие корни. Во всяком случае, у хантов Югана такое расположение ездока хорошо соответствовало местной узкой нарте с кузовом из непрочных планок, которые при посадке сбоку подвергались слишком большой нагрузке.

Широкая и массивная нарта правобережных групп затрудняла посадку верхом, которая встречалась здесь изредка в силу традиции. Для такой нарты более подходила посадка сбоку. Сидеть на нарте приходилось подолгу, и мужчины, очевидно, стремясь хотя бы частично принять свою излюбленную позу — сидеть с подогнутыми ногами,— стали подгибать правую ногу. Этот способ широко известен в Западной Сибири. Для женщин более привычно сидеть с вытянутыми ногами, что практиковалось при езде на оленьей нарте у хантов Югана, селькупов и нганасан. При посадке слева женщины ставили обе ноги на полоз у хантов разных групп, у других народов Западной Сибири и прилегающей с востока территории.

Восточнохантыйские материалы с привлечением других данных позволяют осветить некоторые вопросы происхождения западносибирского упряжного оленеводства. Этой сложной проблеме посвящено немало работ. Как и в некоторых других областях финно-угроведения, пионерами здесь были лингвисты. В 1890 г. вышла работа финского ученого А. Алквиста, в которой ряд обско-угорских терминов определен как заимствования из самоедского [Ahlquist A., 1890, S. 5—8]. Впоследствии работу в этом направлении продолжили другие авторы, и наиболее полное исследование принадлежит В. Штейницу, который выявил в языке обских угров 65 терминов оленеводческой культуры, заимствованных у самодийцев-юраков [Steinitz W., 1980, S. 158—185].

Поскольку наличие самодийской лексики послужило одним из основных аргументов в создании гипотезы

о заимствовании обскими уграми оленеводства от самодийцев [Donner K., 1927] и этот аргумент широко используется до настоящего времени, рассмотрим его. Указанная работа В. Штейница выполнена с учетом всех предыдущих, поэтому будем опираться на нее, тем более что в ней подведены некоторые итоги по интересующему нас вопросу.

В оленеводческой терминологии, заимствованной обскими уграми у самодийцев, В. Штейниц выделяет несколько групп. Однако некоторые из них не связаны безусловно с оленеводством или оленьим транспортом и, очевидно, должны рассматриваться как заимствования иного плана. Так, перечисляя названия частей тела оленя, В. Штейниц (с. 183) сам отмечает, что они относятся также к человеку, т. е. носят более общий характер. Не имеет непосредственного отношения к домашнему оленю и терминология болезней или внешних качеств оленя. Одежда, обувь и детали чума можно изготовить из шкур как домашних, так и диких оленей. Терминов, не относящихся безусловно к оленеводству, насчитывается 35 из 65. В оставшейся половине представлены группы: олень, оленьи нарты, упряжь. Однако отсюда еще не следует безусловно, что указанные термины являются единственными обозначениями соответствующих понятий; не исключено существование их обско-угорских эквивалентов. Выше мы приводили пример с названием нарты на р. Аган, когда женатый на ненке хант привел ненецкий термин, допустив при этом неточность. В списке В. Штейница тоже есть термины, значение которых не вполне совпадает в обско-угорских и самодийских языках; например, задок нарты — задний конец полоза нарты (10 а), годовалая — двухгодовалая важенка (85). Во всяком случае, существование ряда терминов самодийского происхождения еще не является достаточным основанием для утверждения того, что у обских угров не было собственной терминологии для оленеводства, а значит, не было и оленеводства (см.: [Donner K., 1927, S. 119]).

О степени самодийского влияния на оленеводческую терминологию обских угров можно будет судить после исследования всей ее совокупности; пока же велся лишь целенаправленный поиск самодийских терминов, и это

обстоятельство нельзя упускать из виду[26]. Заметим, что наличие общих терминов имеет и другое истолкование. У. Т. Сирелиус говорит о финно-угорском термине «олень» и общих названиях в уральских языках, например, копыльной нарты или одногодовалого оленя [Sirelius U. T., 1916—1920, S. 4, 18, 34]. Вместе с тем установлено отсутствие самодийского влияния, например, в восточнохантыйской терминологии, относящейся к содержанию оленя [Лукина Н. В., 1979 б, с. 120—121]. Это же вытекает из анализа названий, связанных с оленьей нартой и упряжью. Полученные нами результаты согласуются с выводом В. Штейница о том, что исключительное большинство самодийских заимствований, в том числе и «оленеводческих», относится к обдорскому диалекту [Steinitz W., 1890, S. 182]; значительно меньше их указано на Казыме, а восточные ханты в этой связи не называются[27].

Сторонники гипотезы о заимствовании упряжного оленеводства обскими уграми у северных самодийцев, ссылаясь на ранние исторические документы, развивают мысль о том, что в Западной Сибири у первых была более принята езда на собаках, а у вторых — на оленях. Особенно четко эта идея выражена в работе В. А. Козьмина (1980, с. 166—171). У других авторов находим подборку исторических данных, говорящих о езде на собаках до XV в. на территории, предположительно заселенной юграми [Donner K., 1927, S. 125—133; Золо-

---

[26] Излишнее увлечение таким поиском привело, например, Е. Моора к мысли о проникновении самодийской оленеводческой терминологии в венгерский язык в начале I тысяч. до н. э. [Moor E., 1959, S. 119, 123—125]. Несостоятельность этих этимологий показана Е. А. Хелимским (1982, с. 53—55).

[27] В. А. Козьмин (1981б, с. 14), исходя из положения о заимствовании обскими уграми оленеводства у самодийцев, объясняет отсутствие самодийского влияния в оленеводческой терминологии восточных хантов ссылкой «на общее методологическое положение о том, что в случае заимствования какого-либо культурного элемента терминология, связанная с ним, может быть либо заимствована полностью, либо реконструироваться в описательной форме...». К сожалению, эта формулировка дана (в автореферате и диссертации) без ссылки на автора столь категорического суждения. Вопреки мнению В. А. Козьмина, она не подтверждается терминологическими фактами. Среди восточнохантыйских терминов, известных ему по опубликованным данным [Лукина Н. В., 1979б, с. 121], имеется целый ряд неописательных: в первую очередь это название домашнего оленя *вели,* затем важенки *новтах,* кораля *ать,* пугала для

тарев А. М., Левин М. Г., 1940, с. 184—185]. Однако в цитируемых работах речь обычно идет о путешествиях гонцов или купцов, прямых же указаний о езде на собаках жителей этих мест нет. Кроме того, отсутствие синхронных сведений о транспорте в стране самоедов лишает возможности сравнить их с юграми в этом отношении.

Все авторы называют в качестве первого источника сведений о транспорте самоедов «Сказание о человецех незнаемых...» (конец XV в.). В нем говорится, что самоеды ездят на оленях и собаках. Это первое определенное свидетельство письменного источника об оленеводстве на севере Западной Сибири. К концу XV в. относится также описание похода русских в Югорию, где говорится: «И убили воеводы на Камени самоеды 50 человек, и взяли 200 оленей». «Из Ляпина встретили с Обдора на оленях югорские князья, а от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках» (Цит. по: [Золотарев А. М., Левин М. Г., с. 185]). Здесь совершенно ясно упоминаются югорские князья на оленях, хотя были попытки затушевать столь очевидный факт[28].

Итак, первые определенные исторические свидетельства о езде на оленях в Сибири в конце XV в. касаются как самодийцев, так и угров. Перечень исторических данных о транспорте обских угров и самодийцев в последующие века дан В. А. Козьминым (1980). Сведя эти данные в таблицу и сделав подсчеты, мы установили практически равное количество упоминаний о езде на оленях у первых и вторых.

оленя *пэльтэв* и др. В качестве контраргумента можно указать на существование описательных терминов у ненцев, например, копылья оленьей нарты *хан' нгэ'*, наконечник хорея *тюр'мал*, вожжа *мэта инл* и др. (по: [Хомич Л. В., 1961, с. 44, 52]).

[28] А. М. Золотарев и М. Г. Левин считали цитируемое место «недостаточно ясным», чтобы на него опираться, и предполагали, что князья «могли быть как ненцами, так и хантэ». Но в летописи упоминаются самоеды и югорские князья, т. е. ее авторы различали эти два народа. В. А. Козьмин (1980, с. 167—168) признает, что летопись «вроде бы (?) свидетельствует, что уграм был известен оленный транспорт», а далее продолжает: «...но во второй части говорится об обратном, поскольку только воеводы едут на оленях, а рать, насчитывающая около 4000 человек, едет на собаках». Информация о численном преобладании собак над оленями отнюдь не отрицает наличие оленьего транспорта у югров. Нельзя признать серьезным и предположение И. Футаки о том, что югорские князья,

Некоторые авторы преувеличивают роль собак как транспортного средства у обских угров. С нашей точки зрения, прав В. Н. Чернецов (1937, с. 361), считавший, что у обских угров собаки помогали человеку тянуть нарту, а езда на них «едва ли получала когда-либо достаточно высокое развитие». Это мнение подтверждается данными А. А. Дунина-Горкавича по хантам, К. Д. Носилова — по манси, нашими наблюдениями — по восточным хантам.

Специалисты относят хантыйскую и мансийскую породы лаек к числу охотничьих и отмечают их отличие от ездовых лаек в строении [Войлочников А. Г., Войлочникова С. Д., 1982, с. 8, 17]. Интересное наблюдение сделано об остяцких собаках в районе Обдорска: «Это животное, весьма неглупое, никак не может примириться со своей ролью двигательной силы и сколько-нибудь серьезно относиться к своим обязанностям» [Бартенев В., 1896, с. 118]. Коренное население часто перевозило на упряжках войска, служебных лиц, торговые грузы и т. п., но это были заказы русских. Судя по обско-угорскому фольклору, собаки редко использовались в качестве средства передвижения, так как ездовыми животными служили в основном кони и олени. Собаки не использовались для перевозки умерших.

В литературе нередко принижается роль оленеводства у хантов и манси, его территориальные рамки неоправданно сужаются. Мнение о существовании домашних оленей только у северных групп этих народов можно встретить как в первых работах, посвященных исследуемому вопросу [Donner K., 1927, S. 117], так и в обобщающих изданиях последних лет [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 12]. Между тем езда на оленях была хорошо известна восточным, а судя по фольклору, и южным хантам. В связи с этим укажем на одну «неувязку» в гипотезе о заимствовании обскими уграми оленеводства у северных самодийцев (ненцев).

Если исходить из широко распространенной точки зрения о саянском происхождении западносибирского оленеводства и сложении упряжного оленеводства в се-

---

выступившие в 1501 г. против русских на оленях, были тунгусской знатью [Futaky I., 1975, S. 17]. Выражение «на оленях» было понято им буквально, в значении «верхом», как ездили на оленях тунгусы.

веросамодийской среде, то закономерен вопрос: в каком географическом направлении оно распространялось у хантов и манси? В литературе встречаем только одно мнение: с севера на юг [Золотарев А. М., Левин М. Г., 1940, с. 186; Kodolanyi J., jr., 1965, S. 195; и др.]. Отсюда следует, что оленеводство вначале распространялось на север, а затем в обратном направлении. Такие построения представляются несколько искусственными, особенно если учитывать мнения о движении самодийских племен по территории, заселенной угорскими племенами [Хомич Л. В., 1966, с. 37].

Показательно, что гипотеза о заимствовании обскими уграми оленеводства и оленьего транспорта у северных самодийцев возникла и развилась на данных о самодийской лексике в северохантыйских диалектах и сведениях о транспортных животных в ранних исторических источниках; при этом к этнографическому анализу практически не прибегали и обычно лишь отмечалось, что у обских угров оленья нарта и упряжь «самодийского» типа. Не существовало даже подробных описаний системы содержания оленя и оленьего транспорта у хантов и манси. Тем не менее указанная идея вошла в обобщающие издания [Народы Сибири, 1956, с. 580]. Она казалась бесспорной и нам [Лукина Н. В., 1973, с. 145—168]. В статье признается недостаточность сведений об оленеводстве лесных ненцев, но, следуя общепринятой точке зрения, делается попытка «привязать» к нему оленеводство хантов, хотя бы по косвенным данным. Вместе с тем отмечается самостоятельный (а не самодийский) характер оленеводческой терминологии хантов р. Вах.

В ходе последующего сбора и анализа материала по другим группам восточных хантов наши взгляды изменились. Выяснилось, что в содержании оленя и относящемся к нему инвентаре многие признаки имеют независимое от самодийцев происхождение и среди них есть нефункциональные черты, отражающие этническую специфику. Сюда относятся некоторые приемы загона и подманивания оленя, широкое использование изгородей и оленьих сараев, особенности устройства последних, молоток для забивания штырей в «башмак», орудие для заготовки мха на дымокур и др. [Лукина Н. В., 1979 б]. Общие же с самодийцами черты имеют функци-

ональный характер и объясняются природными условиями; их происхождение может быть связано в равной мере как с самодийской, так и с угорской средой. Имеются данные о связи восточнохантыйского (с выходом на общехантыйский материал) оленеводства с коневодческой культурой угров, древними местными способами охоты на оленя и приемами содержания собак, что мало согласуется с положением о заимствовании хантами оленеводства у ненцев. Новым шагом в этом направлении являются результаты, полученные при анализе материалов об использовании нарты и тягловой силы.

Выше упоминался рассказ хантов с р. Тромъеган об изготовлении оленьей нарты из дерева. Показательно начало этого рассказа: «Два ханта решили построить нарту. У них есть олени, и они где-то слышали, что на оленях надо ездить». Далее говорится о том, как один из них все гладко обтесал и поехал очень быстро, а другой оставил сучья, которые тянули нарту назад. В ходе той же беседы прозвучал рассказ о первых двух оленях, принадлежащих хантыйскому духу *Казым-ими*. Они были в два раза больше обычных, и от них «повелись» все олени. На Югане автором записаны разные фольклорные версии о появлении оленей у хантов. По одной из них Казым-ими прежде была на Югане и у нее были олени. Затем пришедшие с севера ханты украли и увезли на нарте Казым-ими, с которой ушли также олени, а на Югане их осталось немного. Олени тогда были крупнее, чем сейчас; их запрягали в нарты, верхом не ездили. По другой версии домашние хантыйские олени «вышли из головы» общеюганского духа *Ягун-ики,* когда он прибыл на Юган и стал «создавать» здесь рыб, перекаты, боры и др. Рассказывают также, что Ягун-ики пригнал оленей с Тромъегана, где был мужем Казым-ими.

По материалам восточных хантов рисуется наглядная картина превращения ручной нарты, используемой и при тягловом собаководстве, в оленью, а также последовательный переход от лямки человека к собачьей упряжи и от нее к оленьей; при этом прослеживается некоторое влияние конской упряжи. О том, что оленья упряжка возникла в подражание более древней собачьей, неоднократно сообщалось в литературе, но вместе с тем отмечалось, что «эта правильная догадка не

была, однако, должным образом обоснована анализом конструкции деталей нарты и упряжи» [Василевич Г. М., Левин М. Г., 1951, с. 78]. В цитируемой работе авторы ставили целью выполнить такой анализ несколько подробнее. Сделанные ими выводы привлекались в нашем исследовании. Г. М. Василевич и М. Г. Левин раскрывают процесс формирования упряжного оленьего транспорта более подробно, чем их предшественники, но у у них некоторые положения носят отвлеченный характер. Это относится к мысли, повторенной ими позднее: «По-видимому, саянские самодийские племена, знавшие езду на олене верхом, в своем продвижении на север столкнулись с аборигенным населением, ездившим на собаках, частично от него заимствовали упряжное собаководство и перенесли навыки упряжки на оленя» [Василевич Г. М., Левин М. Г., 1961, с. 24]. Ни эти авторы, ни их последователи не приводят конкретных материалов, которые отражали бы ход этого процесса именно в самодийской среде. Восточнохантыйский материал, с привлечением данных по другим группам обских угров, убедительно свидетельствует о самостоятельном развитии основных элементов упряжного оленеводства в этой этнической среде. В. А. Козьмин, разделяющий взгляды о формировании западносибирского упряжного оленеводства в самодийской среде, в последней из своих работ высказывает предположение: «Что касается исходного типа нарт, послужившего основой для формирования оленной нарты самодийского типа, то его, очевидно, следует связывать с угорской средой...» [Козьмин В. А., 1983 а, с. 52]. Вместе с тем этот автор допускает, что ручная нарта, аналогичная угорской, могла быть известна предкам северных самодийцев на южных территориях их проживания.

Очень важно, что первоначальные формы оленьей нарты и упряжи зафиксированы у хантов Югана. Эта группа наиболее удалена от северных самодийцев, и в настоящее время здесь проходит южная граница оленеводческой культуры в Западной Сибири. На Югане выявлено более всего признаков, говорящих о переходе от запряжки собак к оленям; в то же время здесь лучше, чем у других групп хантов, сохранялись реликты коневодческой культуры. Вообще восточные ханты, как крупное этнографическое подразделение обских угров, пред-

ставляют интерес в том плане, что здесь у одних групп существовали зачатки тяглового собаководства, у других оно сочеталось с запряганием в нарту оленей, у третьих основным транспортным животным был олень; то есть отражены этапы перехода от одного транспортного животного к другому.

Говоря о формировании оленьего транспорта у исследуемых групп, мы предполагаем, что этот процесс охватывал обско-угорскую территорию более широко. Например, манси, как и восточные ханты, запрягали оленей в собачью нарту, и не исключена возможность их самостоятельного поиска по пути усовершенствования нарты. Трактовка усть-полуйских материалов раздвигает не только территориальные, но и хронологические рамки упряжного оленеводства обских угров; как известно, усть-полуйские памятники отражают приход на север угорских племен [Чернецов В. Н., 1953, с. 238].

Мы не видим оснований отрицать возможность приручения оленя предками обских угров и сошлемся на мнение венгерского исследователя Б. Гунда «...остяки и вогулы могли быть народом, стоящим на очень высокой охотничьей ступени, который уже имел некоторое тяготение к скотоводству, ведь пригодное для доместикации животное — олень — было известно на местах их проживания» [Gunda B., 1943, l. 212—213]. Возможность самостоятельного перехода обских угров к запряжке оленя также представляется более естественной, чем схема сложения упряжного оленеводства в Западной Сибири, вытекающая из гипотезы самодийского его происхождения. В общих чертах она сводится к тому, что досамодийское население использовало в охоте оленя-манщика, угры до прихода самодийцев запрягали в нарты собак; пришедшие с юга самодийские племена принесли навыки вьючно-верхового оленеводства, заимствовали у угров собачью нарту и преобразовали ее в оленью, а затем вернули ее в новом качестве обским уграм. Почему же досамодийское население Западной Сибири, имея как навыки обращения с оленем, так и нарту, не могло самостоятельно пойти тем же путем, что и пришельцы с Саян?

Влияние самодийских племен, вынесших с Саян вьючное и верховое оленеводство, обычно усматривается в левосторонней посадке на нарту и управлении

оленем слева [Василевич Г. М., Левин М. Г., 1951, с. 81]. Однако происхождение этой черты западносибирского упряжного оленеводства можно объяснить, с одной стороны, левосторонним управлением ручной нартой в тягловом собаководстве, и с другой — прикреплением слева ремня у оленя-манщика. Ю. Б. Симченко (1976, с. 283) считает: «Управление оленем-манщиком с помощью специальной конструкции — костяного налобника и «манчишного» ремня, способ понукания оленя копьем вошли в качестве наиболее характерных элементов культуры упряжного оленеводства северных самодийцев». Следует подчеркнуть существенное отличие сложного недоуздка в нартенном оленеводстве на севере Западной Сибири от простых недоуздков вьючно-верхового оленеводства на Саянах, где костяные пластины не использовались. Очевидно, недоуздок, состоящий из двух или четырех костяных (либо деревянных) пластин, соединенных ремешками, сложился в Северо-Западной Сибири на местной основе, и, судя по усть-полуйским находкам, в этом процессе принимало участие древнеугорское население. Уже неоднократно обращалось внимание на несоответствие двух форм оленеводства: вьючно-верхового на Саянах и упряжного на Севере [Kodolányi J., ifj., 1965, 1, 183; и др.]; отличия в недоуздках подкрепляют эту мысль. Вообще в упряжном оленеводстве обских угров и северных самодийцев нам не удалось обнаружить признаков, которые можно было бы объяснить исключительно (или главным образом) использованием оленя под вьюк или седло. Вероятно, следует согласиться с тем, что верховое и упряжное оленеводство «это две формы транспортного использования оленя, не генетически связанные, а географически различные типы, не исключающие друг друга»» [Золотарев А. М., Левин М. Г., 1940, с. 181]. Необходимо подчеркнуть, что мы не связываем сложный процесс формирования оленеводства исключительно с обско-угорской средой и не отрицаем роль самодийского населения. Наша основная идея сводится к тому, что обские угры, во всяком случае восточные ханты, не заимствовали упряжное оленеводство в готовом виде от северных самодийцев (ненцев), а принимали участие в его создании и внесли весомый вклад.

Исходя из задач нашей работы, попытаемся выделить восточнохантыйские особенности в средствах и способах передвижения и перевозки грузов. Некоторые из этих особенностей характерны для всей или большей части исследуемой территории, а другие, помеченные звездочкой (*), являются локальными, известными у одной-двух групп.

1.1. *а* — долбленка как единственный вид малого судна; *б* — «головки» на долбленках *.

1.2. Отсутствие или малая степень украшения водных средств передвижения.

1.3. *а* — лыжи 1 типа (прямые, неширокие, толстые); *б* — различия в конструкции мужских и женских лыж*, *в* — обтекаемая форма лыж *.

1.4. В ручной (собачьей) нарте: *а* — черемуховые вязки *; *б* — углубление в головном вязе для планок дна кузова *.

1.5. Плетеная упряжь для человека и собаки *.

1.6. *а* — шейно-грудная лямка как единственный вид собачьей упряжи; *б* — большая вариабельность типов собачьей упряжки.

1.7. Использование ручной (собачьей) нарты в качестве единственного вида оленьей нарты *.

1.8. *а* — простой недоуздок-оброть с носовой петлей *; *б* — недоуздок передового оленя без нащечных пластин; *в* — трехконечные нащечные пластины *; *г* — надглазные и межглазные ремни в сложном недоуздке.

1.9. а — прохождение обоих концов лямки с внешней стороны ног оленя *; *б* — ремень для соединения пояса и лямки на боку оленя; *в* — завязывание подгрудных ремешков у лямки *; *г* — раздельное существование лямки и пояса *; *д* — украшение собственного пояса (а не покрытия к нему) в оленьей упряжи *.

1.10. *а* — разнообразие способов размещения при езде на собачьей нарте; *б* — повторение их в оленьем транспорте.

1.11. Смешанные оленье-собачьи обозы *.

1.12. Комплекс ранее названных признаков говорит об участии восточных хантов в формировании западносибирского упряжного оленеводства.

Перечисленные признаки отнесены к восточнохантыйским на основании их обособленности внутри обско-

угорской культуры, но это не означает, что все они сформировались среди исследуемых групп. В среде восточных хантов, на их исторически известной территории, сложились, по нашему мнению, признаки 1.3. *б;* 1.3. *в;* 1.4. *б;* 1.5; 1.6. *б;* 1.7; 1.8. *а;* 1.8. *г;* 1.9. *а;* 1.9. *б;* 1.9. *в;* 1.9. *г;* 1.9. *д;* 1.10 *а;* 1.10 *б;* 1.11; 1.12.

Следующей задачей является определение черт, также присущих культуре восточных хантов, но происхождение которых связывается с обскими уграми в целом, с уграми или финно-уграми. Таких признаков немного.

II. 1. *а* — остроконечная долбленка с тонкими стенками и прямыми распорками; *б* — большая дощатая лодка с покрытием.

II. 2. Лыжи с приподнятой ступательной площадкой.

II.3. Кузов из планок в ручной нарте.

II. 4. Следы коневодческой культуры в упряжном оленеводстве.

В признаке II. 1. *а* — использование прямой распорки восходит к угорской общности, как и признак II.4; финно-угорское происхождение имеет признак II.2.

2. Одежда*

Одежде хантов, кроме описания ее в работах общего характера, посвящено несколько специальных статей. Первая из них «Костюм и вышивки остяков» принадле-

---

* При анализе одежды использован фактический материал из следующих работ: Алексеенко Е. А. (1967); Белицер В. Н. (1973); Василевич Г. М. (1962); Викторова Л. Л. (1977); Винников Я. Р. (1969); Гаджиева С. Ш. (1981); Ефимова Л. В. (1966); Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. (1964); Каталог... (1979); Козлова К. И. (1978); Кулемзин В. М., Лукина Н. В. (1977); Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. (1980); Лебедева Н. И., Маслова Г. С. (1967); Лукина Н. В. (1979а); Люшкевич Ф. Д. (1970); Ляпунова Р. Г. (1975); Маретина С. А. (1977); Молодин В. И. (1979); Морозова А. С. (1971); Носилов К. Д. (1904); Пелих Г. И. (1972); Попов А. А. (1955, 1958); Посредников В. А. (1975); Прыткова Н. Ф. (1949, 1961а, б; 1970а; 1976); Рубрук (1957); Руденко С. И. (1955, 1960); Русско-коми словарь (1966); Саар Э. (1982); Соколова З. П. (1976, 1982 б); Сычев Л. П., Сычев В. Л. (1975); Сухарева О. А. (1979, 1982); Тароева Р. Ф. (1965); Терешкин Н. И. (1981); Торчинская Э. Г. (1971); Федорова Е. Г. (1978); Хомич Л. В. (1983); Швецова М. (1898); Широкова З. А. (1970); 1973; 1976); Шатова С. Н. (1968); Шмелева М. Н., Тазихина Л. В. (1970); Dömötör T. (1972); Kaarma M., Voolma A. (1981); Karjalainen K. F. (1899; 1900; 1901; 1922); Kodolányi J., jr. (1969); Manninen I.

жит венгерскому ученому В. Шемайеру [Semayer W., 1914] и подготовлена по материалам, относящимся в основном к южным хантам; из восточных в ней охвачены жители Югана и Салыма. Этот автор обратил внимание на то, что по одежде и особенно по ее орнаментации юганские остяки значительно отличаются от иртышских, демьянских и салымских; главное отличие заключается в отсутствии вышивки на Югане. Как и многие исследователи того времени, В. Шемайер исходил из тёзиса об определяющем влиянии финнов на культуру остяков (хантов) и поэтому особенности юганской одежды объяснял тем, что культурное влияние финнов не дошло до Югана и других областей, лежащих восточнее [Semayer W., 1914; S. 172].

Наиболее значительный вклад в изучение одежды хантов сделан советским исследователем Н. Ф. Прытковой (1953, 1971). Хорошо известны ее работы, посвященные одежде других народов Сибири — самодийцев (1970 а), чукчей, коряков и ительменов (1976), а также разработанная ею программа изучения одежды (1970 б), типология верхней одежды и головных уборов народов Сибири (1961). Н. Ф. Прыткова определила основные принципы использования одежды народов Севера в качестве исторического источника. Она считает ошибочной старую методику выявления отдельных совпадающих элементов одежды или внешнего сходства для доказательства исторических общностей. Основным признаком, по которому следует вести сравнительный анализ, Н. Ф. Прыткова считает покрой одежды; это наиболее устойчивый и сохраняющийся на протяжении долгого времени признак. Вместе с тем при выявлении исходных форм, генетических или культурных связей, эволюции типов одежды она обращается и к другим признакам — расположению украшений, технологии и относящейся к одежде лексике. Наиболее последовательно ее взгляды изложены и реализованы в работе об одежде самодийцев.

Разработанные Н. Ф. Прытковой принципы взяты за основу в нижеследующем анализе восточнохантыйской

(1929); Messerschmidt D. G. (1968); Paasonen H. (1926); Steinitz W. (1966; 1967; 1968; 1969); Tschernetzow V. (1974).

Некоторые сведения получены из устных сообщений Е. А. Алексеенко, П. Е. Бардиной, Э. Саара, С. Н. Шитовой.

одежды. В этом плане особенно большое значение имеет ее работа «Одежда хантов», где, кроме эмпирического материала по разным группам хантов, в заключение высказаны интересные предположения и сделаны важные выводы. Назовем основные из них.

Н. Ф. Прыткова считает, что верхняя одежда хантов примыкала к общесибирской распашной одежде. К наиболее стойким элементам одежды этого народа она относит женский пояс-повязку, головной платок-покрывало, узорные отливки на женской одежде и украшения из бисера; далее — поршнеобразную кожаную обувь и чулкообразную обувь из ровдуги. На основании данных по истории одежды она устанавливает близкие связи северных и восточных хантов с ненцами и некоторыми группами тюркоязычных народов, а южных хантов — с сибирскими татарами, башкирами и народами Поволжья; более отдаленные параллели наблюдаются в одежде барабинцев и шорцев. При этом связи с одеждой русских, татар и ненцев она определяет как культурно-исторические и поздние во времени. Заслуживает внимания, по мнению Н. Ф. Прытковой, и полное совпадение покроя хантыйских халатов с халатами некоторых народов Средней Азии. Не со всеми положениями, высказанными этим автором в разных работах относительно генезиса хантыйской одежды, можно согласиться. Но для нас более важен тот факт, что без ее исследований было бы невозможно выяснение процесса формирования восточнохантыйской одежды.

Одежде обских угров посвящено несколько работ венгерского ученого Я. Кодоланьи младшего: «Шкуры в мужской одежде обских угров» [Kodolányi J., ifj, 1966]; «Женская одежда обских угров», вышедшая на венгерском (1967) и немецком (1969) языках; «К развитию обско-угорской нижней одежды» (1970). Их основное содержание сводится к обзору литературных и музейных данных, но не ограничивается этим. Я. Кодоланьи младший анализирует мнения и выводы разных авторов по тем или иным вопросам истории обско-угорской одежды и высказывает собственные взгляды. Следует отметить новизну идеи, проходящей через все его работы: о значительной роли полотна и необходимости разработки вопроса о соотношении меха и текстиля в традиционной одежде хантов.

Вопрос о материалах действительно имеет немаловажное значение для изучения генезиса хантыйской одежды. Некоторые авторы подходили к нему упрощенно, считая, что первоначально ханты шили одежду из шкур и рыбьих кож, а умение прясть и ткать приобрели у южных соседей — татар [Изделия..., 1911, с. 58—59]. Явно ошибочным является, например, утверждение, высказанное в начале XX в.: «Еще 50—60 лет назад остяки одевались исключительно в звериные шкуры и меха» [Старцев Г., 1928, с. 29]. Существует мнение, что ханты стали применять ткани на одежду очень недавно, а шелк и бархат у них появился с началом торговых отношений с русскими и татарами при посредничестве зырян [Karjalainen K. F., 1906, S. 15]. Более внимательные исследователи учитывали тот факт, что исключительный интерес авторов XVII—XVIII вв. к одежде именно из рыбьей кожи можно объяснить ее непривычностью [Прыткова Н. Ф., 1953]. Н. Ф. Прыткова и Я. Кодоланьи обоснованно отмечали разную роль того или иного источника поступления материалов для одежды в зависимости от района проживания хантов.

Как следует из описания одежды восточных групп, для них характерна большая вариабельность как в наборе материалов, так и в сочетании их. Этим они отличаются от южных групп, где значительное развитие получили традиции, связанные с тканями, и от северных, где определяющую роль, по крайней мере в зимней одежде, играли оленьи шкуры. Одним из наиболее древних материалов у восточных хантов были рыбьи кожи. Не будем повторять неоднократно цитированные сведения ранних и поздних авторов об этом материале у других групп, но с их учетом констатируем, что использование рыбьих кож является общехантыйским признаком одежды. Для манси одежда из рыбьих кож была не столь характерной. У соседних народов, в частности у кетов и селькупов, рыбьи кожи использовали для разных поделок, но не для основных элементов одежды. Значительная роль этого материала в одежде амурских народов вряд ли говорит об их этногенетических связях с хантами. Правомерно считать изготовление одежды из рыбьих кож местной субстратной чертой в культуре восточных хантов. Однако сама традиция использования этого материала могла быть вынесена из более южных райо-

нов. Так, шорцы умели обрабатывать рыбьи кожи и шили из них мешки.

Восточнохантыйские традиции использования шкур имеют свои особенности. Здесь, более чем у других групп обских угров, шили одежду из птичьих шкурок. В меньшей мере это известно у селькупов, кетов, ненцев. Е. А. Алексеенко считает использование птичьих шкур традицией приречных жителей. Четкое разграничение с селькупами проявляется в том, что ханты и манси заготовляли шкуры лебедей, у селькупов же был запрет убивать этих птиц. Птичьи шкурки применяло досамодийское население севера — легендарные сиртя, ительмены, эскимосы, широко использовали их в одежде алеуты, т. е. это — общесибирское явление с несколькими особо развитыми очагами.

Материалом для изготовления одежды служили на исследуемой территории и шкурки пушных зверей. На одежду использовались чаще всего заячьи или беличьи шкурки, а выдра шла главным образом на отделку или капюшоны. У восточных хантов в гораздо большей степени, чем у западных, было развито изготовление сборного меха из лапок, ушей и хвостов пушных зверей, утиных голов или шеек гагар. Ф. Р. Мартин, проехавший по Югану в конце XIX в., обратил особое внимание на эту традицию, но смысла ее, пожалуй, не понял. Он объясняет ее лишь бедностью народа, не смевшего подумать об использовании дорогой пушнины [Martin F. R., 1879, S. 3]. В этом объяснении выражены ценностные ориентации европейца. В настоящее время ханты живут более обеспеченно, но никто не шьет шубу из шкур соболя. Традиция изготовления сборного меха включает в себя несколько моментов. Во-первых, кусочки с лап, ушей, голов гораздо прочнее, чем сами шкурки. Во-вторых, сшитый в шахматном порядке мех получается очень красивым и удовлетворяет эстетические запросы. В-третьих, обрезание лапок пушным зверям способствовало, по воззрениям народа, удачной охоте в будущем.

Одежду из сборного меха шили нарымские селькупы; у кетов такой мех служил лишь украшением одежды из заячьих шкур. Итак, изучаемая черта локализуется в Нарымско-Сургутском Приобье, однако ее возникновение можно связывать с более южными территориями. У скотоводов Центрального и Горного Алтая

V—III вв. до н. э. существовала одежда из сборного меха, а штаны и обувь одного знатного человека из Пазырыкских курганов были сшиты из сотен прямоугольных лоскутков кожи. Это объясняется не бедностью владельца, а, как правильно считает С. И. Руденко (1960, с. 206), желанием получить мозаичный узор. Изделия из лоскутков ткани широко известны в Средней Азии, где они удовлетворяют не только эстетические запросы, но и считаются оберегами. Головные уборы или шубы из лапок пушных зверей, особенно лисьих, ценятся у алтайцев, башкир, известны и у других народов. На Алтае с древности кожи и шкуры простегивали сухожильными нитками, а простегивание войлока с холстяным верхом сохранилось до наших дней. Это делалось для прочности и вместе с тем служило украшением. У хантов было обязательным прошивание такими же нитями сборного меха с покрытием из хлопчатобумажных, а прежде, вероятно, и крапивных тканей. В целом же этот прием наиболее характерен для Средней Азии. Если предположение о южных истоках сборного меха верно, то этим можно объяснить общность традиции у хантов, нарымских селькупов и кетов; причем наиболее устойчивой она оказалась у восточных хантов.

Трудно согласиться с мнением Я. Кодоланьи, что оленьи шкуры в одежде хантов применялись вначале в северных районах, а затем проникли на юг [Kodolányi J., jr., 1965, S. 195]. Оно основано на гипотезе о распространении хантыйского оленеводства с севера на юг (что нельзя считать доказанным) и не учитывает возможности использования шкур диких особей. Восточные ханты, особенно в левобережье Оби, использовали оленьи шкуры для одежды в меньшей мере, чем северные, но вряд ли их предки игнорировали этот материал. В исследуемый период по мере возможности применяли шкуры как диких, так и домашних оленей, а изредка — лосят либо взрослых лосей, шкуры которых обрабатывать трудно. Здесь применяли камусы и шкурки с ушей оленя и лося. Скотоводством раньше других начали заниматься александровские и салымские ханты, у которых шкуры домашних животных и овечья шерсть использовались в одежде в начале XX в. Однако в языке всех исследуемых групп отражено их давнее, а затем забытое знакомство с шубами из овечьих шкур. Шкуру

собак для одежды здесь не использовали. Встречающиеся иногда изделия из этого материала являются отступлением от традиций и обычно сшиты по заказу русского населения. В этом отношении восточные ханты отличаются от более северных народов — ненцев, саамов, чукчей.

Ровдуга на исследуемой территории, вероятно, вначале использовалась как заменитель рыбьих кож. Основания для такого суждения дают одинаковые приемы обработки, в частности окрашивание, а также совпадение видов одежды или ее элементов, изготовляемых из обоих материалов. Особенно наглядное подтверждение тому дают натазники. Их покрой явно вынесен с юга Сибири, и поэтому можно было бы ожидать использования шкур с ворсом, как это (судя по археологическим и этнографическим данным) было принято у южносибирских народов. Такая традиция в условиях севера должна бы закрепиться и развиться далее, однако у хантов мы наблюдаем противоположное явление: они удаляли ворс со шкуры, предназначенной для штанов, очевидно, чтобы сделать ее похожей на рыбью кожу.

В фольклоре восточных хантов упоминается неизвестный сейчас способ соединения шкур в одежде — склеивание. В исследуемый период шкуры и кожи сшивались сухожильными нитями. В Северной Сибири это общепринято, умели изготовлять такие нити и в Южной Сибири. Традиционным для обских угров, в том числе и для исследуемых групп, было изготовление нитей из крапивы или дикой конопли. Этот процесс неоднократно описан в литературе. Не повторяя описаний, нужно отметить существование у хантов устоявшихся признаков и специальных, хотя и несложных, орудий труда. Население Среднего и Верхнего Приобья использовало нити из дикой конопли с древности, о чем говорят находки их в еловских могильниках конца II — начала I тыс. до н. э. Происхождение традиции использования крапивного холста у хантов связано с их ткачеством. Обские угры умели изготовлять различные виды холста от грубого до самого тонкого, не уступающего льняному полотну. Крапивное полотно ткали нарымские селькупы, манси, шорцы, алтайцы, барабинские татары.

Описанный в литературе обско-угорский станок был известен в том числе и у восточных хантов. У. Т. Сире-

линус отмечал, что ткацкий станок и способ тканья одинаковы у остяков, вогулов и тобольских татар; по определению А. А. Попова (1955), станок очень схож с чувашским и марийским. Его конструкция более совершенна, чем у алтайских, а у последних — чем у среднеазиатских ткацких станков. А. А. Попов, присоединяясь к мнению У. Т. Сирелиуса о заимствовании уграми ткачества у татар[29], считает, что произошло это довольно давно, так как в начале XVIII в. Г. Новицкий сообщал об изготовлении крапивного холста хантами.

Представляют интерес археологические данные об изготовлении тканей из льна и конопли приволжскими финно-уграми в I — начале II тыс. до н. э., о высоком качестве изделий и устойчивости традиций. Ткачество у хантов и развитые формы их ткацкого станка объясняются финно-угорскими, а не татарскими традициями. Во всяком случае вполне справедливо замечание Я. Кодоланьи о необходимости более внимательного отношения к полотну как материалу для одежды у обских угров [Kodolányi J., jun., 1970]. С глубокой древности они могли быть знакомы и с шерстяными тканями. Уже упомянутые еловцы, живущие немного южнее современной границы хантов, носили шерстяную одежду.

О древнем знакомстве с тканями говорит разнообразие их названий у исследуемых групп. Общее понятие 'ткань, материя' выражается в терминах *тас, совыт, олвинтых.* Варианты последнего названия известны в разных диалектах хантыйского языка для обозначения простых тканей — холста, льна и т. п.; в этом же ряду лингвисты приводят финские *уудин* [Steinitz W., 1966,

---

[29] Аргументы этого автора выглядят не вполне убедительно. Нужно иметь в виду, что финские исследователи того периода были склонны объяснять явления, сходные у обских угров и татар, как заимствования от последних. Это же высказано в качестве первого и основного довода в вопросе о ткачестве [Sirelius U. T., 1903, S. 35], хотя сходство может говорить и об обратном. Ссылка на названия двух-трех деталей станка, заимствованных из татарского, требует рассмотрения на фоне всей относящейся сюда лексики; к тому же они отмечены у манси и салымских хантов, имевших больше контактов с татарами, чем другие группы. Не вполне надежен и довод, основанный на общем термине *тахте* для обозначения шкуры и ткани у восточных хантов. Дело в том, что здесь так называли только подстилку из оленьей шкуры, а сама шкура называлась *сох.*

1, S. 85]. На Вахе холст называют также *рапинтых*, а грубошерстную ткань *викинтых*. Хантыйское *ной* 'сукно' считается зырянским заимствованием [Steinitz W., 1978, 7, S. 982—983], как и *йермак* 'шелк' [Ahlquist A., 1890, S. 12]. В перечисленных терминах имеется общий формант — *интых*, этимологически связанный с простыми и грубошерстяными тканями; с его помощью образовано также *нойинтых* 'бархат'. О происхождении форманта окончательно будут судить лингвисты, а пока можно предположить о его связи с названием холста *опти-тахти* у северных хантов. Первый компонент, вероятно, заимствован из татарского [Steinitz W., 1967, 2, S. 147], а *тахти* можно сравнить с *чохыт* — южнохантыйским названием холста, в том числе и крапивного, и вогульским *совыл* 'холст'. Более уверенно ставится в один ряд с вогульским еще одно восточнохантыйское название холста — *совыт*. Если подобная связь терминов допустима, то можно говорить о существовании древнего обско-угорского (финно-угорского?) названия грубых тканей из растительных, а возможно и шерстяных волокон. Это вместе с данными о ткачестве подкрепляет тезис об исконных, не заимствованных традициях изготовления и использования тканей на одежду у хантов.

У исследуемых групп общее понятие 'одежда' выражалось в разных терминах. Один из них *ломытот* образован от глагола *ломытта* 'одеть, надеть', он известен и в западных диалектах. Общим для разных групп хантов и манси является *уш, вуш* 'одежда'. В. Н. Чернецов (1947, с. 115) считает этот термин у обских угров иранской чертой. На Васюгане одежду называли также *шай*, что имело и более широкое значение 'имущество'; термин заимствован у западносибирских татар [Steinitz W., 1968, 9, S. 243]. Известны описательные термины, образованные от названий отдельных видов одежды.

Для украшения одежды кроме материалов природного происхождения использовались самодельные отливки из олова, неоднократно описанные в литературе. Заслуживают внимания также привозные материалы. Восточные ханты изготовляли нашивные и съемные украшения из пуговиц, металлических подвесок, бисера и в меньшей мере бус. Т. А. Крюкова (1970, с. 267) считает одной из параллелей в украшении одежды финно-угров Поволжья и Сибири использование бисера. Это

применимо и к съемным украшениям. Украшения из бисера были широко распространены у народов Средней Азии, а у некоторых, например у горных таджиков, бисер был наиболее универсальным материалом. В этой связи можно обратиться к терминологии. У восточных хантов бисер называли *ай-кёх* (букв.: 'маленький камень'), у южных — *кеу, кев* 'камень'. Другое обозначение бисера и бус *сук* известно у восточных и северных хантов; оно сходно с мансийским *сак,* которое В. Н. Чернецов (1947, с. 115) считает иранским по происхождению. Интересно, что в Пазырыкских курганах предполагается среднеазиатское происхождение бисера и бус [Руденко С. И., 1953, с. 135]. Такое предположение не исключено и относительно проникновения бисера к предкам обских угров. В прошлом он имел наибольшее распространение у южных хантов, сейчас очень популярен и вытесняет другие материалы у восточных групп. По наблюдениям эстонского этнографа Э. Саара, современные северные ханты, в отличие от восточных, для украшения одежды в большей мере используют аппликацию из тканей.

Нижняя одежда. Для восточных хантов характерно разнообразие нательной поясной одежды, относящейся к категории штанов. Этим они отличаются от южных и северных хантов и других народов Сибири. Кроме поясной веревочки для привязывания обуви все виды набедренной одежды имели общее восточнохантыйское название *ворып, ворыв.* Этот термин известен у северных групп, но лишь для обозначения женского пояса-повязки, а штаны там называют *кась*; в свою очередь, у манси кась — название пояса-повязки. Таким образом, общехантыйское название пояса-повязки у восточных групп проявляет большую устойчивость и мобильность. Длительное время сохранялся здесь и сам этот вид одежды, представляющий собой пояс с прикрепленной полосой мягкого материала, проходящей между бедрами (рис. 16, *5*). В XX в. он не зафиксирован лишь на Васюгане и Салыме.

Следует согласиться с мнением Н. Ф. Прытковой об очень древнем характере ворупа. Во-первых, он известен почти на всей территории хантов, отмечен у манси, и покрой его везде одинаков. Во-вторых, первоначально ворып изготовляли из местных материалов — бересты и

ровдуги, а на бересту наносили узор типичной для хантов техникой выскабливания. Изображение на нем птицы ронжи отражает древние представления хантов о ней как покровительнице ро́дов; причем в некоторых диалектах название ее совпадает с названием пояса-повязки. Берестяная повязка бытовала у кетов и селькупов, но там ее носили лишь в период менструаций, а не постоянно. У самых северных народов как Западной, так и Восточной Сибири в качестве нательной одежды принят комбинезон, и лишь у приморских чукчей женщины носили пояс-повязку, подобную эскимосской. Н. Ф. Прыткова (1976, с. 87) видит в нем аналогию с хантыйским поясом-повязкой. Хантыйские ворупы имеют наиболее разработанные функции и оформление по сравнению с подобными видами одежды у других народов Сибири.

Кроме основного назначения — для удержания мягких стружек — ворупы служили для подвязывания обуви, несли определенную социальную нагрузку, имели украшения. Если простые формы ворупа считать наследием древнесибирского населения, то разработку указанных признаков следует связывать с обскими уграми. При всем том воруп невольно напоминает нам набедренные повязки, столь широко известные в более теплых краях, где они некогда служили единственным видом одежды. Проникновение этого элемента на север, очевидно, происходило в самый начальный период его освоения. Исходную форму ворупа можно представить в виде полосы ткани или кожи, которая отличалась по типу от восточносибирской (эвенкийской) набедренной повязки, имеющей вид бахромы из ровдуги. Позднее оба типа повязок вошли в другие виды одежды, но в разном качестве: на основе первого типа были созданы штаны, а бахрома стала нашиваться на натазники и нагрудники.

Воруп положен в основу мужских штанов I типа у сургутских хантов, о чем можно судить по полосе, вставленной между штанинами и доходящей до поясницы (рис. 19, *1, 2*). Такой покрой имели штаны томских татар, кетов, мордвы, башкир, казахов, туркмен, таджиков. О. А. Сухарева (1979, с. 96; 1982, с. 62) считает в среднеазиатских штанах прямую вставку более древней по сравнению с раскошенной. Прямая вставка отмечена

в туркменских штанах, покрой которых является результатом общений и взаимовлияний с иранцами и курдами [Морозова А. С., 1971, с. 180]. У хантов штаны такого покроя были только мужским видом одежды. Учитывая все данные, можно предположить, что штаны развились непосредственно из пояса-повязки в местных условиях, где они были более необходимы мужчинам-охотникам, чем женщинам. Пояс сохранился лишь у женщин, и это соответствует известному положению о лучшей сохранности архаичных форм в женской одежде. Если же считать, что покрой штанов этого типа был сюда принесен в готовом виде древним населением, то наиболее возможные его истоки следует искать в Средней Азии, а в ней — у ираноязычных народов. Там ношение штанов — давняя традиция как у мужчин, так и женщин. У хантов женщины носили штаны-натазники, но их покрой уводит нас в другой регион и не связан со среднеазиатскими традициями. Это наводит на мысль, что в случае неместного происхождения штаны анализируемого покроя появились у предков хантов благодаря внедрению пришлого мужского состава в среду местного населения. Интересно, что у томских татар и кетов штаны такого покроя носили только мужчины.

Штаны II типа носили мужчины на всей территории восточных хантов. Основу их покроя составляют штанины, между которыми в нижней части может быть вшит ромбовидный клин (рис. 19, *5*). Такой покрой распространен очень широко: от Кавказа до Китая и от Средней Азии до Эстонии. Наиболее архаичные его формы в виде несшитых штанин-ноговиц известны в Китае. К хантам этот тип штанов мог попасть через тюрков Саяно-Алтая, у которых он является основным. В среднем Приобье их роль была ограниченной по сравнению с I типом, и они не получили дальнейшего развития, о чем говорят редуцированные формы клина либо полное его отсутствие. Хантыйской деталью был треугольный клин у поясницы. В последние десятилетия у наиболее обрусевших групп такие штаны шили по образцу русских — с гульфиком.

Штаны III типа носили женщины у васюганско-ваховских групп, где ворун потерял свое значение либо не был известен вообще. Штаны имели короткие штанины, и правильнее назвать их натазниками. По сведе-

ниям П. С. Палласа, короткие до колен штаны из рыбьих кож или ровдуги носили мужчины у остяков верховьев Оби; вероятно, речь идет о натазниках. Основой этого вида одежды служит прямоугольный кусок ткани, сложенный разными способами. При 1-м варианте (рис. 13, *1*) ткань сложена по диагонали и прошита поперек вершины прямого угла, который затем отрезан по линии шва; эта часть приходится между ногами. По линии диагонали, в средней части, сделан разрез со вздержкой, затягиваемой на пояснице; на коленной части вставлены клинышки. При 2-м варианте у перегнутого по горизонтали полотнища срезаны два угла и срезы пришиты к противоположной стороне прямоугольника; в области живота вшита прямоугольная полоска, а в коленной части — клинья; затягиваются натазники на вздержку (рис. 13, *2*). 3-й вариант близок 2-му: у прямоугольника отогнута полоска и на эту же сторону отогнуты углы оставшейся части; они пришиты к узкой полоске, а острые выступы по бокам обрезаны (рис. 13, *3*). Такие натазники подтягивали веревкой под пояс.

Сравнивая покрои, видим, что 1-й вариант натазников не зафиксирован у народов, с которыми ханты связаны общностью происхождения или исторических судеб. Натазники 2-го варианта носили у северных хантов мужчины и женщины, а у южных — только мужчины; шили их из ровдуги или ткани. Итак, это общехантыйский элемент одежды. Такой же покрой натазников, но без вставки в области живота известен у кетских женщин и положен в основу женского комбинезона ненцев. С мнением Н. Ф. Прытковой о том, что последний создан на основе покроя натазников, распространенного среди эвенков, не вполне можно согласиться; эвенки тоже шили натазники из прямого куска ровдуги, перегнутого пополам, но они сшивали боковые стороны, а по линии перегиба делали разрез для ног. У хантов, наоборот, боковые стороны служили отверстиями для ног, а края верхнего и нижнего основания сшивались. При эвенкийском способе у одетых натазников швы проходят точно по бокам туловища, а при хантыйском — они сдвинуты в область живота. Именно так расположены швы на женском комбинезоне ненцев, и это говорит о сходстве его с хантыйским, а не с эвенкийским натазником. Кстати сказать, мужской натазник ненцев, по

мнению Н. Ф. Прытковой, полностью совпадающий с обско-угорским, отличается от натазной части ненецкого женского комбинезона лишь отсутствием квадратной вставки в области живота [Прыткова Н. Ф., 1970 а, с. 25—26]. Трудно согласиться с мнением этого автора и в том, что покрой мужских натазников у энцев и нганасан не имеет аналогий в одежде сибирских народов [Прыткова Н. Ф., 1970, с. 62]. Уже из ее описания способа изготовления следует, что он не отличался от хантыйского и подобных ему; единство покроя просматривается и на изображениях цитируемой работы. У энцев и нганасан этот вид одежды имел свои особенности: продержки в нижних концах штанин и приемы украшения; в целом же покрой, включая вставку в области живота, отнюдь не оригинален. Кроме названных народов он известен у тувинцев-тоджинцев и монголов.

3-й вариант восточнохантыйских натазников зафиксирован лишь на Вахе. Свойственное для него складывание материала не пополам, а на три части отмечено у эвенков, где этот прием считается поздним явлением [Василевич Г. М., 1969, с. 136]. Ваховцы могли заимствовать этот прием у эвенков, но не исключен и самостоятельный переход к нему. Трудность сравнения заключается в том, что в готовом виде натазники 2-го варианта (без вставки) и 3-го выглядят почти одинаково; их различия можно установить, лишь наблюдая за процессом кроя. В литературе по хантам и самодийцам такие сведения не приведены, и остается не ясным, был ли у них 3-й вариант. У южных хантов женщины и мужчины носили штаны типа натазников, но скроенные не из одного, а из двух кусков ткани или ровдуги.

Натазники хантов, кетов, ненцев, энцев и нганасан, очевидно, ведут свое происхождение с юга. Уже отмечалось сходство по этому признаку кетов и тувинцев-тоджинцев [Алексеенко Е. А., 1967, с. 134]. У монголов меховые натазники считаются наиболее древним местным видом одежды [Викторова Л. Л., 1977, с. 174, 197; рис. 2 б]. У тувинцев натазники носили мужчины, женщины и дети. Насколько можно понять из работ К. В. Вяткиной (1960) и Л. Л. Викторовой (1977), так же обстояло дело у монголов. У северных хантов и северных самодийцев натазники были мужским и женским видом одежды. У васюганско-ваховских хантов и кетов,

живущих ближе к исходной территории, это был только женский вид одежды. Создается впечатление, что эта южная традиция была вынесена какой-то ранней волной населения, утвердившегося на севере и лишь «наследившего» в промежуточной зоне. Но возможно также, что натазники попали к кетам и васюганско-ваховским хантам более поздним и опосредованным путем, например, через южных самодийцев. Решению вопроса помогли бы данные о натазниках селькупов, но кроме названия о них ничего не известно. Для исследуемых групп хантов наиболее вероятным представляется позднее появление этого элемента, пришедшего на смену поясу-повязке; при этом на Васюгане кроме «монгольского» (2-й вариант) был создан и собственный, 1-й вариант натазников.

В литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что штаны — это элемент культуры кочевников [Сычев Л. П., Сычев В. Л., 1975, с. 32; Крюков М. В. и др., 1978, с. 255]. Как показано выше, предки хантов испытали в этом отношении влияние кочевников. Следует, однако, признать обязательность этого элемента одежды не только для всадника, но и для пешего, живущего в суровом климате. Сомнения Я. Кодоланьи в том, могли ли хантыйские женщины обходиться без штанов [Kodolányi J., jr., 1969, S. 100], еще можно развеять: у них бедра были защищены длинными голенищами и длинной верхней одеждой. Но мужчины, например, у восточных хантов ходили на охоту в короткой распашной одежде, и штаны им были совершенно необходимы. Вполне вероятно, что один из типов штанов (I) создан местными предками хантов на основе пояса-повязки.

В современных условиях основными видами поясной одежды у восточных хантов остаются штаны, но теперь они редко бывают самодельными, а чаще покупаются в магазине — как мужские, так и женские. У обрусевших групп появился новый вид поясной одежды — юбка. На Васюгане ее шили из трех прямых полос с вытачками по талии и широкой оборкой по подолу. Здесь широкая юбка даже стала элементом промысловой одежды и получила название «урманной». Как отмечалось, у сургутских групп (исключая Салым) юбка только сейчас начинает внедряться среди молодежи.

В нижней плечевой одежде важной чертой считается наличие или отсутствие плечевого шва. Если взять за основу последний признак — туникообразность, то выявятся многочисленные аналоги на очень обширной территории. Очевидно, следует согласиться с мнением Н. И. Гаген-Торн (1960, с. 7), что один этот признак не может помочь в изучении истории одежды, ибо такой способ экономного кроения, естественно, приходит в голову на первоначальной стадии, и его нужно учитывать в сочетании с другими признаками. Туникообразный покрой выполняется по-разному: в одном случае стан сшивается только в боках и на этой же линии находится пройма; в другом — к центральной точе вверху пришиты так называемые входящие рукава, а ниже пришиты более короткие точи, обертывающие бок. Кроме того, при первом способе рукав бывает украшен лишь по устью, в то время как для входящего характерно украшение по всей его длине или в наплечной части; в Средней Азии он выделяется поперечным расположением полос ткани. По нашему мнению, не вполне правомерно встречающееся в некоторых работах объединение этих типов рубах по признаку лишь туникообразности, без учета указанных отличий.

У сургутских хантов старинные туникообразные рубахи I типа (рис. 19, *3*) имеют прямой или расширяющийся книзу стан, прямую пройму, воротник-стойку или отложной, прямой грудной разрез; отложной воротник из сукна, он украшен по краям; обшлага и ластовицы из однотонной ткани иной расцветки. Судя по описанию М. Б. Шатилова, такие рубахи носили и на Вахе. Кроме того, здесь были известны рубахи этого же типа, но с особенностями: клином на спине, начинающимся с плеча, подоплекой в подмышечной части и дугообразным украшением грудного разреза. Подобный покрой имели рубахи зауральских башкир и казахов; он положен также в основу телеутских и монгольских рубах, имевших этнические особенности: косой нагрудный разрез у первых и дополнительная правая пола у вторых. Рубахи такой конструкции известны на Кавказе у дагестанцев и азербайджанцев; полный набор восточнохантыйских признаков, вплоть до небольших клинышков внизу подола, встречаем в старинной женской рубахе персов. Дугообразное украшение грудного разреза у экземпляра с

р. Вах находит аналоги у башкир, татар-мишарей и туркмен. Р. Г. Мухамедова, ссылаясь на С. П. Толстова, считает такое расположение нашивок угорской традицией в культуре татар-мишарей. Однако нагрудный разрез у всех групп хантов имел прямоугольное или мысовидное украшение, что заставляет сомневаться в приведенном выше суждении и искать истоки дугообразного украшения в другом направлении.

Заметной особенностью старинных восточнохантыйских рубах I типа, как и верхней одежды из тканей, был большой отложной воротник со свисающими прямообрезанными лопастями; он выделялся и по материалу (сукно). Такой же воротник, но с закругленными углами известен у манси.

На Васюгане рубаха I типа не зафиксирована. Здесь старинными считались рубахи с прямыми поликами и сборками у ворота, которые встречались и на Вахе. По этим признакам и составному стану из четырех точей они подобны наиболее старому типу мужской рубахи хантов, живущих по Иртышу и Оби ниже его впадения (но в отличие от васюганской она вышита шерстью). Рубаху с поликами, имеющую стан из двух точей, носили кеты. Е. А. Алексеенко (1967, с. 113) сближает ее с хакасскими рубахами. Рубаха с поликами широко распространена у финноязычных народов Европейской части СССР, она является основным типом русских женских рубах, была общевосточнославянской и общеславянской. Возникновение ее относят к глубокой древности: имеются изображения такой рубахи в 1 тыс. н. э. [Лебедева Н. И., Маслова Г. С., 1967, с. 218]. У васюганских рубах вдоль или поперек полика, а также поперек прилегающей части рукава нашивали полоски контрастной по цвету ткани. Их расположение играло различительную роль среди населения притоков этой реки. Полосками цветной материи иногда украшали полики у кетских рубах. Поперечное расположение орнамента, в том числе полосового, с основным акцентом на плечевой части характерно для рубах у русских, украинцев, белорусов. Эти же признаки наблюдаются у поволжских финнов, но у них чаще встречаются украшения из полос, идущих вдоль рукавов. Итак, мы видим, что допустимы разные предположения о появлении ру-

бахи с поликами на Васюгане и Вахе и ясности в этом вопросе нет.

Развитие сургутской туникообразной рубахи I типа и васюганской с поликами в XX в. шло по единому пути: вводилась двойная кокетка, которую подчеркивали полосками контрастной ткани. На Васюгане в настоящее время отказались от традиционных форм рубах, а у сургутских групп эта линия развития продолжается. Кроме кокетки у них вводится (но еще не вполне утвердилось) пришивание оборки на подоле. Эти два элемента создают II тип рубахи-платья (рис. 14, *1, 3*). Рубаху на кокетке носили манси. У северных хантов рубаха-платье на кокетке и с широкой оборкой появилась в начале XX в. Н. Ф. Прыткова (1953, с. 173, 229) отмечает, что по типу она близко примыкает к татарской, и связывает ее появление с влиянием этого народа. Но у татар, так же как и башкир, рубаха с воланом и на кокетке является более поздней. Материалы по сургутским хантам, не соприкасающимся с татарами, говорят о самостоятельном развитии указанных признаков. При этом складывались локальные особенности: например, на Васюгане оборка была у́же, чем у сургутских хантов. У северных групп более развитые формы приобрело украшение рубах широкими аппликативными полосами на подоле, обшлагах и по линии кокетки, в то время как у восточных хантов оно было гораздо скромнее. В поздних экземплярах восточнохантыйских рубах встречаются маленькие отложные воротники, проходящие вокруг ворота. Такие воротники имеются у южнохантыйских рубах с поликами. Н. Ф. Прыткова (1953, с. 145—146) рассматривает их как результат культурных связей с тюркоязычными народами, с чем не вполне можно согласиться. Отложные воротники известны так широко, что вряд ли были результатом воздействия на хантов других народов. У восточных групп маленький отложной воротник появился в XX в. на смену стойке или большому отложному воротнику либо его стали пришивать к рубахам, не имевшим ранее воротника. Это является результатом самостоятельного развития, и такой процесс мог вполне происходить у других групп хантов.

Сургутская (салымская) рубаха III типа — тоже туникообразная, но с входящими рукавами и вышитая шерстью; у васюганско-ваховских групп она не извест-

на. Правда, в Тобольском музее две вышитые шерстью рубахи записаны как привезенные с Ваха (№ 2116, 2150), но не исключено, что эта запись ошибочна. Наши сомнения основаны на отсутствии данных в литературе, не приходилось встречать вышитые рубахи или рассказы о них и в ходе полевых сборов последних лет. Возможность попадания отдельных экземпляров в виде подарков, конечно, не исключена, однако нет оснований признать вышитые рубахи традиционными для Ваха.

Салымская рубаха (рис. 16, *6*) относится к типу, который Н. Ф. Прыткова (1953, с. 170) считает наиболее старинным в женских рубахах хантов. Он распространен в основном у южных групп и, по мнению названного автора, лег в основу рубах у более северных групп. Вышитые рубахи из крапивного холста с входящими рукавами носили в прошлом женщины у манси. К салымским хантам рубаха была занесена с Иртыша в южнохантыйском варианте. Н. Ф. Прыткова предполагает, что покрой рубах этого типа говорит об этногенетических связях южных хантов с народами Поволжья, в частности с мордвой. Это интересное предположение, однако справедливо и замечание к нему Я. Кодоланьи, что сходство и связи выявлены недостаточно для выводов о генетическом родстве [Kodolányi J., jr, 1969, S. 107]. Этот автор приводит мнение Маннинена о происхождении рубах анализируемого типа под влиянием русских, но вместе с тем указывает аналоги на Ближнем Востоке. Его заключительное суждение звучит так: «Перед нами настолько примитивный покрой рубах, исходящий уже из природы материала, который мог развиться у разных народов независимо друг от друга» [Kodolányi J., 1969, S. 107]. Я. Кодоланьи прав в том, что к решению проблемы можно приблизиться только при комплексном анализе как покроя, так и вышивки. Не ставя здесь этой конечной цели, отметим факты, которые могут помочь в решении вопроса.

Туникообразная рубаха с входящими рукавами, круглым шейным вырезом, прямым грудным разрезом посредине, без подполка и с завязками у шеи, т. е. такая, как у южных и салымских хантов, действительно известна у многих народов Поволжья. При изучении ее истории Н. И. Гаген-Торн установила, что наиболее древняя форма сохранилась у чувашей. В свою очередь,

имеется сходство хантыйских и чувашских рубах, которое проявляется, кроме покроя, в широкой мысовидной полосе орнамента вокруг грудного разреза и расположении сплошной вышивки на спине до лопаток; эти признаки характерны для рубах многих из финноязычных народов. Отмечая аналоги таким рубахам на Кавказе, в Казахстане и Туркестане, Н. И. Гаген-Торн (1960, с. 223—226) считает прием кроя рубахи общетюркским, созданным в эпоху владычества над Волгой Великой Булгарии. Позднее вышла еще одна работа, где затрагивается вопрос о южнохантыйской вышитой рубахе. Т. А. Жданко считает ее одним из проявлений связей каракалпаков с уграми. Она пишет, что в Средней Азии аналогий каракалпакской рубахе нет, а с южнохантыйской ее объединяет покрой[30], материал, широкая сплошная полоса вышивки на передке и особенно — характерная композиция счетной вышивки по холсту [Жданко Т. А., 1971, с. 169—171]. Использование крапивного холста для рубах известно у многих тюркоязычных народов — шорцев, кумандинцев, барабинских татар, башкир, каракалпаков, но оно не характерно для финнов Поволжья.

Приведенные данные акцентируют внимание на связях с тюркоязычным миром, однако в Средней Азии покрой рубахи, о которой идет речь, характерен также для ираноязычных таджиков, известен он и в Северо-Западной Индии, у кашмирцев. Возможно, что древние праистоки хантыйской рубахи можно искать и в этом направлении, а некоторые признаки особенно сближают ее с среднеазиатской и кашмирской, отделяя в то же время от поволжской. Так, у многих народов Поволжья продольные швы холщовой рубахи анализируемого типа оттенялись красным цветом, что объясняется волжско-булгарским их происхождением [Гаген-Торн Н. И., 1960, с. 11, 225]. У кашмирцев, в Средней Азии и у хантов этого признака нет. У многих народов Средней Азии, на Алтае и у хантов женщины носили рубаху не подпоясанной (у кашмирцев пояс не упоминается). В Поволжье же подпоясывание женской рубахи было устойчивой традицией, которая проявлялась не только в поясе,

---

[30] Аналогичный южнохантыйскому покрой имели рубахи многих народов Средней Азии.

но и в разработанных поясных украшениях; распространение этой традиции связывается с финскими племенами [Гаген-Торн Н. И., 1960, с. 226].

Широкая полоса вышивки, заканчивающейся мысом вокруг грудного разреза, или вышивание всего переда рубахи известны у таджиков (Каратегин и Дарваз); менее широкая полоса с мысом вышита на рубахе кашмирцев. У северохантыйских рубах входящие рукава принято украшать полосовым аппликативным орнаментом, расположенным поперек рукава. Такая декоративная схема встречается и на вышитых рубахах южных хантов. Характерной особенностью среднеазиатских рубах является поперечное расположение ткани на входящих рукавах, и при использовании полосатой ткани полосы на рукаве проходят поперек. Поперечное расположение орнамента на рукавах женских рубах присуще русским, украинцам, белорусам, в то время как для угро-финских народов Поволжья характерны украшения из полос, идущих вдоль рукавов [Шмелева М. Н., Тазихина Л. В., 1970, с. 96—98].

Приведенные факты и мнения позволяют считать, что южнохантыйские и салымские вышитые рубахи с входящими рукавами при внешнем сходстве с мордовскими по более важным этническим признакам тяготеют в юго-западном направлении от современной территории хантов, к тюркоязычным и индоиранским народам.

Анализируя вышитый орнамент обских угров, главным образом, на рубахах, С. В. Иванов (1963, с. 109) пришел к заключению, что «...хантыйский и мансийский вышитый орнамент не только по технике исполнения, но и по своим мотивам примыкает к весьма обширной группе произведений декоративного искусства современных славянских, финноязычных и тюркоязычных народов. Целиком совпадающих мотивов или близких к ним форм оказывается так много, что речь в данном случае не может идти об их независимом друг от друга происхождении». Из сопоставлений, предваряющих вывод, следует, что под тюркоязычными народами подразумеваются главным образом среднеазиатские и башкиры.

Женское платье хантов р. Вах, скроенное в талию, с «хвостом», фигурными клиньями в боковой части и широкой оборкой на подоле, не имеет аналогий с рубахами

или платьями народов Сибири, не обнаружены они и в литературе по народам Поволжья, Средней Азии и Европейской части СССР. Некоторое сходство имеется с распашной женской одеждой эвенков верховьев Нижней Тунгуски. Оно проявляется в выемках для пройм и талии, неотрезной спинке и форме фигурных клиньев в боковой части. Кроме того, ваховское платье имеет шов посередине передка, что не характерно для хантыйских рубах и платьев и указывает на происхождение от распашной одежды. Вероятно, это результат позднего влияния со стороны эвенков, доходивших в перекочевках до Ваха. Вместе с тем один из признаков ваховского платья — «хвост» — характерен для платьев южносибирских народов — кумандинцев, хакасов и др.

Обращает на себя внимание различие в расцветке рубах у восточных и северных хантов. Первые использовали почти исключительно ткани с рисунком, более всего — цветастым, а вторые явно предпочитали однотонные ткани, особенно красные.

В восточнохантыйской среде наиболее сильным влиянием местного русского населения на покрой наплечной нижней одежды было у салымских, васюганских и александровских групп. На Васюгане в XX в. вошли в моду отрезные по талии платья с грудным разрезом до пояса и юбкой-шестиклинкой, воротник отложной или стойка, по низу подола узкая оборка или нашивки из полосок ткани. Привычными у названных групп стали юбки и кофты. У васюганско-ваховских хантов и на Салыме начали различать верхнюю и нижнюю рубахи, в других же группах это новшество не привилось еще и в наши дни.

Верхняя одежда. Анализ распашной одежды восточных хантов начнем с терминологии. У них зафиксировано около 40 обозначений, исключая полные совпадения. Попытаемся извлечь из них некоторую информацию, не претендуя на квалифицированные лингвистические выводы, но используя суждения специалистов об отдельных терминах. Из названий по внешним формальным признакам выделяется несколько групп. В первую войдут однокорневые слова, среди которых есть заимствованные из других языков. В васюганско-ваховских диалектах для верхней распашной одежды существует обобщающее понятие *лёпы, люпы,* употребляемое как само-

стоятельно, так и в качестве форманта[31]. В сочетании *лопы-нир* (нир 'обувь') он выражает общее понятие 'одежда'.

Сак, как отдельный термин с таким же значением, зафиксирован в сургутских диалектах; составной частью описательных терминов он выступает в разных восточнохантыйских диалектах, а также у северных хантов и манси. Итак, сак — обско-угорское обозначение распашной одежды. Н. Ф. Прыткова (1953, с. 229) предполагает общее происхождение этого термина и хантыйского названия шкуры *сох, сух*. В вопросе о том, заложен ли здесь общий корень, решающим будет мнение лингвистов[32], а пока отметим следующее. Сак — устойчивое название распашной одежды не только из шкур, но и из тканей; в наши дни так называют покупную распашную одежду из искусственных материалов (*йом сак* 'дождь сак' — название плаща). В названиях саков нередко отражен материал, из которого они изготовлены: из сукна — *ной сак*, из ткани — *олпинтых сак* и т. п. Если же речь идет об одежде с меховой подкладкой, то наиболее общим понятием является *пунын сак*, от пун 'волос, шерсть'. Но чаще всего имеется конкретное указание на зверя или птицу, из шкур которых сшита одежда: из турпана — *синк сак*, из зайца — *чехур сак* и т. д. Активно используются форманты иного рода, например, короткий сак называют *сак чоп*, от чоп 'половина', праздничный — *йим сак*, от йим 'хороший', промысловый — *невтах сак*, от невтах 'белый'. Кажется нереальным, что при такой словообразовательной активности термина сам он оказался на редкость негибким и его предполагаемое первоначальное значение 'шкура' пере-

---

[31] Этот термин привлекает внимание сходством с *кобэ, купы, кебе*, обозначавшими грубую шерстяную материю в Средней Азии, Азербайджане, Турции и Персии; то же относится к кошме, одеялу, кафтану, плащу, кольчуге и др. В Средней Азии одежда под таким названием считается древним типом одеяний тюрков и ставится в связь со стегаными военными доспехами [Равдоникас Т. Д., 1978, с. 176; Рассудова Р. Я., 1978, с. 171]. Т. Д. Равдоникас рассматривает в этом ряду и простегивание меха, в связи с чем напомним, что у васюганско-ваховских хантов сборный мех одежды, называемой *лёпы*, тоже простегивался. Объединяет анализируемые термины и то, что они выражают общее понятие «одеяние».

[32] Н. И. Терешкин высказался (1982) отрицательно о возможности происхождения названия сака от названия шкуры.

носилось на любые чужеродные материалы. Показательно название меховой опушки на подоле сака *сак пучи сох* 'сак подол шкура', где имеются оба термина.

Обнаруживается типологическое сходство в образовании сложных слов, включающих термины сак и нир 'обувь'. Нир, так же как и сак, обычно является вторым компонентом, которому предшествует обозначение материала или иного показателя: из ровдуги — *нюр нир*, для дождя — *йинк нир* и др. По данным Н. Ф. Прытковой, у хантов понятие комплекса одежды и обуви отражено в составном термине *сахнир*. Н. И. Терешкин приводит *сакпак* для обозначения общего понятия 'одежда'. Все это подкрепляет мысль Н. Ф. Прытковой (1953, с. 229) о том, что раньше сак означал всякую верхнюю одежду, однако не согласуется с другим ее предположением об общем происхождении с названием шкуры. К приведенным аргументам добавим, что восточнохантыйские названия оленьих шуб не имеют компонента *сох* 'шкура', а в обозначения одежды из сборного меха он вводится, если хотят подчеркнуть, что мех составлен не из лапок или ушей, а из цельных пушных шкурок. Термин сак употребляется и в других языках, например, в русском он обозначает распашную одежду, а в таджикском является компонентом названий распашной одежды *мунисак, сакирлот, саклотун*. Существует предположение, что «сак» кроме составной части названия одежды являлся и этническим термином [Рассудова Р. Я., 1983, с. 175—176].

Еще одна группа восточнохантыйских названий распашной одежды образована с помощью форманта *ни*, добавляемого к названию материала. Например, *тёгар ни* — из зайца; *тёгар кёваль ни* — из заячьих лапок; и др. Интересен термин *ач ни* (ач 'овца'). Шубы из овечьих шкур здесь не шили, но их название хранится в памяти всех групп, видимо, как воспоминание о некогда известном виде одежды. Н. И. Терешкин приводит термин в качестве названия шубы, без указания материала. О том, что первоначальное значение его забыто, говорит другая запись Н. И. Терешкина: *ач сох ачни* 'шуба из овечьих шкур'; ачни здесь выражает общее понятие 'шуба', которому предшествует название материала. Ачни употреблялось как название шубы или полушубка у южных и северных хантов, где известно и другое его

значение: медведь, медвежья шкура [Steinitz W., 1966, 1, S. 4—5]. Вероятно, принесенное с юга понятие стало применяться предками хантов в качестве подставного термина.

Название *шабур* распространено очень широко в разных языках. Относительно истории хантыйского термина У. Тойвоненом была высказана мысль о заимствовании из русского языка зырянами, а от них — хантами; позднее она была пересмотрена в пользу непосредственного заимствования из русского [Steinitz W., 1968, S. 298—299]. Некоторые восточнохантыйские термины относятся к одежде неизвестного покроя, но ясно, что имеется в виду распашная. Одно из названий суконной одежды *ной* 'сукно'; так же называют шерстяную ткань коми. В васюганско-ваховских диалектах одежду из грубошерстного сукна называют *вике* (*викинтэх* 'сукно'). В словарях отражено название армяка — длинного шерстяного халата — *сукман,* которое считается татарским заимствованием [Ahlquist A., 1890, S. 10]. Армяк называется и иначе — *варыс лёпы,* от варыс 'конский волос'. Наконец, есть название длинной широкой одежды *лывыс.* В восточнохантыйских названиях распашной одежды нет четкого разделения подкладки и верха, и лишь на Югане зафиксирован специальный термин для подкладки *катшкас,* подобный южнохантыйскому *катшас,* откуда он, вероятно, заимствован.

Большинство приведенных выше терминов относится к распашной одежде, покрой которой предстоит рассмотреть. Для восточных хантов в целом наиболее характерным был покрой, рассмотренный на примере верхней распашной одежды у сургутских групп (рис. 14, *2, 4*). Его признаки: неотрезная спинка, швы в боках и плечах, прямая пройма, сужающиеся рукава без обшлагов, расширение полок путем раскашивания, а спинки — за счет клина, доходящего до проймы или плеча. У васюганско-ваховских хантов такая одежда шилась из тканей и шкур. Из перечисленных признаков особое внимание привлекает плечевой шов, благодаря которому распашная одежда отличается от нательной рубахи как у исследуемых, так и у других групп обских угров.

Н. Ф. Прыткова в одном случае фиксирует наличие шва в халатах сургутских хантов (1953, рис. 62), а в другом изображает его туникообразным, без плечевого

шва (1952, рис. 5). Исходя из последнего, она относит распашную одежду сургутских хантов к западносибирскому типу, выделенному по признаку туникообразности [Прыткова Н. Ф., 1961а, с. 137]. Нарушение этого признака она склонна объяснять тем, что его трудно выдержать в меховой одежде. Этому суждению можно противопоставить пример с ненецкой меховой одеждой, имеющей туникообразный покрой; в то время как у восточных хантов, напротив, даже в распашной одежде из тканей выполнялись плечевые швы. В их обязательности убеждает тот факт, что и перед, и спинку распашной одежды иногда выкраивали из целого полотнища ткани, но затем на плече делали шов. Это явление мы наблюдали на Вахе.

Ошибочны сведения Н. Ф. Прытковой о туникообразном покрое васюганских жертвенных халатов, на основании чего она противопоставляет их одежде сургутских хантов. В подробных описях этих изделий, хранящихся в МАЭ (№ 5093-41—45, 79), во всех случаях указано наличие шва на плечах, в чем можно убедиться при ознакомлении с самими халатами. Кроме швов на плечах важно отметить их наличие в боках, непосредственно под проймой. Оба признака характерны для преобладающих видов распашной одежды у восточных групп, а у северных хантов они известны в старинном халате из сукна и современных шубах из оленьих шкур. Совпадение по указанным признакам имеется с распашной кваймой нарымских селькупов. Шов на плечах и в боках имеется в халате кумандинцев, если судить по изображению, приведенному Н. Ф. Прытковой (1961а, табл. VII-5) и повторенному Ф. Сатлаевым (1974, рис. 14), хотя в тексте оба автора говорят о туникообразном крое.

Возвращаясь к васюганским жертвенным халатам, отметим, что в них привлекает внимание большой прямоугольный воротник. Средней частью он пришит к спинке и прилегающим здесь участкам полок, а непришитые концы свисают лопастями на грудь. Такой воротник встречается в одеяниях восточнохантыйских духов, а с некоторыми более поздними модификациями он сохраняется до наших дней в бытовых рубахах, саках и оленьих шубах. Воротник со свисающими прямоугольными лопастями известен в распашной одежде из тка-

ней у манси, в оленьих шубах северных хантов и манси. Отложной квадратный воротник Т. А. Крюкова (1970, с. 263) относит к числу параллелей в одежде финно-угров Поволжья и Сибири. В Поволжье он встречается в наиболее архаичных формах одежды. Древняя одежда венгров, сохранившая самобытные черты, тоже имеет большой отложной квадратный воротник. Эти данные говорят об общеугорском характере анализируемого явления, которое могло сохраниться и в культуре волжских финнов.

Васюганские жертвенные халаты представляют собой наиболее примитивные экземпляры распашной одежды хантов. Они говорят о давности одежды со швами на плечах и в боках, а также объясняют некоторые особенности. Нарочитость и непригнанность халатов-прикладов к человеческой фигуре, отмеченная Н. Ф. Прытковой, является кажущейся в свете данных о восточнохантыйской одежде; в действительности здесь отражены наиболее древние, исходные ее черты. Достоверность источника подкрепляется тем, что размеры одеяний соответствуют человеку, а не уменьшены или увеличены, как это присуще одежде на изображениях духов или, например, халату-прикладку с р. Вах, надетому поверх конской шкуры.

В самом простом и, очевидно, изначальном варианте все детали васюганского жертвенного халата (МАЭ, № 5093-79) выкроены по прямой: спинка, полки, рукава и воротник. При этом ширина всех частей равна, т. е. они могли быть нарезаны из одного длинного полотнища холста шириной 50—55 см (сшит же халат из покупных хлопчатобумажных тканей). Свободные кромки всех деталей не подшиты, здесь может проходить продольная кромка ткани. Отсутствие подгиба при подшивке характерно и для современных образцов распашной одежды восточных хантов, причем на полах, подоле и устьях рукавов это может быть замаскировано полосой ткани, служащей украшением; воротник же и сейчас часто оставляют неподшитым. Если считать, что по такому же признаку раскраивалась бытовая одежда и материалом для нее служил самодельный холст, то нужно помнить о недостаточной его ширине, по крайней мере для спинки. Выход из положения может быть разным. Для примера укажем на южных и северных хан-

тов, которые вшивали между спинкой и полкой полотнища, обертывающие бок, а выше них располагали входящие рукава, тоже расширяющие спинку.

У восточных хантов был изобретен другой способ (применяемый и в рубахах), а именно пришивание по бокам спинки сквозных клиньев, начинающихся от плечевого шва. Наряду с этим восточнохантыйским приемом, распространенным в бытовой одежде, в одном из васюганских жертвенных халатов (МАЭ, № 5093-43) боковой клин входит сужающимся концом в рукав. Такой способ определен Н. Ф. Прытковой (1971, с. 110) как характерная особенность одежды кумандинцев; известен он и у шорцев. Названный халат имеет и еще одну отличительную черту — сужающийся к концам воротник с поперечным швом посередине. Сшивание воротника из двух треугольников свойственно народам Алтая. Учитывая, что указанные признаки относятся к покрою и отражены в культовых предметах, вряд ли можно считать их простым заимствованием. Очевидно, они принесены на Васюган переселенцами с Алтая, и предположение Н. Ф. Прытковой о существовании группы васюганцев с кумандинскими элементами культуры следует поддержать при двух уточнениях. Во-первых, речь может идти не только о кумандинцах, но и других народах Северного Алтая. Во-вторых, как показано выше, в жертвенных халатах васюганцев преобладают признаки (восточно)хантыйского происхождения, да и в «алтайские» внесен важный местный признак — шов на плече.

Выявленные выше первоначальные формы распашной одежды восточных хантов получили в их среде дальнейшее развитие, которое можно представить следующим образом. Полки стали раскашивать в боках или у запáха, а между ними и спинкой вшивать клинья. Верхние углы на кромках спинки и свободных краев полок, а также по внешней кромке воротника срезались; рукав сужался к устью, появилась ластовица (рис. 14, *2, 3*). Подобные изменения прослежены в одежде других регионов, например Средней Азии, и они, очевидно, универсальны. Этнознаковую роль у восточных хантов приобрело вшивание на спинке бокового клина, доходящего до плечевого шва, и раскашивание полы у запáха (более известно раскашивание у бокового шва).

Следующим шагом было незначительное раскашивание спинки внизу, закругление проймы, ворота и воротника, а иногда вшивание клиньев в рукав и плечевой шов. Под влиянием русских васюганские и александровские ханты стали выкраивать фигурными спинку и пройму с рукавом, пришивать на спине хлястик и карманы, застегивать на петли с пуговицами. Выбор длины был свободным: от середины бедер и до земли.

Наибольшую вариабельность обнаруживает воротник. Это проявляется уже в необязательности указанного элемента: он может отсутствовать либо быть съемным. Прямоугольный воротник продолжал существовать в первоначальном виде, но со временем он уменьшался: свисающие лопасти превращались в узкую полоску; для расширения внешнего края в него стали вставлять три клинышка. Кроме цельных прямых воротников у восточных хантов бытовали сшитые из двух-трех частей; по форме они напоминают меховые воротники алтайцев. Воротник пришивался таким образом, что он составлял единое целое с полками. Некоторые придавали воротникам фигурное окаймление из частей шкурок пушных зверей с хвостом и лапками.

В бытовой одежде васюганцев известен вариант, в котором отклонения от описанной выше основы выражены в сильном расширении пол у боковых швов, что создает большой запáх, и узком шалевом воротнике. Это шабур, который мужчины носили обычно на охоту (но надевали и дома). Шабур в качестве промысловой одежды зафиксирован на Салыме и Демьянке. Отсутствие данных о покрое не позволяет провести сравнение, но, судя по большому запáху и шалевому воротнику, салымский шабур сходен с васюганским. Большинство признаков: название, широкие полы, прямая пройма, суживающиеся рукава, воротник с прямоугольной вставкой сзади — являются общими в хантыйском и шорском шабурах, но у шорцев он имеет туникообразный покрой, а у хантов со швами на плечах. Васюганцы для утепления надевали под шабур подкладку из простеганного меха, шорцы — из простеганного войлока. Шорская одежда этого типа была мужской и женской и имела украшения, а на Васюгане — только мужской и без украшений. Очевидно, шабуры были занесены на Васюган группой североалтайцев, о которой шла речь вы-

ше, но позднее здесь их стали шить и носить по восточнохантыйским традициям.

Переходя к украшениям распашной одежды, отметим их отсутствие на васюганских культовых халатах, представляющих первоначальные формы распашной одежды восточных хантов. Вероятно, в этом следует искать истоки той бедности и маловыразительности украшений на верхней одежде у исследуемых групп (кроме салымской), которая отличала ее на рубеже веков от южной и северохантыйской одежды. Это выражалось как в количестве нашиваемых украшений, так и в цветовой гамме. У васюганской и александровской групп предпочитались полосы из треугольных лоскутков ткани, а у сургутских — из самодельных литых бляшек, использовались также пуговицы, бисер и др. В наши дни эти материалы считаются устаревшими, кроме бисера, который приобретает все большую популярность. Повсеместно орнаментированные полосы и узкие меховые опушки нашивали вдоль правой полы (изредка и вдоль левой, но в более скромном виде), по подолу, на концах рукавов и на воротнике, если он был из ткани. В отличие от сургутских васюганско-ваховские ханты не оформляли уголок между полосами на подоле и поле.

Описанная топография украшений говорит о начальном этапе их развития, на котором обычно стремятся украсить отверстия, разрезы и свободные края. Со временем орнаментированные полосы становились все более широкими или перемещались с кромок в глубь деталей, их стали нашивать по две-три на некотором расстоянии друг от друга. Этот процесс хорошо прослеживается на материалах исследуемых групп, при этом у них склонность к увеличению орнаментированных площадей проявлялась и проявляется меньше, чем у южных и северных хантов. Влиянием с севера можно объяснить нашивание женщинами р. Пим двух, а не одной бисерной полосы на сак. В целом же восточные ханты мало украшали одежду, в чем они были похожи на кетов.

Только на Васюгане зафиксировано дополнительное украшение из прямоугольного или овального куска ткани, расшитого бисером, пуговицами и пришиваемого к правой поле на уровне середины груди, а иногда и к левой поле, но немного пониже. Оно не было бы столь не-

обычным, если бы пришивалось симметрично у нагрудного разреза. Последний способ расположения нашивного украшения нам удалось выявить в шорских халатах, у которых два украшенных куска ткани пришивали параллельно к правой и левой полам на середине груди. Если у хантов это шорское заимствование, то, очевидно, оно позднее и не распространилось у восточных групп далее Васюгана. Его название *парых лавыс* объясняется на местном диалекте так: *парык* 'туловище', *лавыс* 'лоскут'.

Восточные ханты носили одежду из тканей как с меховой подкладкой, так и отдельно. У васюганско-ваховских групп использование сборного меха более развито, чем у сургутских. Простеганная с тканью подкладка вначале имела самостоятельное значение (еще и в наши дни ее носят иногда без верха), что подтверждают музейные экземпляры, украшенные полосами бисера. Изменения, отмеченные выше в покрое распашной одежды вносились и в подкладку. Стало практиковаться пришивание к ней рукавиц, которое окончательно утвердилось в подкладке из оленьих шкур. Суконный верх, имеющий последний вид подкладки, получает дополнительное украшение вдоль плечевого шва: одну или две полосы цветного сукна, концы которых свисают на рукав. В правобережье Оби ханты перешли к изготовлению из оленьих шкур и верха зимних шуб, в результате чего возник еще один вариант распашной одежды — двойная шуба.

В покрое внутренней и наружной частей двойных шуб из оленьих шкур выражены типичные для восточнохантыйской одежды признаки, о которых подробно говорилось выше. Вместе с тем оказала влияние и одежда из шкур оленя ворсом наружу, зафиксированная только на Вахе. Первое подробное сообщение о такой одежде находим у А. А. Дунина-Горкавича, который описал два ее вида (типа?): *колег* и *лёпы чоп*. О первом позднее писали разные авторы, а второй зафиксирован нашими материалами последних лет. Лопы чоп (по записи автора *чов, човали)* шили из одной шкуры оленя ворсом наружу, без боковых швов, с прорезями для рукавов и сходящимися полами, которые соединялись завязками. Этот вид одежды, очевидно, имеет у восточных хантов иноэтническое происхождение. Он локализу-

ется только на Вахе и только в качестве охотничьей, т. е. производственной одежды, которая обычно перенимается быстрее другой. Обычай местных хантов наряжаться в вывернутую шубу для изображения сверхъестественного существа Пырны можно понять, если исходить из того, что нормой было ношение одежды ворсом к телу, а не наружу, как у лёпы чоп.

Н. Ф. Прытковой (1970а) установлено, что покрой без боковых швов является признаком старосамодийской одежды, который присущ, в частности, селькупской парке. Одежда такого типа известна у таежных эвенков, в том числе и кочующих в Нарымском крае. У кетов покрой без боковых швов оказался настолько устойчивым, что был перенесен с оленьей шкуры на сборный мех и сукно. На Вах одежду из одной шкуры оленя ворсом наружу могли занести нарымские селькупы, переселявшиеся на север; не исключено и кетское или эвенкийское влияние. Факту заимствования не противоречит характер терминов: лёпы чоп 'одежды половина' или чов 'часть, половина' (одежды.— *Н. Л.*).

Колег, по описанию А. А. Дунина-Горкавича, шился из двух шкур оленя, с покроем, как у халата (т. е. с боковыми швами.— *Н. Л.*), а по данным Н. Ф. Прытковой,— из одной шкуры. В остальном сведения названных авторов и других совпадают. Колег носили как дома, так и на охоте, в последнем случае он служил одновременно одеялом и постелью. Поверх колега носили одежду из ткани, при ходьбе его полы подбирались под пояс. Эти черты расходятся со способами ношения распашной одежды, типичной для восточных хантов. Меховая подкладка их исконной охотничьей одежды была короткой, и не было необходимости в подбирании пол. Последний прием отмечен Л. П. Потаповым по отношению к длиннополым шубам южноалтайских племен позднемонгольского периода. Восточнохантыйскую одежду носили ворсом к телу, и покрывание тонкого сборного меха одеждой из ткани было более рациональным, чем у колега с плотным и длинным оленьим волосом, обернутым наружу. На кромки пол, устье рукавов и подол колега пришивали полосы оленьего меха ворсом внутрь, их наружная сторона была окрашена. Украшением служили также полоски ткани с бисером, нашитые вертикально на правой поле и сзади посередине опушки.

Название колега Н. Ф. Прыткова (1953, с. 157) сопоставляет с названием малицы у хантов Иртыша и Югана, шкуры (одежды) медведя и одежды шайтана из лосиной или медвежьей шкуры. Наблюдения по восточным хантам подтверждают связь термина с одеждой из шкуры оленя, сшитой ворсом наружу. Это проявляется в том, что одежду с подкладкой из оленьей шкуры и верхом из ткани называют *сак,* но если верх сшит из шкуры оленя, то ее называют *кёлыг.* Термин кёлыг не связан с хантыйским названием шкуры (в том числе и оленьей) *сох.* Не исключено его происхождение от ваховского *кёлык* 'открытый', в чем отражена особенность этого вида одежды — открытость спереди, отсутствие запáха. Остается неясным, развился ли колег из лёпы чоп или он изначально имел восточнохантыйский крой со швами на плечах и в боках. Первая возможность подкрепляется примером с кетами, которые в изготовлении парки перешли от одной шкуры к двум. Различия в названиях этому не противоречат, так как одно из них описательное; разнообразие подобных терминов, относящихся к одному и тому же типу одежды, наглядно показано выше.

Какой бы ни была предыстория ваховского колега, его роль в истории двойных шуб из оленьих шкур, распространенных у правобережных групп восточных хантов, вырисовывается весьма определенно. Сходство между этими видами одежды проявляется в названии, покрое (у шубы — наружной части) и еще некоторых признаках. Так, у колега надставленные обшлага, кромки пол и опушка окрашивались снаружи в темный цвет, а у верха шуб кромки и опушку делали из темных шкур, обшлага же покрывали сукном, т. е. тоже выделяли цветом. Указанные части у колега были мехом внутрь, что сохранялось у верха шуб в обшлагах, а на кромках и опушке ворс стали оборачивать наружу. Обращение ворса к телу на свободных краях имело рациональную основу в колеге, но потеряло смысл при добавлении к нему подкладки мехом внутрь, т. е. в шубе.

Так могла сложиться в восточнохантыйской среде двойная шуба (рис. 21, *3;* 15, *5, 6*). Она известна у северных хантов, где имеет другое, описательное, название *выли сах* 'олений сах'. Допуская, что предки восточных хантов внесли свой вклад в создание двойных

шуб, следует иметь в виду, что на севере было больше материальных возможностей для их изготовления, и здесь этот вид одежды получил большее распространение. При этом восточные и северные ханты следовали собственным традициям соединения пол: у первых правая пола немного прикрывала левую, а у вторых они соединялись впритык. Северными хантами были разработаны и занесены к восточным группам украшения из мозаичных полос, расположенные, в отличие от местных традиций, вдоль обеих пол. Об этом говорит тот факт, что у исследуемых групп шубы с подобными украшениями встречаются редко и главным образом в этноконтактной зоне с северными соседями; сейчас нередко такие шубы привозят с севера. Украшение мозиачными полосами не характерно для основных видов восточнохантыйской одежды.

Обращает на себя внимание несколько необычная топография мозаичных полос на женских шубах хантов. Расположение их между станом и надставками вдоль пол и подола можно объяснить традицией выделения швов, но этого не скажешь о коротких полосах, отходящих вверх от опушки впереди и сзади. Сходная традиция выражена в декоративном оформлении старинной женской одежды северных хантов, описанной Н. Ф. Прытковой (1953, с. 179—183, рис. 66). На ней отростки, отходящие вверх от подола, образованы нашитыми оловянными бляшками и имеют на концах ответвления, которые позднее не стали выполняться в мозаике, менее гибкой по сравнению с бляшками. В декоративном оформлении оленьей шубы ханты повсеместно не выделяли уголок, в отличие от других видов распашной одежды.

К деталям шубы, имеющим не хантыйское происхождение, а заимствованным от самоедоязычных народов, относятся наплечные полосы из сукна и ленточки из того же материала на стане. Различные сочетания суконных полос в верхней одежде и нашивание на нее ленточек характерны для ненцев; подвески из полосок ровдуги или сукна — типичная черта одежды энцев и нганасан. Признавая самодийское влияние на способы украшения, мы не разделяем точку зрения, высказанную Л. В. Хомич (1966, с. 126; 1976 б, с. 89) о заимствовании в целом шубы анализируемого типа северными хантами от ненцев.

Ненецкие шубы были двух типов, как установлено Л. В. Хомич и позднее повторено Н. Ф. Прытковой. Собственно ненецкой считается шуба I типа без вертикальных конструктивных швов, как бы обертывающая торс [Хомич Л. В., 1970, с. 115]. II тип имеет два варианта, 1-й из них признается типичным для хантов и манси [Прыткова Н. Ф., 1970 а, с. 33]. Судя по описанию ненецких и чертежу кроя северохантыйских шуб, речь идет о типе одежды, истоки которой наблюдаются в древней распашной одежде восточных хантов. Е. Г. Федорова (1978, с. 207) считает, что ненецкая шуба II типа имеет много общего с мансийской и хантыйской и сформировалась, очевидно, в бассейне нижней Оби и ее левых притоков. Сейчас становится правомерным не ограничиваться лишь указанным районом, а включать сюда и правобережье Среднего Приобья.

В литературе уже отмечалось, что ханты отчасти повлияли на распространение женской одежды из оленьих шкур среди ненцев [Хомич Л. В., 1966, с. 40]. Это выразилось в распространении шуб определенного покроя, а также в способах их украшения. Л. В. Хомич считает, что мозаичный орнамент и подол из оленьего меха внесены в шубу хантами. К этому можно добавить следующее. Если собственно ненецкие шубы украшались внизу и вдоль пол светлым мехом (см. также энецкие и нганасанские опушки из белых собачьих и песцовых шкур, т. е. это, возможно, самодийская черта), то у шуб хантыйского происхождения мех в этих частях был темным. Такой же была отделка на шубах ненцев Ямала, где темной делали и нижнюю часть рукава, что еще больше сближает их шубы с хантыйскими. Как известно, ненцы Ямала восприняли многие черты культуры от хантов. В целом такая одежда бытует в восточной части ненецкой территории, и это, видимо, тоже не случайно. При выяснении ненецких и хантыйских признаков в шубах можно опираться еще на некоторые показатели. Например, в верховьях Агана, где проживают совместно ханты и ненцы, признаком ненецкой шубы считается просторность и большие размеры по сравнению с хантыйской.

Такой рисуется история восточнохантыйской распашной одежды I типа от древних форм, сохранившихся в культовых халатах васюганцев, до двойных шуб из оле-

ньих шкур. В последние годы на Пиме и Тромъеганě получает распространение матерчатый сак II типа (рис. 14, *6*). Его развитие идет в том же направлении, что и у традиционной рубахи. А именно в покрой женских экземпляров вводятся кокетка и оборка на подоле. Здесь же изредка фиксируется не характерное для восточных хантов заворачивание рукавов у сака до локтей, что делается, очевидно, в подражание коротким рукавам северохантыйских халатов-саков.

Кафтан с фигурной спинкой, отрезными боками и сборками от них — III тип восточнохантыйской распашной одежды; носили его только женщины поверх платья на Васюгане и Салыме. При одинаковом покрое (рис. 14, *5*) салымцы богато украшали праздничные экземпляры бисером, как это принято у южных хантов, а васюганцы лишь пришивали украшение парых лавыс (см. выше). Наиболее вероятно, что кафтан появился здесь сравнительно поздно от южных хантов, но механизм его адаптации был разным у васюганцев и салымцев. Первые усвоили лишь покрой, а вторые — и богатую орнаментацию. Поскольку последний признак противоречит эстетическим вкусам восточных хантов, то его можно объяснить не заимствованием, а переселением на Салым группы иртышских хантов, оставшейся верной собственным традициям. Об этом говорят и данные по вышитым рубахам салымцев. Кафтаны с такой же орнаментацией носили женщины у южных манси. В декоративном оформлении пол и подола кафтана наблюдается сходство с шорской распашной одеждой и башкирским эланом. Покрой же известен более широко — у кызыльцев (в шубе), у башкир, мордвы-мокши, эстонцев и русских. Сходный покрой и некоторые общие признаки орнаментации наблюдаются в одежде подкаменно- и нижнетунгусских эвенков. Термин *кафтан* известен у многих народов, в том числе и у русских; в языке хантов лингвисты считают его заимствование скорее из татарского, чем из русского [Toivonen Y., 1943—1944, S. 9]. Исходя из этого можно предполагать дорусское происхождение кафтана у восточных хантов. Более определенные суждения о его появлении на исследуемой территории высказать трудно, так как аналоги выявлены в разных направлениях.

Заканчивая раздел о распашной одежде, следует констатировать, что в XIX—XX вв. у всех групп обских угров она была определяющей формой верхней одежды женщин, но в прошлом ее носили и мужчины. Г. Новицкий (1884, с. 39) упоминает охотничью одежду — «палимий кажан», в котором приходилось претерпевать «лютость тягчайших мразов». У И. Идеса и А. Бранда вогул с р. Чусовой изображен в одежде со сходящимися, опушенными мехом полами и меховым воротником. На фотографиях начала XX в. в распашной одежде из тканей видим мужчин у хантов р. Конды, у южных и северных манси; по внешнему виду одежда напоминает саки или шабуры. В дневниках В. Н. Чернецова у манси Сосьвы описан мужской сак с подкладкой из неплюя и верхом из собольих лапок и оленьих шкур. Н. Ф. Прыткова (1953) дает подборку литературных данных о распашной одежде мужчин в прошлом и подкрепляет их собственными наблюдениями по культовой и погребальной одежде мужчин. О распашной и погребальной одежде мужчин пишет также З. П. Соколова, встретившая у северных хантов мужскую шубу, одинаковую по покрою с женской. Интересно ее наблюдение об имитации распашной одежды при свежевании шкуры медведя [Соколова З. П., 1976, с. 105—107].

При изучении покроев распашной одежды тех народов, где Н. Ф. Прыткова выявляет западносибирский тип, выяснилось, что у туникообразной одежды боковое полотнище, как правило, обертывает тело, а при наличии швов в боках они имеются и в плечах; это говорит о существовании двух вариантов указанного типа. 1-й — туникообразный и с обернутым боковым полотнищем — известен у шорцев, северных алтайцев и среднеобских хантов; причем у тюркоязычных народов и монголов эта одежда имеет продольный шов на спине. 2-й вариант — со швами на плечах и в боках — характерен для восточных и северных хантов, а также для нарымских селькупов; неясен вопрос с кумандинцами. Из сказанного следует, что при выделении западносибирского типа распашной одежды приходится учитывать не один, а ряд признаков.

Обернутая одежда из одной шкуры, без шва в боку и со швом на плече — енисейский тип по классификации Н. Ф. Прытковой — примыкала к хантыйской тер-

ритории с востока, заходя на Вах; обернутой была одежда и у ненцев — северных соседей хантов. Таким образом, распашная одежда со швами на плечах и в боках локализуется на территории восточных и северных хантов и является собственно хантыйской. Имеющиеся на сегодня данные говорят о ее формировании в восточнохантыйской среде, где в культовой одежде сохранились исходные варианты и где, в отличие от северных групп, распашная одежда существует до наших дней в качестве детской, мужской и женской. Одной из причин длительного существования здесь облегченных видов распашной одежды, таких как шабур и сак, является широкое использование ручных (собачьих) нарт. В этой связи представляет интерес высказывание хантыйской женщины с р. Юган: «Если надеть малицу да кумыш или шубу из оленьих шкур, то в нашу нарту не влезешь».

Определенную информацию об истории распашной одежды дают способы соединения пол. У восточных хантов был принят небольшой запáх правой полы поверх левой, т. е. налево. Встречались и исключения, объясняющиеся поздними заимствованиями. Так, судя по украшению салымского кафтана, привнесенного с Иртыша, полы его не запахивались. В верховьях Ваха встречались привезенные с севера шубы со сходящимися полами. В целом же по наличию запáха исследуемые группы четко отделяются от южных и северных хантов и манси, у которых сходящиеся полы были как в летней, так и в зимней одежде. Это отражено и в топографии украшений. В восточнохантыйской одежде правая пола всегда украшена богаче левой, а последняя обычно лишь окаймлена красной тканью или полоской бисера, более узкой, чем на правой поле. У западных хантов обе полы одежды украшены одинаково. Связь между способами соединения пол и их украшением свойственна и одежде других народов.

Обязательность запáха особенно сближает восточных хантов с кетами. Такая же традиция существует с древности до наших дней у тюрко- и монголоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии (северные алтайцы носят одежду и нараспашку). Связи западных хантов по отсутствию запáха ведут в другое направление — в Среднюю Азию, Поволжье и Приуралье (в

этих регионах вместе с тем было известно запахивание). Сходящиеся полы — характерная черта одежды эвенков, но, учитывая различия в покрое и отсутствие у хантов нагрудника, говорить об этногенетическом родстве с ними мало оснований. Ношение одежды нараспашку могло возникнуть в более теплых климатических условиях, чем те, в которых проживали южные и северные ханты. Однако их предки твердо придерживались этой традиции, а приспособление к суровым условиям севера выразилось у них в соединении пол распашной одежды с помощью завязок.

Этнодифференцирующим признаком считается и направление запáха. Однако, как показывают факты, он не всегда является точным этническим показателем. В литературе неоднократно отмечалось, что признаком монгольской одежды является запáх направо, а тюркской — налево. Вопрос о направлении запáха древнетюркской одежды неоднократно обсуждался специалистами [Кызласов Л. Р., 1964; Вайнштейн С. И., Крюков М. В., 1966; и др]. Не излагая историю вопроса, заметим, что по этнографическим данным у тюркоязычных народов Южной Сибири, Средней Азии, Поволжья и Приуралья известен как левый, так и правый запáх. Показательно, что у одного и того же народа могли сочетаться разные способы соединения пол. Например, у кумандинских халатов полы были сходящимися или запахивались: у женщин направо, у мужчин налево [Сатлаев Ф., 1974, с. 130, 135]. Северные алтайцы не запахивали одежду или запахивали направо [Потапов Л. П., 1951, с. 17]. Правый и левый запáх отмечен у киргизов [Потанин Г. Н., 1881, с. 102; Антипина К. Н., 1962, с. 223]. Можно привести и другие примеры, говорящие о том, что у одних народов или групп запáх выполнялся только в определенном направлении, а у других это правило не было обязательным. Как отмечалось, восточные ханты относятся к первой группе и по этому признаку, а также по направлению запáха — налево — наиболее близки кетам. Левый запáх практиковался, но наряду со стыковкой пол, у селькупов и манси, а также у ненцев в шубах собственно ненецкого происхождения. Таким образом, этот признак представлен у обских угров, самодийцев и кетов; возможно его отнесение к числу древних местных черт. Какова взаимосвязь

северосибирской и тюркской одежды с левым запáхом, остается неясным.

Обычай спускания распашной одежды с одного или обоих плеч и завязывание рукавами на поясе, известный у восточных хантов, существует также у кетов, южных алтайцев и тувинцев-тоджинцев. Такие же приемы отмечены в распашной одежде мужчин на среднеазиатских миниатюрах XV—XIX вв. Не исключено, что в хантыйскую среду эти традиции занесены с юга.

Заслуживает внимания вопрос о соотношении нижней плечевой и верхней распашной одежды у хантов. Совпадение покроев нательной и верхней одежды этнографы объясняют возникновением одной на основе другой; например, в Средней Азии халат развился из рубахи. У восточных хантов дело обстояло иначе: здесь верхняя распашная одежда не совпадала по покрою с рубахами. У одних групп это было выражено в меньшей мере, у других — в большей. Особенно ярким примером служит Васюган, где старинную рубаху с поликами нельзя сравнить ни с одним из видов распашной одежды. Салымская рубаха резко отличается от местного кафтана и меньше от шабура, с которым ее сближает входящий рукав. Основные отличия старинных сургутских рубах от преобладающего типа их распашной одежды заключаются в туникообразном покрое и наличии обшлага у рубах при отсутствии этих признаков у распашной одежды. Известная близость проявляется в оформлении той и другой одежды, и это наталкивает на мысль, что общие внешние признаки наложились на разные покрои; некоторые из признаков являются древними местными чертами.

Для выяснения механизма взаимодействия нательной и верхней одежды нужно знать, насколько глубоки традиции ношения первой. Авторы XVIII в., наблюдавшие быт главным образом северных хантов, сообщают о ношении шуб и малиц непосредственно на теле; подборка таких сведений дана Н. Ф. Прытковой (1953). Я. Кодоланьи резонно замечает, что из этих источников не следует делать слишком поспешных выводов, так как имеются и противоположные наблюдения. Он приводит сведения авторов, начиная с XVIII в., о рубахах у вогулов и остяков [Kodolányi J., 1970, S. 99—100].

Мессершмидт наблюдал в начале XVIII в. сочетание холщовой рубашки с верхней распашной одеждой из налимьих кож у хантов Оби ниже Сургута [Messerschmidt D. G., 1968, Th. 4, S. 280].

Встречающееся в старой литературе мнение о появлении у хантов нательной одежды, в том числе рубахи, в результате русского влияния уже ставилось под сомнение [Semayer W., 1914, S. 169; и др.]. Это положение может быть верным по отношению к самым северным группам, не знавшим рубахи ко времени появления здесь русских. Накопленные к настоящему времени данные по южным и восточным хантам убедительно говорят о том, что рубаха была дорусским элементом их одежды.

В связи с поднятым вопросом отметим еще одно обстоятельство. Для восточных хантов характерно устойчивое сохранение распашной одежды, которая не могла защитить тело от морозов в такой мере, как глухая. Отсутствовал у них и нагрудник, имевшийся, например, в распашной одежде восточносибирских народов. Не была ли рубаха у хантов издавна эквивалентом нагрудника? Возможно, что традиция ношения рубахи возникла у обских угров, когда языки хантов и манси еще не разделились. Об этом говорит их общий термин *йернас*. Так же называли рубаху коми-пермяки; сходный термин *йернат* известен у телеутов по отношению к подоплеке рубахи. Хантыйское название считается заимствованным из зырянского [Ahlquist A., 1890, S. 8], однако, исходя из этого, трудно объяснить этнографические факты, рассмотренные выше. Они заставляют скорее думать об общем термине для обско-угорских и пермских языков.

Следует подчеркнуть одну особенность обских угров: они не носили нагрудника ни с рубахой, ни с верхней одеждой. Этот элемент изготовляли лишь для грудных детей. У народов Средней Азии и Поволжья, в том числе и финноязычных, нагрудник развился как прикрытие разреза на рубахе; в Восточной Сибири носили длинный передник с распашной одеждой, не сходящейся на груди. Последний считается типичным элементом культуры бродячих охотников тайги и лесотундры и уходит своими корнями в эпоху неолита и ранней бронзы [Окладников А. П., Васильевский Р. С., 1980, с. 88].

Он характерен для одежды тунгусов и юкагиров, в прошлом носили нагрудник с паркой елогуйские кеты. Небольшой нагрудник для прикрытия шеи известен у чукчей. Распашная одежда хантов, особенно лёпы чоп и колег оставляли грудь открытой; не соответствовали суровым северным условиям и сходящиеся полы, но тем не менее как распашную одежду, так и рубаху с нагрудным разрезом обские угры носили без нагрудника. Женщины у них не стыдились обнаженной груди и могли кормить ребенка даже при посторонних мужчинах, в то время как ноги тщательно закрывались.

Перед нами яркий пример следования этнической традиции вопреки внешним факторам (которые, казалось бы, должны были ее сломать): суровым природным условиям и этнокультурным связям с народами, имевшими нагрудник. Распашную одежду без нагрудника носили также ненцы и селькупы, не отмечен он у тюркоязычных народов Алтая. Гипотеза Ю. Б. Симченко (1976, с. 182) о нагруднике как элементе распашной одежды древних уральцев представляется несколько искусственной.

Отметим также, что у восточных хантов не зафиксирован лус — одежда типа пончо, не сшитая по бокам. Он известен у северных хантов, манси, коми и русских на севере Европейской части СССР. Такой покрой у исследуемых групп встречен лишь в одеянии духа с р. Вах.

Глухую одежду из шкур — малицу и кумыш — в среде васюганско-ваховских хантов носили только на Вахе. Покрой малицы совпадает с сургутским и относится к приуральскому типу, который Н. Ф. Прыткова (1961а) выделила как характерный для хантов, манси и ненцев. Его признаки (по восточнохантыйским материалам): расположение ворса внутрь, а на рукавицах, капюшоне и нашивной полосе внизу опушки — наружу; наличие боковых и плечевых швов; перед и спинка цельные либо со швами: у переда вертикальный, а у спинки — горизонтальный в плечевой части; спинка длиннее переда; внизу широкая составная опушка ворсом внутрь; пройма прямая или слегка закругленная; рукава сильно суживающиеся, с пришитыми рукавицами и ластовицами либо без последних; капюшон пришивной, с полоской между ним и воротом либо без нее (рис. 21, *4*).

Благодаря исследованиям о глухой одежде наро-

дов Севера, вышедшим в последние десятилетия, возможны вполне определенные выводы о происхождении малицы у хантов. История ее изучения является примером того, как перед лицом фактов исследователю приходится пересматривать свое мнение, основанное на устоявшемся, но мало аргументированном либо априорном тезисе. Такого рода было мнение о заимствованном характере многих элементов хантыйской культуры, в том числе и малицы. В первой работе Н. Ф. Прыткова (1953, с. 150—151) описала этот вид одежды у северных хантов и, не прибегая к сравнительному анализу, заключила: «Малица, несомненно, была заимствована хантами у соседей — ненцев и зырян». Позднее, после сравнения покроев глухой одежды угров, самодийцев и народов Северо-Восточной Сибири она напишет, что сходство покроев «...дает основание предполагать какое-то участие в создании глухой одежды не только предков ненцев, но и предков угорского народа» [Прыткова Н. Ф., 1970 а, с. 94]. Здесь же она подводит итог сравнения с глухой одеждой коряков и чукчей: «На основании подобной общности покроев можно предполагать существование в далеком прошлом общего источника происхождения той и другой одежды; не исключено также, что этим источником могла быть и одежда каких-то групп арктических аборигенов». Обе мысли вполне рациональны и подтверждаются данными по восточнохантыйской малице, которыми не располагала Н. Ф. Прыткова. В подтверждение этих взглядов можно привести дополнительные материалы и соображения, но вместе с тем необходимо оговорить некоторые моменты.

Выше отмечалось, что Н. Ф. Прыткова иногда называет туникообразной одежду со швом на плечах, отступая от общепринятого понимания этого термина. На ее чертеже покроя северохантыйской малицы изображены швы в боках и на плечах [Прыткова Н. Ф., 1953, рис. 32]; эти же признаки по ее описанию и чертежу имеются в I типе ненецкой малицы [Прыткова Н. Ф., 1970, а, с. 8 и рис. 1]. Но вопреки собственным данным этот автор называет угорскую малицу туникообразной и, исходя из этого, сравнивает ее со II типом ненецкой малицы, имеющей туникообразную кокетку и облегающие бок вставки. Все становится на свои места, если хан-

тыйскую и мансийскую (т. е. угорскую) малицу сравнивать не со II, а с I типом малицы у ненцев: у той и другой имеются швы в боках и плечах[33]. Как было показано при анализе распашной одежды, указанные признаки являются в ней тоже общими для обских угров.

Хантыйскую и ненецкую (I тип) малицу объединяет еще один признак — выполнение конструктивных швов с прокладкой полосок из ярких сукон (ненецкая малица II типа украшалась иначе). Такой способ вряд ли является местной северной чертой, он мог возникнуть и сохраниться у населения, пользующегося тканями. Поиск аналогов показал, что вшивание красной шерстяной тесьмы в основные швы рубахи зафиксировано у населения Горного Алтая V—IV вв. до н. э. Подчеркивание продольных швов красными полосками ткани — типичное явление в рубахе народов Поволжья, происхождение которой специалисты связывают с волжскими булгарами. Ненцы украшали швы полосками разных цветов, а восточные ханты предпочитали красный, т. е. они наиболее близки к традициям указанных выше народов.

На возможность участия предков исследуемых групп в сложении малицы указывает существование у них малицы со швом спереди. Если разрезать малицу по этому шву и убрать капюшон, то получится точная копия восточнохантыйской распашной одежды. Происхождение глухой одежды от распашной убедительно показано в литературе. Разделяя эту точку зрения, трудно, однако, согласиться с ее интерпретацией у Ю. Б. Симченко, когда он рассматривает историю малицы. Этот автор выводит ее от распашной одежды с нагрудником и шапкой [Симченко Ю. Б., 1976, с. 174—181]. Полеми-

---

[33] У ненцев шубы собственно ненецкого типа и малицы II типа совпадают по отсутствию швов в боках и плечах; при этом в Канинской и Тиманской тундрах, где, по данным Л. В. Хомич, сохраняется наиболее древняя одежда, был известен вариант II типа малицы — без капюшона. Этот автор считает наличие воротника или капюшона основным признаком при выделении типов ненецких малиц, а вставки по бокам и кокетку объясняет малым размером шкур. У восточных хантов малицы с такими же вставками имеют, однако, швы на плечах и боках. Очевидно, при увеличении размеров шкур для малицы ненцы следовали старосамодийским, а ханты — обско-угорским традициям кроя, хорошо выраженным в распашной одежде у тех и других.

зировать по всем вызывающим сомнения моментам здесь было бы неуместно, и можно ограничиться лишь основным возражением: в покрое ненецкой малицы, вопреки мнению Ю. Б. Симченко, отсутствует деталь, которую можно возвести к нагруднику, соединяющему полы. Эту роль мог сыграть (и сыграл, например, в энецко-нганасанской одежде) длинный нагрудник тунгусского типа. На Севере известен еще один тип нагрудника: маленький, закрывающий шею; у чукчей он был отдельным элементом, а коряки нашивали его в верхней части передка глухой одежды. Установленная Ю. Б. Симченко небольшая вставка над горлом в малице енисейских ненцев может говорить о связях с чукотско-корякским нагрудником, который не исполнял и не мог исполнять функцию соединения пол. Не случайна и локализация ненецких малиц с рудиментом маленького нагрудника на восточной окраине расселения народа. В Западной Сибири ни ненецкие, ни обско-угорские малицы не напоминают о включении нагрудника в их покрой. Как отмечалось выше, здесь его не имела даже распашная одежда, где нагрудник был бы функционально обусловлен.

По покрою обско-угорские и ненецкие (I тип) малицы сходны с нижней глухой одеждой чукчей и коряков. Общность типов, как отмечает Н. Ф. Прыткова (1976, с. 86), дополняется наличием полосы-надставки, пришиваемой к подолу, и отсутствием в прошлом капюшонов. Надставную полосу, по мнению многих исследователей, стали пришивать позднее у всех народов. При этом в ненецкой малице она была широкой и ворсом наружу, а у восточных хантов — ворсом внутрь и иногда имела на нижней кромке нашитую узкую полоску ворсом наружу; такими узкими полосками украшали нижнюю глухую одежду чукчи и коряки. О северохантыйских малицах без капюшона сообщал в свое время В. Ф. Зуев. У восточных групп известные экземпляры имеют капюшон, но, очевидно, так было не всегда. Лингвисты зафиксировали употребление названия «безголовная (*охлых*) малица» по отношению к одежде из оленьих шкур ворсом внутрь, не имеющей капюшона. У исследуемых групп покрой капюшона малицы подобен местному капору, который, очевидно, стали пришивать к глухой одежде. Здесь встречаются малицы с полоской

шкуры между воротом и капюшоном, что можно считать пережиточной формой невысокого стоячего воротника. Традиция пришивания головного убора вполне могла сложиться у исследуемых групп еще и потому, что здесь капюшон пришивали к распашной охотничьей одежде. Характерной чертой капюшонов восточнохантыйских малиц, особенно детских, является выкраивание из шкур с головы зверей с оставленными ушами или ушными отверстиями, зашитыми цветным сукном. Этот прием был перенесен с головного убора и до настоящего времени используется при изготовлении детских шапок.

В вопросе о малице остается рассмотреть ее название. У восточных хантов в разных фонетических вариантах существуют термины: *мальт'и*, *молыпси;* в других диалектах наряду с ними известны еще *мальсан* и *мёлекна*. Среди лингвистов преобладает точка зрения о заимствовании первого названия из ненецкого *мальця* 'малица' [Steinitz W., 1980, S. 168—169]. В цитируемой работе вместе с тем приводится мнение К. Ф. Карьялайнена, который считал, что разные хантыйские формы исходят из разных оригиналов и точных звуковых соответствий в хантыйском и ненецком (юрацком) терминах нет, поэтому их родство остается немного неясным. Л. В. Хомич (1976 б, с. 88) считает наиболее удачным возведение ненецкого мальця к слову *мал* 'замкнутый со всех сторон', 'целый, сплошной' и предполагает, что *ця* восходит к суффиксу *-тя(-та)*, образующему причастие. Хантыйское название тоже имеет основу *мал,* которой может быть близко ваховское *малах* 'глухой, не имеющий выхода'; в этом же говоре причастие образуется с помощью суффикса *-ты(-та)*. Если подобное построение допустимо, то путь образования ненецкого и хантыйского терминов получается одинаковым. Они сближаются еще и тем, что указанный суффикс выделяет название малицы из терминологии одежды как у ненцев, так и хантов (ср.: ненецк. *паны, савак, пи'мя;* хант. *сак, куныш, колех* и др.). В хантыйском языке существует форма *молыпси*, *молывси*, где за основой мол следует суффикс *-ып(ав)*, с помощью которого образуются общехантыйские названия некоторых видов одежды, например, *ворыв*, 'штаны', *онтып* 'пояс' (от *ант* 'одеть, надеть'). Молыпси употребляется у вос-

точных хантов для обозначения не только малицы, но и глухой одежды ворсом наружу; у манси Лозьвы *мольшан* — название шубы. Таким образом, не исключена общность происхождения анализируемого термина у ненцев и обских угров, при этом у последних он оказывается более мобильным.

Другой вид глухой одежды из шкур оленя — ворсом наружу — на Вахе называется *молывси*, а в сургутском и салымском наречиях *куныш*. Подробный анализ последнего названия дан в литературе [Steinitz W., 1960, b, S. 495—496]. Различные варианты термина известны у южных и северных хантов, а также у северных манси. В. Штейниц не считает слово древним обско-угорским, а предполагает его проникновение из хантыйского в мансийский язык; из хантыйского языка оно заимствовано и русскими. Не исключено, что восточнохантыйская форма куныш связана с табу — названием шерсти медведя *кун* (бытовое название волоса и шерсти *пун*) и общехантыйским обозначением одежды *уш*. Молывси, как отмечалось выше, это и название малиц. Двойное употребление термина, возможно, основано на объединении понятий 'глухая одежда', будь она ворсом внутрь или наружу. Оба термина отличаются от ненецкого названия такой же одежды — *совик*, *соок*.

Ваховский кумыш относится к тому же типу, что и сургутский. Этот вид одежды имеет более сложный покрой, чем малица, в нем выделяются варианты. Отсутствие чертежей кроя северохантыйского и мансийского гуся лишает возможности сравнения, а по описаниям в литературе это сделать трудно. Вариант, наиболее распространенный среди исследуемых групп (рис. 20, 7), аналогичен II типу ненецкого совика, выделенного Н. Ф. Прытковой (1970 а, с. 14 и рис. 6). Он был известен у ненцев восточных тундр, в то время как совик I типа — у ненцев западных тундр. Выкраивание затылочной части капюшона вместе со спинкой характерно для хантыйской, ненецкой и энецко-нганасанской одежды анализируемого типа. У восточнохантыйских кумышей переднее полотнище часто имеет вертикальный шов, а капюшон иногда бывает пришивным, с покроем, как у местного капора,— это пережиточные черты распашной одежды с шапкой. Об этом же говорит название капюшона *куныш-ох* 'кумыш-голова' или *куныш*

мил 'кумыш-шапка'. У большинства изученных экземпляров имеются швы в боках и на плечах, как это присуще местной распашной одежде и малице. Встречаются и боковые полотнища без швов, что наряду с белой опушкой можно рассматривать как влияние самодийцев.

Чуждыми по происхождению являются украшения бахромой из полосок сукна. Они выполняются на ненецких совиках, а еще более выраженные формы имеются у энцев и нганасанов и далее на северо-востоке. Хантыйским украшением является аппликация из ткани на обшлагах, малоизвестная у исследуемых групп. Привлекает внимание прямоугольная или трапециевидная вставка спереди на шее. Не исключена ее связь с чукотско-корякским маленьким нагрудником. Для затылочной части капюшона детских кумышей ханты использовали шкурку с головы зверя с ушами или ушными отверстиями, которые зашивались сукном, и здесь же пришивались ленточки из разноцветных сукон. Подобные сведения по другим народам нам не встречались. Северные ханты и ненцы оформляли так капюшон парки, которая у восточных хантов не известна. Судя по другому характерному признаку — мозаичным полосам меха, парка была разработана в североугорской среде, а у восточных хантов в оформлении капюшона выражены лишь потенциальные возможности для сложения этого вида одежды.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что история кумыша была сложнее, чем малицы. Кумыш и ненецкий совик II типа имеют, очевидно, общее происхождение, включая элементы, объединяющие их с глухой одеждой энцев и нганасанов.

В глухой одежде из тканей у сургутских хантов выделено два типа: по принципу кроя и внешнему оформлению. В названиях же и в назначении одежды деление на типы выступает с меньшей определенностью. Среди васюганско-ваховских групп матерчатая глухая одежда I типа была лишь на Вахе. Здесь, как и у сургутских групп, навершницы малиц чаще были без капюшона и повторяли основные признаки покроя малицы, т. е. имели швы в боках и плечах (рис. 19, *9*). Навершницы без капюшона известны у северных хантов, ненцев и кетов; при описании авторы

указывают на сходство в покрое с местными малицами. Чехлы без капюшона, сшитые из ровдуги или бумажных тканей, носили поверх меховой одежды чукчи, у которых также отмечается сходство покроя чехла и одежды. Здесь, видимо, имеет место типологическое, а не генетическое сходство. По крайней мере относительно исследуемых групп хантов можно считать, что обычай изготовления матерчатого покрытия был перенесен на глухую одежду с распашной. Подтверждением служит тот факт, что один и тот же термин *кечвыс* обозначает матерчатый верх как шубы, так и малицы. На Вахе встречались навершницы с вертикальным швом спереди, что также говорит об их связи с матерчатым верхом распашной одежды. Прокладывание полосок яркого сукна в швы навершниц делалось по примеру малиц. Впрочем, на Вахе таким же образом украшали матерчатый верх распашной меховой одежды.

II тип глухой матерчатой одежды — кумыш — (рис. 21, 5) у сургутских хантов отличается от I туникообразным (а иногда кимонообразным) покроем, наличием капюшона и почти полным отсутствием украшений. Истоки и процесс его формирования остаются не вполне ясными из-за несовпадения разных показателей. У восточных хантов туникообразность характерна не для верхней одежды, а для нательной рубахи. Допущение о рубахе, как основе матерчатого кумыша, возможно еще и потому, что последний носили в теплое время для защиты от гнуса, а видоизменение современных экземпляров идет иногда в том же направлении, что и у рубах (пришивание широкой опушки и украшение). Клин на спине, начинающийся от плеча, — характерная черта, с одной стороны, матерчатого кумыша, с другой — рубахи и матерчатой распашной одежды. Однако способ выкраивания затылочной части капюшона вместе со спинкой определенно указывает на перенос традиции с мехового кумыша. Картина осложняется тем, что анализируемая одежда имела разное назначение и в зависимости от этого ее шили из разных тканей.

Матерчатая глухая одежда известна у северных хантов, но нет точных сведений о ее покрое. Там она служила детям для защиты от комаров, а мужчины носили ее в межсезонье и в холодные дни летом. Детские

экземпляры шили из хлопчатобумажных тканей, а мужские — из сукна. Название одежды *нуй кувсь* совпадает с восточнохантыйским *ной куныи*. У северных хантов мужчины носили суконный гусь кимонообразного покроя с пришивным капюшоном. Таким образом, эта одежда является общим элементом для тех групп обских угров, которые носили глухую меховую одежду с капюшоном.

Пояса и рукавицы. В вопросе об истории поясов у восточных хантов следует, во-первых, отметить, что рубахи у них носили не подпоясанными, хотя имелись и отступления от этого правила (на некоторых фотографиях начала века у мужчин с Васюгана рубахи подпоясаны). Напротив, верхнюю распашную одежду обычно носили подпоясанной, но и здесь были исключения. В начале XVIII в. Д. Г. Мессершмидт наблюдал, что женщины подпоясывают распашную одежду «время от времени». На фотографиях начала XX в. васюганские и александровские ханты изображены в зимней одежде, распахнутой или запахнутой и поддерживаемой рукой, но не подпоясанной. Вряд ли это отклонение от нормы обусловлено искусственностью момента — для фотографирования. По нашим наблюдениям при фотографировании ханты всегда стремятся одеться «по форме», не забывая мелочей. Упомянутые снимки сделаны в поселении, и среди них есть фотография сбора на зимний промысел, где мы видим людей уже подпоясанными. Очевидно, в дорогу было принято подпоясываться, а в поселении это было не обязательно. Ханты Конды на снимке К. Ф. Карьялайнена, сделанном в поселении, подпоясаны. У северных хантов мужчины носили пояс с малицей и летним гусем, а женщины часто носили халаты, зимние шубы и платья без пояса и подпоясывались, лишь отправляясь в дорогу или в лес. Этим объясняется обычай мужчин снимать при трауре пояс, что делает их похожими на женщин [Karjalainen K. F., 1921, S. 169]. Ношение женских зимних шуб без пояса на Вахе и Тромъегане связано, очевидно, с северохантыйским влиянием.

Пояса сургутских хантов были трех типов: I — длинные и широкие из тканей; II — плетеные или тканые; III — короткие и обычно широкие, из кожи или ткани,

последние иногда с твердой прокладкой. У васюганско-ваховских групп зафиксированы только два последние типа, и, в отличие от сургутских, женщины у них носили только твердые короткие пояса. Кроме того, повсеместно пользовались веревкой, в частности на охоте.

Длинные и широкие пояса из простых тканей и сукна (рис. 17, *5*) у других групп обских угров в исследуемый период не зафиксированы в качестве бытовых. В. Н. Чернецов, зарисовавший такие пояса во время медвежьего праздника, отмечает, что они, как и длинные халаты, ни в коей мере не напоминают повседневную одежду обских угров; его наблюдения относятся к северным хантам и манси. Мягкий матерчатый пояс виден на изображении вогула у И. Идеса. Очевидно, в прошлом этот элемент был известен у обских угров более широко, чем сейчас. Такие пояса носили женщины кетов, известны они у алтайцев, тувинцев, бурят, монголов, башкир. В Центральной Азии матерчатые пояса упоминает в XIII в. Рубрук. В Средней Азии длинные пояса из ткани носили представители тюркоязычных народов. Бытование их у горных таджиков предположительно объясняется влиянием киргизов, вместе с тем их использование в траурной одежде женщин говорит о древности таких поясов [Широкова З. Д., 1976, с. 41, 140]. Здесь было принято скручивать пояс или поясной платок, что не характерно для Сибири. Матерчатый мягкий пояс признается типичной чертой монголоязычных народов [Викторова Л. Л., 1977, с. 13], где они особенно длинные (7—8 м) и широкие (40 см).

Шерстяные опояски у восточных хантов были характерны для Васюгана, Салыма и в меньшей мере для других групп (рис. 17, *2*). В отличие от северных хантов, завязывающих опояски по-ненецки, с помощью кольца, у исследуемых групп их завязывали так же, как матерчатые пояса. Тканые опояски известны очень широко: у разных групп хантов, кумандинцев и шорцев, ненцев, народов Поволжья, эстонцев и т. д. Вряд ли будет правильным искать единый центр, из которого шло их распространение к разным народам. В изучаемом регионе их умели изготовлять в прошлом ханты, татары, шорцы и кумандинцы.

Короткие твердые пояса из кожи или сукна (рис. 15, *5*) однотипны у сургутских и васюганско-ваховских групп,

но у вторых они имеют больше украшений. Пояса такого типа известны очень широко как в хантыйской, так и в иноэтнической среде. Происхождение кожаных поясов, зашитых пуговицами-бляшками, принято связывать с тюрками-кочевниками.

Сравнительный анализ способов ношения пояса оказался затруднительным, во-первых, из-за недостатка сведений в литературе, во-вторых, из-за вариабельности этого признака у некоторых народов; только кожаный пояс у всех народов соединялся концами спереди на середине. У матерчатых поясов и тканых опоясок различается число обертываний, местоположение узла и концов. У восточных хантов наиболее принято было женщинам обертывать пояс трижды и завязывать спереди; у северных границ женщины иногда прибегали к мужскому способу. Свободные концы свисали либо от узла, либо расходились немного по сторонам от него. Неоднократное обертывание длинным поясом или опояской известно очень широко. У большинства народов мужчины завязывали его спереди (манси, кеты, буряты, алтайцы, народы Средней Азии и Поволжья, эстонцы), а женщины — сзади (северные алтайцы, казахи, эстонцы). Ненки и телеутки завязывали опояску или пояс спереди, мордовские женщины — как спереди, так и сзади. Опускание концов не от узла, а на некотором расстоянии от него практиковали северные алтайцы; особенно выражено оно было у бурят, опускающих концы по бокам туловища; такая же манера известна у мордвы и эстонцев. Возможен и еще один вариант: подтыкание концов за пояс (кеты, манси, башкиры, телеуты, южные алтайцы, тувинцы), который у исследуемых групп хантов не применялся.

У всех групп хантов и манси при подпоясывании делали напуск — вместилище для мелких вещей. Этот прием известен у многих народов Сибири и за ее пределами; Д. К. Зеленин (1947, с. 85) отмечает его даже у древних греков. Восточные ханты носили пояс на талии, но чаще, особенно женщины, — ниже талии. Низкое подпоясывание отмечено у кетов и на половецких изваяниях начала II тыс. н. э. Подпоясывание по талии известно более широко: оно характерно для монголов, бурят, зафиксировано у населения Центрального Алтая

в скифское время, встречается на упомянутых половецких изваяниях и т. д.

При такой сложности и территориальной разбросанности отдельных признаков более или менее определенно вырисовывается следующее. Набор поясов: матерчатый, тканый, кожаный и простая веревка — одинаков у восточных хантов и алтайских народов. Такое совпадение, вероятно, не случайно, но при этом трудно допустить, что пояса целым комплексом были заимствованы предками восточных хантов у народов Алтая или наоборот. Общность традиций основана, очевидно, на том, что их формирование происходило на единой территории, где осуществлялись контакты между уграми, тюрками и монголами. Наиболее вероятно, что этой территорией был Алтай. Исходя из существующих точек зрения, можно полагать, что матерчатые пояса у тюрков и угров появились от монголов, кожаные пояса с бляшками — вклад тюрков в культуру монголов и угров, а тканые опояски — угорский элемент у шорцев и кумандинцев; подпоясывание веревкой этнически нейтрально. Неустойчивость способа повязывания матерчатого пояса женщинами на Алтае и у восточных хантов (и спереди, и сзади) можно объяснить тем, что он не был выработан в первоистоках — у монгольских женщин, которые в прошлом одежду не подпоясывали. Связь широкого матерчатого пояса с проникновением степных элементов в культуру обских угров уже отмечалась в литературе [Tschernezov V. N., 1974, S. 315].

Тканые опояски к настоящему времени у хантов почти вышли из употребления, и это как будто не совпадает с мыслью об их угорском происхождении. Заметим, однако, что еще в начале XX в. ханты сами ткали опояски. Эта традиция была прервана ввозом готовых изделий, а позже, с прекращением ввоза, уже не возродилась. Изготовление же матерчатых поясов не требует специальных навыков и приспособлений, кроме того, ввоз тканей шел и идет беспрерывно, поэтому такие пояса со временем заняли место опоясок. Не могла прерваться у хантов традиция ношения кожаных поясов, которые нетрудно изготовить из местных или привозных материалов. Сейчас их нередко покупают в магазине или привозят со службы в армии. Матерчатые и кожаные пояса имеют перспективу дальнейшего раз-

вития. Об этом говорит соединение хантами Тромъегана элементов того и другого: матерчатый пояс скрепляют спереди пряжкой, оставляя свисающие концы.

Восточнохантыйское название пояса *антыв* образовано от глагола *ант* 'надеть' [Steinitz W., 1967, 2, S. 117] и имеет общий корень с западнохантыйским и мансийским, т. е. является обско-угорским, что указывает на древность традиции ношения пояса в их среде. Пояс принято считать элементом кочевнической культуры; отмечается его функциональное значение и у земледельцев, но, очевидно, не менее важен он был и для пешего охотника. Так, у хантов пояс не только удерживал полы распашной одежды, а был местом, где у охотника постоянно висел нож, сумочки с оселком, огнивом или спичками, запасом патрончиков и т. д.; сюда же подвешивалась или затыкалась добытая пушнина. С точки зрения хантов подвешивание к поясу клыка медведя имело скорее функциональное значение, чем эстетическое. Использование мужчинами пояса для переноса предметов постоянной необходимости известно в Сибири очень широко. У монголоязычных народов женщины прикрепляли к поясу бытовые предметы, например, игольник, трутницу и др., а у алтайцев, кроме того, мешочек с пуповиной. У восточных хантов женщина носила на поясе только нож с ножнами, да и то не постоянно. Мешочек с пуповиной у них прикрепляли к поясу ребенка или к колыбели, а игольник хранили в сумке или коробке со швейными принадлежностями[34].

Заметным признаком восточнохантыйских, особенно васюганско-ваховских женских поясов, являются подвески-украшения. Обычно это кольца, небольшие бляшки-пуговицы или массивные ажурные бляхи, иногда ключи, у детей — и колокольчики. Их прикрепляли к концам цепочек, а чаще — тонких бечевок, свисающих с пояса и украшенных трубчатыми пронизками из металла или крупными бусами. По фольклорным данным ханты Ваха в период их военных столкновений

---

[34] Н. Ф. Прыткова отнесла к сургутским хантам хранящийся в МАЭ пояс (№ 859-19) с подвешенным трубчатым игольником. Такой игольник не характерен для восточных хантов, хотя в прошлом изредка встречался у них. Независимо от места приобретения пояса у хантов прикрепление к нему игольника является южной, а не местной чертой.

с ненцами привязывали к поясу подвески, «чтобы брякало, и те думали, что кольчуги». Ажурные литые бляхи из меди имели пояса северных самодийцев. У восточных хантов подвески обычно прикреплялись к коротким поясам из кожи или ткани, а на длинных матерчатых поясах они встречались не часто. У тканых опояcок подвески прикреплялись к концам — это были ленты нанизанного бисера с разветвлениями и бляшками на концах. Они явно заменяли кисти, характерные для южнохантыйских опоясок.

Декоративное оформление пояса не ограничивалось подвесками. На короткие пояса нашивали рядами бляшки или пуговицы — способ, очевидно, принесенный на север с юга. Были известны и другие приемы: нашивание продольных полос или квадратов ткани, а поверх них расшивание бисером в виде параллельных или перекрещивающихся линий, ромбовидных фигур и т. д.; иногда здесь же нашивали пуговицы-бляшки. Со временем у исследуемых групп произошел переход от частичного покрытия поясов тканью к полному, а затем их стали шить вообще без кожаной прокладки, из одного лишь сукна, с использованием контрастной окантовки. Подобное же оформление имели пояса у западных хантов, а в более скромных вариантах у манси. Со временем бисер все более вытеснял пуговицы или бляшки и стал заполнять всю поверхность пояса; на сукно стали также нашивать заготовленные заранее полосы нанизанного бисера.

Расшивание поясов бисером практиковалось у кетов, долганов, энцев и нганасанов и т. д. Этот широко известный способ украшения каждый народ разрабатывал в соответствии с собственными традициями. Например, особенностью кетов было сочетание бисера с подшейным волосом оленя и белыми нитками. Такое же украшение встречается на васюганских поясах, но узоры и цветовая гамма отличались от кетских. Восточнохантыйской традицией было исполнение узора в виде косой сетки; в последние годы здесь известны более сложные фигуры, перенесенные из меховой мозаики. Северохантыйской модой является расшивание крестиком из 5 бисеринок, с одной в центре, теперь эта техника проникает к восточным группам. В настоящее время длинные матерчатые пояса у восточных хантов

украшаются только контрастным кантом, перенесенным с коротких поясов; эта мода еще окончательно не утвердилась. Узоры на опояскаx здесь подобны шорским, но сведений о них немного.

Название рукавиц было единым у всех хантов — *пос*, *пас*. Для восточных хантов характерно употребление как непришивных, так и пришивных рукавиц. В качестве самостоятельного этот элемент одежды устойчивее всего сохранился на Васюгане, вплоть до наших дней. Интересно, что у исследуемых групп отмечено раздельное существование рукавиц как с распашной, так и с глухой одеждой. Н. Ф. Прыткова выделяет у северных и восточных хантов зимние и осенние рукавицы[35], из которых только последние были непришивными. У южных хантов рукавицы были самостоятельным элементом.

У васюганско-ваховских групп были известны рукавицы из шкур с туловища, ног или ушей оленя, сшитые ворсом наружу, т. е. такие же, как у сургутских хантов. Этот (I) тип рукавиц стал составной частью шуб и малиц, к которым их пришивали; причем он несколько изменился, получив ладонный разрез и клапан над ним. Рукавицы этого типа в Западной Сибири чаще всего пришивали к меховой одежде; отдельно их носили, кроме восточных хантов, кеты. Возможно, они являются древним изобретением местного охотничьего населения.

Для II типа восточнохантыйских рукавиц характерно их самостоятельное значение, обращение ворса внутрь и украшение наружной части; по размеру они больше рукавиц I типа. У сургутских групп их шили полностью из шкур, а у васюганцев и александровцев они имели меховую подкладку и матерчатый верх; ладонная часть последнего выкраивалась вместе с «пальцем» из ровдуги. Их прототипом можно считать шорские и качинские рукавицы с меховой или хлопчатобумажной подкладкой и плисовым верхом, вышитым нитками. Сочетание меховой подкладки с матерчатым верхом сохранялось на южной окраине восточных хантов, при этом не характерная для последних вышивка была заменена мозаикой из ткани. С продвижением на север — на Юган и Вах — рукавицы этого типа стали шить целиком из

---

[35] У восточных хантов нам не приходилось слышать о таком разделении.

оленьей шкуры. Традиция украшения тыльной части сохранялась и здесь, но опять-таки применялась местная техника: узор наносился растительной краской. У западных хантов такие рукавицы получили иное художественное оформление — расшивание бисером. Ношение на Васюгане и Салыме вязаных рукавиц, а поверх них кожаных говорит о позднем влиянии южных хантов или местного русского населения. В настоящее время женщины охотно надевают внутрь пришивных рукавиц покупные варежки, у мужчин более популярны перчатки.

Обувь. Как у сургутских, так и васюганско-ваховских хантов преобладали названия обуви, включающие компонент *нир* 'обувь'. Этот термин Н. Ф. Прыткова приводит в качестве обозначения чулков из шкур и чирков. Ее данные о том, что «общим названием для обуви у хантов является термин *вей, вай*» [Прыткова Н. Ф., 1953, с. 160], требуют уточнения. У восточных хантов так назывались голенища, но не обувь в целом. Обувь нир упоминается в былинах иртышских хантов; *нара* входит в название обуви остяков Верхней Лозьвы. Таким образом, есть основания считать общехантыйским названием обуви не вей, а нир. Наиболее устойчиво последний термин сохранялся у восточных хантов. У них известны также названия обуви без компонента нир. Так, на Пиме составную обувь с низкой головкой называли *вачимов* (наряду с *кот нир*), а унтовидную — *покы* (наряду с *пунун нир*); на Вахе название последней — *колы, колой вей* (наряду с *пунун нир*).

Поршневидную обувь в изучаемый период носили восточные ханты, живущие в правобережье Оби (рис. 22, *1*). У левобережных групп она не зафиксирована, и можно лишь предполагать ее бытование в прошлом. Так, в башмаковидной обуви этих групп имеется ряд признаков, напоминающих поршневидную, а именно сборки в задней части подошвы, способ украшения голенища и клин в его передней части. Поршневидная обувь известна также у северных хантов, и, по наблюдениям Э. Саара, сейчас встречается там чаще, чем у восточных групп; характерна она и для манси. Обувь с основой в виде поршня известна у многих народов Сибири, в Средней Азии и Европейской части СССР. Этот тип обуви считается и общеславянским [Лебедева Н. И., Маслова Г. С., 1967, с. 250]. В такой ситуа-

ции этноразличительную функцию несет не основной покрой, а другие признаки. Н. Ф. Прыткова предполагает, что ненецким по происхождению является компонент *нюки* приведенного ею названия поршневидной обуви *нюкивей*. У восточных хантов такая обувь называется *нюр нир*, от хант. *нюр* 'ровдуга'. Как видим, восточнохантыйские материалы не показывают заимствования от ненцев в названии анализируемой обуви.

Г. М. Василевич (1963, с. 44) считает важной чертой поршневидной обуви клиновидную вставку над пальцами и подъемом, которую она называет носком. В описании хантыйской и мансийской обуви ею отмечен такой носок: он виден на иллюстрациях к указанной работе, а также к работе Н. Ф. Прытковой (1953)[36]. Эти данные подтверждаются материалами восточных хантов. Клиновидная вставка характерна для поршневидной обуви многих народов Сибири, что затрудняет использование этого признака в качестве этнического индикатора. У народов Западной Сибири этнопоказательными признаками поршневидной обуви, очевидно, могут служить украшение и способ шнуровки. Нанесение узора растительной краской на нижнюю и верхнюю часть голенища и на вставку — признак хантыйской и мансийской поршневидной обуви. Простое же окрашивание клиновидной вставки принято не только у этих народов, но также у ненцев; у других народов она подчеркивалась разными способами. Способ шнуровки у восточных хантов был единым. Подражание сургутскому способу наблюдается в детском экземпляре поршневидной обуви с р. Вах: бечевки пришиты по бокам ближе к пятке, пропускаются к носку через петли и завязываются над пальцами. Казымские же ханты и манси бечевку на носке перекрещивали, как это было принято у ненцев. Сходство или различие по этому признаку с другими народами не удается установить из-за отсутствия достаточных сведений. Пока можно констатировать этнолокальную особенность восточных

[36] Перед лицом этих фактов остается неясным, почему при выделении типов поршневидной обуви Г. М. Василевич отнесла хантыйскую обувь к западносибирскому типу, в котором, по ее мнению, голенище пришито непосредственно к подошве, а вставка-носок отсутствует.

хантов в отсутствии перекрещивания шнуровки у поршневидной обуви.

Установлено, что поршневидная обувь с клиновидной вставкой-носком широко распространена у народов, в жизни которых охота занимала и занимает первое место, и этот признак свидетельствует о древнем контакте предков современных северо-восточных палеоазиатов с охотниками тайги [Василевич Г. М., 1963, с. 57]. Типичность такой обуви для хантов позволяет отнести ее не только к охотничьей, но и рыболовческой культуре. Нужно заметить, что из всех типов и вариантов хантыйской обуви именно поршневидная наиболее приспособлена к основному занятию народа — рыболовству и передвижению по местным болотистым почвам. Не исключено, что в прошлом она служила круглогодично; о зимнем ее использовании напоминает голенище из шкуры с ворсом. Поршневидная обувь, очевидно, предшествовала обуви с низкой головкой, проникшей сюда с Саяно-Алтайского нагорья. Итак, есть основания считать поршневидную обувь из ровдуги палеосибирской чертой в культуре хантов, а их вкладом — орнаментацию вставки и голенища.

У восточных хантов нами зафиксирован самый простой способ использования естественных материалов для защиты ног — привязывание к подошвам крыльев птиц; здесь еще в недавнем прошлом так поступали дети. На Вахе подошвы башмаковидной обуви делали из шкур гагар, а при ходьбе по сухой земле надевали шкурку гагары, снятую чулком и обращенную перьями наружу. Е. А. Алексеенко (1967, с. 145) считает архаической обувь из шкуры гагары, которую кеты надевали поверх ровдужной в дождливую погоду. Несомненно, что у хантов указанные способы использования птичьих шкур являются древней чертой местного происхождения.

Башмаковидная обувь типична не только для сургутских, но в равной мере и для васюганско-ваховских групп; у последних подтип с высокой головкой отмечен в бассейне Оби и Ваха, а с низкой — повсеместно. Чирки, т. е. обувь без голенища, известны у восточных хантов по наиболее ранним источникам. В 1720-х гг. Д. Г. Мессершмидт купил чирки на территории александровских хантов и дал их описание с рисунком. Они

сшиты из оленьей шкуры ворсом внутрь, с опушкой из шкуры соболя; снаружи обувь сплошь украшена орнаментом. На Вахе чирки отмечены в 1920-х гг. М. Б. Шатиловым, а на Васюгане женщины еще помнят, как они носили эту обувь и сожалеют, что теперь она вышла из моды. Н. Ф. Прыткова считает чирки обувью, распространенной у всех групп хантов под названием нир; это положение подтверждается данными по восточным хантам. У последних нир входит также в обозначение башмаковидной обуви с голенищем. Нередко ее называют *кантага-нир* 'хантыйская обувь'; на Салыме *ханда-нвир* — это обувь с голенищем из холста в отличие от русской обуви с голенищем из кожи [37].

Существует мнение, что начало покроя чирков «...можно отнести к древнейшему населению охотников-рыболовов Верхнего Приобья и Верхнего Приенисейя, масса которых вошла в состав приобских угров, частично селькупов и некоторых народов Саяно-Алтайского нагорья» [Василевич Г. М., 1963, с. 58]. Цитируя это высказывание, хотелось бы подчеркнуть локализацию этногенетических корней обуви типа чирков в районах, лежащих к югу от современной территории хантов, где она, вероятно, с древности служила обувью для охотников-рыболовов. На территории же Среднего Приобья древнейшим местным типом обуви была поршневидная. Из принесенной сюда с юга обуви наиболее приспособленной к рыболовству была обувь с длинным голенищем. Она окадалась настолько распространенной, особенно у левобережных групп, что к изучаемому периоду стала преобладающей в Среднем Приобье. Чирки без голенища при местных болотистых почвах не могли стать промысловой обувью, они играли другую, менее важную роль и к настоящему времени исчезли. Традиция носить обувь с голенищем разной длины зародилась в Южной Сибири. У кумандинцев, телеутов и ту-

---

[37] Сведения Н. Ф. Прытковой (1953, с. 161) о том, что у хантов Ваха чирки с пришитым голенищем назывались лунты, требуют уточнения. Она опирается, очевидно, на М. Б. Шатилова, который пишет, что когда к обуви пришивают голенища, получаются «лунты» (1931, с. 69). Однако этот термин он не относит к числу хантыйских, о чем можно судить по шрифтовым приемам выделения терминов. В наши дни русское население Ваха называет лунтами обувь другого типа — унтовидную. Эти факты позволяют предположить, что термин лунты введен русскими.

винцев голенище было длинным, а у шорцев, хакасов, тофаларов — как длинным, так и коротким, до колен. У восточных хантов о коротком голенище напоминает способ ношения длинного голенища опущенным под колено и перевязанным: отмечены у них и отдельные экземпляры башмаковидной обуви с голенищем до колен [Лукина Н. В., 1972 в, с. 80].

У исследуемых групп в башмаковидной обуви ходили чаще всего пешком или на лыжах. Об этом говорит нашивание поперечных полосок на подошве, а также направление ворса на ней назад, в том числе и при использовании щеток с ног оленя. Такое направление ворса препятствовало соскальзыванию лыжи с ноги (кстати сказать, оно совпадало с направлением ворса на подшивке лыжи). Г. М. Василевич (1963, с. 60) считает прямой срез голенища характерной чертой обуви охотников и рыболовов, а именно таким он был в башмаковидной обуви восточных хантов. В одной из форм подошвы — овальной у пятки и прямоугольной у носка — выявляется этноразличительный признак восточнохантыйской обуви.

На Васюгане и в меньшей мере на других реках особенностью башмаковидной обуви была слабая выемка подъема. Отсутствие или слабое выражение подъема отмечено в обуви кетов [Алексеенко Е. А., 1967, с. 147], но наиболее характерно оно для обуви энцев и нганасан, где относится к следам арктического аборигенного населения [Василевич Г. М., 1963, с. 6, 61]. Такую обувь рассматривают в числе параллелей культуры самодийцев и эскимосов [Файнберг Л. А., 1981, с. 135]. Е. А. Алексеенко этот признак кетской обуви объясняет влиянием северных соседей. К хантам Васюгана такое объяснение вряд ли применимо, и с некоторой долей вероятности можно предположить, что у них это слабые отголоски палеосибирской культуры. Отмеченное у восточных хантов, особенно на Югане и Васюгане, усложненное комбинирование голенища с надставками в верхней части или вставки между ним и головкой (рис. 22, *4*) может быть отнесено к числу этнолокальных черт их обуви.

В орнаментации чирков и низкой головки у обуви с голенищем проявляется единая восточнохантыйская традиция: нанесение узора растительной краской на

всю площадь головки и обшивание его сухожильной ниткой с прокладкой оленьего волоса. Сейчас эта традиция жива только на Югане. В XVIII в. такая техника и топография орнамента зафиксированы у александровских хантов, а на рубеже XIX—XX вв. — на Вахе, Агане и Оби в районе Сургута. У иртышских хантов чирок сплошь расшивался бисером, а у северных — лишь на подъеме и по краю головки; позднее на севере бисер заменила аппликация из ткани. Восточные ханты у праздничных экземпляров обуви полностью орнаментировали голенище, но только изготовленное из ровдуги; узор наносили отваром лиственничной коры. Сведения о подобной орнаментации башмаковидной обуви имеются лишь по восточным хантам, однако в этой связи можно напомнить об орнаментации части голенища в поршневидной обуви как у названных, так и у северных групп народа.

Характерная черта башмаковидной обуви с высокой головкой, известной у восточных хантов только в правобережье Оби (рис. 22, *4—7*), — использование естественного изгиба камуса. Истоки этого можно видеть в детской обуви хантов р. Вах, где носили камусы оленя, снятые чулком, вывернутые ворсом внутрь и зашитые на подошве. Здесь же для наведения следов медведя и во время медвежьего праздника надевали обувь с высокой головкой из камусов медведя ворсом наружу, с оставленными когтями. Она имеет в задней части головки продольную вставку из шкуры медведя и подошву из шкуры оленя ворсом внутрь; к головке пришито короткое прямообрезанное голенище из ровдуга со швом сзади, не зашитым до конца; вверху голенища вздержка. Это обувь особого назначения, аналоги ей у других групп или народов неизвестны. По главному признаку — высокой головке — она анализируется вместе с повседневной обувью исследуемых групп.

Повседневная обувь с высокой камусной головкой и суконным голенищем известна у кетов, где считается древней исконной формой [Алексеенко Е. А., 1967, с. 143, 146]. У ненцев встречалась камусная обувь с отдельно сшитой головкой и судя по ее изображению в канинской группе, головка была высокой [Хомич Л. В., 1966, с. 121; 1970, рис. 8 *б*]. Правомерно предположение о том, что такая обувь является результатом развития

обуви, состоящей из одной лишь высокой головки без голенища. Последняя распространена у малоземельских ненцев и многих групп эвенков. Обувь с высокой головкой у исследуемых групп хантов может быть обусловлена связями с восточными соседями, скорее всего с кетами[38], о чем говорит локализация ее в правобережье Оби, в зоне непосредственных контактов с кетами. Более глубокие истоки традиции следует искать еще восточнее, у эвенков. Ваховские ханты делали в верхней части передка высокой головки треугольную вставку, сужающуюся книзу; она встречалась здесь и на детской унтовидной обуви длиной до колен. Подобная вставка имеется в головках башмаковидной обуви северных селькупов. Трудно судить, было ли здесь заимствование и в каком направлении; не исключено и совместное творчество двух народов. У исследуемых групп хантов обувь с высокой головкой являлась элементом охотничьей культуры, включающей ходьбу. При этом нужно учитывать и особенности лыж. У левобережных групп лыжи древнего типа имели высокую подставку, что делало приемлемым обувь с низкой головкой. В правобережье же подставка не была известна, и для защиты ноги требовалась обувь с более высокой головкой. Обращает на себя внимание наличие в некоторых ее экземплярах клиновидной вставки над пальцами и подъемом, что свойственно не башмаковидной, а поршневидной обуви.

Такие признаки обуви с высокой головкой, как изготовление из камусов и всегда ворсом наружу, направление ворса не только назад, но и вперед, наличие союзок и вставок между головкой и голенищем, поперечные полоски на камусном голенище, указывают на переходный характер от башмаковидной к унтовидной обуви. Это особенно выражено на материалах хантов р. Пим (рис. 33, *6—10*). Приведенные факты раскрывают один из возможных путей сложения унтовидной обуви на севере Западной Сибири. В этом процессе могли принять участие и предки восточных хантов в

---

[38] Меньше оснований для предположения о ненецко-хантыйских связях. Обувь с высокой головкой не отмечена у северных хантов. Это создает разрыв между восточными хантами и тундровыми ненцами. У ненцев она связывается с малоземельской, канинской группой, значительно удаленной от восточных хантов.

правобережье Оби. Менее вероятен другой путь развития высокой унтовидной обуви в Западной Сибири — из короткой (до колен) камусной обуви, распространенной у саяно-алтайских народов. У восточных хантов такая обувь встречалась на Васюгане; по числу камусов — пять — и по наличию надставки вверху голенища она особенно близка хакасской. Узкая локализация, редкая встречаемость, а главное, отсутствие вариантов, переходных от короткой к длинной унтовидной обуви, делают мало приемлемым предположение о развитии последней из первой, по крайней мере, на исследуемой территории. Перед нами пример того, как кажущаяся на первый взгляд близость не обязательно говорит о генетической связи явлений.

Среди восточных хантов унтовидная обувь была распространена у правобережных групп, а в левобережье изредка попадала из других мест. Она использовалась главным образом для езды на оленьей нарте. Пешее передвижение в ней было затруднено из-за направления ворса на подошве вперед. Общепринятым ее названием было *пунун нир*, от хант. *пун* 'шерсть'; реже встречалось другое название *колы*, считающееся селькупским заимствованием [Steinitz W., 1963, S. 216]. На Югане унтовидная обувь называлась *йараган нир* 'ненецкая обувь' (здесь она была привозной). Раскрой ее был единым у всех групп: из семи камусов, с двумя рядами союзок, поперечными полосками под коленом в мужских экземплярах и выше подъема — в женских; срез голенища слегка скошен или прямой (рис. 22, *12, 13*). Единство проявлялось и в украшении голенища белыми полосками камуса. Встречавшиеся иногда на Агане и Пиме экземпляры, украшенные полосками мозаики,— следствие влияния северных хантов. По покрою восточнохантыйская унтовидная обувь аналогична северохантыйской, мансийской и ненецкой, а особенность ее состоит в менее косом срезе голенища.

В классификации Г. М. Василевич (1963, с. 50) эта обувь отнесена к западносибирскому типу, и в литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что она заимствована хантами от ненцев [Прыткова Н. Ф., 1953, с. 160; Василевич Г. М., 1963, с. 59; Kodolányi J., ifj., 1960, S. 80; и др.]. У исследователей, работавших по материалам северных хантов, были основания для та-

кой точки зрения: идентичность кроя, называние обуви «ненецкой» и практика получения ее хантами от ненцев. Но возможно, что эти факты отражают поздний этап истории унтовидной обуви, к тому же лишь у тех групп хантов, которые имели постоянные и прочные связи с ненцами. Рассмотрим подробнее основания «ненецкого» происхождения обуви этого типа у хантов. В одном из суждений о заимствованном характере хантыйской унтовидной обуви признается, что «некоторые группы хантов, в частности казымцы, изготовляли сами эту обувь и даже не менее искусно, покрывая ее узором, выполненным техникой меховой мозаики» [Прыткова Н. Ф., 1953, с. 160]. Теперь нам известно о самостоятельном изготовлении анализируемой обуви также у восточных хантов. На Агане приходилось слышать высказывания о хантыйской обуви как более аккуратной и лучше сидящей на ноге, чем у ненцев. Украшение ее полосами меховой мозаики, очевидно, было разработано хантами, а именно северными группами. Стремление украсить всю или почти всю площадь обуви, кроме подошвы, весьма характерно для хантов. У восточных групп эта черта хорошо сохраняется до настоящего времени в башмаковидной обуви с ровдужным голенищем. Редкая же встречаемость у них украшения унтовидной обуви полосами меховой мозаики объясняется тем, что для восточных хантов эта техника мало характерна.

Что касается идентичности покроя, то этот признак может в равной мере говорить как о заимствовании обуви хантами у ненцев, так и об обратном. Для решения вопроса необходимо установить, в какой этнической среде сформировался этот элемент культуры и как это происходило. Г. М. Василевич (1963, с. 60—61) выявляет в обуви ненцев следы древнего ее происхождения с Саян (косой срез верха голенища), следы арктического населения (широкое голенище без подъема) и в обуви малоземельских ненцев — древние связи отдельных групп саянских самоедов с тунгусоязычными группами оленных охотников. В чем проявились последние связи, она в цитируемом месте не раскрывает, но в ее описании (с. 6) указаны особенности малоземельских ненцев: обувь с одним рядом союзок и обувь в виде высокой головки без голенища.

Из материалов по восточным хантам следует, что в их обуви налицо почти все указанные признаки и лишь срез голенища они делали менее косым, подражая прямому или слегка скошенному срезу в их башмаковидной обуви. Важно также, что признаки «ненецкой» обуви у хантов рассеяны по разным типам и вариантам, а не сконцентрированы, как у ненцев, в одном-двух видах обуви. Вряд ли можно полагать, что после заимствования у ненцев готовых образцов унтовидной обуви ханты перенесли те или иные ее признаки на более ранние формы своей обуви. Логичнее допустить, что не одни лишь ненцы, но и правобережные ханты (а может быть, они даже в большей мере, чем ненцы) приняли участие в формировании этого типа обуви, и не случайно у хантов сохранились промежуточные варианты. Пути ее распространения после окончательного сложения могли быть, в частности, такими, как их обычно рисуют в литературе.

Использование в обуви тканых или плетеных узорчатых подвязок с кистями на концах отмечено у сургутских и васюганско-ваховских групп. Подвязки умели изготовлять сами, но часто они были покупными. Как прием перевязывания обуви под коленом, так и указанный вид подвязок, очевидно, принесены из более южных районов. Там они известны, например, у шорцев. Их делали из тесьмы или скручивали из разноцветных шнурков, обматывали на концах нитками и украшали кистями, бусами.

Привязывание верхней кромки голенища к поясу типично не только для разных групп обских угров, но и в целом для народов Северной Сибири. Заслуживают внимания атрибуты для прикрепления обуви. В среде восточных хантов у женщин и детей в этих целях повсеместно использовался нательный пояс, а у сургутских женщин еще и пояс-повязка воруп. Привязывание обуви к поясу является традиционным приемом у многих народов Северной Сибири: кетов, эвенков, долган, энцев и нганасан, у ненецких женщин. У кетов, как и у восточных хантов, пояс был в виде простого ремешка, а у других народов он имел более развитые формы. На связи в восточном направлении может указывать сургутское название нательного пояса *талыми*, которое проявляет некоторое сходство, с одной стороны, с кет-

ским *алант,* а с другой — с эвенкийским *талэги*; у долган название пояса для подвязывания обуви *тэлэгии* связывается с эвенкийским термином [Попов А. А., 1958, с. 102]. В обычае сургутских женщин привязывать обувь к кольцам на конце ремешков, пришитых к ворупу, проявляется некоторое сходство с ненцами; у последних кольца пришивали на мужских штанах.

Этническая специфика восточных хантов проявляется в существовании у мужчин специальных подтяжек для привязывания обуви (рис. 13, *4*). Подобного явления не удалось обнаружить у тех народов, с которыми ханты могли иметь этнокультурные или этногенетические связи. Традиционные формы подтяжек, как и ремешки на женских ворупах, заканчивались кольцами, к которым привязывали обувь. Аналоги этому явлению можно видеть на половецких каменных изваяниях. Изображения одежды на них подробно проанализированы С. А. Плетневой (1974). Так, на рис. 10, *54—59* приведены изображения поножей для прикрепления высокой обуви. Среди них есть простые и сложные формы, но обязательным элементом является ремень с кольцом. Поножи, конечно отличаются от подтяжек хотя бы уже местоположением на бедрах, а не на груди, и все-таки здесь заложена общая идея изготовления особого элемента одежды со специальным назначением — для прикрепления высокой обуви. Характерно, что поножи изображались на мужских изваяниях, на женских же очень редко [Плетнева С. А., 1974, с. 51]; у хантов подтяжки были мужским элементом одежды. На половецких изваяниях имеются еще изображения нагрудных ремней с бляхами, которые считаются частью оборонительного доспеха [Плетнева С. А., 1974, рис. 6, *10—15*]. У некоторых из них расположение ремней в какой-то мере напоминает восточнохантыйские подтяжки; не исключено подражание последних элементам защитного доспеха. Итак, приведенные факты дают основание считать подтяжки и использование колец для привязывания обуви элементами степного кочевнического быта в культуре восточных хантов, а прикрепление обуви к поясу — субстратной чертой сибирского происхождения.

Характерным для обских угров и других народов Северной Сибири является использование высохшей тра-

вы на стельки и обертки для ног. Эта черта, несомненно, принесена из более южных районов и прочно утвердилась на севере. Оттуда же может идти и традиция надевания чулок внутрь верхней обуви. У восточных хантов она имеет разные истоки. Салымцы обязаны вязаными с узором чулками иртышским хантам, а у тех, в свою очередь, истоки уводят к народам Южной Сибири. Так, вязаные шерстяные чулки с узорами носили женщины у кумандинцев. Впрочем, такие чулки были распространены также у русского населения Тобольского тракта, и не исключена возможность заимствования из этого источника. Более определенно о русском влиянии свидетельствуют чулки александровских хантов под названием *тюлька,* вязанные одной иглой. Сведения XVIII в. о чулках из налимьих кож у александровских хантов перекликаются с сообщением Г. Новицкого (1884, с. 38) о чулках и сапогах из этого же материала. Это древняя черта в культуре обских угров.

Меховые чулки надевали внутрь зимней обуви главным образом у сургутских хантов, но они были известны и у васюганско-ваховских групп. Общепринятое название их *кинч.* На Вахе, кроме того, чулок называли *оспыл нир.* По некоторым данным кинч обозначало и верхнюю обувь. Д. Г. Мессершмидт приводит название башмаковидной обуви без голенища у александровских хантов *kyngsch, kyntsch* [Messerschmidt D. G., 1968, T. 4, S. 244, 280]. У. Т. Сирелиус дает название узора для обуви, в котором обувь обозначена *kin* [Sirelius U. T., 1904, Taf. XXI—4]. Судя по узору, он предназначен для такой же обуви, как у Д. Г. Мессершмидта. У северных хантов меховой чулок назывался *нир* или *кеж*, в последнем термине можно видеть сходство с восточнохантыйским. Раскрой меховых чулок различался у сургутских и васюганско-ваховских групп. У первых они повторяли покрой башмаковидной обуви и состояли из головки и голенища, между которыми встречалась полоса; у вторых голенище пришивалось непосредственно к подошве. На Вахе встречались чулки со вставкой, прикрывающей пальцы и подъем; этот признак имеется в меховых чулках кетов. Он характерен также для верхней поршневидной обуви многих народов Сибири, в том числе и хантов.

Следует отметить, что у хантов не носили ноговицы— голенища без головки. Они не выявляются по музейным

коллекциям, не зафиксированы полевыми материалами последних лет, нет достоверных сведений о них и в литературе. Правда, отдельные авторы (М. Б. Шатилов, Л. Р. Шульц) употребляют термин «ноговицы», но из контекста ясно, что речь идет о чирках — короткой обуви без голенища. Ноговицы не отмечены у селькупов и нганцев. Они наиболее характерны для эвенков, известны и у кетов. Очевидно, эта восточносибирская традиция не проникла в Западную Сибирь.

В общих чертах формирование обуви на территории восточных хантов нам представляется следующим образом. Наиболее древним типом местного палеосибирского происхождения была поршневидная обувь с высоким голенищем, которую, возможно, носили круглогодично. Вкладом древнего обско-угорского населения в развитие указанного типа обуви было нанесение узора растительной краской на значительную площадь голенища и на вставку над подъемом. У восточных хантов эта традиция оказалась менее устойчивой, чем у северных, и к настоящему времени исчезла. Древнее происхождение имеют так же привязывание крыльев птиц к подошвам и обувь из камуса оленя, снятого чулком.

Более поздний этап связан с развитием башмаковидной обуви, которое шло по двум линиям. Обувь с низкой головкой была принесена в левобережье Среднего Приобья из Верхнего Приобья. Чирки оказались в местных условиях мало пригодными, а перспективу развития имела обувь с высоким голенищем. Здесь был разработан один из ее вариантов — с полосой между головкой и голенищем. Предки восточных хантов перенесли древнюю обско-угорскую традицию украшения всей или почти все площади обуви с поршневидной на башмаковидную обувь и пронесли эту традицию через века до наших дней. Из левобережья обувь с низкой головкой проникала в правобережье, где была известна обувь, имеющая высокую головку и появившаяся здесь из более восточных районов. Предки восточных хантов создали в обуви с высокой головкой варианты, переходные к унтовидной, и тем самым приняли участие в формировании последней.

Для обуви восточных хантов вообще характерно перенесение элементов одного типа на другой. Такие признаки поршневидной обуви, как широкая подошва

без очертаний по форме ступни, сборки подошвы у пятки и орнаментация, встречаются в башмаковидной обуви с низкой головкой; вставка над подъемом встречается в обуви с высокой головкой и в меховых чулках. На наших глазах возник новый вид зимней обуви из шкур и камусов, в котором сочетаются признаки башмаковидной и унтовидной обуви. Ее украшают узорными полосами из темного и светлого меха, что не характерно для традиционных видов восточнохантыйской обуви. Сейчас эта обувь рассчитана почти исключительно на приезжее население. Однако ее носят ханты, перешедшие на новый образ жизни, и можно предвидеть, что с увеличением их числа будет возрастать и роль указанной обуви.

Головные уборы, прически и украшения. Для исследования головных уборов определенное значение имеет факт обязательности или необязательности покрывания головы. У восточных хантов головные уборы имели для мужчин утилитарное значение и надевались в случае необходимости. Мужчины старались по возможности обходиться без головных уборов даже зимой, откидывая на спину капор или капюшон глухой одежды. Для женщин же покрывание головы было обязательно, и даже девочки почти не бывали без платка. Частично объяснение ситуации кроется в этической установке закрывания волос и лица в присутствии родственников определенных категорий. У многих народов замужняя женщина тщательно закрывала волосы, а для девушек это было необязательно. У исследуемых и, вероятно, у других групп хантов ношение платка девушками и маленькими девочками не имело социального значения, а было проявлением устойчивой этнической традиции. По этому признаку обские угры отличаются от северных самодийцев. Так, ненецкие женщины могли ходить летом без платка, а у нганасан при некоторых видах головных уборов (венец) волосы оставались открытыми.

Издавна известно, что женщины хантов и манси, соблюдающие обычай избегания, закрывали платком лицо. Об этом сообщает Гр. Новицкий и другие авторы XVIII—XX вв. Некоторые считают это признаком влияния татар на обских угров [Ahlquist A., 1883, S. 301]. Как известно, закрывать лицо женщинам предписывал

коран, но вряд ли у обских угров это было следствием позднего влияния мусульманства. Даже у западносибирских татар предписание выполнялось лишь отчасти. Для выяснения вопроса необходимо изучение внешних форм проявления обычая избегания у разных народов. Интересно, что в специальной статье об этом обычае у народов Грузии закрывание лица женщинами не упоминается [Сергеева Г. А., 1975].

Важнейшим головным убором у восточных хантов были платки. Такова же роль платка у западных хантов и у манси, о чем не раз писали авторы на протяжении XVIII—XX вв. У обских угров важность женского платка подчеркивается ссылками на фольклор [Kodolányi J., ifj., 1969, l. 116—121]. Особенно популярны были платки у женщин, они служили лучшим подарком. Именно платок, а не шапка хорошо приспособлены для закрывания лица у «избегающих» женщин. Платок служил женщинам круглогодично и лишь в некоторых районах зимой его частично заменяли капором. По наблюдениям, относящимся к нашим дням, женщины не любят повязывать теплые платки при езде на оленьей нарте, так как в них трудно поворачивать голову для обзора местности.

Практически круглогодично носили небольшой платок и мужчины, по крайней мере на изучаемой территории. Летом его носили на голове, а зимой чаще повязывали на шею, но иногда и на голову — под капюшон малицы или под меховую шапку. Этот обычай встречается и у других групп хантов и манси. У исследуемых групп мужчины носили также большие шали поверх мехового капора или без него. Платок во многих случаях был непременным атрибутом культовых предметов. В описании одеяний на жертвенной шкуре лошади (р. Вах) указано, что головная часть была повязана шалью, а сверху платком; платок надевали на изображения духов женского пола. Считалось также, что шейный платок приносит счастье.

Насколько позволяют судить литературные данные, платок не играл столь большой роли у других народов Сибири, хотя в XIX—XX вв. был известен практически у всех. У ненцев основным головным убором как мужчин, так и женщин были меховые шапки. У кетов платок был наиболее распространенным головным убором

в указанный период, но он считается не специфически кетским, а заимствованным у русских [Алексенко Е. А., 1967, с. 147—148]. Интересно, что А. М. Кастрен (1860, с. 259, 308) назвал женским головным убором у александровских хантов платок, а у соседних селькупов — меховую шапку. У северных селькупов мужчины и женщины носили платок летом, а зимой меховой капор. У западносибирских татар кроме платков было известно много других видов головных уборов. У южных алтайцев основным головным убором были шапки. Близость хантыйским традициям обнаруживается у северных алтайцев, где женщины носили на голове только платки. У шорцев мужчины повязывали зимой платок под меховую шапку. В восточных регионах Сибири роль платка была меньшей. Для финно- и тюркоязычных народов Поволжья характерно в прошлом разнообразие головных уборов, и платок — лишь один из них, причем в ряде случаев он пришел на смену старинным головным уборам. Регионом, где платки (или прямоугольные куски ткани) были и остаются основным видом женского головного убора, является Средняя Азия [Сухарева О. А., 1954, с. 324]. Но там, в отличие от хантов, широко было распространено сочетание платка или покрывала с другими видами головных уборов; платки имели неодинаковую форму и их повязывали либо накидывали по-разному. В настоящее время платок является символом русских женщин, однако специалисты считают, что у русских он стал общераспространенным (как отдельный головной убор) лишь в конце XIX — начале XX вв. [Лебедева Н. И., Маслова Г. С., 1967, с. 236].

У восточных хантов было единое название платка — головного и шейного — *суминьтых*. Формант *интых* указывает на образование слова по тому же признаку, что названия некоторых тканей у исследуемых групп (нойинтых 'сукно'; рапинтых 'холст'; и др.). На Югане, кроме того, зафиксировано название шейного платка *капрек*, которое лингвисты связывают с названием тряпки в тюркских языках [Paasonen H., 1902, с. 135]. У южных и северных групп был другой термин для обозначения платка — *ахшам, охчам*. Лингвисты считают его заимствованным из зырянского [Steinitz W., 1968, S. 38], что, впрочем, не согласуется с этнографическими фактами.

Восточные ханты носили только 4-угольные платки, а треугольные «татарские» косынки, известные у южных хантов, здесь не встречались. Расцветка платков во многом определялась их ввозом. На старинных фотографиях начала века чаще видны клетчатые платки, а сейчас в моде цветастые. Применяемые сургутскими хантами надставки женских платков полосами ткани и самодельной бахромой (рис. 18, *10*) известны также у северных хантов и манси, которые, по сообщениям авторов XVII—XVIII вв., изготовляли бахрому из крапивных нитей. В южнохантыйском фольклоре часто упоминается бахрома, через которую женщина смотрит на мир. Очевидно, раньше вместо головного убора надевали простой кусок ткани, о чем говорит восточнохантыйское название платка. Прикрепление бахромы свидетельствует о превращении платка в самостоятельный элемент, известный в таком виде у разных групп обских угров. Южные ханты расшивали платки и украшали их бисерными подвесками. Этот обычай у них заимствовала одна из восточнохантыйских групп — салымская.

У исследуемых групп платок перед повязыванием чаще всего складывали по диагонали. Это характерно для западных хантов, а также для манси. Но манера ношения была разной. Среди восточных хантов было наиболее принято завязывание под подбородком или перекрещивание под подбородком и завязывание сзади на шее (рис. 18, *10*). Первым способом завязывали небольшие платки, в том числе у мужчин, а второй применялся женщинами при любых размерах платка; оба способа использовались мужчинами в шейных платках. Это говорит об исконности указанных приемов, утверждению которых в поздний период способствовала манера ношения платка местными русскими женщинами. В большие морозы мужчины и женщины повязывали голову большим платком, перекрещивали его на груди и завязывали сзади. На Васюгане женщины завязывали концы платка сзади, ниже макушки или около уха; узел находился поверх ниспадающего на шею угла или под ним; при этом лоб закрывали до бровей, а у девочек оставляли открытым. В других исследуемых группах последний способ встречался изредка; он отражен также на фотографиях хантов и манси Конды. Локализация способа указывает на возможность его заимство-

вания у тюркоязычных народов. На Васюган он мог проникнуть с Северного Алтая, где применялся женщинами у шорцев, кумандинцев и челканцев, не носивших, в отличие от южных алтаек, шапок. Меньше оснований для предположения о влиянии барабинских татар в связи с поздним проникновением платков к сибирским татарам. Отдельного упоминания заслуживает платок, стягиваемый на затылке пришитыми вязками (рис. 18, *8*). У некоторых групп восточных хантов он использовался для защиты от комаров. Это явно местное изобретение.

Накидывание (без повязывания) на голову большого платка, сложенного по диагонали, у исследуемых групп зафиксировано на Югане и Пиме (рис. 18, *5*). Такой способ типичен для северных обских угров. Границы его распространения весьма широки: Приуралье, Поволжье, Средняя Азия, Закавказье. Предпочтительно он используется в Горном Таджикистане. Здесь же один из способов заключался в повязывании маленького платка поверх большого. Не связано ли с ним характерное для хантов выпускание наверх маленького уголка у платка, накинутого на голову? Можно предполагать, что накидывание платка распространилось у предков обских угров с территорий, лежащих к югу-западу от их современного расселения; причем эта волна явилась определяющей для западных групп, а до восточных хантов дошла не в полной мере и со временем затухла.

У исследуемых групп практиковалось накидывание платка и на плечи, с перекрещиванием на груди и закреплением концов под пояс. Такой прием отражен на фотографиях мужчин у сургутских приобских хантов в начале XX в. и применяется сейчас женщинами с Тромъегана в сочетании с повязанным головным платком. Подобное сочетание платков мы видим на фотографиях хантов и манси Конды, относящихся к началу XX в., но наплечные платки у них не перекрещиваются, а придерживаются у подбородка руками. Сочетание головного и наплечного платков известно у закарпатских венгров. Наплечные платки, перекрещенные на груди и заправленные на талии, являются специфической деталью карельской одежды. Эта манера отражена и в костюмах участников медвежьего праздника у

обских угров, чья одежда имеет явно выраженные южные черты. Так одеты, в частности, исполнители танцев со стрелами. Имеется предположение о связи этих танцев с военными танцами кавказских народов и о том, что это остатки южной, угорской культуры [Жорницкая М. Я., Соколова З. П., 1982, с. 23]. Не исключено, что сюда же относится и анализируемый способ ношения платка.

Как отмечалось, все перечисленные способы основаны на складывании платка по диагонали. Иной является манера ваховцев — как мужчин, так и женщин — носить платок в роспуск: два соседних угла повязываются под подбородком, а два других свисают на спину (рис. 23, *2*); у женщин большие платки свисают до пят. Вероятно, так же носили платок у александровских хантов: «Женский головной убор состоит из длинного, спускающегося до пяток платка, оставляющего шею большей частью обнаженной» [Кастрен А. М., 1860, с. 259]. Сейчас так носят платки (только маленькие) на Вахе. Ношение платка в роспуск отражено на фотографиях с Конды и Сосьвы, но в целом этот способ не был определяющим ни у южных, ни у северных хантов или манси. Небольшой платок, повязанный в роспуск, был универсальным головным убором башкирских женщин, которые носили и длинные покрывала. При фиксации этого способа у некоторых народов, например, в отдельных мордовских селах, авторы указывают на его бытование у поволжских татар. Влиянием последних объясняется его распространение и у западносибирских татар [Томилов Н. А., 1978, с. 183]. Как явствует из литературы, в Поволжье повязывание платка в роспуск было принято не у всех групп татар; устанавливается также позднее появление этого способа у татар-мишарей на смену другим головным уборам. Татарское название головного убора из платка, повязанного в роспуск, *тастар* сближают со среднеазиатским *дастор*, обозначавшим, по-видимому, в прошлом кусок ткани, а позднее — мужскую парадную чалму [Сухарева О. А., 1954, с. 327]. Это дает основания предполагать, что ношение тастара, хотя и является характерной чертой казанских татар, связано с влиянием Средней Азии. При наличии таких данных трудно определить истоки ношения платка в роспуск

у хантов Ваха. Очевидно лишь, что обычай хантов носить платки как покрывала (без повязывания) тяготеет не к Южной Сибири, а к Средней Азии и Кавказу. С этими же регионами связываются головные уборы типа покрывал у башкир [Шитова С. Н., 1971, с. 176], возможно, что здесь кроются истоки, общие для обоих народов. При этом у хантов сохранились наиболее простые и, видимо, древние формы ношения платков-покрывал. У них, в отличие от некоторых других народов из близких регионов, платки почти не использовались в сочетании с другими видами головных уборов и не повязывались сложными способами; об архаичности говорят и одинаковые способы повязывания платков представителями обоих полов.

В определенных ситуациях у восточных хантов использовались налобные повязки: на Югане — женщинами во время похорон (рис. 25, *9*); на Вахе — при первом посещении чужого поселения или во время поездки по озеру у с. Ларьяк. Ваховское название повязки *ойэл* совпадает с названием матерчатой шапки, приносимой в жертву духу у александровских хантов [Steinitz W., 1968, 1, S. 23]. Ритуальное использование этого вида головного убора, как и надевание мужчинами обруча из сарги во время похорон на Югане, может объясняться древностью повязки. Она встречается у многих народов Сибири и других регионов либо в качестве самостоятельного элемента, либо как изначальная форма более сложных головных уборов. У хантов головная повязка в некоторых местах была известна как праздничная. Среди восточных групп последняя встречалась на Салыме и Агане (рис. 25,*10*) и была того же типа, что южнохантыйские повязки, происхождение которых связывается с татарской одеждой [Прыткова Н. Ф., 1953, с. 229].

Капоры и шапки восточные ханты носили только зимой, причем у женщин эти головные уборы были скорее исключением, чем правилом. В настоящее время они лучше сохранились среди сургутских групп. Восточнохантыйское название *мил* является и общехантыйским. Наибольшее распространение капор получил на Вахе, Югане, Агане, Пиме. Капор I типа (рис. 18, 7) носили только женщины верховьев Агана, а за пределами исследуемой территории—женщины у обдорских и верх-

нсказымских хантов, где он считается ненецким заимствованием [Прыткова Н. Ф., 1961б, с. 330] Таков же путь его появления на Агане, в зоне совместного проживания хантов и ненцев. Капор II типа, описанный у сургутских хантов (рис. 23, *4*), зафиксирован также на Вахе, где в прошлом его носили мужчины, а сейчас только дети. Согласно классификации Н. Ф. Прытковой, он относится ко II типу капоров народов Сибири. Его носили женщины и мужчины у северных манси, кетов, долганов, авамских эвенков, северных якутов и юкагиров; кроме того, женщины — у нганасан и энцев, а мужчины — у баишенских и, судя по внешним описаниям, у нарымских селькупов. Е. А. Алексеенко (1967, с. 148) склонна связывать капор этого типа с западными эвенками. Возможно и другое предположение.

Как установлено, капор — основной головной убор эвенков и известен у них в пяти типах [Прыткова Н. Ф., 1961б, с. 336]. Капоры анализируемого типа, состоящие из основной части, прикрывающей почти всю голову, и полукруглой затылочной вставки, носили только авамские эвенки, живущие в северной зоне распространения этого головного убора у других народов. У кетов он был известен в курейской группе, примыкающей к этой же зоне. У долганов одно из названий такого капора означало «юрацкая шапка». У северных якутов он не относился ни к наиболее старинным, ни к наиболее распространенным головным уборам, а назван в числе бытующих наряду с капором другого типа. У югагиров капор II типа встречался у западных групп на Индигирке. Приведенные данные говорят о распространении этого головного убора в зоне этнических контактов с северными самодийцами. Не исключено, что от последних капор анализируемого типа был заимствован эвенками, а от них — кетами. Хорошо известен он и на противоположных концах обско-угорской территории: у восточных хантов и северных манси.

Среди восьми типов капоров, выделенных Н. Ф. Прытковой у сибирских народов, особенно близки друг другу I и II. Основное различие покроя сводится к тому, что в I типе задняя часть состоит из двух вставок (нижняя отлегает на шею), а у II — из одной. Вполне вероятно, что оба типа имеют общий прототип, созданный уральским населением. Формирование на его основе I типа

капора связано с самодийской средой. Свисающую на шею часть можно связать с традицией тувинцев-тоджинцев, которые шили шапки свисающими сзади на шею. Кстати, материалом у них служили шкуры с голов сохатых и диких коз, что частично сохранилось в оформлении вставок у ненецкого капора. Длинные подвески сзади хорошо известны в тувинских, монгольских и бурятских головных уборах, откуда и могли быть принесены предками ненцев. На севере они являются характерной чертой женских шапок у канинских ненцев.

Капор II типа приобрел у разных народов уральской общности свои особенности. Обско-угорскими чертами являются длинные ременные завязки с низками крупных бус и кисточками на концах либо длинные «уши» из меха, украшение их или основной части капора меховой мозаикой[39]. Восточные ханты в выборе материала следовали местным традициям, используя сборный мех. У северных хантов капор этого типа мог исчезнуть под влиянием разных факторов. Во-первых, у них мужчины в последние века носили глухую одежду с капюшоном (у восточных — распашную + головной убор). Во-вторых, более сильным, чем у восточных хантов, у них было влияние ненцев, благодаря чему обско-угорский капор был вытеснен самодийским.

Некоторые виды мужских головных уборов были известны на изучаемой территории только по берегам Оби и ее левых притоков — Васюгана и Салыма. Здесь носили шапки с околышем из меха и круглой тульей из

---

[39] Трудно согласиться с этнической привязкой головного убора из Еловского могильника, которую дает В. А. Посредников (1975, с. 22—24, рис. 1). Во-первых, имеются расхождения между рисунком и описанием. В описании указано, что трубки-пронизки и бусы найдены под левой стороной челюсти и под правой плечевой костью. В реконструкции же на рисунке они изображены не только по бокам, но и сзади. В. А. Посредников определяет головной убор как капор, что вполне вероятно. Нужно заметить однако, что в западносибирских капорах подвески прикрепляются либо по бокам — справа и слева, либо сзади. Первый вариант — подвески из крупных бус (а ранее возможно пронизок) на концах ременных вязок, т. е. по бокам,— характерен для восточнохантыйских капоров. Подвески сзади являются признаком ненецкого капора. В еловском головном уборе более выражено расположение подвесок по бокам. О связи с хантыйским, а не ненецким капором говорит и топография других украшений. Ханты располагают их по линии от одного уха к другому; именно так они изображены в реконструкции; у ненецких же капоров обычно орнаментируется задняя часть.

ткани — плоской или в виде уплощенного конуса (рис. 23, *3*). Такие же шапки видны на фотографиях хантов и манси Конды. Видимо, подобный головной убор назван у селькупов «кубанкой» [Пелих Г. И., 1972, с. 44]. Он известен в Южной Сибири у гуннов, а в XIX—XX вв. — у хакасов и тофаларов; можно предполагать его распространение с этих территорий к южным границам хантов и селькупов. Оттуда же могла проникать мягкая холщовая шапка с круглой тульей, собранной на макушке под нашитым кружком из холста. Васюганцы и салымцы надевали ее на промыслы, первые сохраняют ее до настоящего времени. Этот головной убор носили нарымские селькупы, шорцы, челканцы, кумандинцы, южные алтайцы, тофалары, тобольские татары.

На фотографиях с Васюгана изображены мальчики в шлемовидных головных уборах с козырьком, очевидно, сшитых мехом внутрь. Высокие остроконечные шапки у мужчин со свешивающимися на уши лопастями отметил у александровских хантов А. М. Кастрен. Из-за отсутствия точных сведений о покрое их анализ затруднен, но, очевидно, истоки нужно искать в южном направлении. Еще один головной убор, отраженный на фотографии начала XX в. у хантов Томской области, — это высокая конусовидная шапка, сшитая мехом внутрь. Конусовидный головной убор казымских хантов имеется на известных шторках Н. Шахова. В комментариях В. Н. Чернецова (1949, с. 27) отмечается малая правдоподобность этой детали, так как остроконечные головные уборы известны только в качестве культовых. Однако приведенные данные, а также изображение чусовского манси в остроконечном колпаке у И. Идеса не позволяют отказаться полностью от предположения о бытовом назначении таких головных уборов в прошлом. Отсутствие данных о покрое затрудняет решение вопроса, но можно отметить, что остроконечные головные уборы проникали к обским уграм с юга; в частности, васюганская шапка внешне очень похожа на зимнюю шапку теленгитов. Высокий и отроконечный головной убор мужчин А. М. Кастрен отмечал у томских самоедов (селькупов).

Необычными для исследуемой территории выглядят войлочные шапки с широкими, отогнутыми вверх полями на фотографиях васюганских хантов начала XX в.

Они не могли быть самодельными, но лишь привезенными, и ближайшим источником, возможно, были телеуты[40]. По внешнему виду эти шапки напоминают головные уборы на каменном изваянии у Шонх-Тавын-Тологой в МНР, одежда на котором считается аналогичной киданьской [Викторова Л. Л., 1980, с. 37; рис. 3].

Заканчивая вопрос о путях сложения традиционных головных уборов у хантов, уместно привести мнение Л. П. Сычева и В. Л. Сычева: «Суровый климат севера и образ жизни кочевника, проводившего большую часть жизни в седле, на мчащемся навстречу ветру коне, требовали шапки, прочно сшитой и надежно сидящей на голове... Другое дело земледельческий юг... Там основным головным убором в народе служил кусок ткани в виде полотенца или платка...» (1975, с. 55). Местные западносибирские условия могли способствовать внедрению как шапки, так и платка. Значение последнего было функционально обусловленным: он защищал летом от гнуса. Однако от холода он защищал меньше, чем шапка, и использование платка как зимнего головного убора можно объяснить иными, не экологическими факторами.

В настоящее время у восточных хантов повсеместно внедряются головные уборы русского происхождения или стандартных образцов (рис. 23, *8*, *12*). Уже в конце XIX — начале XX вв. мужчины носили картуз и в меньшей степени шапку-ушанку, а сейчас последняя встречается чаще. Там, где традиции почти утрачены, можно встретить головные уборы индивидуального пользования, придуманные или сделанные в подражание кому-либо. Так, один надевает на охоту остроконечный башлык, другой защищает голову от комаров в уборе по типу пчеловодного и т. д.

Налобники и нашейники в виде снизки беличьих хвостов в прошлом использовались у разных групп восточных хантов (рис. 23, *14*). Отмечены они также у южных и нижнеобских групп. Юганско-аганское название изделия (*т*) *ланге пулык* объясняется местными диалектами: *ланге* 'белка', *тулык* 'хвост летучей белки'.

---

[40] В чертах лица мужчин на этой фотографии монголоидность выражена намного сильнее, чем это наблюдается в целом у восточных хантов (по впечатлениям автора). Не имеем ли мы здесь наглядное свидетельство о переселенцах с юга?

Ему близко нижнеобское обозначение *тулух*. На Салыме он называется так же, как у южных хантов, *танке-дур* 'белка-горло'. Налобники или нашейники из хвостов пушных зверей, более всего белки, известны у разных народов Сибири. Подборку этих сведений сделала Е. А. Алексеенко (1967, с. 149), которая вслед за Ю. А. Шибаевой считает нашейник деталью таежно-охотничьего костюма. В цитируемой работе развивается мысль о связи северосибирского нашейника с нашейником или особым воротником из камусов либо шкур, используемым при зимней охоте у степных народов. Подтверждением этому служат восточнохантыйские материалы.Так, на Югане до настоящего времени сохраняются съемные воротники из разных материалов, в том числе из камусов. Более широко было распространено изготовление воротников из хвостов пушных зверей, располагаемых так же, как в нашейнике. Очевидно, с продвижением на север родилась идея использования нашейника для защиты глаз от слепящего снега. Исчезновение этого элемента культуры Л. Р. Шульц (1924, с. 178) объясняет тем, что скупщики пушнины перестали брать белку без хвоста.

У сургутских хантов средством защиты глаз была самодельная полумаска (рис. 20, *8*), которая у васюганско-ваховских групп не зафиксирована. Она известна у хантов Казыма. Очки, защищающие от яркого света, носили и другие народы Сибири, например долганы.

Общим для всех групп восточных хантов (кроме салымской) является более слабое, по сравнению с южными и северными хантами, распространение съемных украшений. Их объединяют также одинаковые прически у женщин и девушек — волосы, заплетенные в две косы или распущенные. У мужчин были определенные стрижки. Исследуемые группы четко отделяются от остальных обских угров тем, что косы у женщин были не обязательны, а у мужчин их не было совсем. Ложных кос здесь не носили, более простым было украшение женских кос. Из известных нам данных следует, что косы были обязательны для девушек и женщин у западных хантов и манси; у девочек они могли быть незаплетенными. Это отражено в сводке женских причесок у обских угров [Kodolanyi J., jr., 1969, S. 122—125].

Характер источников по восточным хантам позволяет уверенно считать, что здесь традиция допускала ношение волос как распущенными, так и заплетенными. Традиционность незаплетания волос подтверждается отсутствием кос у мужчин, особенно если учесть, что у народов, живущих в этноконтактной зоне с восточными хантами, мужчины носили косы. Следует, впрочем, заметить, что хотя у северных хантов и манси известны мужские косы, там они не были общеприняты и обязательны: на иллюстрациях XIX—XX вв., отражающих традиционный быт, мужчины часто не имеют кос. В. Ф. Зуев (1947, с. 27—28) подчеркивает, что у остяков женщины заплетают косы, а у мужчин волосы «сами по косам сваливаются и на голове лежат, как крепкий войлошной парик». У самоедов же мужчины «головы хотя не чешут и хотя она также свалялась войлоком, но убрана на разные косы, кои до смерти не развиваются». Подобие косичек у мужчин наблюдалось на Вахе, и ханты рассказывали, что количество косичек якобы предвещает число будущих детей. Существование подобных примет также говорит о традиционности бескосных причесок, которые отражают более раннюю, по сравнению с косами, стадию, хорошо сохранившуюся у восточных хантов. Появление таких косичек могло быть импульсом для возникновения кос как специальной прически. Вторичность кос по отношению к распущенным волосам убедительно показала О. А. Сухарева (1954) на примере среднеазиатских причесок; такое же мнение высказано и относительно русских [Лебедева Н. И., Маслова Г. С., 1967, с. 226].

У восточных хантов нередко можно наблюдать отсутствие какой-либо специальной стрижки. Функциональное, а не эстетическое значение имеет выстригание волос на затылке — для охлаждения головы. Быть может, когда-то от него перешли к укорачиванию волос по всей голове. В XX в. среди исследуемых групп были известны разнообразные стрижки (рис. 25, *1—4*). У мужчин и детей волосы подстригались вкруговую на уровне шеи, а на лбу — в виде челки «наподобие русских крестьян», считает М. Б. Шатилов (1931, с. 71). Возможно, он прав. Другие виды стрижек ваховцев он уподобляет прическам богатырей времен героического эпоса: выстригали переднюю часть головы и оставляли

длинные волосы на макушке либо подстригали кругом снизу вверх и оставляли более или менее длинные волосы в верхней части головы. Последний способ сейчас иногда встречается в сургутских группах у мужчин, но чаще у детей обоего пола. Пережитком такой стрижки является длинная прядь на макушке («на счастье»). Стрижка в кружок с густыми волосами на макушке отмечена В. Ф. Зуевым у нижнеобских хантов. У ненцев, селькупов, южных алтайцев тоже упоминается стрижка «в кружок», но не ясно, было это подражанием русским или национальной прической. С. К. Патканов (1891, с. 24) отмечает, что в южнохантыйском эпосе воинов и сватов называли «со стриженой головой», «со стриженым лбом», «косатый», и говорит о сходстве с древними мадьярами, которые брили головы и носили три косички. О трехкосии у хантов сведений нет, но сравнение небезосновательно. В этой связи интересны данные о пучке волос на бритой голове у юношей-лезгин и мальчиков-ногайцев; у последних предполагается древний характер традиции, уводящей к предкам ногайцев — кипчакам [Гаджиева С. Ш., 1976, с. 115]. Если высокая стрижка в кружок уходит своими корнями в указанном направлении, то стрижка одного лишь лба имеет аналоги в другом регионе. Выбривание до половины головы с заплетанием косы практиковалось у мужчин-бурят в восточных аймаках. Как известно, такую мужскую прическу насильственно ввели маньчжуры в Китае после вторжения в середине XVII в. Таким образом, отмеченное С. К. Патканов сходство причесок не ограничивается лишь хантами и древними мадьярами, а имеет более широкий ареал. Очевидно, что у хантов удаление волос в передней части или вкруговую по голове, кроме макушки, вынесено с южных территорий.

Название «коса» было общим у разных групп хантов — *сев*. Как отмечено выше, на исследуемой территории по две косы носили только представительницы женского пола, независимо от возраста. У манси и северных хантов было в основном так же. Но есть сведения и о различиях в числе кос: у девушек — много, у женщин — две. Подобное же известно у народов Южной Сибири (буряты, южные алтайцы, кумандинцы, хакасы), Средней Азии и у монголов. Откуда бы ни шли к предкам обских угров этнокультурные импульсы этого рода,

на восточных хантов они не повлияли. Равное количество кос — две у женщин и девушек — присуще, кроме обских угров, ненцам, западносибирским татарам, известно оно и за пределами сибирского региона. О происхождении двукосия у хантов судить трудно, и отметим лишь, что у них не было принято нечетное количество кос — одна или три. Такое число кос характерно для тюркских народов Южной Сибири и сопредельных территорий; оно зафиксировано на каменных изваяниях VII—IV вв. и в хуннских курганах (Ноин-ула) на рубеже н. э. Манера заплетания у висков или на затылке выше ушей является общей для обских угров, так же как и ношение кос выпущенными на спину. Сравнение по первому признаку не может быть проведено из-за отсутствия достаточных сведений, а второй известен слишком широко, и его тоже трудно использовать для выявления этнокультурных связей. Широко распространено и принятое у обских угров соединение кос на концах.

Как отмечалось, ложные косы не характерны для сургутских хантов, и у васюганско-ваховских групп о них имеется лишь одиночное упоминание. Ложные косы хорошо известны у западных хантов и ямальских ненцев. Волосяные приплетки к косам делали шорцы, а искусственные косы из конского волоса найдены в Пазырыкских курганах. Это явление известно и за пределами Сибири; например, приплетание кудели или шерсти практиковалось у мордвы, а искусственные косы — устойчивая традиция в Горном Таджикистане. Возможно, что обычай ношения ложных кос зародился на юге и оттуда шло его распространение в Сибирь и Поволжье. Восточных хантов эта волна практически не затронула, и можно предполагать лишь отдельные ее проявления на исследуемой территории.

Типичным для восточных хантов украшением кос были косоплетки (рис. 25, *8*). Повсеместно их изготовляли из бечевок или веревочек, обычно с тремя-пятью снизками бус, заканчивающихся металлическими жетонами. На Васюгане, кроме того, популярны были полоски ткани, расшитые бисером, или ленты нанизанного бисера с бисерными кистями на концах. Косоплетки вплетались в каждую косу по отдельности, косы соединялись веревочкой или снизкой бисера, бус. Косоплетки были характерны также для южных хантов,

где их нанизывали из бисера в виде широких полос со сложным рисунком и на конце прикрепляли шерстяные кисточки. Среди восточных групп подобные косоплетки известны на Салыме, куда они занесены от южных хантов. Поиск аналогий показал, что при широком распространении косников, как таковых, у тюркоязычных народов они чаще оканчивались звенящими подвесками (монетами, раковинами и т. п.), а у хантов, юго-восточных башкир и таджиков — кистями из нитей или бисера (бус). Последний тип косников считается принесенным в Приуралье и Поволжье из Сибири [Шитова С. Н., 1976, с. 57]. У некоторых народов, в том числе и у восточных хантов, встречаются оба приема оформления косоплеток, т. е. сочетаются разные этнические традиции.

Косоплетки отражают стремление украсить концы кос. Другая идея заложена в украшении межкосного пространства. У исследуемых групп она не получила широкого распространения. Здесь лишь эпизодически встречалось теменное украшение из полоски ткани, расшитой бисером, или двух украшенных кусочков ткани. На Васюгане подвески из полосок ткани с ажурными металлическими бляшками на концах располагались между косами ниже шеи. Теменное украшение из куска кожи, обтянутого тканью и украшенного, было типичным для северных обских угров и ненцев. С. Н. Шитова (1976, с. 58) отмечает, что подобные украшения встречались в Поволжье, у юго-восточных башкир, хакасов, в Туве. Она считает его древним элементом культуры в Сибири и устанавливает наиболее близкие формы северохантыйских и башкирских украшений.

Украшением волос, очевидно, служили гребни. Этнографическими данными о них мы не располагаем, но в сказках васюганцев гребни упоминаются в качестве жертвоприношения. Найденный в Нарымском Приобье и относящийся к рубежу эр костяной гребень определен Л. А. Чиндиной (1981, с. 144—145) как близкий аналог усть-полуйским гребням. Последние указываются в числе предметов, говорящих об общих чертах в древних культурах народов Западной Сибири и Северной Америки [Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1974, с. 292].

Среди съемных украшений восточных хантов наиболее простым было ношение бус или снизок бисера, иногда с подвеской или крестом (рис. 16, *3*). Менее известны сложные украшения, среди которых выделяются два типа с вариантами. 1-й вариант I типа бытовал у васюганско-ваховских групп. Это полукруглый или луновидный кусок ткани или ровдуги с рядами бисера или пуговиц, расположение которых подчеркивает форму основы. От нижнего края отходит ажурная сетка из снизок бисера с крупными бусами в местах перекрещивания. Украшение располагалось только на груди и соединялось на шее завязками. Подобное украшение, но без бисерной сетки по нижнему краю, является типичным для хакасов-качинцев. У них этот элемент одежды сходен с якутским и, кроме того, указывает «на давнюю культурную связь древних качинцев с башкирами, которая возникла еще в те времена, когда древние качинцы жили на Тоболе» [Дьяконова В. П., Клюева Н. И., 1980, с. 82]. Очевидно, с этой же территории оно попало к васюганским хантам и получило здесь дальнейшее развитие. У сургутских хантов отмечен другой вариант украшения этого типа (рис. 17, *3*). Оно целиком изготовлялось из бисера и располагалось вкруговую ниже шеи. Подобное украшение известно на Казыме. Вероятно, оно развилось из васюганско-ваховского варианта: от нашивания рядов пуговиц или бисера на основу к нанизыванию бисера ажурной сеткой. Такой переход от старых к новым формам обнаруживается в подобных же украшениях, например, у мордвы-мокши. Полукруглые сетки из бисера, облегающие шею, существовали у северных манси.

Украшение II типа — полоса ткани с узором из бисера и бисерными лопастями на концах (рис. 16, *7*) — у восточных хантов зафиксировано лишь на Салыме. Ему близки васюганские украшения в виде сплошной полосы ткани с узором из бисера и перемычкой на нижнем конце. Локализация этих изделий позволяет считать их не типичными для восточных хантов, а заимствованными у южных групп народа. Они известны также у манси и северных хантов: сходные формы существовали у народов Поволжья и Средней Азии. Женщины на Васюгане носили поверх платья еще какое-то украшение в виде полосы с нашитыми пуговицами и бляшками, проходя-

щей по верхней части груди наискость от левого плеча под правую руку (известно по фотграфиям). По внешнему виду и расположению оно напоминает женскую перевязь, характерную для многих народов Поволжья. Вопрос о путях появления такого украшения на Васюгане требует выяснения.

Имеющиеся сведения о восточнохантыйских серьгах трудно привлекать для сравнительного анализа. Можно отметить лишь склонность к самодельным серьгам из нитей бисера и соединение их бисерной снизкой под шеей — прием, известный у северных групп народа. Многие авторы отмечали пристрастие хантов и манси к кольцам из белых металлов, которые носили по несколько штук на пальцах. Это в полной мере относится и к исследуемым группам. Популярность белого металла или сплавов, возможно, связана у обских угров с культовой ролью серебра, знакомство с которым объясняется приходом на север угров-коневодов [Чернецов В. Н., 1947, с. 125]. Привлекает внимание и еще одна далекая параллель: ношение колец было обязательным, а рука без кольца считалась «нечистой» у таджичек, которые носили на одном пальце по несколько колец.

Восточные ханты меньше, чем другие группы обских угров, увлекались татуировкой, которая наиболее развита была у северных хантов и манси. Такое суждение можно высказать на основе литературных данных, обобщенных А. Каннисто [Kannisto A., 1933, S. 159—185]. К. Ф. Карьялайнен, специально интересовавшийся этим вопросом, приводит лишь одно изображение с восточнохантыйской территории. Техника татуировки была единой у обских угров: кололи иглой, затем втирали сажу или порох[41]. Имеются сведения о разном назначении

---

[41] В этой связи А. Каннисто указывает на использование сажи в качестве кровоостанавливающего средства у финнов и кольских саамов. Он не видит оснований связывать происхождение татуировки обских угров с татуировкой других народов Сибири. Однако этот вопрос нельзя считать закрытым, учитывая современные представления о древних контактах и общих чертах в культуре населения Западной и Восточной Сибири. Очевидно, А. Каннисто прав в отношении тунгусов, которые применяли иную технику татуирования, но у народов Северо-Востока Сибири была известна та же техника, что и у обских угров. Важным является также факт отсутствия татуировки у других народов финно-угорской языковой семьи.

у них татуировки: в качестве тамги, в медицинских целях, в связи с «мистикой» и для украшения. В цитируемой статье А. Каннисто убедительно показал, что первоначально татуировка выполнялась в виде простых линий и ее целью было излечивание. Он допускает возможность местного происхождения первоначальных форм татуировки у обских угров и предполагает, что развитие от простых линий к более сложным фигурам происходило в обско-угорской среде после расселения северных хантов и манси на их современных территориях [Kannisto A., 1933, S. 178—179]. Можно предполагать, что татуировка у восточных хантов не была исконной чертой их культуры.

***

К настоящему времени изучена одежда разных групп хантов, и это дает возможность наряду с общехантыйскими чертами выявить особенности восточных групп. Наглядной иллюстрацией локальных различий, например, в мужской одежде, могут служить фотоснимки А. А. Дунина-Горкавича (1904). На одном из них изображены мужчины с р. Вах — все в колегах; на другом — жители Сургутского Приобья — все в распашной одежде из ткани с меховой подкладкой, на третьем — казымцы в глухой одежде из оленьих шкур. Интересные наблюдения об особенностях национальной одежды на двух соседних притоках Оби — Пиме (восточные ханты) и Лямине (северные ханты, переселенцы с р. Казым) сделаны современной хантыйской женщиной: «Хантов Лямина и Пима можно различить по одежде, по произношению и по лицу. На Пиме женские зимние саки шьют из сукна и украшают полосами бисера; на Лямине они шьются двойными из оленьих шкур и украшаются узорами тоже из оленьих шкур. Осенью и весной женщины на Лямине (в отличие от Пима. — *Н. Л.*) носят старые шубы из оленьих шкур, на которых почти не сохранилось ворса, а летом — халаты из ткани, застегивающиеся на пуговицы, которые украшают полосами из бисера, но иначе, чем на Пиме. Женские пояса, как на Пиме, на Лямине не носят. На Лямине женщины носят много украшений из бисера, а на Пиме их почти нет. Мужчины на Пиме носят осенью и зимой короткую распашную одежду и шапку, а на Ля-

мине шапок у мужчин нет. Осенью они носят старые вытершиеся малицы из оленьих шкур, а зимой малицы и кумыши. Ляминские женщины меньше закрывают лицо, чем пимские. На Лямине женщины волос не заплетают, а разделяют на два ряда на прямой пробор, складывают в несколько раз каждую сторону и перевивают лентами. На Лямине носят ложные косы из бисера и лент»[42].

В целом сравнение восточнохантыйской одежды с южно- и северохантыйской, а также мансийской позволяет выделить следующие особенности у исследуемых групп. Сюда отнесены как общие признаки, характеризующие одежду всех (или большинства) групп, так и локальные, известные у одной-двух групп; последние помечены звездочкой*.

I. 1. *а* — большая вариабельность в наборе материалов для одежды и в сочетании их; *б* — широкое использование птичьих шкур; *в* — значительная роль меха, простеганного тканью; *г* — предпочтение цветастым тканям (по сравнению с северными хантами).

I. 2. Разнообразие типов нательной поясной одежды.

I. 3. Натазники 1-го варианта*.

I. 4. Малая известность рубах и распашной одежды с входящими рукавами.

I. 5. *а* — преобладание распашной формы одежды; *б* — меховая подкладка распашной одежды как самостоятельный элемент.

I. 6. Виды распашной одежды: *а* — лёпы чоп; *б* — колег.

I. 7. Несовпадение покроев нательной рубахи и верха распашной одежды по признаку плечевого шва.

I. 8. Преобладание покроя с плечевыми и боковыми швами в верхней одежде — распашной и глухой.

I.9. Способ расширения стана одежды — клин от плеча.

I.10. *а* — запахивание одежды налево; *б* — связанное с этим различие в украшении левой и правой пол.

I.11. Отсутствие парки.

I.12. *а* — разнообразие типов поясов; *б* — более ус-

---

[42] Записано нами в 1973 г. на р. Пим от Вандымовой Ф. Д., 23 лет, образование среднее специальное, место рождения р. Лямин, время переселения на р. Пим — 1972 г.

тойчивая по сравнению с северными хантами традиция подпоясывания верхней одежды у женщин.

I.13. *а* — тканые опояски без кольца; *б* — длинные матерчатые пояса в качестве бытовых; *в* — обшивка последних кантом.

I.14. *а* — разнообразие типов обуви, внутри- и межтиповая их вариабельность, *б* — преобладающая роль башмаковидной обуви.

I.15. *а* — прямой или малоскошенный срез голенища обуви; *б* — направление ворса на подошве назад.

I.16. Шнуровка без перекрещивания у поршневидной обуви.

I.17. В башмаковидной обуви: *а* — форма подошвы — полуовальная у пятки и прямоугольная у носка; *б* — подтип с высокой головкой; *в* — усложненное комбинирование голенища в подтипе с низкой головкой.

I.18. Короткая унтовидная обувь*.

I.19. Подтяжки для прикрепления обуви.

I.20. Платок-накомарник*.

I.21. *а* — капор как основной вид головного убора у мужчин; *б* — мягкая холщовая шапка*; *в* — шлемовидная шапка*; *г* — войлочная шапка*.

I.22. *а* — необязательность кос у представительниц женского пола и число кос — только две; *б* — отсутствие кос у мужчин; *в* — отсутствие ложных кос.

I.23. Менее развитые формы украшений: *а* — в одежде, обуви и головных уборах; *б* — в съемных элементах.

I.24. В материалах и технике орнаментации: *а* — нехарактерность мозаичного орнамента из меха; *б* — простота узоров в аппликациях из ткани; *в* — большая роль бисера (по сравнению с северными хантами) в настоящее время.

I.25. В украшении одежды: *а* — парах лавас на кафтане*; *б* — орнаментация всей поверхности обуви с низкой головкой и голенищем*; *в* — нашивание полосы нанизанного бисера на короткие матерчатые пояса; *г* — разнообразие подвесок к женским поясам.

I.26. В съемных украшениях: *а* — полукруглое нагрудное украшение с завязками*; *б* — перевязь с левого плеча под правую руку*.

I.27. Слабое развитие татуировки.

Перечисленные признаки можно считать восточно-хантыйскими, если иметь в виду их противопоставление

южно- и северохантыйским, но далеко не все из них являются таковыми по происхождению. К числу признаков, сложившихся, очевидно, в восточнохантыйской среде, на исторически известной территории исследуемых групп, можно отнести следующие: I.1. *а*; I.1. *б*; I.2; I.3; I.5. *б*; I.6. *б* (если имелись швы на плечах и в боках); I.7; I.8; I.13. *а*; I.13. *б*; I.14. *а*; I.14. *б*; I.16; I.17. *а*; I.17. *в*; I.19; I.20; I.25. *б*; I.25. *в*; I.27.

В одежде восточных хантов присутствуют следующие черты общехантыйского происхождения.

II.1. *а* — одежда из рыбьих кож; *б* — одежда из крапивного холста.

II.2. Пояс-повязка.

II.3. Штаны I типа.

II.4. Большой отложной прямоугольный воротник со свисающими на грудь лопастями.

II.5. Развитие туникообразной рубахи I типа в платье с кокеткой, оборкой и маленьким отложным воротником.

II.6. *а* — распашная одежда с боковыми и плечевыми швами, прямой проймой и большим отложным воротником; *б* — малица и навершница с боковыми и плечевыми швами.

II.7. В двойных шубах из оленьих шкур украшение мозаичными полосами, их топография, темная отделка подола и пол.

II.8. Тканые опояски и бисерные подвески на их концах.

II.9. Короткие пояса из сукна и украшение их бисером.

II.10. *а* — украшение всей поверхности поршневидной обуви; *б* — украшение всей поверхности низкой головки у башмаковидной обуви.

II.11. Участие в создании унтовидной обуви.

II.12. Прием закрывания лица платком в обычае избегания.

II.13. *а* — платок как универсальный головной убор; *б* — украшение платка надставными полосами и бахромой; *в* — накидывание на голову платка, сложенного по диагонали маленьким углом наверх.

II.14. Длинные меховые вязки или меховые уши у капора.

II.15. Татуировка.

Некоторые из названных признаков отражают в культуре восточных групп не только общехантыйские, но и обско-угорские черты. Это признаки II.1. *б*; II.2; II.7; II.8; II.10. *а*; II.12; II.13. *а, б*; II.14; II.15. Можно предполагать, что некоторые черты имеют в качестве первоосновы элементы или признаки, привнесенные в культуру обских угров либо древнейшим местным населением, либо волнами разноэтнических пришельцев. Однако их формирование в том виде, как они зафиксированы этнографическими источниками, правомерно связывать именно с хантыйской или обско-угорской средой. Признак 11.4 имеет угорское либо финно-угорское происхождение.

3. Утварь*

Сравнительно-исторический анализ позволяет сделать немало интересных выводов по формированию и развитию утвари у восточных хантов. Характерная чер-

---

* При анализе утвари использованы фактические данные из следующих работ: Алексеенко Е. А. (1967, 1970); Антропова В. В. (1971); Белобородова К. П. (1975); Бикбулатов Н. В. и др. (1976); Борозна Н. Г. (1966); Вайнштейн С. И. (1961, 1972); Валеев Ф. Т. (1980); Вяткина К. В. (1969); Гемуев И. Н. (1980); Гревенс И. Н. (1960); Грибова Л. С. (1980); Динес Е. И. (1963); Ершов Н. Н. (1970); Жеребцов Л. Н. (1978); Иванов С. В. (1970); Каталог... (1979); Коновалов А. В. (1979); Косвен М. О. (1962); Кочешков Н. В. (1979); Крюкова Т. А. (1956); Кулемзин В. М., Лукина Н. В. (1977); Лукина Н. В. (1979а); Махова Е. И. (1968); Мошинская В. И. (1976); Мурашко О. А., Эренбург Р. Б. (1977); Мухаметшин Ю. Г. (1977); Народы Сибири (1956); Пелих Г. И. (1972); Попов А. А. (1955, 1958); Руденко С. И. (1930, 1955); Сирелиус У. Т. (1907); Соколова З. П. (1972); Старкова Н. К. (1976); Старцев Г. А. (1930); Стеблин-Каменский И. М. (1975); Терешкин Н. И.(1981); Томилов Н. А. (1980, 1981); Тощакова Е. М. (1976); Финш О., Брэм А. (1982); Фирнштейн Л. А. (1972); Хамидьжанова М. А. (1974); Хомич Л. В. (1966, 1976); Хороших П. П., Гемуев И. Н. (1980); Чернецов В. Н. (1948); Шатилов М. Б. (1927, 1931; Широкова З. А. (1973); Шитова С. Н. (1979а, б); Ahlquist (1883); Bakzo-Nagy M. Sr. (1979); Manninen I. (1929); Paasonen H. (1902); Patkanov S. (1902); Rudenko S. I. (1972); Sirelius U. T. (1903, 1904); Vahter T. (1953).

Кроме того, частично привлекались архивные материалы В. Н. Чернецова; описание казахской ступки и табакерки предоставлено в распоряжение автора Н. А. Томиловым; некоторые сведения получены в устных сообщениях от П. Е. Бардиной, Г. И. Грачевой, Е. Г. Федоровой, Л. В. Хомич, Э. Саара.

та утвари всех групп хантов и манси, проживающих в таежной зоне, — обилие вместилищ из бересты; в меньшей мере это присуще соседям хантов — селькупам и кетам. У ненцев же берестяная посуда мало известна. Есть еще один регион, где основным материалом для изготовления вместилищ была береста, — это Дальний Восток. На юге Западной и Восточной Сибири наиболее распространены вместилища из таких естественных материалов, как кожа и дерево.

Можно ли выявить корни хантыйских традиций, связанных с использованием берестяной посуды при столь широком распространении этого явления? На этот вопрос пытался ответить в начале века венгерский исследователь В. Шемайер: «Коробки из коры, вернее, из бересты являются, очевидно, северным достижением вогулов и остяков» [Semayer W., 1908. S. 44]. Но здесь же он признавал, что не может считать их культурным своеобразием указанных народов, так как сосуды употребляются везде, где есть береста. Впрочем, одно «национальное свойство» остяко-вогульской посуды, связанное с орнаментацией, он все-таки выделил.

Следует конкретизировать такие формулировки, как «большая роль изделий из бересты» или «широкое распространение», применяемое в литературе по отношению к разным народам Сибири. Выявленное у восточных хантов видовое разнообразие вместилищ из бересты не наблюдается в такой мере ни у самодийских и тюркоязычных народов, ни у кетов. Наглядную картину разработанности и дифференцированности берестяных изделий рисует на примере хантов р. Вах Дмитриев-Садовников (1916).

Из числа известных у хантов сосудов самым универсальным для Сибири является плоскодонный, берестяной, подпрямоугольный в плане, с низкими стенками, предназначенный для хранения, главным образом, жидких продуктов (рис. 26, *1*). Такой сосуд известен и за пределами Сибири — в Поволжье, на севере европейской части СССР и т. д. Широкое его распространение обусловлено простотой изготовления: у четырехугольного куска бересты загибают и скрепляют углы. Приемы скрепления, вид скрепляющих материалов, дополнительные детали функционального или нефункционального характера, художественное оформление — по этим при-

знакам ведется поиск аналогий берестяным сосудам исследуемых групп хантов.

Почти полное совпадение, включая и общее название *согон, савун,* наблюдается в сосудах васюганско-ваховских и сургутских хантов. Единообразие картины дополняется наличием одних и тех же вариантов по всей территории исследуемых групп. Локальные особенности немногочисленны: у васюганцев применение костяной пластинки в перевязывании бечевок поверх крышки сосуда, у юганцев использование берестяного сосуда под передвижной очаг. Более четко различие сургутских и васюганско-ваховских сосудов проявляется в степени их орнаментации: у первых редко встречается выскабливание узоров на дне и внутренних стенках, весьма характерное для вторых.

Нет достаточных данных для сравнения подпрямоугольных берестяных сосудов других групп хантов и манси. Однако просмотр музейных коллекций и иллюстративного материала позволил выявить признак в сосудах северных хантов и северных манси, объединяющих их с восточнохантыйскими. Имеется в виду способ крепления кромки бортов наложением гибкой планки и обшиванием через верх саргой или расщепленным корнем кедра. Этот же прием характерен для сосудов нарымских селькупов и использовался с применением лыка у тувинцев-тоджинцев. Более грубо это делают саамы и, напротив, очень искусно — народы Амура.

У тюркоязычных народов Сибири — шорцев, чулымцев, чатских татар — кромка сосуда укреплялась иначе. Ее отгибали наружу или внутрь либо на кромку накладывали сложенную вдвое полосу бересты; у некоторых сосудов стенки сплошь были двойными. Кромку с накладкой прошивали саргой или суровыми нитками, но не через край, а располагали по средней части накладки. В устье таких сосудов отсутствовала гибкая пластина, характерная для сосудов хантов, манси, селькупов и др. Сибирско-тюркский способ крепления кромки сосуда использовали башкиры, у которых он признается не только техническим приемом, но и способом орнаментации: стежки в виде «елочки» или зигзага выполнялись блестящим конским волосом [Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г., Щитова С. Н., 1976, с. 135]. Очевидно, указанный техни-

ческий прием был создан и получил развитие в тюркоязычной среде; к восточным хантам он не проник.

Итак, способ крепления верхней кромки стенок в подчетырехугольных сосудах из бересты является признаком, указывающим на разное происхождение этих изделий у обских угров и селькупов, с одной стороны, и тюркских народов — с другой. Не исключено, что предки угров и селькупов принесли характерный для них способ с Саян, где он известен тувинцам-тоджинцам; однако его утверждение и расцвет связан с лесной зоной Северо-Западной Сибири.

Кузовки с конструкцией как у сосудов, служившие для сбора низкорастущих ягод (рис. 26, *7*), однотипны у восточных хантов. Они известны также у северных групп народа, у селькупов, саамов, нивхов и др. Кузовки для сбора высокорастущих ягод (рис. 26, *5, 6*) сургутских хантов аналогичны васюганско-ваховским, но названия их различаются: у первых *вунтэп*, у вторых *киль*. Большой заплечный кузов также имеет общую конструкцию, одинаково и его название *кынт*. У васюганцев кузов выделяется нагрудной застежкой для лямок. Это костяная пластинка с крючками на обоих концах или с отверстием на одном конце и крючком — на другом (длина 16 см, ширина в средней части 6 см, на концах — 1,5 см). Среди застежек были орнаментированные экземпляры. Специальная застежка для заплечного кузова подчеркивает его роль при пешем передвижении охотников-рыболовов. Об этом же говорят сведения с Васюгана о переноске в заплечных кузовах не только вещей, но и детей. Еще одной особенностью этой группы были вместилища из бересты, изготовленные по типу кузова, но меньших размеров и без лямок. Крышка к ним изготовлялась иначе, чем к обычным кузовам (ее конструкция совпадала с конструкцией сосудов). Она была накладной и прикрывала вместилище почти на четверть.

Среди восточнохантыйских заплечных кузовов и однотипных с ними кузовков повсеместно обнаруживаются некоторые расхождения в форме: у одних экземпляров боковые стенки идут почти параллельно, а у других вверху значительно сужаются. Вряд ли такие отклонения вызваны практическими нуждами. Не исключено, что здесь проявляются разные этнические традиции. Поиск аналогий сужающимся кузовам привел к ведрам

из бересты у тувинцев-тоджинцев, сходство с которыми проявляется не только в форме, но также в крышке и способе соединения стенок. Имеется, однако, важное отличие: ведра тоджинцев имеют пришивное дно, а у хантов этот признак не встречается в кузовах (он присущ лишь коробкам из бересты). Тоджинцы называли ведро *соо*, термином, отличающимся от хантыйского названия кузова, но сходным с хантыйским названием сосуда *согон*. Тувинские соо и хантыйские согон были предназначены для хранения жидких продуктов. Сходство в форме и некоторых элементах восточнохантыйских кузовов с берестяными ведрами тувинцев дает возможность допустить южные истоки этих изделий.

Судя по музейным коллекциям и некоторым полевым материалам, единая конструкция кузова характерна для других групп хантов и манси. Такие кузова известны на очень широкой территории Сибири и за ее пределами. Из ближайших к хантам народов они бытовали у селькупов, кетов. У шорцев были вместилища из бересты, по конструкции сходные с хантыйскими кузовами, но без ручки; при сборе дикорастущих они пользовались вместилищами иной конструкции, чем хантыйские кузова.

Берестяные сосуды для разогревания клея, аналогичные восточнохантыйским, известны у северных хантов и манси, а также у кетов. В традиционной культуре хантов это единственный, сохранившийся до настоящего времени пример термической обработки продукта в берестяном вместилище. Возможно, он является реликтом древнего способа приготовления пищи в берестяных сосудах на огне. Об этом сохранились воспоминания у хантов Ваха. К концу XVII в. относится сообщение путешественников из районов Среднего Приобья о берестяных котлах, в которых местное население варило пищу [Идес И., Бранд А., 1967, с. 103]. Однако нет оснований предполагать у местных предков хантов широкое использование берестяных сосудов для термической обработки продуктов, так как для них было характерно готовить пищу без воды и без посуды. Вероятно, приготовление горячей жидкой пищи здесь было связано с появлением металлических котлов. Об этом говорит тот факт, что в название берестяного сосуда для разогревания клея *эйем пут* 'клей-ко-

тел' входит компонент 'котел', но не название какого-либо вместилища из бересты. (Компонент 'котел' входит и в название чайника у хантов *чай пут* 'чай котел'). Если бы у местных предков хантов были устойчивые традиции использования берестяной посуды на огне, то вряд ли бы они назвали котлом столь непохожее на него изделие, как воронка, вставленная в расщепленную палочку.

Берестяные коробки с пришивным дном для хранения сухих продуктов и вещей были повсеместно, хотя и не в равной мере, распространены как у сургутских так и васюганско-ваховских хантов; у них была одинаковая конструкция, общее (но не единственное) название *йиныль* и единый стиль орнаментации. Все это позволяет считать их типичным явлением утвари исследуемых групп; вместе с тем берестяные коробки имеют больше локальных особенностей, чем рассмотренные выше кузова и сосуды.

Определяющую роль в быту восточных хантов играли коробки, изображенные на рис. 27, *2*. Ими пользовались повсеместно, хотя и не в равной степени. На Югане и Салыме кроме общепринятого названия йиныль они имели еще обозначение *кукыр;* сходные с последним названия для берестяных коробок отмечены у южных хантов — на Иртыше и Конде. Этот термин относят к числу тюркских заимствований на языке хантов; у телеутов и киргизов так называли кожаную бутылку, а у койбалов, сойотов, сагайцев и алтайцев — кадку из бересты [Paasonen H., 1902, S. 124]. Терминологическое сходство подкрепляется тем фактом, что у тюркских народов и хантов термином кукыр обозначали круглодонные вместилища: у тюрков бутылку и бочку, у хантов (Юган) — цилиндрическую коробку[43]. В восточнохантыйской среде указанное тюркское заимствование ограничивается левобережными притоками Оби, граничившими с Приртышьем, откуда, видимо, шло распространение термина. На

---

[43] Анализируемый термин сходен с названием сосуда *куккэ, куркэ* в тунгусо-маньчжурских языках народов Дальнего Востока: у орочей, ороков и нанайцев так назывался берестяной сосуд, у ульчей — деревянный [Сравнительный словарь..., 1975, с. 426]. У хантов Салыма *кукэр* обозначал берестяную посудину. Ненцы называли деревянный бочонок для воды *нанер-хахор*.

Югане зафиксировано еще одно название большой цилиндрической коробки из бересты — *кучем*. Оно отмечено у хантов Конды и у манси [Paasonen H., 1902, S. 867].

Конструкция берестяных коробок восточных хантов имеет аналогии как в обско-угорской среде, так и у других народов. Круглые или подпрямоугольные в плане коробки такого типа — обычное явление у северных хантов (совпадает и название йиныль), манси, селькупов и кетов, различных групп эвенков. При общей конструкции, позволяющей отнести анализируемые коробки к одному типу, они не были совершенно идентичными. Так, у северных хантов и манси встречались экземпляры с иным соотношением размеров, чем у восточнохантыйских коробок — более вытянутые в высоту; на Сыне и Куновате бытовали берестяные коробки овальной формы, что не отмечено у восточных групп. Характерно, что северные ханты и манси при выскабливании орнамента на стенках коробок разделяли его на вертикальные зоны, подчеркивая деление перегородками из древесных пластинок.

У восточных хантов и, видимо, в целом у обских угров не было известно обшивание берестяных коробок тканью, как это принято у кетов и эвенков. Для исследуемых групп мало характерно использование ткани в украшениях берестяных коробок, и лишь на Васюгане и Вахе иногда под ажурную берестяную полосу подкладывали цветную ткань. Такая техника орнаментации известна у кетов, эвенков Кети и Сыма, а также у зауральских башкир. С. В. Иванов (1963, с. 75) считает возможным рассматривать ажурную резьбу с подкладным фоном из сукна эвенкийским компонентом в художественной технике угров. На Васюгане такая техника отмечена на коробках треугольной формы, не характерной для хантов.

Среди восточных хантов коробки из бересты в большей мере были присущи васюганско-ваховским группам и в меньшей — сургутским. У последних вместо берестяных коробок чаще встречались коробки из коры пихты или плетеные. О последних речь пойдет ниже, а пока попытаемся выяснить причину употребления пихтовой коры сургутскими хантами. Очевидно, что определенную роль в этом сыграли естественные факторы. Так, информанты с р. Пим отмечали плохое

качество местной бересты и как следствие — малое использование ее для изготовления коробок. Данные о произрастании березы и пихты имеются в работе А. А. Дунина-Горкавича (1904, с. 62—67), который в должности лесничего объездил исследуемую территорию и составил подробное описание лесов. По его сведениям, в левобережье Среднего Приобья преимущественно произрастает молодняк березы, а в правобережье преобладают хвойные леса. Бассейны Пима, Агана и Тромъегана находятся в смешанной зоне, где леса преимущественно сосновые. Исходя из этого, можно понять причину использования пихтовой коры вместо бересты на Пиме, Агане и Тромъегане. Но этот природный фактор не мог быть определяющим, например, на левобережном притоке Оби — Югане. Здесь состав лесов не отличался от васюганских, между тем юганцы предпочитали коробки из пихтовой коры, а васюганцы — из бересты; подобная же ситуация была на двух правобережных притоках — Агане и Вахе. И совсем нет оснований объяснять природными факторами то обстоятельство, что у васюганско-ваховских хантов не были известны коробки из пихтовой коры, так как материала на их территории было достаточно.

Итак, выбор материалов для изготовления коробок у восточных хантов нельзя объяснить лишь природными условиями; он определялся также местными традициями либо, напротив, влиянием извне. Устойчивой местной традицией, лучше всего сохранившейся у васюганско-ваховских хантов, было использование бересты. Внедрению коробок из коры пихты у сургутских групп способствовало внешнее влияние, идущее, очевидно, от северных хантов, а точнее — с Казыма, где хорошо известны такие коробки. Северным влиянием можно объяснить и овальную форму, не характерную для берестяных коробок восточных хантов, но встречающуюся у них среди коробок из коры пихты. Внедрение нового материала способствовало развитию связанного с ним способа орнаментации — нанесению узора краской. Конструктивных же изменений не произошло, тем более, что из коры изготовлялась лишь наружная стенка коробки, а остальные части — из бересты (рис. 44). В название этого вместилища *кэр*

йиныль входит обозначение берестяной коробки (йиныль) и коры (кэр).

На Васюгане существовало два вида вместилищ из бересты, не известных на остальной территории восточных хантов: коробки из берестяных пластин с зубчатыми краями и туески. Техника изготовления первых была характерна для тюркоязычных народов (шорцев, якутов, казахов), и, возможно, была заимствована хантами. Туески васюганцев были двухслойными: внутренний слой — целый сколотень, снятый с березового обрубка, а наружный — из куска бересты, концы которого соединялись «в замок» или накладывались один на другой и прошивались косым стежком. По верхнему или обоим краям накладывались полосы бересты, и здесь туесок получался трехслойным. Дно и крышка были деревянными. Вместилища подобной конструкции известны у северных селькупов, но в отличие от хантыйских они вверху сужались. Туески были обычным атрибутом у тюркоязычных народов Сибири — татар, шорцев и др.; широкое их распространение характерно для коми, марийцев, татар-кряшен, башкир. Васюганцы называли туесок тюркским термином *туяс, тююзек,* что наряду с конструкцией говорит о заимствовании этого вида вместилищ, очевидно, в поздний период.

Некоторое конструктивное сходство с туесками наблюдается в табакерках восточных хантов. Оно проявляется в сочетании материалов, способе соединения стенок и терминологических параллелях (в название табакерок у сургутских хантов входит компонент *туяс*). Различаются туески и табакерки, кроме назначения, также формой и размерами. В отличие от туеска, известного лишь на Васюгане, табакерки — повсеместное явление у восточных хантов, их традиционные экземпляры представлены одним типом (рис. 27, *5*). Локальные особенности проявляются в терминологии. У васюганско-ваховских групп табакерки называются *тымах мынь* 'табак ящик', а у сургутских *чакым туяс* 'табак туес'.

Ареал табакерок такого типа — овальных или линзовидных в плане — очень широк, при этом они различались по материалу. Стенки из бересты, а дно и крышку из дерева делали северные ханты и манси,

долганы, шорцы, забайкальские буряты, а также эстонцы. Сходство обско-угорских табакерок и венгерских солонок из бересты отмечено З. П. Соколовой (1974, с. 127—128). Овальные табакерки со стенками из зубчатых полос были у якутов и казахов. Ненцы изготовляли их из кости мамонта, а долганы — из кости мамонта и дерева; у этих народов кроме овальных были табакерки и других форм. Кеты хранили табак в круглых деревянных табакерках, а тувинцы — в круглых кожаных табакерках с горлышком. Широкий ареал овальных в плане табакерок не позволяет пока выяснить возможные пути их появления у восточных хантов. Можно лишь отметить, что их табакерки имеют наиболее близкие аналоги у северных хантов, шорцев, бурят, венгров и эстонцев. Отличительной чертой исследуемых групп является приверженность к одному типу табакерок, с которым устойчиво связаны и определенные способы орнаментации — штамп и прочерчивание кончиком ножа. На других изделиях из бересты эти способы встречаются очень редко.

Сито из бересты местного происхождения устроено так же, как сосуд *согон* (на Югане так называли и сито), но с пробитыми в дне отверстиями. Исконно хантыйским является и решето, которое первоначально было настилом из деревянных планок для просушки рыбы; не случайно одно из названий решета *лымыт* совпадает с названием такого устройства. Другое название решета, как и сита, *илек* уводит нас на юг: *элек* — название сита у шорцев, *элгек* — у алтайцев [44], *эляк* — у узбеков, *элак* — у таджиков. Просеивание зерна через берестяную сенницу было известно у северных алтайцев, но отсутствие описания не позволяет сравнить ее с хантыйским ситом.

Четко выраженной особенностью берестяной посуды хантов является разнообразие способов орнаментации и стремление украсить все ее виды. В этом отношении имеется типологическое сходство между обскими уграми и народами Дальнего Востока. Среди соседей по степени орнаментированности берестяных

---

[44] Предполагается сходство алтайского названия сита с древнетюркским термином, производным от глагола 'сеять, просеивать' [Тощакова Е. М., 1976, с. 197].

изделий хантам близки нарымские селькупы, при этом большинство изделий было украшено выскобленным орнаментом, а он считается заимствованным селькупами у обских угров [Прокофьева Е. Д., 1950, с. 32]. Передача этой традиции произошла, очевидно, в Нарымском Приобье. У северных селькупов, в отличие от нарымских, искусство орнаментации было развито значительно слабее. Таким образом, богатство и разнообразие орнаментированных изделий из бересты — типичная черта культуры хантов, отличающая их от других народов. При этом большинство приемов художественной обработки бересты разработано самими уграми [Иванов С. В., 1963, с. 75]. В целом с предками обских угров можно связывать формирование основных традиций по широкому применению бересты в быту и ее художественной обработке.

Плетеные коробки сургутских хантов (рис. 27, *8*) по строению не отличались от васюганско-ваховских. Локальные особенности выражались в материале: у первых чаще использовался расщепленный кедровый корень, а у вторых— сарга; кроме того, у сургутских хантов (за исключением юганских) было принято орнаментировать эти изделия, а у васюганско-ваховских таких фактов не зафиксировано. Плетеные коробки достаточно хорошо известны у северных хантов. А. А. Попов (1955, с. 106—112) специально исследовал плетение коробок (корзин) у народов Сибири. Техника плетения, аналогичная хантыйской, не отмечена им у других народов Западной и Южной Сибири; нет данных об этом и в литературе, вышедшей позднее. В полевых материалах имеются сведения о том, что плетеные коробки хантыйского типа под названием *каряник* бытовали у нарымских селькупов. Из многочисленных материалов по технике плетения у народов Сибири хантыйские аналоги А. А. Попов (1955, с. 112) отмечает лишь у коряков. Исследуя таблицы с изображениями плетеных вместилищ (табл. XX, XXI), можно заключить, что по таким признакам, как форма, способ присоединения крышки и наличие петли на ней, хантыйские плетеные коробки наиболее близки чукотским и корякским. У восточных хантов зафиксирован еще один вид плетеных вместилищ — тарелки. О них есть лишь единичные данные. Судя по музейным кол-

лекциям, плетеные тарелки более характерны для северных хантов. Очевидно, плетеные коробки относятся к палеосибирским чертам в культуре хантов, а внедрение их (и тарелок) в восточнохантыйскую среду шло с севера. Не исключено, что у нарымских селькупов они стали известны благодаря связям с восточными хантами.

Вместилища из собственно древесины представлены у сургутских хантов меньшим набором, чем из коры и корней. Сходная картина наблюдается у васюганско-ваховских групп. Среди этих изделий одни входят в общий восточнохантыйский фонд, а другие относятся к числу локальных особенностей. Первую группу составляют блюда, черпаки, ступки для табачной смеси и кадушки для теста. Цельнодолбленые блюда представлены одной и той же формой — овальной в плане, с плавным переходом дна в стенки (рис. 29, *1*), их название у всех групп общее — *аных*. В них главным образом замешивали пресное тесто для лепешек и подавали вареную рыбу или мясо. Обращает на себя внимание тот факт, что ханты не использовали в этих целях столь популярные у них берестяные вместилища. В сосудах из бересты переносили рыбу и мясо, обрабатывали их, хранили рыбий и животный жиры; но если рыба или мясо были сварены, то ели их из деревянных блюд. Замес теста вполне осуществим в берестяном сосуде (такое наблюдалось среди селькупов и нарымских эвенков), но в хантыйских традициях этот процесс связан только с деревянным блюдом.

Деревянные блюда сходных форм хорошо известны у северных и южных хантов, а также у манси, их название у северных обских угров — *ан, аны*. Кеты подавали сваренную рыбу и мясо, а также замешивали тесто для лепешек в плоских корытцах, которые предположительно являются древним предметом их быта [Алексеенко Е. А., 1967, с. 113]. В долбленой посуде замешивали тесто северные селькупы, сымские и нарымские эвенки. В корытцах или больших деревянных чашах подавали вареное мясо ненцы и тюменские татары, а томские использовали для муки и теста деревянные чаши и корыта разных форм. Аналогии обнаруживаются и за пределами Сибири. Традиция подавать вареное мясо в деревянных чашах или корытцах

существовала у верхнепечорских коми и северо-восточных казахов; у зауральских башкир в корытце разделывали вареную баранью тушу, а в деревянном лотке, близком к овальной форме, замешивали тесто. Традиция замешивания теста в деревянном корытце или блюде известна у народов Средней Азии — таджиков, узбеков.

Перечень можно продолжить, но и приведенные данные говорят о широком бытовании указанного обычая. У восточных хантов он не может быть отнесен к числу местных субстратных черт уже потому, что таковыми не были ни варка мяса, ни мучные изделия. Варка, как основной способ термального приготовления животной пищи, — древняя черта культуры кочевников-скотоводов [Потапов Л. П., 1969, с. 179; и др.]. Традиция подавать вареное мясо в деревянных блюдах овальной или корытообразной формы хорошо известна у саяно-алтайских народов — тувинцев, алтайцев, хакасов и др. В. П. Дьяконова (1975, с. 137—140) по археологическим и этнографическим данным подробно анализирует форму таких блюд — без ножек или на четырех коротких ножках; те и другие встречаются в погребениях Тувы со скифского времени. Основное внимание она уделяет блюдам на ножках и отмечает, что «... форма овальных и корытцеобразных блюд на четырех ножках является довольно ранней (VIII—V вв. до н. э.) и широко распространенной в ряде погребений кочевого и оседлого населения Алтая, Минусинской котловины, Нижней Волги, Южного Урала, Средней Азии» [Дьяконова В. П., 1975, с. 138]. По мнению В. П. Дьяконовой, анализируемые блюда в I в. до н. э. и в первых веках н. э. были широко распространены среди кочевников-скотоводов, исторически связанных с гуннскими и сарматскими племенами, и наиболее вероятное назначение блюд у них — подавать куски отварного мяса без бульона. Возможно, что обычай хантов подавать вареную рыбу и мясо в блюдах является реликтом кочевническо-скотоводческой культуры. В рамках такого предположения нужно иметь в виду, что далекие предки обских угров приняли вместе с обычаем только одну форму деревянного блюда — овальную, без ножек и ручек-выступов на торцовых сторонах.

В этой избирательности проявляется этноразличительная функция анализируемого явления. Блюдо стало частицей общей обско-угорской культуры, очевидно, на той стадии, когда у ее носителей формировалось понятие «посуда». Не случайно, видимо, в былинах южных хантов название глиняной посуды совпадает с названием деревянных блюд ан, аны, при этом в терминах отсутствуют компоненты «глина» или «дерево». Высказанная мысль подтверждается тем, что у восточных хантов компонент аных входит в обозначения посуды разного вида: блюдца, железной миски, ступки для табака, корыта и др. Интересно, что хантыйское название широко известного сосуда из бересты согон не проявляет такой словообразовательной активности.

В последние десятилетия у восточных хантов в блюдах, о которых идет речь, все реже месили тесто. Здесь становится популярным заквашивание теста в кадушке из клепки (это явное заимствование у русских).

Деревянные ложки индивидуального пользования редко встречались в быту восточных хантов, их название *пынь* было общим у всех групп. Более значительную роль играли деревянные черпаки, относящиеся к одному типу и известные под двумя названиями *лый и кехыл*. Они имели плоскую черпательную часть, нередко с отверстием; назначение черпаков — вынимать рыбу или мясо из бульона и снимать рыбий жир при вытапливании. Иногда рукоять заканчивается резной зооморфной скульптурой, обычно же — лишь небольшим выступом. В отличие от восточных хантов у северных художественное оформление рукояти встречалось весьма часто в виде либо зооморфных скульптур, либо подвесок геометрического рисунка, вырезанных из единого с рукоятью куска дерева.

Подобные черпаки, но без художественного оформления, отмечены у кетов, ненцев, долганов, а также башкир и киргизов. Для южносибирских тюрков такие изделия малохарактерны, хотя есть данные, что шорцы ими также вынимали мясо. В этом регионе типичными являются глубокие черпаки с рукоятью из древесины или сучка, у хантов же они встречались редко. Если рассматривать черпаки как традиционный предмет, которым пользовались для приготовления мяса, то можно предположить, что они входили в куль-

туру предков обских угров из той же кочевническо-скотоводческой среды. Однако нужно иметь в виду и другие факты. У предков обских угров основной функцией черпака было, очевидно, не вынимание мяса или рыбы, а снятие рыбьего жира, чем и была обусловлена его плоская черпательная часть. Не случайно, видимо, и распространение плоских черпаков у шорцев — народа с угорскими чертами культуры. Не исключено, что глубокие черпаки имеют тюркское происхождение, а плоские — угорское, последние получили художественное оформление в районах Нижнего Приобья, а среднеобский (восточно-хантыйский) вариант по отсутствию украшений близок шорскому. С переходом предков хантов на варку рыбы и мяса черпаки стали использоваться в новом качестве — для вынимания твердой пищи из бульона.

К числу общепринятых у восточных хантов изделий относятся вместилища для растирания табачной смеси (рис. 28, *3, 4, 6*). Включение их в цельнодолбленую посуду подчеркивается названием, в которое входит компонент *аных* 'блюдо' (*чакем-верта-аных* 'табак делать блюдо'). Повсеместно это были ступки с пестом, исключением является небольшой деревянный ковш на Васюгане. Формы ступок различались, но локализовать их по этому признаку не удается. Одни из них в виде цилиндра без поддона, а другие — с поддоном, который соединен с основной частью одной или тремя-четырьмя ножками. Более определенно локальные особенности выражены в пестах. На севере изучаемой территории (Аган, Пим) песты небольшие, правильной цилиндрической формы; у ваховской и александровской групп они, во-первых, постепенно утолщаются к нерабочему концу, во-вторых, непропорционально длинны по сравнению с высотой ступки; юганские песты по длине занимают промежуточное положение между 1 и 2-м вариантом и, кроме того, отличаются шишкообразным нерабочим концом. Наличие 1-го, наиболее простого, варианта песта говорит о нефункциональном значении особенностей других вариантов, и это суждение подкрепляется тем, что в навершии песта ханты могут видеть изображение сверхъестественного существа.

Аналогии этим изделиям у других групп хантов и народов Сибири выявить трудно из-за неопределенности сведений. Ступка в виде «бочоночка» и небольшой пест зафиксированы у березовских хантов; кеты растирали табак деревянными пестиками в долбленых чашках-ступках. Долганская ступка по форме имеет аналогии среди хантыйских, но значительно превышает их по размерам. Ненецкие цилиндрические ступки аналогичны юганским, а ступки в виде ковшей — васюганским; ненецкие ступки, в отличие от хантыйских, имели крышки, их песты были только маленькими и с совкообразным углублением рукояти. Другие параллели выявляются в южном направлении. Казахи Омской области растирали табачную смесь в небольших долбленых чашках или ковшах, пользуясь непропорционально длинным пестом с утолщением на нерабочем конце. Вопрос о приспособлениях для растирания табачной смеси у хантов остается неясным, и можно лишь в самом общем виде предполагать путь их распространения — с юга.

Некоторые виды цельнодолбленых деревянных вместилищ были известны лишь у отдельных групп восточных хантов. Так, солонки, небольшие чашки на поддоне, кружки зафиксированы на Васюгане (рис. 29, *4*). Подобные изделия типичны для народов Саяно-Алтайского нагорья, сходство проявляется и в васюганском названии чашки *агаш-аяк*. Очевидно, изделия такого рода эпизодически проникали к восточным хантам с юга и являются примером культурной диффузии позднего происхождения. В отличие от южносибирских народов у восточных хантов не было принято пить чай из деревянных кружек или чашек. Традиционной и любимой посудой у них была и остается фарфоровая. Очевидно, формирование традиций чаепития у хантов с самого начала было связано с употреблением покупных фарфоровых чашек и блюдец. В этом отношении не исключено влияние поставщиков чая — бухарских купцов.

В левобережье — на Васюгане, Салыме и Югане — ханты пользовались большими деревянными ступами (рис. 28, *2, 5*). Названия их различались: на Васюгане *сома,* на Салыме *кер,* на Югане *кури* и *монки.* У двух первых групп ступы были на поддоне, а у последней —

в виде цилиндра. Ступа на поддоне имеет столь широкое распространение, что сравнение по этому признаку не дает результатов. Показательной является локализация больших ступ у хантов в левобережье Оби, что характерно также для нарымских селькупов. Селькупское название ступы такое же, как у хантов Васюгана — *сома*. Интересно, что васюганцы использовали ступы для размельчения не только местных продуктов, но и ячменя. Их название ступы сома означало также и 'вместилище для зерна'; соответствия этому термину есть в мордовском, финском и удмуртском языках [Steinitz W., 1980, S. 47]. Допустимо, видимо, сравнение васюганского и селькупского названия ступы с томско-татарским *сокма* и южноалтайским *сокы* в том же значении. Эти факты указывают на южные связи васюганских хантов по анализируемому элементу культуры. Ступами для размягчения стеблей крапивы среди восточных групп пользовались лишь на Салыме, что характерно для южных хантов; на Васюгане же эту операцию выполняли колотушкой.

В правобережье Оби, на Вахе и Агане при изготовлении муки из сушеной рыбы вместо ступы применяли корыта (рис. 28, *1*). В их названии на Вахе присутствует компонент *кури* 'корыто'; так же называли корыто северные ханты. В. Штейниц приводит соответствия этому термину в том же или близком значениях у манси, финнов, зырян, удмуртов [Steinitz W., 1980, S. 55], что дает основания считать термин финно-угорским по происхождению. На Югане зафиксировано его употребление по отношению к ступе. На Агане корыто называли так же, как деревянное блюдо — *юх аных*.

Итак, большие ступы для размельчения пищевых продуктов уводят нас к саяно-алтайским народам, где использование ступ первоначально было связано, очевидно, с обработкой ячменя. Не исключено, что в культуру предков хантов ступы были занесены именно в этом качестве, а позднее, в условиях лесной зоны, они стали использоваться при обработке местных продуктов. Вкладом хантов можно считать то, что они в корыте толкли сушеную рыбу.

Некоторые изделия из дерева и его частей, связанных с приготовлением и употреблением пищи, были

одинаковыми у всех групп восточных хантов. Имеются в виду доски для обработки рыбы, рожны для мучных лепешек и рыбы, лопатки для замеса теста и помешивания в котле и др. Можно указать лишь на более разработанные формы досок для разделки рыбы у северных хантов по сравнению с восточными; у первых они сужались к одному концу, а также имели углубление, в то время как у исследуемых групп это была просто прямоугольная доска.

Низкие столики у всех групп восточных хантов были однотипными и имели общее название *пысан* — такое же, как у северных хантов и лесных ненцев. Различия в форме ножек не локализуются. Низкие столики известны у северных хантов и манси, у эвенков р. Кеть, кетов и ненцев. Судя по названию столика у кетов и хантов Ваха, его праобразом была доска; очевидно, это местная субстратная черта охотничье-рыболовецкой культуры. Встречающиеся у сургутских хантов столики на высоких ножках более характерны для северных групп. В последние десятилетия применению высоких столов способствуют усилившиеся контакты с русским населением.

Обязательным предметом быта восточных хантов в исследуемый период был котел с общепринятым названием *пут*. Кроме того, на Васюгане его называли *нэнылчив*, а большой котел *тойон*. Калташиху повсеместно называли *кехпут* 'камень котел' и *санар, соран*. А. Алквист относит пут к терминам, которые могли быть заимствованы обскими уграми у других народов, но могли быть и собственным, возникшим после появления этого предмета у народа [Ahlquist A., 1890, S. 1—3]. В. Штейниц считает, что васюганско-ваховский термин пут имеет звуковые и семантические соответствия в языке манси, марийцев, финнов, венгров [Steinitz W., 1980, S. 33]. Название котла саран Ф. Футаки считает заимствованным из тунгусских языков [Futaky F., 1975, S. 58], приведенные им же сведения о принадлежности слова архаичному фольклорному языку хантов не вполне совпадают с высказанным мнением.

Как у сургутских, так и васюганско-ваховских хантов к исследуемому периоду сложились определенные формы сумок и мешочков. В прошлом были широко

известны, а в наши дни встречаются лишь единично мешки из рыбьих кож для хранения обычной и рыбьей муки. Такими вместилищами пользовались северные ханты, проживающие на Оби ненцы, а также кеты; зафиксированы они и у шорцев. Одинаковый покрой имели сумки восточных и северных хантов с кетскими; по форме и вшивному дну с ними сближается шорская сумка. Этот вид вместилищ, несомненно, связан с традициями населения, занимающегося рыбным промыслом, и, вероятно, имеет угорское происхождение. Единичность сведений об использовании желудка животных для хранения жидких продуктов свидетельствует о нехарактерности этого явления для восточных хантов, а также об отличии их от тюрко- и монголоязычных народов, широко практиковавших хранение жиров в толстых кишках и желудках животных.

У васюганско-ваховских групп было принято хранить продукты в мешках и сумках, сшитых мозаикой из цветных лоскутков тканей в виде треугольников и полосок (рис. 31, *9*). Получаемый узор известен необычайно широко у разных народов. У восточных хантов он встречался на игольниках, кисетах и др.

К вместилищам для продуктов условно относятся и кисеты для табака. У сургутских хантов они назывались *канса кырах* «трубка мешок», у васюганско-ваховских *масня кырах,* на Салыме — *кошаль.* Компонент масня в васюганском названии кисета сходен с названием кожаного кошелька для мелочей *мусня* у кондинских хантов, которое Х. Паасонен выводит из русского языка [Paasonen H., 1926, 1299], видимо, из слова *мошна.* Русское происхождение, очевидно, имеет и салымское название кисета *кошаль.*

Поскольку курение было более характерно для васюганско-ваховских групп, у них получены и наиболее полные сведения о кисетах, которые подразделяются на три типа. I тип известен на Васюгане — это мешочки полуовальной формы, на вздержке, сшитые из ровдуги или шкуры гагары, на холщовой подкладке. Здесь же бытовал и второй тип кисета, сшитого из мозаичных полос ткани (сочетание треугольников и полосок). Он имел форму вытянутого прямоугольника, затягиваемого вздержкой либо конвертом, застегивающимся на пуговицу, пришитую на откидном кла-

пане. Для Ваха характерен кисет III типа, сшитый из сукна, с расширением книзу и фигурными клапанами в верхней части; причем раздвоение на клапаны подчеркнуто особым узором на каждом клапане. Основная часть кисета украшена мозаикой из ткани или расшита бисером, по бокам— подвески из бисера либо кисточки из ткани. Хранили кисет свернутым в трубочку и обматывали вязками, которые были пришиты к клапанам.

Подобный кисет, расшитый шерстью, зафиксирован у северных хантов. По форме, наличию клапанов и подвескам по бокам с этими кисетами сходны шорские; боковые подвески встречались на хакасских кисетах. Аналогии проявляются в том, что узор на клапанах хантыйских кисетов иногда вышит нитками, а мотив составлен из завитков. Указанная техника и мотивы типичны для тюркских народов Саяно-Алтая, откуда, вероятно, и идет их путь к восточным хантам. Расширяющиеся книзу, с фигурными клапанами были кисеты у монголов, и, возможно, оттуда эти признаки проникли в свое время к предкам шорцев и восточных хантов.

Восточнохантыйское название трубки для курения *канса* известно также кетам, манси и тунгусо-маньчжурским народам. У обских угров термин считается тюркским заимствованием [Ahlquist A., 1890, S. 9]. На Югане для трубки есть еще одно название — *патали*.

Мужские сумки и мешки по форме, размерам, назначению и способам ношения локализовались определенным образом в среде восточных хантов. Сведения о сумочках для оселка (рис. 52, *3*) ограничиваются сургутскими группами. Подобные им по форме имеются у северных хантов и манси, с первыми сближает и способ ношения — сумочки подвешиваются к поясу на двух петлях.

Из двух вариантов поясной сумочки, выделенных у сургутских хантов, на Вахе представлен 2-й, с клапаном. Сургутские ханты надевали их на пояс (рис. 30, *3*), а ваховские носили перекинутыми через него. Небольшие сумочки, сходные по материалу и размерам с вышеописанными, существовали у северных хантов, но подробных сведений о них нет. Аналогичные восточ-

нохантыйским сумочки с клапаном носили мужчины у кетов, заложив их одной половинкой за пояс, как ханты Ваха. Последние имели также маленькие сумочки, подвешенные на длинных петлях: одну справа на поясе, другую — на перевязи, идущей наискось через грудь. На Васюгане в исследуемый период носили большие охотничьи сумки (30×25 см) из шкур лося, на длинной петле, проходящей с левого плеча к правому боку. Форма сумок — прямоугольная, вверху небольшой прямоугольный клапан, завязанный двумя бечевками. Сумку из лосиных шкур, закругленную снизу, с треугольным клапаном и одной завязкой носили за спиной на двух лямках. Шили также сумки из камусов лося в сочетании с ровдугой, в устье делали несколько отверстий и через них пропускали вздержку.

Итак, мужские сумочки у восточных хантов далеки от единообразия, нет единства и в терминологии. Остаются неясными по этому элементу связи как с иноэтническим населением (кроме кетов), так и с другими группами обских угров.

Менее разнообразными были женские сумки (мешки). Маленькие мешочки и сумочки у женщин не были столь обязательным атрибутом, как у мужчин. При сравнительном анализе речь может идти главным образом о сумках для хранения швейных принадлежностей и разных мелочей. Они хорошо известны у сургутских хантов и на Вахе, а у васюганской и александровской групп встречались лишь изредка. Наряду с ними рукоделье повсеместно хранилось в коробках из бересты и коры пихты. По конструкции сургутские мешки одного типа (рис. 31, *4, 12*), а ваховские — другого (рис. 31, *5*). Первые вытянуты в высоту, получают объемность за счет полосы, вшитой между передней и задней сторонами, и затягиваются вздержкой, а вторые вытянуты в ширину, имеют вшивное дно и вверху завязываются несколькими парами бечевок; различаются также композиция и мотивы украшений.

Швейные сумки (мешки) сургутского типа известны у северных хантов и манси; по конструкции они сходны также с ненецкими, но отличаются от последних местом расположения орнамента. Если у хантов соединительная боковая полоса орнаментирована почти всег-

да, то у ненцев — лишь иногда; ненцы, как правило, украшали верхнюю часть сумок (над глазными отверстиями), а у сургутских хантов это было не принято вообще. Следует отметить, что у северных хантов и манси сумка такого типа называлась *тутчан;* этот термин считается заимствованием из ненецкого названия сумки *туця* [Steinitz W., 1980, S. 181]. У восточных же хантов было другое, описательное название *янта-кырах,* образованное из хантыйских слов «шить» и «мешок». В названиях отражен материал; например, сумка из шкур со лбов оленей — *кой-кырах.* Сумки, о которых идет речь, имеют некоторое сходство с тувинско-тоджинскими мешочками из шкур для соли, чая, а именно: в общей форме (вытянутой сверху вниз с закругленным дном), в наличии полосы из другого материала в устье сумки и двух (глазных?) отверстий ниже устья. У тоджинцев было принято также хранить нитки, иголки и лоскутки в небольших мешочках из камусов лося.

Завершая анализ этого типа швейных сумок, приведем наблюдения У. Т. Сирелиуса. Он отмечал, что вместилищами для рукоделия у северных хантов и манси являются сумки из шкур в «самоедском» стиле, а в более южных районах — коробки. Это хорошо подтверждается материалами восточных хантов. Коробки можно считать местным элементом их культуры, а сумки — результатом северного влияния; при этом интересно, что истоки формирования сумок выявляются не на севере, а на юге. Южная традиция изготовления мешочков из шкур со лбов животных и обычай хранения рукоделия в мешочках из шкур (камусов) были принесены предками самодийцев на север, разработаны здесь и стали этническим признаком культуры ненцев. От ненцев их заимствовали северные ханты, (о чем говорит терминология), а последние передали швейные сумки восточным группам. Предположение о проникновении анализируемого элемента непосредственно с юга снимается тем, что в южной части восточнохантыйской территории он не был известен. Здесь рукоделие хранили главным образом в берестяных коробках, а встречающиеся швейные сумки были другого типа. Проникшая с севера швейная сумка приобрела у восточных хантов этнолокальную специфику,

Во-первых, ей были даны собственные, описательные названия; во-вторых, ненецкая композиция орнамента была заменена местной в подражание украшениям мужских мешочков.

Швейная сумка ваховского типа (рис. 31, *5*) находит полные аналогии у кетов и тазовско-туруханских селькупов. Очевидно, это результат заимствования. У кетов в таких сумках, но больших размеров, хранили и одежду. Восточные ханты хранили одежду в больших коробках из бересты или пихтовой коры, а использование в этих целях больших орнаментированных мешков из оленьих шкур для них не характерно. Встречающиеся здесь в виде исключения мешки (рис. 55, *1*) аналогичны по конструкции и украшениям северохантыйским, ненецким и саамским. Таким образом, это явно северная черта.

На Вахе женщины хранили мелочи и украшения в своеобразных мешочках, сшитых из кожи с лап лебедей таким образом, что когти оставались снаружи (рис. 54, *2*). «Коготковые» сумки из лап пушных зверей характерны для кетов, и локализация их на Вахе указывает на заимствованный характер хантыйских сумочек.

Типичным элементом культуры как сургутских, так и васюганско-ваховских хантов были мягкие игольники, имевшие общее название *намыт*. Локальным вариантом был васюганско-александровский игольник из двух слоев хлопчатобумажной ткани, украшенный лишь обшивкой по краю из яркой ткани; сам игольник иногда шили в виде мозаики из треугольных кусочков ткани и полосок. Его хранили сложенным вдвое, а иглы втыкали с внутренней стороны, где имелось два карманчика с устьями на месте сгиба. Этот принцип наблюдается в мужской сумочке-игольнице с р. Аган (рис. 32, *16*), выпадающей из типологии мужских сумочек восточных хантов. На Вахе встречались игольники, привезенные от селькупов р. Таз. У них одна сторона сшита из кусочков ткани, а другая — из ровдуги и имеет в центре отверстие для наперстка; по форме это вытянутый прямоугольник с закругленными углами. Кроме этих локальных вариантов у васюганско-ваховских групп были распространены игольники подпрямоугольной формы с мозаикой из сукна

и меховой обшивкой, описанные у сургутских хантов (рис. 32, *12*). Подобные же изделия характерны для хантов, примыкающих к восточным группам с севера; еще севернее игольники этого народа были из куска оленьей шкуры ромбовидной формы с узором, нанесенным краской и обшитым оленьим волосом.

Имеющиеся данные позволяют проследить видоизменения мягких игольников хантов от южных до северных образцов с учетом не только его устройства, но и способа хранения. Наиболее простые и бедно украшенные варианты отмечены на Васюгане, где было принято складывать игольник вдвое и хранить в берестяной коробке. Севернее, у сургутских групп, рабочую часть шили из сукна, а нерабочую — из простой ткани или ровдуги; обычно такой игольник обшивали полоской из шкуры выдры, украшали мозаикой и бисером. Здесь, как и на Васюгане, игольник был самостоятельным элементом; хранили его в развернутом виде или свернутым в трубку, помещая либо в коробку, либо в сумку. У некоторых групп северных хантов игольник шили из сукна, либо из оленьей шкуры; в ряде случаев его прикрепляли к швейной сумке. И наконец, у самых северных групп игольник был только из шкуры и его хранили либо в коробке свернутым в трубку, либо пришивали к швейной сумке; последний прием был характерен также для ненцев. В целом игольники хантов можно отнести к одному типу. Общность проявляется в конструкции и принципе использования, а отклонения в материале и технике украшения менее важны в типологии. Единство подкрепляется наличием общехантыйского названия намыт, близкого мансийскому *немто*, что особенно заметно при терминологических различиях между северными и восточными хантами в других видах утвари.

Близкие аналогии восточнохантыйским мягким игольникам имеются у кетов. Последние хранили игольники сложенными вдвое, что в среде восточных хантов принято лишь на Васюгане. Северохантыйские игольники из оленьей шкуры сходны с игольниками европейских и западных групп зауральских ненцев. Матерчатыми игольниками полукруглой формы, украшенными цветной вышивкой, иногда пользовались эвенки.

В прошлом у восточных хантов изредка встречались трубчатые игольники, которые сейчас вышли из употребления. У сургутских групп это были полые трубки из кости оленя или лебедя. На Васюгане зафиксирован медный фигурный игольник, сужающийся в средней части и расширяющийся к концам; его накладная металлическая крышка привязана на ремешке. Трубчатые игольники народов Сибири подробно исследованы С. В. Ивановым (1970, с. 196—207). По устройству и принципу использования их можно разделить на два типа. Одни служили вместилищами собственно для игл и закрывались пробкой; другие были полыми трубками-футлярами, внутрь которых продевался ремешок с иглами. I тип С. В. Иванов (1970, с. 197) считает древнейшим, и именно он представлен у восточных хантов; игольники II типа у хантов не отмечены. Трубчатые игольники сургутских хантов имеют аналогии у лесных ненцев и кетов.

С. В. Иванов (1970, с. 196—197) приводит данные об археологических находках игольников в Сибири, начиная с эпохи неолита. Найдены они и в Усть-Полуе, Потчеваше — памятниках, которые связываются исследователями с культурой предков обских угров. В. И. Мошинская (1953а, с. 88) отмечает, что усть-полуйские игольники из птичьих косточек по квадратному сечению отличаются от современных северо-сибирских и сближаются с игольниками Оленеостровского могильника и Гляденовского костища. Этот вариант трубчатых игольников связан, вероятен, с территориями, лежащими к западу от Усть-Полуя, где он прослеживается в этнографических материалах, например, в граненых игольниках саамов. В отличие от усть-полуйских потчевашские игольники — круглые в сечении [Мошинская, 1953 а, с. 214]; с ними можно связывать трубчатые игольники хантов и других северосибирских народов.

Название трубчатого игольника у восточных хантов не известно. Переселившиеся с Казыма на Лямин северные ханты называли его *йинтуп хот* «иголок дом». Название иглы входит и в другие обозначения трубчатого игольника у северных хантов, имеется много примеров по другим народам, где соблюдается такое же правило [Иванов С. В., 1970]. Требует объяснения тот факт, что в обско-угорском названии мягкого

игольника намыт нет компонента «игла». Показательно, что у обских угров и венгров намыт и близкие ему термины имеют также значение «войлок, кошма»; и хотя эти изделия не встречаются у восточных хантов, названия их известны здесь повсеместно. Можно предполагать, что указанный термин уводит к культурам, где иглы и войлок были как-то связаны. Такая связь существовала у тувинцев, которые втыкали иглы с нитками в войлочный спальный матрац с обшивкой по краю. В связи с этим стоит отметить, что даже в самых простых по украшению вариантах восточнохантыйских игольников непременно была контрастная обшивка по краю. Более того, ограничение одной лишь обшивкой особенно сближает игольник с войлоком, используемым для втыкания игл, и именно такой игольник был у хантов Васюгана — самой южной из исследуемых групп. В продолжение мысли о южных истоках мягкого игольника можно привести высказывание хантыйки с р. Вах. Она отметила, что к игольникам было особое отношение, а в сказках говорится о полете на них (южные сюжеты о ковре-самолете).

Итак, есть основания считать, что трубчатый игольник с круглым сечением является в культуре восточных хантов субстратным элементом и его реминисценцией был один из способов хранения мягкого игольника — свернутым в трубку. Типичные для исследуемых групп мягкие игольники связаны по происхождению с тувинским приемом хранения игл, но основной процесс их формирования происходил на территории современных хантов. С южных окраин хантыйских территорий они распространялись на север, в результате ткань как материал была постепенно вытеснена шкурой, а игольник из отдельного предмета, хранящегося в коробке, стал составной частью сумки. Выше было высказано предположение о тувинско-тоджинских корнях швейной сумки хантов, и если это предположение верно, можно сделать вывод: два явления, в истоках не связанные между собой, в процессе развития и движения в общем географическом направлении соединились в одно целое: швейная сумка + игольник.

Эти рассуждения могут вызвать сомнения по двум моментам. Во-первых, требует объяснения разобщенность анализируемых явлений у народа, к которому

отнесены их истоки, т. е. у тувинцев. Причина заключается в том, что втыкание игл в войлок, с которым связывается происхождение мягких игольников, является чертой скотоводческого быта, а изготовление мешочков из шкур с головы или ног животных — чертой охотничьего быта тувинцев-тоджинцев. Во-вторых, почему «двигателями» одного изделия — игольника — были предки обских угров, а другого — швейной сумки — предки ненцев? Возможно, что предки обских угров в большей мере, чем предки самодийцев, способствовали продвижению на север черт культуры кочевников-скотоводов.

Результатом более позднего культурного воздействия, носящего локальный характер, является использование хантами Ваха игольников, полученных у тазовских селькупов. И наконец, одна из деталей — прикрепление катушечных ниток к игольнику — появилась буквально в последние годы и связана с вхождением в быт народа стандартных покупных изделий.

Если наиболее характерные для восточных хантов мягкие игольники в целом однотипны, то этого нельзя сказать о крепилках для сухожильных нитей, которые связаны с игольниками не только функционально, но и, так сказать, буквально. Общим признаком для всех видов крепилок является материал — кость или рог, что отражено и в названиях, обязательно включающих компонент *лох* «кость»; исключением является пучок сухожильных волокон. Васюганско-ваховские крепилки не выходят за рамки типологии сургутских, но полного совмещения здесь нет. Из пяти типов крепилок к общему восточнохантыйскому фонду относится лишь двойная кость (предплечье) птицы — I тип (рис. 32, *5*). II тип — подъязычная кость лося или оленя (рис. 32, *4*) — характерен для сургутских и не отмечен у васюганско-ваховских групп; бедреные кости пушных зверей, относящиеся к III типу, известны лишь у одной из групп — на Югане (рис. 32, *3*), а сухожильные волокна в качестве крепилок IV типа зафиксированы на Пиме. У северных хантов в этих целях использовали косточку, палочку или металлическую проволоку, а также подъязычную кость лося. На двойной кости птицы хранили сухожильные нити ханты Лямина и кеты. Простую форму (палочка?) имеет

опубликованная крепилка ненцев, у которых сухожильные нити хранились вообще без крепилки, в виде беспорядочного клубка. Ненцы держали нити в маленькой сумочке или в берестяных полотнищах (у лесных групп), которые свертывали в рулон. Вероятно, влиянием лесных ненцев объясняется использование хантами Агана берестяных полотнищ для хранения сухожилий.

Особый интерес вызывают крепилки V типа в виде роговых пластинок с ажурной резьбой, а также фигурок с зооморфным или иным обликом (рис. 32, *1, 2*). Васюганские изделия этого рода привлекают внимание не только причудливыми формами, но и орнаментом, который иногда заполняет всю поверхность изделия[45]. Среди васюганских крепилок отмечены фигурки, которые, по предположению У. Т. Сирелиуса, изображают оленя [Sirelius U. T., 1903, S. 20]; с ними сходны салымские крепилки (рис. 32, *11*). Ажурные пластинки аганских и пимских хантов являют собой наиболее простые варианты анализируемого предмета (рис. 32, *10*). Фигурные пластинки для наматывания ниток отмечены у айнов, но по форме и принципу использования они отличаются от хантыйских. На айнских пластинках нет отверстий, и нитки на них, видимо, наматывались, в то время как хантыйские пластинки (и крепилки других типов) имеют отверстия, через которые нитки вдевались петлей и затягивались.

Крепилки для сухожильных нитей в культуре восточных хантов обязаны своим происхождением, очевидно, местному субстратному пласту, о чем говорит широкое использование необработанных косточек птиц и пушных зверей. Крепилки из кости, изготовленные руками человека, тоже имеют древние местные корни. Их характерная черта у васюганских хантов — ажурность, при этом некоторые крепилки являются стилизованными изображениями животных и птиц. Возможно, возведение указанных черт к стилистическим особенностям кулайского бронзового литья в Нарымском Приобье. Существует несколько датировок кулайской культуры, укажем одну из них: V в. до н. э. — IV в.

---

[45] Любопытно, что игольники на Васюгане, напротив, украшены беднее, чем у других групп.

н. э. [Косарев М. Ф., 1974, с. 146]. Можно полагать, что уже с глубокой древности формирование крепилок было связано с угорской, в частности восточнохантыйской средой. О разобщенности с самодийским миром говорит неразработанность или отсутствие крепилок из кости и рога у ненцев и селькупов. Следует отметить, что по разнообразию типов крепилок, среди которых один представлен оригинальными пластинками или фигурками, восточные ханты четко отделяются как от остальных групп своего народа, так и от других народов Сибири.

С изготовлением одежды связаны кроильные доски. У сургутских хантов для раскроя шкур были специальные доски, украшенные резьбой (рис. 33, *1, 2*), которые у васюганско-ваховских групп не зафиксированы. На Вахе раскрой шкур производился на дне перевернутого деревянного блюда, встречался и прием разрезания шкур «на весу». Сургутские кроильные доски имеют полные аналогии у северных хантов. Но у северных обских угров, кроме того, бытовали так называемые швейки, служившие не только для раскроя шкур, но и вместилищем для рукоделия. У швеек в средней части доски имеется ящичек с крышкой, а по бокам — два-три ряда прорезей с подвижными колышками; изделия обычно богато украшены резным орнаментом.

У восточных хантов изготовление специальных досок для обработки шкур могло произойти по примеру досок для обработки рыбы. Кстати сказать, и здесь применение досок не извечно, например, на Васюгане известны приемы обработки рыбы «на весу». Естественно предположить, что вначале доски были простых форм, и эти древние местные традиции устойчиво сохранялись у исследуемых групп. Придание доскам определенных форм и украшение их резьбой — следующий этап, более характерный для северных хантов; очевидно, у них он завершился созданием швеек.

Выбивалки снега из одежды известны в среде восточных хантов только у сургутских групп, и названия их различались: на Югане *чочыхтип,* на Пиме и Тромъегане *нархип.* Выбивалки I типа — в форме кинжала или меча из дерева (рис. 33, *6, 7*) — аналогичны женским выбивалкам северных хантов, но здесь они

назывались иначе — *нарып*. Северохантыйский термин нарып и восточнохантыйский нархип близки казымскому названию ножа *норхып* в языке-табу медвежьего культа. Очевидно, это не случайно, так как выбивалки I типа имеют аналогии в кинжалах по археологическим материалам [46]. Типологически сходное явление — связь выбивалки с ножом — отмечено у других северных народов. Так, у финских лопарей, сохранивших многие примитивные черты культуры, были выбивалки из оленьего рога или березового дерева, на форму которых сильно повлияли «большие ножи» лапландцев [Itkonen T., 1933, S. 133].

II тип сургутских выбивалок — в форме изогнутой лопатки (рис. 33, *13*) — характерен для правобережных притоков Оби. Сходную форму и название имели мужские выбивалки северных хантов и манси; им подобны и ненецкие. Выбивалки в форме лопаток употребляли не только для удаления снега и пыли, но и для отгребания снега при поисках ягеля или установке капканов. На этом основании вполне допустимо предположение Т. Итконена о связи выбивалки с наконечником лыжного посоха в виде лопатки [Itkonen T., 1933, S. 134]. В то же время, например, сургутские выбивалки очень похожи на колотушки шаманских бубнов, которые могли служить и самостоятельным атрибутом при гадании. Этот тип выбивалок связан с культурой охотников тайги и оленеводов тундры. Стоит отметить, что у исследуемых групп бытовали только выбивалки из дерева, которые предположительно являются более древними, чем роговые [Itkonen T., 1933, S. 135]. У восточных хантов не зафиксированы саблевидные выбивалки, известные у северных хантов, ненцев, коряков, долганов, чукчей.

Многофункциональное опахало-веник, сшитое из двух крыльев водоплавающих птиц (рис. 34, *2—4*), среди восточных хантов зафиксировано только у сургутских; на Вахе и Васюгане его заменяло просто крыло. Название опахала *пайл'ан* одинаково с названием крыла. За пределами исследуемых групп удалось установить использование опахал-вениковъ только у се-

---

[46] Наше внимание на этот факт было обращено археологом В. В. Бобровым — участником экспедиции 1975 г. к хантам р. Юган.

верных хантов. В некоторых источниках сведения относятся к районам совместного проживания северных хантов и ненцев. Традиция сшивания крыльев сложилась, очевидно, на территории современного проживания хантов, скорее всего в северных районах, о чем можно судить по отсутствию опахал у васюганско-ваховских хантов и существованию наиболее развитых форм — с деревянной ручкой — на Казыме. Эти изделия связаны с древней местной культурой приречных жителей, охотников и рыболовов. В качестве противопоставления укажем на оленных коряков, у которых покойнику кладут махалку из лосьего хвоста, чтобы отгонять на том свете комаров и собак.

В соблюдении чистоты и личной гигиены у исследуемых групп хантов большую роль играли стружки березового или осинового дерева и наструганные гнилушки. Последние служили гигроскопическим средством. Стружки известны почти повсеместно в Северной Азии и, очевидно, являются компонентном лесной культуры. Здесь сложилась традиция вытирать посуду стружками, в то время как, например, буряты вылизывали чашки и ложки.

Интересные результаты дает сравнительный анализ циновок восточных хантов. I тип — перевитые вручную бечевками стебли или пучки травы (рис. 32, *6*) — известен на северной окраине исследуемой территории. У. Т. Сирелиус считает его наиболее древним и характерным для хантов севернее Березова, у которых их название буквально означает «связанная трава» [Sirelius U. T., 1903, S. 33, 68]. Такие циновки, но изготовленные из хвороста, известны как единственный тип у многих народов Северной Сибири: ненцев, энцев, нганасан, долган, якутов и чукчей.

1-й вариант II типа циновок у сургутских хантов, сшитых зигзагообразно из плетеных в косу тесемок, имеет аналоги у якутов [47]. Другой сургутский вариант — из широких плетеных полос—зафиксирован также у северных хантов, но живущих южнее Березова. А. А. Попов (1955, с. 142—143) выделяет такие цинов-

---

[47] Циновки из сплетенной в косу веревки, но иной формы (круглой либо овальной) известны у хакасов и шорцев, а также у северных хантов.

ки в угорский вид, с чем можно вполне согласиться, добавив следующее. Восточные ханты одинаково плели циновки из нескольких пучков и соединяли сухожильные нити. Типологически сходное явление известно у горных таджиков, где в одном из названий кос *бурьёбор,* сплетаемых из нескольких прядей, подчеркивается сходство с техникой плетения циновок.

Циновки III типа, изготовленные на станке (рис. 34, *8*), бытовали у сургутских хантов и на Вахе, а также на юге Березовского округа. В литературе неоднократно высказывались мнения о заимствовании этой техники плетения у татар. Обобщая их, С. В. Иванов (1963, с. 70—71) не исключает возможности заимствования циновок такого типа от тобольских татар, а в дотатарское время и от других тюркоязычных народов. Здесь же С. В. Иванов указывает на далекие аналогии у казахов и киргизов. Слово «далекие» он употребляет, видимо, потому, что техника орнаментации циновок названных народов, по признанию исследователя, лишь напоминала хантыйскую. Если же отвлечься от орнаментации, а иметь в виду изготовление простых циновок и используемый при этом станок, то следует согласиться с мнением Е. И. Маховой (1968, с. 32—33) об аналогиях у народов Сибири и казахов, каракалпаков, туркмен, полукочевых в прошлом узбеков, башкир. Интересно, что в зоне совместного проживания казахов и алтайцев циновки являлись традиционным элементом казахской, но не алтайской юрты.

В специальном исследовании А. А. Попова (1955) анализируемые циновки и станок не выявлены у народов Саяно-Алтайского нагорья. Эти факты указывают, что истоки хантыйской традиции изготовления циновок на станке нужно искать восточнее Алтая. Связь восточных хантов с тюркоязычным миром по этому признаку подчеркивается преобладанием у них названия циновки *йеки, йекен*, которое считается тюркским заимствованием [Paasonen H., 1902, S. 117]. Передатчиками традиции, возможно, были барабинские татары, у которых циновки плелись на таком же станке и назывались *йеган.* Внедрившись в восточнохантыйскую среду, станок повлиял на изготовление циновок, относящихся к I и II типам. Сургутские ханты используют станок для переплетения пучков травы и сплe-

тенных травяных циновок, т. е. они «механизировали» способы, бывшие ранее ручными. Аналогии в изготовлении циновок на станке имеются и в противоположном географическом направлении — у нанайцев и айнов. А. А. Попов (1955, с. 142), установив этот факт, считает невозможным говорить о заимствовании, «поскольку угры и народы Приамурья и Сахалина вряд ли когда-либо имели культурный контакт между собой».

Восточные ханты циновки только настилали на нары или пол, а у северных групп их развешивали на стене. Вертикальная установка циновок или развешивание их в качестве дверей и занавесей — типичная черта названных выше народов Средней Азии и Казахстана. Плетеный из соломы занавес использовался томскими татарами, а барабинцы травяными матами обтягивали шалаши. Итак, при возможном заимствовании одного из типов циновок у тюркоязычных народов восточные ханты не приняли вертикальное их расположение. Это является примером этнической избирательности при передаче той культурной традиции, которую, например, березовские ханты восприняли целиком.

Такой вид восточнохантыйских подстилок, как оленья шкура, широко известен народам Северной Азии. На исследуемой территории их использовали просто: невыделанную оленью шкуру клали на спальное место или закрепляли веревкой на ездовой нарте (рис. 34, *5*); очевидно, это местная субстратная черта. Здесь было не принято накрываться оленьими шкурами, и только изредка встречались детские одеяльца из этого материала. В качестве примеров более совершенных форм использования можно указать на укрывание оленьими шкурами у ненцев, на изготовление из оленьих шкур одеял в виде мешка у кетов или одеяла с мешком для ног у эвенков. В верховьях Ваха встречались одеяла из оленьих шкур с клапаном для ног, в чем усматривается влияние эвенков. У восточных хантов было принято накрываться во время сна верхней одеждой, вместе с тем существование собственного названия одеял *люнгвы,* образованного от глагола *лёнтэ* 'закрыть, накрыть', как будто говорит об исконности одеял. Нужно отметить отличие исследуемых

групп от северных по отсутствию специальных покрывал к женской оленьей нарте. У северных хантов его шили из разноцветных кусков сукна с бахромой; у восточных же групп лишь на р. Пим встречались покрывала из магазинных одеял.

Обычай восточных хантов подкладывать в изголовье снятую одежду является общим для народов Северной Сибири и может быть отнесен к древним явлениям этого региона. Судя по терминологии, подушки из птичьего пуха с хлопчатобумажными наволочками — явление более позднее. Название подушки *асым-кырах* является общим для всех групп, образованным от названия изголовья *асым* и мешка *кырах*. Это позволяет допустить естественный путь перехода от изголовья в виде свернутой одежды к подушке. В начале XVIII в. Д. Г. Мессершмидт сообщает о подушках *Ossmakerech* из утиного пера в орнаментированной наволочке из выделанных налимьих кож, которую он купил на территории александровских хантов. Он называет ее «подушкой для стула», и здесь не исключена ошибка, так как стульями ханты не пользовались. Изготовление мешков из налимьих кож было хорошо известно хантам, и вполне вероятно, что одним из таких вместилищ был «мешок для изголовья». По типологии подголовников, разработанной С. В. Ивановым (1974, с. 114—116), восточнохантыйские относятся к мягким подголовникам, известным в бассейнах Амура и Оби. На исследуемой территории преобладали квадратные подушки и лишь на Пиме встречались вытянутые; последняя форма отмечена у северных хантов. Вытянутая форма подголовников характерна для народов Южной Сибири, но там они имели совершенно иное устройство.

Приведенные факты позволяют допустить местное происхождение подушек у восточных хантов. Об этом говорит название, материалы и квадратная форма, если ее считать подражанием форме изголовья из одежды. Существование на р. Пим подушек вытянутой формы пока с трудом поддается интерпретации. Возможно, такая форма является более ранней по сравнению с квадратной и вынесена из Южной Сибири, но не исключено ее позднее заимствование от северных хантов.

Пологи у восточных хантов имели единый покрой

(рис. 34, *1*), одинаково и название *олыв*. Традиция пошива полога из различающихся по расцветке тканей сохраняется у отдельных групп не в равной мере. Наиболее развитые формы встречаем на Агане, где стенки и крыша сшивались из нескольких продольных и поперечных полос, различающихся расцветкой. Этот непременный атрибут хантыйского быта, имевший и социальную значимость, был широко известен у разных групп обских угров, но у северных хантов и манси название его отличалось от восточнохантыйского. Аганские многополосные полога особенно близки казымским и, очевидно, обязаны своими особенностями влиянию переселенцев с Казыма.

Полога известны в быту хантов издавна, о них сообщал еще Гр. Новицкий (1884, с. 38). Прежде их шили из самодельного крапивного холста, а на Васюгане—и из тонко выделанной бересты. У восточных хантов название полога олыв близко названию ткани олвинтых. На связь указывает обозначение у салымских хантов термином *отып* как полога, так и паруса. Допустимы два истолкования приведенных фактов. 1. Появление полога у предков хантов связано с использованием крапивного полотна. В этом случае береста как материал для полога выступала заменителем холста. 2. Полог изобретен до тканей и его первоначальным материалом была береста. Устройство жилищ из бересты — типичная черта восточных хантов, и у их предков могла возникнуть идея изготовления микрожилища из этого же материала для защиты от комаров. Позднее береста была вытеснена самодельным холстом, а затем и покупными тканями. При изначальности любого из названных материалов сама идея создания полога, несомненно, является северосибирской чертой. Пологом из ткани пользовались кеты и ненцы, а в Северо-Восточной Сибири большое значение имели меховые полога.

Сравнение колыбелей у сургутских и васюганско-ваховских хантов в целом дает единообразную картину. Важным признаком общности является использование деревянной колыбели с наклонной спинкой в качестве дневной (рис. 35, *2, 3*), а берестяной без спинки —в качестве ночной (рис. 35, *1*). Устройство каждой из них было одинаковым у всех исследуемых групп.

Название дневной колыбели *антыв* было единым, а ночную называли как этим термином, так и другим — *сахын;* известны и словосочетания, включающие названные обозначения. Локальные различия сводятся к следующему. У александровских и салымских хантов зафиксирована деревянная ночная колыбель, которая была длиннее дневной; спинка ее была ниже и располагалась вертикально, а не наклонно, как у дневной колыбели. Характерная деталь сургутских колыбелей — наличие одной-двух дужек над изголовьем. В левобережье Оби, на Васюгане и Югане, видимо, в прошлом бытовала дневная колыбель со спинкой, но материалом для нее служило не дерево, а береста.

Данные по северным хантам и манси говорят об общем для них типе дневной колыбели: берестяная со спинкой; впрочем, у северных хантов зафиксирована и деревянная колыбель. Ночная люлька имела у них такое же устройство, как и дневная, но была длиннее и с более низкой спинкой. При сравнении восточно- и северохантыйских колыбелей со спинкой выявляются как общие черты, так и различия. Общими являются основные части конструкции и форма, объединяет их также поза ребенка и способ подвешивания колыбели. Но если поставить эти колыбели рядом, то бросается в глаза резкое отличие внешних признаков. На первый взгляд кажется, что северохантыйская колыбель из бересты, сплошь украшенная выскобленным орнаментом, принадлежит народу с иным художественным вкусом, чем скромное деревянное изделие восточных хантов. Особенно интересно, что у последних были популярны разнообразные изделия из бересты, однако этот материал не использовался для изготовления дневных колыбелей. Берестяные ночные колыбели у восточных хантов не орнаментировались, хотя известно много способов орнаментации берестяных изделий другого назначения. Это яркий пример этнолокальной специфики внутри одного и того же народа.

Крест на спинке колыбелей васюганско-ваховских хантов имел, очевидно, охранительную функцию. Роль креста как оберега подробно проанализирована на среднеазиатском материале Е. М. Пещеревой (1959, с. 110). Г. Н. Грачева (1979, с. 75—76) говорит о кресте, как знаке огня, который защищает именно детей.

У сургутских хантов его не изображали, но клали в колыбель другой «знак» огня — спички или наносили ребенку на лоб сажу. Северные ханты и манси приписывали охранительные функции изображениям птиц, выскобленным на спинке колыбели.

Возможные пути формирования исследуемого элемента культуры у восточных хантов удается наметить благодаря специальным исследованиям по тунгусским и алтайским колыбелям, выполненным Г. М. Василевич (1960) и Е. М. Тощаковой (1980), и описаниям колыбелей у кетов, ненцев и селькупов. Восточнохантыйская деревянная колыбель с наклонной спинкой более всего сходна с селькупской. Г. М. Василевич, отметив внешнее сходство хантыйской колыбели с тунгусской, отличала ее от последней по конструкции. Она пользовалась данными только по северохантыйским колыбелям из бересты. Новые материалы позволяют поиному взглянуть на вопрос о связях хантыйских и тунгусских колыбелей.

Принципиальное различие алтайских и тунгусских колыбелей заключается в том, что в первых ребенок только лежал, а во вторых — и лежал, и сидел. В тунгусской колыбели (исходный вариант) сидеть можно было благодаря подвижному креплению бортов и головной части. В более позднем варианте (нижнеамурском) соединение бортов под углом стало неподвижным. В хантыйской колыбели со спинкой ребенок мог лежать или сидеть, и в этом проявляется ее общность с тунгусской колыбелью. Уже приходилось писать о том, что колыбель с наклонной спинкой является у исследуемых групп хантов более древней по сравнению с берестяной колыбелью без спинки. Новые наблюдения подтверждают это положение.

Устанавливая единство хантыйских и тунгусских колыбелей по наличию наклонной спинки, не следует забывать и о различиях в деталях. Во-первых, в тунгусской колыбели спинкой служит головная часть, имеющая борт, а в обско-угорских бытовых колыбелях такого борта нет. Напоминание о нем находим лишь в игрушках и моделях. По аргументированному мнению Г. М. Василевич (1960, с. 18—19), многие признаки тунгусской колыбели, в том числе и высокий борт, обусловлены необходимостью защиты ребенка от ве-

ток в тайге. Менее важно это было для предков хантов, которые передвигались главным образом по воде. Во-вторых, спинка в колыбелях обских угров крепится всегда неподвижно, а для исходных вариантов тунгусской колыбели характерен подвижный способ ее крепления. Можно ли допустить, что неподвижное крепление спинки появилось у хантов из подвижного вследствие такого же процесса развития, каким он показан Г. М. Василевич на примере нижнеамурского варианта колыбели? Вряд ли. В способе соединения спинки и бортов у вышеописанных хантыйских колыбелей вообще нет следов того, что в прошлом он мог быть подвижным[48].

Еще на памяти хантов р. Васюган у них использовалась колыбель из бересты, в которой соединение спинки с бортами осуществлялось иначе, чем в ныне бытующих колыбелях. Об их устройстве можно судить по игрушкам и моделям, которые встречались на Васюгане, Югане и Конде. Они изготовлены из цельного куска бересты, углы которой в ножной части колыбели отогнуты и скреплены как у берестяных сосудов. В головной части по бокам полосы имеются два надреза, равные высоте борта; надрезанная полоса согнута и образует спинку, в надрезах углы заходят один на другой и скрепляются. Именно такой принцип соединения бортов головной и ножной частей присущ общетунгусским колыбелям, и в этом Г. М. Василевич видит их специфику. В хантыйских моделях заложена возможность получения спинки с бортами (как это делается в тунгусских колыбелях), но она не используется, а напротив, устраняется срезом потенциального борта. Г. М. Василевич (1960, с. 20) предполагает, что прототипом деревянной колыбели тунгусов была берестяная, в виде сшитого короба. Как видим, у хантов «тунгусский» способ соединения наблюдается в моделях, изготовленных тоже из бересты.

Еще один признак в конструкции деревянных колыбелей, по которому можно проводить сравнение, — это принцип изготовления стенок. Алтайские колыбе-

---

[48] Такие следы имеются в деревянных колыбелях кетов и тазовско-туруханских селькупов, где стенки состоят из двух гнутых пластин, соединенных ремешками.

ли либо выдолблены, либо их стенки образованы прямыми досками, которые в ножной, а иногда и в головной части соединены поперечными досками, шипами и деревянными гвоздями, а стенки тунгусских, кетских и северо-селькупских колыбелей — это две гнутые доски. В хантыйских колыбелях стенки сделаны из одной гнутой доски, а спинка в виде доски прикреплена шипами. Таким образом, здесь наблюдается сочетание «тунгусских» и «алтайских» черт. Этноразличительные признаки несет в себе также материал. Восточные ханты изготовляли колыбель только из кедрового дерева. Связь с ним прослеживается и в том, что на Васюгане пришедшую в негодность колыбель подвешивали всегда на кедр. Ненка с р. Аган объясняла: «Ханты для сына и для дочери люльку из кедра делают. Ненцы люльки делают для сына из кедра, потому что мужчина из кедра все делает: нарты, облас. Дочери люльку делают из березы, потому что она стружку из березы делает». У селькупов борт колыбели для мальчика делали из ели, а для девочки — из березы.

У алтайцев в верхней части одной стенки колыбели прикреплялись ременные петли, а в противоположной стенке — бечевки; в «лежачей» колыбели тазовско-туруханских селькупов петли и бечевки укреплялись в дне: в том и другом случае бечевки завязывались. В восточнохантыйских и тунгусских колыбелях из дерева ребенка зашнуровывали ремнем, который пропускался сквозь петли, прикрепленные к верхней кромке бортов по обе стороны от туловища (ханты зашнуровывали и берестяную колыбель). Этот способ применялся также в селькупских «сидячих» колыбелях, аналогичных деревянным восточнохантыйским. И, наконец, последняя деталь связана с удалением нечистот. В деревянных колыбелях алтайских народов обычно происходит их сток через желобок или отверстие в дне. У обских угров, ненцев, селькупов и кетов для впитывания мочи клали гнилушки или мох, которые обычно находились в берестяном вкладыше. Этот же способ используется в колыбелях тунгусского типа.

У восточных хантов берестяная колыбель в целом такая же, как у кетов и селькупов. Но имеются и отличия, которые могут отражать этническую специфику, например, способ закрепления ребенка. В берестяной

колыбели ребенок находился первое время после рождения; у селькупов и кетов его затем перемещали в деревянную, а у восточных хантов в берестяной колыбели ребенок спал и ночью. У исследуемых групп она, очевидно, развилась из вкладыша в деревянную колыбель и имеет более позднее происхождение. Такое же мнение высказано Г. М. Василевич (1960, с. 22) относительно амурской ночной колыбели из бересты. Берестяные люльки в виде короба были в XIX в. у тубаларов, шорцев, кумандинцев и челканцев, но они имели ряд присущих только им черт.

Обязательным элементом восточнохантыйской берестяной колыбели без спинки была дужка в изголовье, отмеченная также у кетов и селькупов, но более характерная для многих видов колыбелей у алтайцев, хакасов, тувинцев-тоджинцев. Однако вряд ли будет правильным искать у этих народов истоки изготовления дужки в хантыйских колыбелях. Здесь мы имеем пример детали, функционально обусловленной и способной возникнуть конвергентно. В местах проживания хантов спокойный сон ребенку можно обеспечить, только защитив его накидкой от комаров, для поддержания которой и необходима дужка. Не исключено, что у хантов дужки с берестяной колыбели позднее были перенесены на деревянную; в последних наличие дужки с практической точки зрения не обязательно, так как накидка здесь поддерживается спинкой. Таким образом, возникшая позднее берестяная колыбель «передала» один из своих элементов колыбелям более древнего типа.

У восточных хантов на короткое расстояние колыбель переносили на руках, а во время длительных переходов надевали ремни либо на шею, помещая колыбель перед собой, либо на плечи, неся колыбель за спиной. Отсутствие сравнительного материала лишает возможности выяснить связи по этому признаку. Заметим лишь, что у исследуемых групп детей переносили также в заплечном кузове и, очевидно, не случайно одним и тем же термином *онтып* обозначали как колыбель, так и кузовок.

Крюк для подвешивания колыбели у восточных хантов был одного типа — двусторонний. Двусторонние крюки известны у северных хантов, но там они

снабжены резными подвесками. Двусторонним крюком пользовались кеты, а односторонним — телеуты. Двусторонние крюки, по форме сходные с восточнохантыйскими, известны у тувинцев-тоджинцев и алтайцев, где использовались для подвешивания котлов или сосудов в юрте. Интересно, что у восточных хантов крюки для котлов имели иное устройство, чем колыбельные, различались и их названия.

Путь формирования восточнохантыйских колыбелей был следующим. Древние истоки их основного вида определенно связаны с теми традициями, на которых сформировались колыбели общетунгусского типа, а в некоторых деталях ощущается влияние алтайских народов. При всем том правомерно считать деревянную колыбель со спинкой изделием, созданным в среде восточных хантов. Перед нами пример трансформации вполне определенных обычаев южного происхождения, в результате чего возникло явление, которое может служить этническим индикатором обско-угорской культуры. От восточных хантов колыбель со спинкой попадала к соседним народам. Например, на Агане наблюдалось ее использование в качестве дневной колыбели у ненецкой женщины, вышедшей замуж за ханта; ночью ребенок спал в ненецкой колыбели. Не исключено, что у хантов она заимствована селькупами. Об этом говорит, во-первых, полное сходство селькупской колыбели с хантыйской, вплоть до вырезания креста на спинке. Ребенка в ней зашнуровывали как у хантов, в то время как в деревянной колыбели другого типа части его тела закрепляли иными способами. Деревянная колыбель со спинкой имела в быту селькупов меньшее значение, чем у хантов: в тех случаях, когда ханты пользовались исключительно ею, у селькупов ребенок мог находиться в колыбелях других типов. Ночная колыбель из бересты имеет у восточных хантов местное происхождение, ее прототипом был вкладыш в дневную колыбель. Не исключено, что хантыйско-кетские двойные крюки каким-то образом связаны с алтайскими и тоджинскими, но для решения вопроса нужны дополнительные данные.

Как видим, утварь исследуемой части хантыйского этноса обнаруживает в себе различные пласты и влияния. В процессе их длительного взаимодействия сфор-

мировался ряд признаков, по которым можно выделить, во-первых, восточнохантыйский, во-вторых, общехантыйский комплекс. К восточнохантыйским, т. е. не характерным или мало известным у других групп обских угров, относятся следующие признаки (звездочкой помечены узколокальные признаки, зафиксированные у одной-двух групп восточных хантов).

I.1. *а* — значительная роль заплечного кузова как средства транспортировки при пешем передвижении *; *б* — нагрудная застежка для заплечного кузова *; *в* — вместилище с конструкцией заплечного кузова, но меньших размеров и без лямок *.

I.2. *а* — незначительная высота коробок по сравнению с шириной; *б* — коробки из берестяных пластин с зубчатыми краями *; *в* — берестяные туески *.

I.3. В орнаментации вместилищ из бересты: *а* — слабо выраженное деление узора на вертикальные зоны; *б* — преобладание криволинейных орнаментов; *в* — ажурная резьба с подкладным фоном из сукна *.

I.4. Небольшие чашки и кружки из дерева *.

I.5. Простые формы досок для чистки рыбы, выделки шкур и их раскроя.

I.6. Слабо развитое художественное оформление деревянной утвари.

I.7. Мешки из ткани, украшенные определенным мозаичным узором *.

I.8. *а* — простые формы матерчатых игольников и хранение их сложенными вдвое *; *б* — игольник из ровдуги и ткани с отверстием для наперстка *.

I.9. *а* — разнообразие типов крепилок для сухожильных нитей; *б* — создание и разработка крепилок в виде пластинок или фигурок из кости.

I.10. *а* — сочетание достанковых способов плетения циновок со станковыми; *б* — только горизонтальное расположение циновок.

I.11. Простые формы подстилок из оленьих шкур.

I.12. *а* — определяющая роль деревянной колыбели со спинкой в качестве дневной, а берестяной без спинки — в качестве ночной; *б* — отсутствие орнаментации на колыбелях; *в* — деревянная колыбель в качестве ночной *.

По указанным признакам восточные ханты отличаются от других групп народа, однако не все из этих

признаков сформировались в их среде. Восточнохантыйскими по происхождению, т. е. сложившимися на исторически известной территории исследуемых групп, можно считать признаки I.1.*а*; I.1.*б*; I.1.*в*; I.3.*а*; I.8.*а*; I.9.*а*; I.9.*б*; I.10*а*; I.12*а*; I.12.*б*.

Восточнохантыйский материал позволяет выявить общехантыйский (помечено звездочкой) или обско-угорский комплекс в утвари. Он представлен следующими чертами.

II.1. Максимальное для Западной Сибири видовое разнообразие изделий из бересты.

II.2. Развитие (в качестве единственного) способа крепления верхней кромки сосудов из бересты путем обшивания ее через верх гибкой древесной планкой.

II.3. Создание коробок, скомбинированных из коры березы и пихты *.

II.4. Богатство и разнообразие орнаментации утвари из бересты.

II.5. Деревянные черпаки с плоской черпательной частью.

II.6. Использование корыт для толчения рыбы *.

II.7. Использование коробок из бересты или пихтовой коры для хранения швейных принадлежностей и одежды.

II.8. Мешки из рыбьих кож.

II.9. Художественное оформление боковой полосы у сумочек из шкур.

II.10. Трубчатый игольник с круглым сечением.

II.11. Создание и разработка мягких игольников.

II.12. Опахало-веник из двух крыльев.

II.13. Один из типов циновок (сшитые из широких полос, сплетенных особой техникой).

II.14. Создание собственного типа колыбели в результате существенной переработки прототипа.

Формирование большинства указанных признаков могло происходить на территории, которую ханты занимают сейчас или занимали в исторически документированном прошлом, т. е. в Среднем и Нижнем Приобье. Корни признаков II.2 II.8; II.11; II.14 идут из Южной Сибири. Вполне вероятно, что связанные с ними традиции принесены оттуда угорскими по происхождению группами населения. В Приобье эти традиции в результате дальнейшей разработки или переработки стали этническим индикатором культуры хантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной задачей работы было проведение сравнительно-исторического анализа материальной культуры восточных хантов (средств передвижения, одежды и утвари). Для ее выполнения использован широкий круг литературы по этнографии народов, связанных с хантами общностью происхождения или этноисторическими контактами. Проведенное исследование позволило выявить возможные истоки многих традиций и проследить пути их трансформации в ходе внутреннего развития и под воздействием внешних факторов. Перед нами зримо предстала сложность этого процесса, продолжающегося и в настоящее время.

Впервые была поставлена задача выявления этнографических особенностей в материальной культуре одного из крупных подразделений хантыйского этноса, тогда как прежде восточных хантов выделяли главным образом по лингвистическим данным. В результате определен комплекс весомых признаков, отличающих исследуемые группы от северных и южных хантов, а также от манси.

Далеко не все черты восточнохантыйского комплекса (т. е. отличающегося от западнохантыйского и мансийского) связаны своим происхождением именно с исследуемой частью хантыйского этноса. Истоки многих из них выявляются в других регионах и этносах.

Восточнохантыйский материал позволяет, кроме того, выявить элементы и черты в материальной культуре, происхождение которых связывается с хантами или обскими уграми в целом. В средствах передвижения и утвари трудно вычленить хантыйские черты из-за малоизученности этих компонентов у манси, поэто-

му более или менее определенно можно говорить лишь об общих признаках в одежде.

Формирование большинства хантыйских и обско-угорских признаков могло происходить на территории, которую ханты и манси занимают сейчас и занимали в исторически документированном прошлом. Вероятно, некоторые из этих черт имеют в качестве первооснозы элементы или признаки, привнесенные либо древнейшим местным населением, либо волнами разноэтнических пришельцев, а отдельные традиции могли быть принесены угорским населением с более южных территорий. Однако окончательное оформление элементов, в том виде, как они зафиксированы источниками, правомерно связывать именно с хантыйской или обско-угорской средой. Происхождение единичных признаков, вероятно, восходит к угорской общности (прямая распорка в долбленке) либо к финно-угорской (лыжи с приподнятой ступательной площадкой, большой воротник с прямоугольными лопастями, свисающими на грудь).

Итоги проделанной работы не сводятся только к изложенным результатам. Они несут в себе немало информации, которая способствует решению более общих вопросов соотношения этнокультурных признаков у отдельных групп хантов между собой и с другими этносами, что будет способствовать выяснению проблемы происхождения обских угров. Здесь мы не ставим задачи обобщения материала и подробной аргументации выводов этого плана, а лишь приведем основные положения, вытекающие из работы. Одно из них сводится к тому, что у восточных хантов в большей мере, чем у западных, выражены северосибирские черты культуры, которую условно можно связывать с уральским населением. К их числу относится тягловое собаководство как основной способ транспортного использования собаки; долбленка как единственный вид судна малых размеров; преобладание распашной формы одежды в сочетании с головным убором и башмаковидной обуви; в орнаментации одежды — сочетание тех же материалов, из которых изготовлена сама одежда; большая роль заплечного кузова в переноске груза; простые формы досок для обработки пищи и шкур;

широкое использование берестяных коробок в качестве вместилищ для швейных принадлежностей.

Другое наблюдение касается древних явлений южного происхождения. У западных хантов более заметны связи, ведущие в направлении Средней Азии, а у восточных — к Саяно-Алтайскому нагорью, что особенно наглядно проявляется в одежде.

В материальной культуре исследуемых групп явственно проступают следы взаимодействия с соседними и отдаленными народами, при этом более всего сходных черт обнаруживается в этноконтактной зоне — у нарымских селькупов и кетов. Факты такого рода уже отмечались в литературе, особенно в исследованиях Е. А. Алексеенко, которая посвятила вопросу о кето-угорских взаимодействиях специальный доклад [Alexeenko E. A., 1980, p. 209]. Основные положения этого автора находят подтверждение в новых материалах по восточным хантам. Очевидно, общность традиций в культуре восточных хантов, нарымских селькупов и кетов обусловлена общими региональными явлениями древнего происхождения, но вместе с тем в отдельных случаях фиксируются и поздние заимствования.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа элементов материальной культуры, общих для обских угров и северных самодийцев, говорят о необходимости пересмотра некоторых высказанных ранее положений, касающихся этнокультурных взаимодействий этих народов. С одной стороны, мнение о заимствовании обскими уграми у ненцев оленеводства и оленьего транспорта, а также распашной и глухой одежды из оленьих шкур, как и цельнокамусной обуви, выглядит теперь не столь безусловным; представляется возможным говорить об участии обских угров в формировании названных явлений. С другой стороны, обнаруживается ряд черт, общих у обских угров не только с ненцами, но также с энцами и нганасанами. Имеются в виду покрой одного из типов натазников и малицы I типа, способ выкраивания затылочной части капюшона глухой одежды, бахрома из суконных ленточек в качестве украшения меховой одежды, слабая выемка подъема обуви. Некоторые из этих признаков характерны для одежды народов Северо-Восточной Сибири. Таким образом, предположение Н. Ф. Прытковой

(1970а, с. 94) о существовании в далеком прошлом общего источника происхождения ненецкой и угорской глухой одежды подкрепляется данными по северным самодийцам в целом.

Взаимоотношения хантов с тюркоязычными этносами рассматривались в литературе в двух аспектах. Вначале исследователи, особенно зарубежные, стремились выявить культурные заимствования обских угров от непосредственных тюркоязычных соседей — татар и при этом нередко преувеличивали меру этих заимствований. Впоследствии вопрос стал разрабатываться в плане этнокультурных взаимоотношений обских угров с саяно-алтайскими тюрками. Восточнохантыйский материал говорит о весьма определенных этнокультурных импульсах, исходящих из тюркоязычного мира этого региона; в одних случаях они относятся к весьма отдаленным временам, а в других—к периоду поздних контактов между северными алтайцами и хантами на южной окраине их расселения. Говоря об этом, мы учитываем и те ситуации, когда сходные черты в культуре обских угров и саяно-алтайских народов можно считать угорскими по происхождению. Важно отметить существование целого ряда культурных явлений, общих у восточных хантов с народами Южной Сибири и относящихся к охоте и рыболовству, а в более широком плане — к освоению леса и реки. По ряду признаков выявляются связи с культурами тунгусо-маньчжурских и монгольских народов.

Известно, что существует гипотеза саяно-алтайского происхождения финно-угорских народов, которая наиболее подробно изложена Э. Мольнаром (1955, с. 14—50); позднее эту точку зрения развивал относительно угров (хантов) Л. Р. Кызласов (1960, с. 78, 166—177). Мы не беремся судить о финно-угорских народах в целом или хотя бы обских уграх, но считаем вероятным, что восточная часть хантыйского этноса, территориально наиболее близкая Саяно-Алтайскому нагорью, вынесла оттуда в древности значительную часть своего культурного фонда и вплоть до последних веков испытывала исходящее оттуда влияние. Из сказанного отнюдь не следует некая исключительность происхождения восточных хантов; мы акцентируем внимание именно на них, лишь учитывая задачи настоящей ра-

боты. Во втором ее разделе неоднократно показано на конкретных материалах, что многие элементы саяно-алтайского, или южносибирского, происхождения не составляют специфики исследуемых групп, а свойственны и другим народам Сибири, особенно Западной. Вероятно, некоторые из этих признаков относятся к общему уральскому субстрату, и такие предположения высказаны нами в ряде случаев. Однако подробное выявление комплекса признаков, общих для той или иной группы народов, должно стать предметом специального исследования, а для определения их этнической или межэтнической (например, уральской) принадлежности необходимо предварительно проследить их историческую судьбу в рамках определенных этносов. В настоящее время эта задача является трудноразрешимой из-за отсутствия сравнительно-сопоставительных исследований по материальной культуре народов Сибири и сопредельных регионов, что уже отмечалось в литературе [Сем Ю. А., 1983, с. 125—126].

Детальное рассмотрение элементов материальной культуры, которые являются общими для представителей разных этносов, проживающих в единой природно-климатической зоне Средней Сибири и имеющих одинаковый уровень социально-экономического развития, создает фактологическую базу для конкретизации учения о хозяйственно-культурных типах, историко-этнографических областях и их взаимосвязей с этническими общностями. Теоретические положения этого учения постоянно развиваются (см. одну из последних работ: [Марков Г. Е., 1979, с. 149—152]); примеров же подробной характеристики того или иного хозяйственно-культурного типа в сибирском регионе не так уж много. Несомненно, что сходство многих черт в материальной культуре восточных хантов, селькупов и кетов объясняется принадлежностью их к одному хозяйственно-культурному типу рыболовов и охотников, использующих оленя как транспорт. В тоже время возможно выделение этнических черт культуры, не обусловленных экологически и функционально. Например, женский поясповязка сам по себе связан с определенной его функцией и является межэтнической чертой, однако такие его признаки у хантов, как постоянное ношение и способы украшения, являются этническим индикатором. Платки были

основным головным убором у женщин всех названных народов (в конце XIX и в XX вв.), но только у хантов они использовались как социальный знак в обычае закрывания лица. При очень широком распространении вместилищ из бересты, обусловленном природными и хозяйственными факторами, ханты отличаются от кетов и селькупов наибольшим видовым разнообразием этих изделий и максимальной их орнаментацией, причем большинство способов нанесения орнамента разработано обскими уграми.

Исследование процесса формирования материальной культуры того или иного этноса освещает одну из сторон его истории, и такого рода исторические источники особенно важны для бесписьменных народов, каковыми были и ханты в досоветский период. Выявление исконных черт культуры народа, в данном случае хантов, способствует осознанию их вклада в общесоветскую и общечеловеческую культуру. Знание традиций, которые были выработаны и пронесены через века местным населением, имеет не только научное, но и практическое значение для социального развития его в современных условиях. Ценность многих традиций в хозяйстве и материальной культуре народов Сибири не вызывает сомнения, и сейчас стоит задача их сохранения и использования. Это следует из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. Осознание связей собственного народа с другими этносами способствует утверждению интернационалистических установок.

RESÜMÈE

In der Monographie wird das Problem der Entstehung und der Entwicklung der materiellen Kultur bei den Ostchanten (Ostostjaken) erforscht. Diese Bevölkerung lebt im mittleren Obbassin und an den anliegenden Nebenflüssen: Vasjugan, Jugan, Salym, Vach, Agan, Tromjegan, Pim. In der Sprache der Ostchanten unterscheidet man drei Dialekte: Vach-Vasjugandialekt, Surgutdialekt und Salymdialekt; diese Einteilung ist als Grundlage für die ethnographische Beschreibung genommen. Die Ostchanten beschäftigten sich hauptsächlich mit Fischfang, Jagd und Renhaltung zu Zwecken des Verkehrs.

Für die Arbeit wurden schriftliche Quellen aus den 18—20 Jh., Museensammlungen und auch eigenes Material des Autors, das während der fünfzehn Expeditionen (1968—1983) gesammelt wurde, ausgenutzt. Im ersten Teil der Arbeit sind die Hauptkomponenten der materiellen Kultur (Verkehrsmittel, Tracht und Habseligkeiten) bei den Surgut- und Salymchanten beschrieben (die Angaben über die vach-vasjuganer Chanten waren vom Verfasser schon früher veröffentlicht). Im zweiten Teil der Monographie ist die Hauptaufgabe erfüllt — es wird die historisch-vergleichende Untersuchung der materiellen Kultur von Ostchanten durchgefürt. Dazu wird viel Literatur über andere obugrische Gruppen und auch verschiedene Völker, die mit den Obugriern eine einheitliche Abstammung oder Kontakte hatten, ausgenutzt. Zur Lösung dieser Aufgabe wurde vom Autor auch das sprachwissenschaftliche Material in Betracht gezogen. Durch diese Untersuchung konnte der Autor die Herkunft vieler Traditionen bestimmen und den Wandlungsprozess als Resul-

tat der inneren Entwicklung und unter dem Einfluss der Aussenfaktoren verfolgen.

Zum ersten Mal war die Aufgabe gestellt, gerade ethnographische Eigenschaften einer der grössten chantischen Befölkerungsgruppe herauszufinden. Als Resultat ist ein ganzes Komplex wichtiger Eigenschaften bestimmt, der die untersuchenden Gruppen von den Nord- und Südchanten unterscheidet. Weit nicht alle dieser Besonderheiten sind ihrer Herkunft nach unmittelbar mit den Ostchanten verbunden. Die Herkunft vieler von diesen Besonderheiten führt uns zu anderen Regionen und Völkern. Zu den eigenen ostchantischen kulturellen Erscheinungen, die auf historisch bekanntem Territorium dieser Gruppen entstanden, gehören bei den Verkehrsmitteln folgende: ein Unterschied in der Konstruktion männlicher und weiblicher Schier und eine der Schierformen; die Vertiefung im Kopfende der Handschlitten; geflochtene Zugriemen für den Menschen und den Hund; verschiedene Variante von Hundenvorspann; Ausnutzung der Hand- und Hundeschlitten als einzige Art von Renntierschlitten; einfacher Renntierhalfter aus einem Seil mit einer Nasenschlinge; Über- und Zwischenaugenriemen in einem nichteinfachen Renntierhalfter; gemischte Renntier-Hundfuhrenzüge; folgende Besonderheiten im Renntiergeschirr: die Lagerung beider Ende des Tragriemens von der äusseren Seite der Renntierbeine, ein Riemen zur Verbindung des Tragriemens mit dem Gürtel auf der Seite des Renntiers, die Verknüpfung der Unterbrustriemen bei dem Tragriemen, die abgesonderten Gürtel und Tragriemen, die Verzierung des Gürtels selbst (aber nicht der Verdeckung); das verschiedenartige Sitzen des Menschen bei der Fahrt auf Hundeschlitten und dann auch bei der Renntierfahrt.

In der Tracht gibt es folgende der Herkunft nach ostchantische Elemente: verschiedenartige Stoffe für die Herstellung der Tracht und eigenartige Zusammenfügung der Stoffe; breite Ausnutzung von Vögelhäuten; verschiedene Typen von Hüftenkleider; einer der Hosentypen; Fellfutter für offene mantelähnliche Oberkleider als selbstständiges Element; der weitverbreitete Oberkleiderschnitt mit Schulter- und Seitennähten und tunikweiser Schnitt der Hemden; gewebte Gürtel ohne Ring und das Umnähen der Ränder bei den Stoffgürteln; Verschiedenartigkeit der Schuhtypen und varianten: die Überwiegenheit der pan-

toffelartigen Schuhe mit kombinierten Schuhröhren und einer besonderen Schuhsohlenform; das verkreuzungslose Binden der Schnur bei dem Sommerschuh aus Sämischleder; Schulterriemen für die Befestigung der Schuhröhre; ein Mückentuch; die Verzierung der ganzen Oberfläche bei den pantoffelartigen Schuhen mit angenähten Schuhröhren; das Annähen von Perlenstreifen auf kurze Stoffgürtel; wenig verbreitete Tätowierung.

Zu der Habseligkeit ostchantischer Herkunft gehören folgende Merkmale: grosse Rolle des Schulterkorbs als Beförderungsmittel beim zu Fuss gehen und das Vorhandensein des Brustschnallens für den Schulterkorb; wenig verbreitete Verteilung der Ornamente in vertikaler Richtung auf Körben aus Birkenrinde; einfache Formen von Nadelkisschen aus Stoff und ihr Zusammenlegen für die Bewahrung; verschiedene Befestigungsgegenstände für Sehnenzwirn; gleichzeitige Ausnutzung der Matteflechtung mit und ohne einfache Werkbank; die Hauptrolle der Holzwiege mit Rückenlehne als Tageswiege und Wiege aus Birkenrinde ohne Rückenlehne als Nachtwiege; das Fehlen der Ornamente auf beider diesen Wiegen.

Die ostchantischen Unterlagen erlauben es ausserdem jene Elemente und Züge der materiellen Kultur zu finden, deren Herkunft mit den Chanten im Ganzen verbunden ist. Einige Elemente führen zur obugrischen, ugrischen oder finnisch-ugrischen Urkultur zurück. Die Entstehung und Entwicklung der meissten allgemeinchantischen oder obugrischen Merkmale konnte auf dem Territorium, das die Chanten und Mansen jetzt bewohnen oder vor einigen Jahrhunderten bewohnten, vor sich gegangen sein. Einige dieser Merkmale können von der ureinheimischen Bevölkerung oder verschiedenen zugewanderten Völkern stammen; einige Traditionen aber können von den Ugriern aus südlicheren Bezirken mitgebracht worden sein. Die endgültige Herausbildung dieser Elemente aber, wie sie bisher aus den Angaben bekannt sind, kann man gerade mit den Chanten oder Obugriern verbinden.

Die Forschung zeigte, daß den Ostchanten die nordsibirischen Kulturzüge, die man einigermassen mit den Uralvölkern verbinden kann, mehr als den Westchanten eigen sind. Zu diesen Zügen gehören folgende: die Ausnutzung der Hunde als Zugtiere zur Hilfe für den Menschen; das aus einem Baumstamm gehaute Boot als

einzige Form kleiner Schiffe; die Überwiegenheit des offenen Oberkleides und der Kopfbedeckung als Ganzes; grosse Rolle des pantoffelartigen Schuhwerkes; die Ausnutzung ein- und desselben Materials wie für Kleidungsstücke selbst so auch für ihre Verzierung; grosse Rolle der Schulterkörbe bei der Lastbeförderung; einfache Bretterformen für die Fell- und Nahrungsmittelbearbeitung; breite Ausnutzung von Birkenrindenkästchen für die Nähzeugbewahrung.

Eine andere Beobachtung gehört zu den uralten Erscheinungen südlicher Herkunft. Bei den Westchanten bemerkt man mehr Verbindungen mit Mittelasien, bei den Ostchanten aber mit dem Sajan-Altajgebirge, was meistens in der Bekleidung ausgedrückt ist.

In der materiellen Kultur der zu untersuchenden Gruppen sind Beziehungen mit Nachbarn- und weitgelegenen Völkern spürbar, dabei kommen meisst ähnliche Züge in den benachbarten Siedlungsgebieten (bei den Narymselkupen und Keten) zum Vorschein. Das Studium der für die Obugrier und Nordsamojeden gemeinsamen Elemente der materiellen Kultur spricht von der Notwendigkeit, einige früher vorhandene Meinungen zu verändern. So sieht zum Beispiel die Meinung, dass die Renntierhaltung, das geschlossene Oberkleid aus Renntierfell und hohe Pelzstiefel mit Vermittlung samojedischen Völkerschaften bei den Obugriern bekannt wurden, nicht so bedinungslos aus; offensichtlich können die letzteren an der Entstehung und Entwicklung der genannten Erscheinungen teilgenommen haben.

Die ostchantischen Unterlagen sprechen von bestimmten ethnischkulturellen Erscheinungen, die von Türkenvölkern im Sajan Altajgebirge stammen; einzelne von ihnen gehören zu uralten Traditionen, die anderen aber — zu späteren Beziehungsperioden zwischen den Nordaltajern und den Chanten in südlichen Randbezirken. Es ist völlig möglich, dass die am nächsten zum Sajan-Altajgebirge wohnenden Ostchanten in der Urzeit viele Züge von jenen Völkern übernahmen und dieser Einfluss biss zu den letzten Jahrhunderten gedauert haben kann. Nach einer Reihe von Merkmalen kommt auch die Beziehung zur Kultur der tungusisch-mandschurischen und mongolischen Völkerschaften zum Ausdrück.

Die Untersuchung des Entstehungs- und Entwicklungsprozesses der materiellen Kultur dieses oder jenes Volkes beleuchtet eine der Seiten ihrer Geschichte und solche historische Quellen sind besonders bei den Völkern wichtig, deren Geschichte keine schriftliche Denkmäler aufweist, wie zum Beispiel bei den Chanten vor der Sowjetzeit. Die Entdeckung der eigenen Kulturzüge eines Volkes, im gegebenen Fall der Chanten, fördert die Auffassung ihres Beitrages in die allgemeinsowjetische und allgemeinmenschliche Kultur. Die Traditionen, die von der einheimischen Bevölkerung geschaffen waren und durch Jahrhunderte getragen wurden, sind nicht nur für die Wissenschaft, sondern auch für die gegenwärtige soziale und kulturelle Entwicklung dieser Bevölkerung wichtig.

ИСТОЧНИКИ

Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета, № 238, 239, 268, 269, 270, 364, 365, 366, 405, 421, 422, 437, 459, 471, 472, 473, 534, 538, 539, 552, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 651, 652, 653, 654, 658, 659, 753, 869.

Архив Географического общества СССР, разряд I, оп. 1, д. 41.

Научные фонды и описи музеев: Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), Тобольского государственного музея-заповедника, Томского областного краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета, Ханты-Мансийского окружного музея, Новосибирского областного краеведческого музея, Омского государственного исторического и литературного музея, Государственного этнографического музея ЭССР (г. Тарту).

ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Карл Маркс. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 13. М.: Госполитиздат, 1959, с. 489—493.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». — Правда, 1980, 26 февр.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. — СПб, 1886. — 276 с.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей.— Иркутск, 1932, т. 1.— 386 с.

Алексеенко Е. А. Средства передвижения кетов. — ТИЭ, н. с. М. — Л.: АН СССР, 1961, т. 64, с. 64—97.

Алексеенко Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. — Л.: Наука, 1967. — 226 с.

Алексеенко Е. А. Техника изготовления одежды у кетов.— Одежда народов Сибири.— Л.: Наука, 1970, с. 122—136.

Алексеенко Е. А. К вопросу о ранних кето-угорских взаимодействиях.— Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20—27.VIII.1980. Pars 3. Turku, 1981, S. 3—8.

Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. — Фрунзе, 1962. —288 с.
Антропова В. В. Лыжи народов Сибири. — СМАЭ, 14. — М. — Л.: АН СССР, 1953, с. 5—36.
Антропова В. В. Лодки. — ИЭАС. — М. — Л.: АН СССР, 1961а, с. 107—130.
Антропова В. В. Лыжи. — ИЭАС. — М. — Л.: АН СССР, 1961б, с. 79—106.
Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л.: Наука, 1971. — 216 с.
Антропова В. В., Левин М. Г. Упряжное собаководство. — ИЭАС. — М. — Л.: АН СССР, 1961, с. 55—78.
Арутюнов С. И., Мкртумян Ю. И. Проблемы изучения культуры жизнеобеспечения. — Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Тезисы докладов. — Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1980, с. 18—19.
Арутюнов С. И., Маркарян А. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса. — СЭ. 1983, № 2, с. 22—31.
Арциховский А. В. Лыжи на Руси. — ТИЭ, н. с. — М. — Л.: АН СССР, 1947, т. 1, с. 56—64.
Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. — СПб., 1896.
Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. — М.: Наука, 1973. — 216 с.
Белобородова К. П. Приамурские узоры. — Л.: Художник РСФСР, 1975. — 106 с.
Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Прикладное искусство.— Народное творчество башкир. — Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1976, с. 43—142.
Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. — Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1966, с. 91—120.
Бромлей Ю. В. Этнос и этнография.— М.: Наука, 1973. 283 с.
Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1973. — Наука, 1981.— 390 с.
Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983.— 412 с.
Брук С. И. Население мира. Этнографический справочник.— М.: Наука, 1981. — 880 с.
Буров Г. М. Древние сани Прибалтики, Коми края и Зауралья. — Вопросы финно-угроведения. Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. — Сыктывкар: Изд-во КФ АН СССР, 1979, с. 87.
Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. — М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. — 218 с.
Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. — М.: Наука, 1972. — 314 с.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков. — Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1966, с. 177—187.

Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв. Историко-этнографические очерки.— Казань: Татарское книжное изд-во, 1980. — 232 с.

Валонен Н. Ранние лопарско-финские контакты. Из этнической истории финских племен. — Финно-угорский сборник. — М.: Наука, 1982, с. 59—95.

Василевич Г. М. Тунгусская колыбель. — СМАЭ, XIX. М. — Л.: АН СССР, 1960, с. 5—28.

Василевич Г. М. Эвенки Катангского района. — ТИЭ, н. с. — М.: АН СССР, 1962, т. 78, с. 98—121.

Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири.— СМАЭ, М.—Л.: АН СССР, 1963, 21, с. 3—63.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки.— Л.: Наука, 1969.— 304 с.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ, 1951, № 1, с. 63—87.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Оленный транспорт. — ИЭАС. — М. — Л.: АН СССР, 1961, с. 11—54.

Васильев В. В. Река Демьянка.— Тобольск, 1929.— 36 с.

Васильев В. И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение.— КСИЭ. — М.: АН СССР, 1962, 37, с. 67—75.

Васильев Е. А. Ладьевидные сосуды эпохи бронзы из Нижнего Приобья.— Искусство и фольклор народов Западной Сибири.— Томск: Изд-во ТГУ, 1984 с. 5—17.

Вдовин И. С. Актуальные проблемы этнографии аборигенного населения Сибири и Севера.— Этнографические аспекты изучения современности. — Л.: Наука, 1980, с. 16—28.

Викторова Л. Л. Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов. — Археология и этнография Монголии. — Новосибирск: Наука, 1978, с. 5—15.

Викторова Л. Л. Монгольская одежда. — СМАЭ, Л.: Наука, 1977, 32, с. 169—197.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры.— М.: Наука, 1980.— 224 с.

Винников Я. Р. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР.— М.: Наука, 1969.— 312 с.

Войлочников А. Т., Войлочникова С. Д. Охотничьи лайки. — М.: Лесная промышленность, 1982.— 225 с.

Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения. — История культуры Древней Руси. — М. — Л.: АН СССР, 1951, с. 280—314.

Вяткина К. В. Монголы Монгольской народной республики. — ТИЭ, н. с. — М. — Л.: АН СССР, 1960, т. 60, с. 159—271.

Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. — Л.: Наука, 1969. — 218 с.

Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (материалы и этногенез). — Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. — 228 с.

Гаген-Торн Н. И. Судовые флюгера «сорочки». — СМАЭ, — М. — Л.: АН СССР, 1961, 20, с. 75—83.

Гаджиева С. М. Материальная культура ногайцев в XIX— начале XX вв. — М.: Наука, 1976. — 227 с.

Гаджиева С. М. Одежда народов Дагестана. XIX — начало XX вв. — М.: Наука, 1981. — 150 с.

Гемуев И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов. — Этнография Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980, с. 86—138.

Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство.— СЭ, 1974, № 3, с. 83—95.

Городков Б. Поездка в Салымский край. Путевой дневник.— ЕТГМ, 1913, вып. 21, с. 1—100.

Городков Б. Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири.— Известия РГО.— М.—Л., 1926, т, 58, вып. 2, с. 50—79.

Грачева Г. Н. О происхождении одного из видов женских головных уборов. — К истории малых народностей Европейского севера СССР. — Петрозаводск: Изд-во Карельск. филиала АН СССР, 1979, с. 70—78.

Гревенс Н. Н. Культовые предметы хантов.— Ежегодник Музея истории религии и атеизма. — М. — Л., 1960, 4, с. 427—438.

Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. — М.: Наука, 1980. — 239 с.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. — М.: Наука, 1977. — 227 с.

Гурвич И. С. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов. — Этногенез народов Севера.— М.: Наука, 1980, с. 211—226.

Динес Е. М. Традиционная пища и утварь мордвы. — Исследования по материальной культуре мордовского народа. — М.: Наука, 1963, с. 104—126.

Дмитриев-Садовников Г. С. Ваховский облас.—ЕТГМ, 1913, вып. 21, с. 1—10.

Дмитриев-Садовников Г. С. Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха. — Живая старина, 1916, вып. 1. — СПб.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север.— СПб., 1904.— 281+78 с.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. — Тобольск, 1910, т. 2. — 353+57 с.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. — Тобольск, 1911, т. 3.— 140+51 с.

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как исторический источник. — Л.: Наука, 1975. — 164 с.

Дьяконова В. П., Клюева Н. И. Этнографические коллекции 30-х годов по алтайцам и хакасам в собрании МАЭ.— СМАЭ. — Л.: Наука, 1980, 35, с. 73—84.

Ершов Н. Н. Пища. — Таджики Каратегина и Дарваза. — Душанбе: Изд-во Дониш, 1970, вып. 2, с. 225—257.

Ефимова Л. В. Ткани из финно-угорских могильников I тысяч н. э.— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. — М.: Наука, 1966, вып. 107, с. 127—134.

Жданко Т. А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир. — Археология и этнография Башкирии. — Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971, 4, с. 161—173.

Жеребцов Л. Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. — Сыктывкар: Изд-во КФ АН СССР, 1974. — 45 с.

Жеребцов Л. Н. Этнографическое изучение традиционной пищи народа коми. — Традиционная культура и быт народа коми. — Сыктывкар: Изд-во КФ АН СССР, 1978, с. 39—48.

Жорницкая М. Я., Соколова З. П. Традиционные корни и элементы синкретизма в хореографии обских угров. — Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма. Тезисы докладов. — Таллин, 1982, с. 22—24.

Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. XIX — начало XX вв. — Алма-Ата: Наука, 1964. — 178 с.

Зеленин Д. К. Общие элементы в древних финских и русских костюмах. — СФУ. — Л., 1947, 1, с. 81—90.

Золотарев А. М., Левин М. Г. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. — Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных.— М.: АН СССР, 1940, т. 1, с. 171—187.

Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). — М.—Л.: АН СССР, 1947. — 96 с.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв. — М.—Л.: АН СССР, 1954. — 839 с.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX вв.). Народы Севера и Дальнего Востока. — М — Л.: АН СССР, 1963. — 500 с.

Иванов С. В. Старинные трубчатые игольники народов Сибири. — Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970, с. 196—207.

Иванов С. В. Сибирские подголовники и их место в материальной культуре народов Евразии (XIX — начало XX вв). — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1972, 1973. — Л.: Наука, 1974, с. 114—116.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). — М.: Наука, 1967. — 404 с.

Изделия..., 1911. Изделия остяков Тобольской губернии. — ЕТГМ, 1911, 19. — 136 с.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — 160 с.

Историко-этнографический атлас Сибири.— М.—Л.: АН СССР, 1961. — 498 с.

История открытия и освоения Северного морского пути. — М.: Морской транспорт, 1956. т. 1. — 592 с.

Караулов Ю. Н. Хантыйский язык. — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. — М.: Наука, 1976, с. 239—252.

Кастрен А. М. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). — Магазин землеведения и путешествий, М., 1860, т. 6. — 495 с.

Каталог.... Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Народы Сибири.— Томск: Изд-во ТГУ, 1979, ч. 1.— 342 с.

Ковригина В. А., Марасинова Л. Н. Торговля, пути и средства передвижения. — Очерки русской культуры XVII века. — М.: Изд-во МГУ, 1979, ч. 1, с. 122—144.

Козлов В. П. Основные проблемы этнической экологии. — СЭ, 1983, № 1, с. 3—15.

Козлова К. П. Очерки этнической истории марийского народа. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 345 с.

Козьмин В. А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров.— Этнография Северной Азии.— Новосибирск: Наука, 1980, с. 163—170.

Козьмин В. А. Лодка-нарта в этнографии народов Западной Сибири. — Вестник ЛГУ, 1981а, № 8, вып. 2, с. 29—33.

Козьмин В. А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. (пролема происхождения и типология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1981б.— 21 с.

Козьмин В. А. Экологические факторы сложения западносибирского оленеводства. — Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1981в, с. 150—153.

Козьмин В. А. К вопросу о происхождении нартенного транспорта в западносибирском оленеводстве— Проблемы археологии и этнографии, вып. 2. Историческая этнография: традиции и современность. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983а, с. 45—55.

Козьмин В. А. Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей.— Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. — Омск, 1983б, с. 21—25.

Конаков Н. Д. Охотничий и рыболовный промыслы и их место в традиционном хозяйстве народа коми (зырян). Дис. ... канд. ист. наук.— Сыктывкар (рукопись), 1978.— 202 с.

Коновалов А. В. Этнокультурные контакты кош-агачских казахов и теленгитов. — Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1979, с. 124—128.

Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М.: Наука, 1974. — 165 с.

Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. (публикация).— ТИЭ, н. с.— М.: АН СССР, 1962, т. 78, с. 276—291.

Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX — середины XX вв.— М.: Наука, 1979.— 207 с.

Крюков М. В., Сафронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы.Проблемы этногенеза. — М.: Наука, 1978. — 342 с.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев. — Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1956. — 160 с.

Крюкова Т. А. Этнографические параллели в одежде финно-угров Поволжья и Сибири. — Вопросы финно-угроведения. — Йошкар-Ола, 1970, вып. 5, с. 201—268.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Этнографические очерки. — Томск: Изд-во ТГУ, 1977. — 225 с.

Кызласов Л. Р. Тыштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. — М.: Изд-во МГУ, 1960. — 197 с.

Кызласов Л. Р. Рец. на кн.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. — Советская археология, 1964, № 1, с. 349—355.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. — М.: Наука, 1980. — 176 с.

Лашук Л. П. Упряжное собаководство в Северо-Западном Приуралье. — КСИЭ. — М.: АН СССР, 1954, 20, с. 26—34.

Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX вв. — Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда (середина XIX — начало XX вв.). — М.: Наука, 1967, с. 193—267.

Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. — СЭ, 1946, № 4, с. 75—108.

Лукина Н. В. Средства передвижения нарымских селькупов. — Уч. зап./ТГУ. 1966, № 60, с. 108—118.

Лукина Н. В. Материальная культура васюганско-ваховских хантов в конце XIX — начале XX вв. Дис.... канд. ист. наук. — Томск (рукопись). 1972а. — 193 с.

Лукина Н. В. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов. — Материалы по этнографии Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1972б, с. 67—92.

Лукина Н. В. Тюркские параллели в материальной культуре васюганско-ваховских хантов. — Археология и краеведение Алтая. — Барнаул, 1972в, с. 80—81.

Лукина Н. В. Оленеводство ваховских хантов. — Из истории Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1973, вып. 5, с. 145—168.

Лукина Н. В. Некоторые вопросы этнической истории восточных хантов по данным фольклора. — Языки и топонимия. — Томск: Изд-во ТГУ, 1976, с. 158—161.

Лукина Н. В. Об особенностях культуры отдельных групп хантов. — Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978, с. 114—119.

Лукина Н. В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). — Томск: Изд-во ТГУ, 1979а. — 239 с.

Лукина Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX — 70-е годы XX вв.). — СЭ, 1979б, № 6, с. 110—121.

Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX — XX вв. — М.: Наука, 1971. — 167 с.

Львова Э. Л. Лыжи и нарты чулымских тюрков. — Материалы по этнографии Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1972, с. 140—151.

Люшкевич Ф. Д. Одежда жителей центрального и юго-западных районов Ирана первой четверти XX в. — Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. — Л.: Наука, 1970, с. 282—312.

Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. — Л.: Наука, 1975. — 200 с.

Маретина С. А. Одежда народов Северо-Западной Индии (на примере панджабцев и кашмирцев). — Одежда народов Зарубежной Азии. — Л.: Наука, 1977, с. 5—25.

Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. — М.: Изд-во МГУ, 1979а. — 303 с.

Марков Г. Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры. — Проблемы типологии в этнографии. — М.: Наука, 1979б, с. 147—158.

Маслова Г. С. Проблемы и методы изучения материальной культуры (Опыт работы советских ученых). — VII Международный Конгресс антропологических и этнографических наук. — М.: Наука, 1970, т. 5, с. 7—13.

Материалы по фольклору хантов. Записи, введение и примечания В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978. — 216 с.

Махова Е. И. Узорная циновка.— Народное декоративное прикладное искусство киргизов. — М.: Наука, 1968, с. 31—47.

Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. — Новосибирск: Наука, 1975. — 308 с.

Молодин В. И. Кыштовский могильник. — Новосибирск: Наука, 1979. — 181 с.

Мольнар Э. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. — Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.— Budapestini, 1955, 13.— 141 с.

Морозова А. С. Туркменская одежда второй половины XIX— начала XX вв.— Занятия и быт народов Средней Азии.— Л.: Наука, 1971, с. 168—223.

Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре). — МИА, 1953а, № 35, с. 189—220.

Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. — МИА, 1953б, № 35, с. 72—106.

Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. — М.: Наука, 1976. — 132 с.

Мошинская В. И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири.— История, археология и этнография Сибири.— Томск: Изд-во ТГУ, 1979, с. 34—45.

Мурашко О. А., Эренбург Р. Б. Остяцкие коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д. Н. Анучина. — Вопросы антропологии.— М.: Изд-во МГУ, 1977, вып. 55, с. 218—233.

Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры середины XIX — начала XX вв. — М.: Наука, 1977. — 184 с.

Народы Америки. — М. — Л.: АН СССР, 1959, т. 1. — 672 с.

Народы Сибири. М. — Л.: АН СССР, 1956. — 1083 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное... в 1715 г. — СПб., 1884. — 116 с.

Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски.— СПб., 1904.— 257 с.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. Северная Азия на заре истории.—Новосибирск: Наука, 1980.— 167 с.

Орлова Е. Н. Современное Васюганье.— Жизнь Сибири, 1926, № 4, с. 66—82.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства,— СПб., 1786, ч. 2.— 476 с.

Пелих Г. И. Происхождение селькупов.— Томск: Изд-во ТГУ, 1972.— 421 с.

Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии.— ТИЭ, н. с.— М.—Л.: АН СССР, 1959, т. 42, с. 109—115.

Писарчик А. К., Хамиджанова М. А. Узорные изделия из кусочков материи курама или курок.— Таджики Каратегина и Дарваза.— Душанбе: Изд-во Дониш, 1959, вып. 2, с. 203—223.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.— М.: Наука, 1974.— 200 с.

Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия.— СМАЭ,— М.—Л.: АН СССР, 16, с. 41—146.

Попов А. А. Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии.— СМАЭ.— М.— Л.: АН СССР, 1958, 18, с. 5—121.

Посредников В. А. Хозяйство еловского населения Приобья (Эпоха поздней бронзы).— Из истории Сибири, вып. 16.— Томск: Изд-во ТГУ, 1975, с. 3—28.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические.— СПб. 1881, вып. 4.— 182+90 с.

Потапов Л. П. Одежда алтайцев.— СМАЭ.— Л.: АН СССР, 1951, 13, с. 5—59.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев.— М.: Наука, 1969.— 402 с.

Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения труда в русском государстве XVII в.— Историческая география России XII — начала XX вв.— М.: Наука, 1975, с. 129—142.

Прокофьева Е. Д. Орнамент селькупов.— Краткие сообщения Института этнографии.— М.: АН СССР, 1950, вып. 10, с. 31—39.

Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов).— СМАЭ, М.—Л.: АН СССР, 1961, 20, с. 54—74.

Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов.— Материальная культура народов Сибири и Севера.— Л.: Наука, 1976, с. 139—155.

Прыткова Н. Ф. Жертвенное покрывало казымских хантов.— СМАЭ.— М.— Л.: АН СССР, 1949, 11, с. 376—379.

Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды народов Сибири.— КСИЭ, 1952, вып. 15, с. 19—22.

Прыткова Н. Ф. Одежда хантов.— СМАЭ.— М.— Л.: АН СССР, 1953, 15, с. 123—233.

Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда.— ИЭАС.— М.— Л.: АН СССР, 1961а, с. 329—368.

Прыткова Н. Ф. Головные уборы. — ИЭАС. — М. — Л.. АН СССР, 1961б, с. 329—386.

Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник. — Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970а, с. 3—99.

Прыткова Н. Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири. — Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970б, с. 208—222.

Прыткова Н. Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах одежды обских угров). — Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX вв. — Л.: Наука, 1971, с. 101—112.

Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов. — Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976, с. 5—88.

Равдоникас Т. Д. Одна из функций стеганой одежды народов Средней Азии. — СМАЭ, — Л.: Наука, 1978, 34, с. 175—181.

Рассудова Р. Я. К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского районов. — СМАЭ, — Л.: Наука, 1978, 34, с. 154—174.

Рассудова Р. Я. К истории женской одежды Ферганы и Ташкента. — Полевые исследования Института этнографии. 1979.— М.: Наука, 1983, с. 164—178.

[Рубрук]. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М.: Географиздат, 1957. — 278 с.

Руденко С. И. Очерки быта северо-восточных казаков.— Казаки. — Л.: АН СССР, 1930, с. 1—72.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М. — Л.: АН СССР, 1953. — 402 с.

Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. — Л.: АН СССР, 1955. — 397 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960.— 360 с.

Русско-коми словарь. — Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1966. — 776 с.

Саар Э. Современная народная одежда северных хантов. — Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. Октябрь 1982 г. Тезисы докладов.— Нальчик, 1982, с. 218—219.

Сатлаев Ф. Кумандинцы. Историко-этнографические очерки XIX — первой половины XX вв.— Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, 1974. — 200 с.

Сем Ю. А. Некоторые вопросы сравнительно-сопоставительного изучения материальной культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока СССР. — Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография: традиции и современность. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, вып. 2, с. 124—130.

Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения.— М.: Наука, 1980.— 240 с.

Сергеева Г. А. Об обычае избегания у народов Грузии.— Полевые исследования Института этнографии. 1974. — М.: Наука, 1975, с. 141—148.

Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. — М.: Наука, 1965. — 227 с.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. — М.: Наука, 1976. — 311 с.

Сирелиус У. Т. Домашние ремесла остяков и вогулов. — ЕТГМ, 1907, вып. 16, с. 41—69.

Словарь современного русского литературного языка.— М.—Л.: АН СССР, 1956, т. 5, 1918 стб.

Соколова З. П. К истории жилища обских угров. — СЭ, 1957а, № 2, с. 88—105.

Соколова З. П. Обско-угорское жилище и его история. Дис.... канд. ист. наук. — М. (рукопись), 1957б.

Соколова З. П. К вопросу об истории развития обско-угорской землянки — Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1959а, вып. 1.

Соколова З. П. Обско-угорские дощатые постройки.— КСИЭ, М.: АН СССР, 1959б, вып. 21, с. 60—67.

Соколова З. П. Современные селения и жилища ваховских хантов. — ТИЭ, н. с. — М.: АН СССР, 1960, т. 56, с. 178—198.

Соколова З. П. Из истории жилища обских угров. — Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. — Budapest, 1963а, S. 334—348.

Соколова З. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров. — ТИЭ, н. с. — М.: Наука, 1963б, т. 84, с. 182—233.

Соколова З. П. Ханты рр. Сыня и Куноват (Этнографический очерк). — Материалы по этнографии Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1972, с. 15—66.

Соколова З. П. Финно-угроведение в Венгерской Народной Республике. — СЭ, 1974, № 4, с. 121—128.

Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров. — Этногенез и этническая история народов Севера.— М.: Наука, 1975, с. 186—210.

Соколова З. П. Страна Югория. — М.: Мысль, 1976.—119 с.

Соколова З. П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов. — Этногенез народов Севера. — М.: Наука, 1980, с. 89—117.

Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси).— Этническая история народов Севера. — М.: Наука, 1982а, с. 8—47.

Соколова З. П. Путешествие в Югру. — М.: Мысль, 1982б. — 173 с.

Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII — XIX вв. Проблемы рода и фратрии. — М.: Наука, 1983. — 325 с.

Сорокин Н. В. Путешествие к вогулам. — Труды об-ва естествоиспытателей при Казанском университете, 1873, т. 3, № 4. — 61 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю, Л.: Наука, 1975, т. 1.— 672 с.

Старкова Н. К. Ительмены. Материальная культура XVIII в. — 60-е годы XX в. Этнографические очерки. — М.: Наука, 1976. — 166 с.

Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. — Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. — Л.: Наука, 1982, с. 144—237.

Старцев Г. А. Остяки. Социально-этнографический очерк.— Л.: Изд-во Прибой, 1928. — 152 с.

Старцев Г. А. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. — Л.: Издание Института народов Севера, 1930. — 170 с.

Стеблин-Каменский И. М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев.— Страны и народы Востока. —М.: Наука, 1975, с. 192—209.

Сухарева О. А. К истории художественного ремесла в Узбекистане (производство табакерок). — СМАЭ, — М. — Л.: АН СССР, 1953, 14, с. 119—139.

Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии.— ТИЭ, н. с.— М.: АН СССР, 1954, 21, с. 299—353.

Сухарева О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. — Костюм народов Средней Азии. — М.: Наука, 1979, с. 77—102.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX вв.). — М.: Наука, 1982.— 140 с.

Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика, теория, трактовка в литературе и искусстве.— М.: Наука, 1975.— 132 с.

Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX — начало XX вв. — Л.: Наука, 1975. — 236 с.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельской АССР). Этнографический очерк. — М.: Наука, 1965. — 225 с.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ваховский диалект. — М. — Л.: АН СССР, 1961, ч. 1. — 204 с.

Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. — Л.: Наука, 1981. — 541 с.

Терещенко Н. М. К сравнительному изучению лексики самодийских языков. — СФУ, 1971, № 4, с. 285—297.

Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры.— СЭ, 1970, № 4, с. 3—17.

Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978. — 208 с.

Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. — Томск: Изд-во ТГУ, 1980. — 275 с.

Торчинская Э. Г. Мужская одежда азербайджанцев XIX— начала XX вв. по собранию Государственного музея этнографии народов СССР.— Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.— М.: Наука, 1971, с. 136—154.

Тощакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев. — Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976, с. 182—197.

Тощакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX вв.). — Новосибирск: Наука, 1978. — 160 с.

Файнберг Л. А. О некоторых параллелях в культуре самодийцев и эскимосов (к проблеме древних этнических связей между Азией и Америкой).— Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М.: Наука, 1981, с. 128—141.

Федорова Е. Г. Одежда манси XIX—XX вв.— Этнокультурные явления в Западной Сибири.— Томск: Изд-во ТГУ, 1978, с. 196—207.

Федорова Е. Г. Элементы нового и традиционного в современной материальной культуре манси. — Полевые исследования Института этнографии, 1978. — М.: Наука, 1980, с. 73—79.

Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. — М.: 1882. — 578 с.

Фирнштейн Л. А. Материалы по пище узбеков Южного Хорезма. — Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. —М.: Наука, 1972, 1, с. 50—59.

Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. — Душанбе: Изд-во Дониш, 1974, с. 138—181.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (лингвистическая и этногенетическая интерпретация). — М.: Наука, 1982. — 164 с.

Хомич Л. В. Оленьи нарты и упряжь у ненцев. — СМАЭ. — М. — Л.: АН СССР, 1961, 20, с. 40—53.

Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. — Л.: Наука, 1966. — 329 с.

Хомич Л. В. Одежда канинских ненцев. — Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970, с. 100—121.

Хомич Л. В. Деревянная и меховая утварь у ненцев. — Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л.: Наука, 1976, с. 173—181.

Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. — Л.: Наука, 1976б. — 189 с.

Хомич Л. В. Тюркские элементы в культуре ненцев. — Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. — Омск: Изд-во ОмГУ, 1983, с. 35—39.

Хороших П. П., Гемуев И. Н. Берестяные изделия селькупов. — Этнография Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980, с. 171—184.

Чернецов В. Н. Термины средств передвижения в мансийском языке. — Сб. статей «Памяти Богораза». — М. — Л.: АН СССР, 1937, с. 349—365.

Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. — ТИЭ, н. с. — М. — Л.: АН СССР, 1947, с. 113—134.

Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров. — СЭ, 1948, № 1, с. 139—152.

Чернецов В. Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в.— СМАЭ. — М. — Л.: АН СССР, 1949, 10, с. 7—33.

Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье. — МИА.— М.: АН СССР, 1953, № 35, с. 221—241.

Чернецов В. Н., Мошинская В. И. О некоторых общих чертах в культурах народов Западной Сибири и Северной Америки. — Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974, с. 288—293.

Чиндина Л. А. Соболь в пластике населения Среднего Приобья. — Проблемы западносибирской археологии эпохи железа. — Новосибирск: Наука, 1981, с. 144—148.

Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского края. — ТТКМ, 1927, т. 1, с. 3—31.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки). — ТТКМ, 1931, т. 4, 174 с.

Швецова М. Алтайские калмыки. —Зап. /Зап.-Сиб. отделение РГО, — Омск, 1898, кн. 23, с. 1—34.

Широкова З. А. Одежда. — Таджики Каратегина и Дарваза. — Душанбе: Изд-во Дониш, 1970, вып. 2, с. 116—202.

Широкова З. А. Одежда. — Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. — Душанбе: Изд-во Дониш, 1973, с. 182—273.

Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. — Душанбе: Изд-во Дониш, 1976. — 206 с.

Шитова С. Н. Народная одежда башкир.— Археология и этнография Башкирии. — Уфа: БФ АН СССР, 1968, 3, с. 125—227.

Шитова С. Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства. — Археология и этнография Башкирии. — Уфа: БФ АН СССР, 1971, 4, с. 174—177.

Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир. — Этнография Башкирии. — Уфа: БФ АН СССР, 1976, с. 50—93.

Шитова С. Н. Башкирская деревянная утварь (опыт классификации и типологической характеристики).— Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX вв. — М.: Наука, 1979а, с. 170—202.

Шитова С. Н. Утварь из кожи у башкир. — Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX вв. — М.: Наука, 1979б, с. 146—169.

Шмелева М. Н., Тазихина Л. В. Украшения русской крестьянской одежды.— Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX вв.— М.: Наука, 1970, с. 89—123.

Шульц Л. Р. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков).— Записки Тюменского общества изучения местного края, 1924, вып. 1, с. 166—200.

Ahlquist A. Unter Wogulen und Ostjaken. Reisebriefe und ethnographische Mitteilungen. 1883.— 307 S.

Ahlquist A. Ueber die Kulturwörter der obischen-ugrischen Sprachen.— JSFO, 1890, VIII, S. 1—23.

Alekseenko E. A. To the Problem of early keto-ugric interaktions.— Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20—27. VIII. 1980, Pars II.— Turku, p. 209.
Bakró-Nagy M. Sz. Die Sprache des Bärenkultus im Obugrischen.— Bp., 1979, T. 1, S. 23—59.
Castren M. A. Wörterverzeichnisse aus den samoedischen Sprachen.— S.-P., 1855.— 404 S.
Donner K. Ueber das Alter der ostjakischen und wogulischen Renntierzucht.— FUF, 1927, Bd. XVIII, Hf. 1—3, S. 115—144.
Dömötör T. Hungarian Folk Customs.— Corvina, 1972.— 88 c.
Futaky I. Tungusische Lehnwörter im Ostjakischen.— Wiesbaden, 1975.— 84 S.
Gunda B. A népraiz és a magyar östörtehet. 1943.— Цит. по: Kodolányi J., ifj., 1965, c. 73.
Itkonen T. Der Schneeklopfer- und schaber, ein arktischen Gerät.— MSFOu, 1933, LXVII.
Itkonen T. Ueber die Wurfschlinge der Lappen.— FUF, 1939—1940, Bd. XXVI, S. 217—218.
Joki A. Auf den Spuren der steinzetlichen Cerviden.— MSFOu, 1973, 150.
Kaarma M., Voolmaa A. Eesti rahvarôivad. — Tallinn: Eesti Raamat, 1981.— 462 c.
Kannisto A. Die tatarische Lehnwörter im Vogulischen. — FUF, 1925, XVI.— 264 S.
Kannisto A. Ueber die Tatuierung bei den. ob-ugrischen Völkern.— MSFOu, 1933, LXVII, S. 159—185.
Karjalainen K. F. 1899. 1900. 1901. Ostjakkeja oppimassa matkakirjeitä. — H., 1899, 1—3—74 c.; 1900, 4—30 c.; 1901, 5—32 c.
Karjalainen K. F. Literatur über das Ostjakische und die Ostjaken.— FUF, 1906, Bd. VI, Hf. 1—3, S. 3—15.
Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra—Völker.— Helsinki—Porvoo, 1921, 1—204 S.; 1922, 2—386 S.; 1927, 3—352 S.
Kodolányi J. jr. Einige Lehren der Forschungen über die materielle Kultur der obugrischen Völker.— Congressus sekundus internationalis Fenno-ugristarum.— Helsinki, 23—28. VIII, 1965, Pars II, S. 190—198.
Kodolányi J., ifj.— Az obi-ugor népék állatartása a XIX században.— A népraajzi örtesitö,— Bp., 1965, XLVII, c. 67—86.
Kodolányi J., ifj. A bör az obi-ugor férfiruházatban. Отд. оттиск, 1966, c. 49—88.
Kodolányi J., ifj. Az obi-ugor nöi ruházat.— Ethnographia, 1967, LXXVIII, 3, c. 368—405.
Kodolányi J., jr. Frauenkleidung der Ob-ugrier.— AE, 1969, T. XVIII, S. 91—132.
Kodolányi J., jun. Zur Entwicklung der ob-ugrischen Unterkleider.— Congressus Tertius Internationalis Fenno-ugristarum.— Tallin 17—23. VIII. 1970, Teesid II, S. 53.
Konsin K. Surguti hantide olme eripära.— Ethnografiamuseumi Aastaraamat, 1978, XXXI.— Tallinn: Valgus, c. 149—176.
Korenchy E. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen.— Bp., 1972.— 112 S.
Manninen I. Suomenisukuiset kansat. Kuvauksia esineellisen Kulttuurin alalta.— Porvoo, 1929.— 416 c.

Manninen I. Die Finnisch-ugrischen Völker.— Leipzig, 1932.— 384 S.
Martin F. R. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. — Stockholm, 1897. — 45 S., 23 Taf.
Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727, Th. 4.— Berlin, 1968.— 283 S.
Moor E. Die Ausbildung des ungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte (VI).— Acta Linquistica, 1959, Tom. LX, fasc. 1—2, S. 117—186.
Paasonen H. Ueber die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF, 1902, Bd. 11, S. 81—137.
Paasonen H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Zusammengestellt, neutranskribiert und herausgegeben von Kai Donner.— Helsingfors, 1926.— 324 S.
Patkanov S. Irtisi-ostják szójegyzék (Vocabularium dialekti ostjakorum religions fluvii Irtysch).— Bp., 1902.— 254 c.
Rudenko S. I. Die Ugrier und die Nenzen am unteren Ob.— AE, 1972, T. 21 (1—2), S. 1—55.
Semayer W. Wogulisch-ostjakische ornamentierte Rindgefässe.— Anzeiger der Ethnographischen Abteilung des ungarischen Nationalmuseums. 1908, Jahrg. IV, Hf. 1.
Semayer W. Die Tracht der Ostjaken und ihre Stickereien.— Anzeiger der Ethonographischen Abteilung des Ungarischen Nationalmuseums, 1914, Jahrg. VI, S. 167—172.
Sirelius U. T. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. — H., 1903. — 75 S.
Sirelius U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen.— Helsingfors, 1904, XVI S., XLI Taf.
Sirelius U. T. Ueber die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.— 486 S.
Sirelius U. T. Ueber die primitiven Wohnungen der finnisch-ugrischen und ob-ugrischen Völker.— FUF, 1906—1911, Bd. VI—IX, XI.
Sirelius U. T. Primitive Konstruktionsteile an phähistorischen Schiffen.— FUF, 1913, Bd. XIII, Hf. 1—2, S. 1—6.
Sirelius U. T. Ueber einige Prototype des Schlittens. — JSFO, 1913—1918. XXX, S. 1—26.
Sirelius U. T. Ueber die Art und Zeit der Zähmung des JSFO, 1913—1918, XXX, S. 1—26.
Sirelius U. T. Die Herkunft der Finnen. — H., 1924. — 77 S.
Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien.— Ethnos, 1938, N 1, S. 125—140.
Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten, I Teil.— Tartu, 1939.— 460 S.
Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten, II Ttil.— (Tartu) — Stockholm, 1941.— 208 S.
Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus.— Stockholm, 1944.— 144 S.
Steinitz W. Einige Kapitel aus der ob-ugrischen Vokalgeschichte. — Sonderdruck aus Forschen und Wirken. Festschrift zur 150—Jahr—Feier der Humbolt-Universität zu Berlin, Bd. III.— Berlin., 1960a, S. 335—348.

Steinitz W. Ostjakischt Lehnwörter im Russischen.— Zeitschrift für Slawistik, 1960b, Bd. 5, Hf. 4, S. 483—519.
Steinitz W. Etymologische Beiträge (III). Selkupische Lehnwörter im Ostjakischen.— Acta Linquistica, 1963, T. 13, fasc. 3—4, S. 213—223.
Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache.— Berlin, 1966, Lief. 1, S. 1—95; 1967, Lief. 2, S. 97—224; 1968, Lief. 3, S. 225—352; 1978, Lief. 8, S. 865—992.
Steinitz W. Zu den samojedischen Lehnwörtern im Ob-ugrischen.— Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten, Bd. IV.— Bp., 1980, S. 158—185.
Toivonen Y. H. Türkische Lehnwörter im Ostjakischen. — JSFO, 1943—1944, L11, S. 1—20.
Tschernetzow V. N. Bärenfest bei den Ob-ugriern.— AE, 1974, T. 23 (2—4), S. 285—319.
Wiklund K. B. Frageschema für die Erforschung des Renntiernomadismus. — JSFO, 1913—1918, XXX, S. 1—17.
Vahter T. Ornamentik der Ob-ugrier.— Société Finno-Ougrienne. Travaux ethnographigues, IX.— H., 1953.— 216 S., 199 Taf.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БФ — Башкирский филиал АН СССР
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ИЭАС — Историко-этнографический атлас Сибири
КФ — Коми филиал АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОмГУ — Омский государственный университет
РГО — Русское географическое общество
СМАЭ — Сборник МАЭ
СФУ — Советское финно-угроведение
СЭ — Советская этнография
ТГМЗ — Тобольский государственный музей-заповедник
ТГУ — Томский государственный университет
ТИЭ, н. с. — Труды Института этнографии АН СССР, новая серия
ТТКМ — Труды Томского краевого музея
AE — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae
Bp — Budapest
FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen (Helsingfors—Leipzig)
JSFO — Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki)
H — Helsinki
MSFOu — Mémories de la Société Finno-Ougrienne (Helsingfors-Helsinki)

РУССКО-ХАНТЫЙСКИЙ СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ

Сокращения в обозначениях говоров: А — аганский; Ал — александровский; В — ваховский; Вю — васюганский; П — пимской; С — салымский; Те — тромъеганский; Ю — юганский.

Сокращения источников: М — Митусова Р. А. (по описям ГМЭ); Т — Терешкин Н. И. (1981); Ш — Шатилов М. Б. (1931); Шл — Шульц Л. Р. (1924); Р — Paasonen H. (1926). При отсутствии указания на источник использованы записи автора.

Написание слов дано в транскрипции Н. И. Терешкина с некоторыми упрощениями (по техническим причинам). Транскрипция составлена на основе латинского алфавита. Дополнительные знаки имеют следующие фонематические значения: $\overset{\circ}{a}$ — *а*-образный гласный, заметно огубленный, с сильно отодвинутой назад артикуляцией; $\overset{\smile}{a}$ — заднерядный неогубленный краткий гласный (*а*): $\overset{\vee}{a}$ — переднерядный неогубленный краткий гласный (*а*); c — переднеязычный согласный, сочетание смычного со щелевым (близко к *ч*); Y — звонкий заднеязычно-увулярный щелевой согласный (между *х* и *г*); *i* — заднерядный неогубленный гласный (*ы*); $\overset{\vee}{k}$ — глухой увулярный (*к*); *n'* — среднеязычный сонорный (*нь*); $\overset{<}{\eta}$ — заднеязычный, смычный; носовой (*н*); $\overset{\smile}{o}$ — заднерядный, огубленный краткий гласный (*о*); $\overset{\vee}{o}$ — переднерядный огубленный краткий гласный (*о*); $\tilde{s}$ — переднеязычный щипящий (*ш*); t' — среднеязычный, глухой смычный (*ть*); $\overset{\vee}{и}$ — переднерядный огубленный краткий гласный (*у*); *д* — переднерядный неогубленный редуцированный гласный (между *э* и *и*).

Термины из работ Р. А. Митусовой, М. Б. Шатилова и Л. Р. Шульца (их немного) приведены в записи авторов — русскими буквами.

аппликация А Те Ю l'utдр (Т).

армяк В wardз l'opi (Т), Вю söγinän (Т); Ю súkmán (Т).

банка А onk;

для окурков Ю polciγ panka;

для табака Ю cakдm panka.

баран нарты В likдr kúsд (Т), Ю aγдlan; Вю aγдn.

бархат В Вю nojntqγ (Т).

бахрома, кисть А Те Ю rasi (Т), С rasnд (Т), В Вю А Те rut (Т);

на недоуздке А pocn'ur, Те rossitд;
на спинке кумыша Те rasit.

береста В Вю А Те Ю tonidγ (Т), С tontд (Т);
на ступательной площадке лыж Ю nimдl polpetд t'ont'oγ.

беседка лодки Ю А pдsдtka part (Т);

кормовая Вю söγдsamsil (Т), Те saγдs part (Т).

бечевка В kacwд (Т), Вю kacwa (Т), А Те Ю kacдp (Т).

бидон А piton.

бисер В äjköγ (Т), А Те Ю С suk (Т).
блок оленьей нарты Ю А Те loŋki (Т), В juγpul, liγrдnjuγ.

блюдо В Вю änдγ (Т), Ю Те А anдγ (Т), Те А juγanдγ.

блюдце В laγдs köγдl (Т), А l'aptдγ anдγ (Т), С toptдk (Т),
Те cajanдγ.

бляшка литая А Те Ю nojwaγ (Т);

металлическая покупная В Вю kocдl (Т).

борт лодки В Вю paj (Т), А Те Ю paj (Т), С poj (Т).

браслет П kotsort.

бубенчик В Вю kдγдl (Т), А Те С kuγдl (Т), Ю kuwдl (Т).

бутылка Ю kaw-iдŋŋдl' (Р), А Те kaγjдŋl' (Т), В käγjдŋдl (Т).
ведро А Те Ю t'ori (Т), В witrä (Т), А Те Ю witra (Т).

веревка А concoγ.
весло В luw (Т), Вю juw (Т), А Те Ю l'up (Т), С tup (Т);

кормовое В söγдsluw (Т), Те sawдsl'up (Т).

вздержка — капюшона Te wencmaγolconc;

штанов Ю såдр.

вилка В jiγliŋwaγ (Т).

вкладыш колыбели А saγдn, Te antдpmun saγдn, Ю antдp taγtд saγдn, kur saγдn taγtд saγдn.

волокуша из шкуры Ю kewrem.

ворот, воротник повс. rok (Т);

из подгрудка оленя Te surmaŋ rok (Т).

вставка—в голенище или головке обуви А Te kaγдn (Т), С káwдm (Т);

между голенищем и головкой П n'irpoŋtдγдta, Ю n'ir sor;

между штанинами Te pitдecal;

на груди матерчатого кумыша А mдγul'дl';

на заднике обуви П n'irsawonc;

по бокам подъема обуви Te n'ul'puŋil'.

выбивалка снега Ю cocдγtip, Te narγip (Т), А Te С sдr (Т).

вяз(ок) в нарте — головной А aγulaγдnjuγ, Te aγдnjuγ;

между копыльями В Вю ilt (Т), А Te ilt (Т), Ю iγдl't (Т);

П illi.

гнилушки В Вю cew (Т), А Te Ю cap (Т), С sap, Вю jaγдs (Т).

голенище В n'irwej (Т), Te n'irwaj (Т), А В Te Ю n'irsor (Т).

из холста Ю tal'l'д-korrд (Р).

головка обуви В n'ir oγ (Т), Вю n'irwän'дm (Т), Te n'iroγ (Т), Ю n'iroγ.

гребень В Вю kunciw (Т), А Te Ю kuncip (Т), С kunsдp (Т).

держатель наперстков П l'uj niki, l'uj kirдγ, Te l'uj jirti soγ.

дно — кузова нарты Te aγul pitдpert;

лодки В А Te Ю rit pдtд (Т).

доска — для обработки рыбы П kut part, А kul'warta part;

для резания табака Ю cakдmcopitд part.

дужка — колыбели А Te kusд;

котла В put nor (Т), Te put nor (Т).

завязка В Вю sдγдl (Т), А Те Ю sдγдl' (Т);
из сплетенной травы В Вю pum'sдγдl (Т);
на подъеме обуви А surn'ur;
на конце голенища А Те kotдl', Ю kiγдn, П n'irkot'el;
на поле одежды В Вю А Те Ю kдγдn (Т), С kдηдn (Т),
П kдγдn;
на спинке одежды А pockiγдn.
задник — лыж Ю А nimдl' l'ojak;
обуви В n'ir jotlaη, n'ir poc (Т), Те n'ir jotlaη (Т),
А Те n'is saγдn't (Т).
задок нарты В Вю puci (Т), А Те Ю puci (Т), С pusд (Т).
замок В Вю sämдk (Т), А Те Ю samдk, С samok (Т).
застежка оленьей упряжи А Те Ю niki (Т), Те sollд niki loγ.
зеркало В wän'дmsaliwaγ (Т), Те wan'дmsal'iwaγ (Т),
С wan'дm tajдttд waγ (Т).
игла швейная В Вю jintдw (Т), А Те Ю jintдp (Т), С jintдp (Т);
граненая В uraηjintдw (Т), Те urдηjintдp (Т), Ю urдn,
jintдp.
игольник В Вю nämдt (Т), А Те Ю namдt (Т), Вю nämä.
изголовье Те Ю asдm (Т), А С osдm (Т).
кадка В Вю katka (Т), Те А kátka (Т), Ю kajnás (Т),
Ю kätka.
кадушка для теста В n'an'werte kätka (Т), П n'an'kac.
калташиха (котел) В Вю köγput (Т), А Те kaγput (Т), Ю kawput,
(Т), С käwput (Т), В sanar (Т), А Те saran (Т), С soran (Т).
камус В Вю köwдl (Т), А Те Ю kóрдl' (Т), С kápдt (Т).
капюшон — кумыша Те kuηдs oγ (Т), kunдs mil';
малицы А moldwsioγ, П uwдl'.
караван нарт Те wintaγutanas.
карман Вю pit' poηдl kirдγ (Т), С kдsa (Т).
картуз, фуражка С kártus (Т).
кастрюля С kóstrul (Т).
кисет Ю Те А kansa kirдγ, В masn'a kirдγ (Т), Ал mosn'a,
С kosal (Т).
клеенка С pдsan taγtд (Т).

клин — в одежде Те l'uŋkдl';
на подъеме обуви А n'ur taγдtд;
около капюшона А sдm kul'äm.

ключ Ю taman (Р).
ковер А Те kaγдr (Т), Ю С káwдr (Т).
ковшик А Те koŋki (Т).

колокольчик В t'alä (Т);
на колыбели П roŋkintep.
колотушка Ю moŋki (Т);
для размягчения шкур Вю mäγ (Т);
для рыбы А Те möγдr (Т).
колыбель — дневная В numamtдw, А Те Ю antдp (Т), С ontдp (Т);
ночная В il amtдw, А il' saγдn, П Те kar saγдn.
кольцо — защитного мешка на лыже А nimдl kirдγ l'oγ;
лыжного крепления Ю nimдl'nirk;
лыжного посоха В Вю А Те Ю kuc (Т);
недоуздка пристяжного оленя Ю jirtдwдγ l'oγ.
кольцо (украшение) В lujwaγ (Т), А Те Ю l'ujwaγ (Т).
С tujwaγ (Т).
копыл нарты повс. kurд (Т), Те aγul kurд.
кораль Те wal'i at' (Т).
корма В Вю söγдs (Т), А Те saγдs (Т), Ю sawдs (Т),
С sawдs (Т).
коробка — для игрушек Ю paki jiŋil;
из бересты В Вю jдŋдl, malci (Т), А Те Ю jдŋдl' (Т),
С jдŋдt (Т), С kukдr (Т);
из бересты, большая цилиндрическая Ю kucem;
из бересты, цилиндрическая Ю kökkдr (Р);
из пихтовой коры А Ю kär jдŋдt, А nöljiŋil;
плетеная Вю keränik (Т), Те l'ár jaŋдl' (Т), С tarд jдŋдt;
(Т), А cдr jiŋil', П t'ar jiŋic, В ёкмын (Ш).
коромысло С kujantд (Т).
корыто В kuri (Т), А Те Ю kuri (Т), С kurд (Т), А juγ ándγ;
для толчения сушеной рыбы В juk kuri (Т), пут-семете-

юг-куро (Ш).

коса (прическа) В Вю söγ (Т), А Те Ю sаγ (Т).
косоплетка В lantiw (Т), Вю jantiw (Т), В оγn'ur (Т).

косточка (для размешивания чая) П t'aj riwtд pдn'.

котел В Вю А Те Ю put (Т), С put (Т), Вю n'äηдlciw (Т);
большой Вю t'ojдn (Т);

железный С waγ put (Т);

медный С wдrtд waγ put (Т);

чугунный В Вю köγ put (Т), А Те Ю kaγ put (Т), С káw put (Т).

кочерга В Вю cäγinjuγ (Т).

крепилка для сухожильных нитей Вю pana loγ, В panansasдnlöγ, А Ю panдnsátipl'oγ, П panдnsásintдl'oγ, А namдt l'oγ, näl'tдml'ok.

крепления лыж В Вю wät (Т), А Те Ю С wat (Т).

кружка Те А kukдrдnдγ (Т), Ю kukдrándγ (Т), С kurдska (Т).
крюк В Вю wiηkäli (Т), А Те Ю wiηkli (Т), С wiηkld (Т);
для колыбели А l'ål'i waγ, В lajγintдw (Т);
для котла Ю А П wiηli.
крючок для вожжи П sol'l'i punol' l'oγ, Ю sar n'ur sal'l'i wдγ, Те solloγo.

кузов — заплечный В Вю А Те Ю kint (Т), С kent (Т), Ал kint; нарты Ю aγдl ldγpi.
кузовок — для высокорастущих ягод В Вю kil (Т), А Ю Те wun't'дp (Т), С un't'дp (Т), Ю ontдp;

для низкорастущих ягод Ю А norдn saγдn.

кумыш А Те Ю С kuηдs (Т), П kuηдs, В moldwsi (Т);
из ткани П Те noj kuηдs, П keγi måldpsi.

ладонь рукавицы А Те pås kitl' (Т).

лампа А Те Ю låmpa (Т), С lampa (Т).
ластовица Те kunl' (Т), Ю А kunдl' (Т), П kunдl.

лист (для просушки ягод) Ю jom sårдl'tдtд saγдn.
ложка повс. pan' (Т), С n'aldд (Т);
чайная Ю pдn'.
лодка С rit (Т);

большая, дощатая В Вю kiriw (Т), А Те Ю kajдk, kirip (Т),

С kirap, kajдk (Т), А Ю sдrдn rit (Т), А par rit;
крытая В kor̆дn kiriw (Т), Te koraη kajдk, korдη,
rit (Т), Ю каrдη rit.
лопата В Вю piliw̆ (Т), Te pili (Т), А Ю pili (Т), В imsil
juγ (Т), А Te С sдr (Т);
для снега Ю tänt pil'l'i;
для хлеба П n'an' pil'l'i.
лопатка — для помешивания варева Ю pil'l'i;
для теста Ю nän-sдr (Р), П pil'l'i, А нянь-верта-паленчин (М).
лопасть — весла В luw waγ (Т), Te l'up waγ (Т), С tupwaγ;
tup pilд (Т);
весла, лопаты В Вю lamp (Т).
лучина В laηjuγ (Т), А Te Ю lanjuγ (Т).
лыжи-голицы В А Te Ю С lump (Т), Вю joγ (Т);
голицы мужские Ю kuj l'ump;
подволоки В Вю nimдl (Т), А Te П nimдl (Т);
подволоки женские Ю niη nimдl';
с подставкой Ю poγlдηnimдl'.
лямка (оленьей упряжи) А Ю ul'l'ek, Te uläktos.
малица В mдl't'i (Т), А Te Ю malдpsi (Т).
мат (для вытирания ног) А Te t'aγpд (Т).
материя, ткань В Вю täs (Т), Ю tás (Т), А Te tas (Т),
П sowдt.
мачта парусная В parwisäηkдl (Т), Вю parwi äηkдl (Т),
Te pardsaηkдl' (Т).
мешок В Вю Te Ю kirдγ (Т), С kerд (Т);
для белок А танки-понто-кырах, теут-кырах (М);
защитный на лыжах Ю nimдl'kor̆д, А nimдl'kirдγ;
из палимьих шкур В sдγsoγli kirдγ.
мешочек — для чая Ю t'aj pontд kirдγ, П t'aj kirдγ;
с огнивом Вю kawlak (Т), kawlak, А kákkдη (Т),
Ю kipдtl'д (Т), Te kapдtl'д (Т).
миска железная Te waγ anдγ (Т).
мыло В Вю majtik (Т), А majtik (Т), С mojtek (Т).
мыльница Te majtik kat̆.
набой — дощатой лодки А Te wartopka (Т), Ю wártoka (Т),

С wartop (Т);

обласка В Вю paj (Т), А Те Ю paj (Т), С poj (Т).

завершница малицы В Вю kecwдs (Т), А Те Ю kдcpдs (Т),

А moldwsi kordγ; В mдl't'i kordγ.

наволочка Те asдmkirдγ kordγ (Т).

нагрудник А Те maγдl'nдη (Т), Ю mawдl'nдη (Т).
налобник Ю l'áηki tulдk, А tulдk (Т).
наперсток Вю juj (Т), В luj (Т), А Те Ю luj (Т), С jonttuj (Т).

нарта В likдr (Т), Вю ikдr (Т), А Те Ю aγдl (Т)

оленья А Те Ю wal'i aγдl (Т);

ручная А aj aus, П ajawtalli;

собачья А Ю amp aγдl (Т).

нарта грузовая (оленья) А jutaptiaus, Те wintaγul;
для дров А Те mis (Т);

для духа Те l'unk aγul, katmul'aγul;

для шестов чума А Те mis (Т), Те katjuγi mis, nirmi mis;

с ящиком Те pert aγul, А pertaus.

нарта ездовая (оленья) Те l'äl'дn aγul;

женская А imi aus;

крытая katдη aγдl' (Т), Те kordη aγдl (Т);

мужская А parcetaus.

наряд, одеяние А Те Ю tal' (Т), С tat (Т).
наушник В Вю pдldη (Т), А Те Ю pдl'дη (Т)
нашейник С танке дур (Шл).

нащеп нарты В Вю waγдljuγ (Т), А waγдl' (Т), Те waγдl' (Т),
С waγдt (Т).
недоуздок В Вю päk (Т), Ю ol'nдn, Те oγulnдn;
верхового оленя В kowti päk, päk loγ;

пристяжного оленя Ю wint ol'nдn.

недоуздок-оброть Ю n'ol concдγ.

нитки сухожильные В lan pandд (Т), Вю jan pana (Т), Те l'an pandд.

(Т), Ю pannд, Вю kul't' (Т), А Те Ю kul't (Т).

ноговицы С wat'дmn'ir (Т).

нож хлебный П nan' warta kocдγ.

ложка повс. kurə̑ (Т);
стола В pə̑san kurə̑ (Т), Те pə̑sə̑n kurə̑ (Т).
нос лодки В rit sär (Т), Те rit sar (Т), А rit nör (Т).
носок — из шкуры Ю kinc oγ;
у лыж Ю n'ol', А nimə̑l oγ;
у обуви В n'ir n'ol (Т), Те n'ir n'ol' (Т).
обертка (для сухожилий) А l'an̊ tontə̑γ.
обласок В Вю А Те Ю rit (Т), А Те Ю ajrit.
ободок (крепления лыж) А Те Ю lump n'ə̑ri (Т).
обоз оленей А Те anas (Т).
оборка Те canc juwə̑l' (Т), В kurjórwə̑ (Т);
платья П jarnas ucə̑p, Те jernas saγatip.
обувь В Вю Ю А Те n'ir (Те), С n'ir (Т), Те П poki, П wäcimoγ;
1 — влагоустойчивая Ю jiŋkn'ir;
2 — домашняя Ю kat̊ n'ir;
3 — женская Те А niŋ n'ir;
4 — зимняя Ю tiγlə̑t n'ir, tə̑l'ə̑γ nir;
5 — из камусов («кисы») В Вю koli (Т), В köwə̑lli n'ir (Т),
В punə̑ŋn'ir (Т), Те А punə̑ŋ n'ir (Т), С punə̑ŋ n'ir (Т),
Ю jə̑rə̑γə̑n n'ir, П punə̑n n'ir, poki;
6 — из ровдуги В Те n'ur n'ir (Т), n'ur n'ir;
7 — летняя Ю l'oŋ n'ir;
8 — нового образца А П n'ir cop, Те purka;
9 — поршневидная А l'okun n'ir, Те l'okə̑n n'ir, П lokon n'ir;
10 — расшитая подшейным волосом оленя Те surmə̑n n'ir (Т),
А Ю surə̑mə̑nn'ir.
обшивка голенищ n'iraγtə̑p (Т);
нагрудного разреза П maγwul, Ю maγ ut.
обшлаг Ю А Те l'itoŋ.
одежда А Те Ю l'omə̑ttot (Т), А sak pak (Т), Вю saj (Т),
Вю А Те Ю uc (Т), С us (Т);
1 — верхняя В l'opi (Т);
2 — глухая (см.: кумыш, малица);
3 — длинная, широкая В liwə̑s (Т);

4 — повседневная A kacəŋkotltajto;
5 — праздничная A jem kotl tajtot;
6 — распашная (см.: армяк, зипун, сак, халат, шуба).

одеяло B lüŋwə (T), Вю lüŋwä (T), C laŋk, A Te Ю liŋk (T).

ожерелье A Te Ю kaksam (T), Te turpiγəl (T), C tur kaw (T).

олень B Вю weli (T), A Te Ю wal'i (T), C watə (T);

для грузовой упряжки Ю wint wal'i;

передовой B sär weli (T), Te sar wal'i (T);

пристяжной A Te Ю pelək wal'i;

средний (3-й) Te kutəmwal'i;

средний (4-й) Te nil'l'ot wal'i.

опахало-веник A Te Ю pajl'an (T), C jaγtəp (T), П joγt'int'ip.
опушка (на подоле кумыша) Te saγaril.

оторочка (на верхней одежде из шкур) A Te saγtəp (T).
оттяжка копыльев Ю poi piγul'.

очки B sem waγ (T), A Te Ю sam waγ (T), C samwaγ (T).
очкур B Вю siγəw (T), A Te Ю siγəp (T), C seγəp (T).
палец (на рукавице) Te pas pan (T).

палочка (для управления верховым оленем) B weli wanсəγ juγəli.
пальто детское A səkəli.

парус B Вю parwis (T), A Te Ю parəs (T), C otəp (T).

пеленка Te antəp korə.
перед кумыша Te konəl';

платья Te jernas kon, П oγitti.
передок нарты B Вю äγən (T), A Te aγən (T), Ю áγən (T),

C áŋən (T), A likər siŋi (T), A Te Ю aγəl'siŋ (T),

Te aγul'sar.
перекладина — барана нарты Ю jakanjuγ;
кузова нарты Ю maγə juγ;
рукоятки весла A lup pa.
переплет кузова нарты Ю aγulsaγpə.
перина A Te Ю C périna (T).

перстень B paγləŋ lujwaγ (T).
перчатка B lojəŋ päŋəŋ pas (T), Te l'ojəŋ paŋəŋ pas (T).

пест Ю ajmaŋki (P);

к ступке для табака Ю cakəmwartəjuγ, A чекан люутчим (M).
петля — для пуговицы Ю П kiγənwəs (T), Te wis (T);

на подъеме обуви А l'okut.

планки — дла кузова у нарты Ю aγдlпдтдsol';

стенок кузова у нарты Ю aγдl punдlsol'.

пластина — металлическая (украшение) В waγ lawдs (Т), Те waγl'árдs (Т);

набедренная Те Ю kur tontдγ;
налобная Ю ol'nдnl'ok, Те сдm lokutд;
налобная у верхового оленя В jurдn päk loγ;
нащечная Те pulдmlokutд, Ю pul'дml'ok.

платок В sumintдγ (Т), Вю samintдγ (Т), Те А sumintдγ (Т);

накомарник Ю kajmisumin'tдγ, kдwremsumin'tдγ;

с кистями А Те Ю raseη sumintaγ (Т);
шейный Ю kдprek (Р).

платье А niη jarnas;
со сборками В Вю köγriwäη (Т).
плащ Ю jom saγ.

плот В А Те Ю parд (Т), С porд (Т).
площадка ступательная (у лыж) В Вю рдγдl (Т), А Те рдγдl' (Т).

поводок (оленьей упряжи) В Вю päk püγдl (Т), Те nåрдtl'tдn'ur (Т).

повязка налобная Те ŏγ måγдl', С сарават (Шл).
подвески — из желудка кедровки П worдр sдγwдk;
из металлических колец П siγдr;
литые (на ножнах) П sotдmlimt'i.
подвязка В Вю jorwä (Т), С jдrдр (Т);

подколенная П canpiγit, А Те cancjдγдl (Т), Ю canjuwдl';

поясная (для штанов) В Вю siγдw, püγдl (Т), Те siγдр piγдl' (Т).
подкладка (одежды) Ю kдt'kдs (Р).

подол В pun't'дγ (Т), Вю pun'cдγ (Т), А puci.
подошва обуви В Те n'ir pдtд (Т), А Те piti, Ю petд, n'iritim;

из «щеток» с ног оленя П l'uwl'ipet'д.

подставка — для чайника А caj put part, Ю caj put omдttapart;
на лыжах Ю nimдl poγlдη.

подстилка В narwa (Т), Вю narwд (Т);

из оленьей шкуры А Те taγtд (Т).
подтяжки Те onpiγul', П onpiγдt.

подушка В Вю asmkirдγ (Т), Ю Те asдmkirдγ (Т), А osдmkirдγ (Т).

С osдmkere (Т).

подшивка лыж Ю ŋimдl'saγ.

покров, покрытие повс. korд (Т);

лодки В Вю koraŋ kiriw (Т), тонтох (Ш).

пола, борт В Вю kimдl (Т), А Те Ю kimдl' (Т);

нагрудного разреза Те moγul;
сака Ю sak kimдl'.

полено-светильник Вю korkal (Т).

полка В А Ю narдm (Т), С norдm (Т), Те al'l'дŋpart,

А punγuli pert, В lдmдt (Т), Вю jдmдt (Т), П tдmдt'.

полог В Вю olдw (Т), А Те Ю ol'дp (Т), С sajдp, otдp (Т).

полоз А Те Ю å l' (Т), С ot' (Т);

нарты В likдr раγдl (Т), Вю ikдr рдγдl (Т), А Те Ю aγul' ol';

саней aγдlal (Т).

полоса — 1 — из бисера на подоле А Те Ю рдnt (Т), Те suk рдnt (Т), П pinc;

2 — из бисера на поле Ю mдγut nampдnt;
3 — из бисера или ткани на поле А pint (Т);

4 — из меха на подоле или поясе сака А Ю kinlintдγ, П sak puci soγ;
5 — из меха, с внутренней стороны сака А kinliŋtдγ;
6 — из пуговиц А kiγдn;

7 — из ткани на кромке полы А maγulnil pint;

8 — из ткани на полах, подоле, обшлагах Ю А poc;
9 — между подошвой и голенищем Те ojel';

10 — на голенище сзади Те sawonc;
11 — на голенище, средняя впереди Те jenik;

12 — на подоле платья Те jernas puci;
13 — поперечная на подошве обуви Ю mдγ;

14 — с орнаментом А Те Ю П kanca pint'.

полоска — 1 — из бисера на устье рукава Ю l'it oŋ;

2 — из меха (украшение голенища) П jacep;
3 — из меха (украшение головки обуви) П n'ir ojel;
4 — из ровдуги или ткани, на обуви Ю l'itip;

5 — из сукна, на обуви П n'oj tawдt;

6 — из ткани, по низу подола платья П l'itip, Ю kдcpдs;

7 — из ткани, по подолу платья выше оборки Те jecip;

8 — из ткани, по устью рукава А l'ampit.

полотенце В wänдmmoηдttд olwintaγ (Т).

получулок П kinc cop.

посох лыжный Те saηkip (Т), А Ю saηkip (Т), Ал soγ juγ, piliw.

постель Те al'tдlat (Т), А Ю ol'tдlat (Т), С ottдlot (Т).

постромка В seγд (Т), Вю seγä (Т), А Те Ю saγд (Т), С sдγд (Т);

для собаки В Вю amp seγд (Т), Те omp saγд (Т).

потяг (в собачьей упряжи) Ю am concoγ.

пояс В Вю дntдw, А Те Ю дntдp (Т);

нательный Ю tötem, А Те t'ol'дmi (Т);

повязка В Вю worдp (Т), А Те Ю worдp (Т), С worдp (Т);

с металлическими побрякушками В Вю kocldη (Т).

пояс оленьей упряжи В saldд (Т), Те sol'д (Т), Ю sol'i (Т).

правилка для шкур С tдwtдp (Т).

пройма Те l'it wis.

пряжка Вю käγriwäη waγjoγ (Т), А Те Ю laγpд (Т), С taγдp (Т).

пуговица В waγ paγдl (Т), В paγдl (Т), Ю П kiγдn, Вю muηkдl' (Т);

железная Вю waγ muηkдl' (Т);

костяная Вю loγ muηkдl' (Т).

распорка в лодке В Вю toγдt (Т), А Те toγдt (Т), Ю towдt (Т), В kiriw mec (Т), Те ritmac (Т);

дугообразная С miγдr (Т).

ремень — для раскачивания колыбели Вю antдw kolдγtд n'ur (Т);

для соединения оленей в упряжке Ю pдlдk n'ur (Т), jurtд n'ur.

лыжного крепления Ю nimдl' wat (Т);

подбородочный (в оленьей упряжи) Ю rok n'ur;

подгрудный (в оленьей упряжи) Ю ul'l'ek;

пяточный (в креплении лыж) Вю poj wät (Т), А Те poj piγдl' (Т);

шнуровка колыбели В koilciw (Т), Вю kotl (Т), А Те Ю kocдl' (Т), С kosдt (Т).

ремешки (в оленьем недоуздке) Ю päk rüt.

решето Вю jorдwilăk (Т), Те l'orдp il'дk (Т);
для подсушивания рыбы А limдt.

рожон В Вю jiwдs, norjuγ (Т), А Те Ю norjuγ, Ю jipдs (Т),
Ю sorjank, П jank, С jaŋkjuγ, patдkjuγ (Т).

рубаха В Вю jernäs (Т), Ю jarnas (Т), А Те jarnas (Т);
верхняя А Те kimpi jernas (Т);
нижняя В uj jernäs (Т);

рукав В lit (Т), Вю jit (Т), А Те Ю l'it (Т), С tit (Т).

рукавицы В Вю pas (Т), А Те Ю pȯas (Т), С pos (Т);
зашитые Ю kirдγ pos;
пришивные Ю jдrдγдn pos;
ровдужные В n'ur pas (Т), Те n'ur pȯas (Т).

сак (одежда) А Те Ю sak (Т);
1 — детский А sakдli, ajsak, Te newrämsak;
2 — домашний Ю sakpirli;
3 — из ткани А olpintдγ sak;
4 — из шкур А punдη sak;
5 — из шкур зайца Ю ceγur saγ;
6 — из шкурок турпана Те siŋk sak;
7 — короткий П sakcop;
8 — праздничный Ю jim saγ;
9 — промысловый Ю newtдγ saγ, wajkince saγ.

самовар В samowar (Т), С samдnar (Т).

сани В kaŋli (Т), Вю kaŋli (Т);

сапог В Вю sapik (Т), А Те Ю sȯapik (Т), С sopak (Т).

свеча Вю cäm (Т), С sam (Т), Те naj katl't д oŋk (Т).

связка (копыла с полозом) Ю poi piγul'.

сени, крыльцо В Вю lewдη (Т), А Те Ю l'apдη (Т), С tápдη (Т).
серьги В Вю А Те Ю ront (Т), С runt (Т), Ю pдl'ront.

сито Вю ilkäk (Т), А Те Ю il'ek (Т), Ю saw-il'ek (Р), saγдn.

скамейка Вю amsilpert (Т), imlin (Т), А Те Ю ȯamдstд pдsan (Т).

скатерть Те pдsan kori (Т).

складка (в одежде) В Вю köγriη (Т), А Те Ю l'omдr (Т).
сковорода Те kăγănдγ (Т).
собака В Вю ămp (Т), С Ю А Те amp (Т).

сосуд (из бересты) В Вю soγдn (Т), А Те Ю saγдn (Т), С saηдn (Т);
для клея В ejдmput.
сошка, развилина В Вю jiγli (Т), А Те Ю jikдl (Т);
тагана А put liγ, П put tiγ.
союзка Те nül puηil.
спинка — кузова нарты Те aγulsarperγen, puciperγen,
Ю aγдl puci pert;
одежды В Вю poc (Т), А Те Ю poc (Т), С pos (Т), П poc.
стакан Ю дstákán (Р).
стекло для керосиновой лампы А Те Ю pusir (Т).
стелька из травы А Те Ю il'дm (Т), С itдm (Т), П n'iril'tдm,
стенки кузова нарты Те aγul komon paγol.
столик В Вю pдsän (Т), В pert (Т), Ю pдsán (Т), А Те pдsan (Т).
стружка В Вю ciwдγ (Т), А Те Ю ciγдp (Т), С siγдp (Т),
П ciγдp.
стул, табуретка В amlдγiltд pдsän (Т).
ступка Вю soma (Т), В somma (Т);
для сушеной рыбы Ю püt-sánttд-maηki (Р);
для табака Т cakemwártдanдγ (Т), Ю cakдmwartдanдγ.
А чекан аных (М), В луват-рогыта-кёгол (Ш);
для черемухи Ю jom sдpta kurí.
сукно А Те Ю nojtaγtд (Т), С noj, nyj (Т), В Вю nójintдγ.
сумка швейная В jantд kirдγ, Ю jânta kirдγ, pun kirдγ,
А Те koj kirдγ, Те П jinta l'ujkirдγ.
сумочка — для выкроек Ю n'irt'anktonγi kirдγ;
для оселка Те l'istдη kirдγ, П tistдη kirдγ, А Те kaiдγ (Т);
мужская А Те kacim, А катон-кырок, катл-кырок (М).
сундук Ю sontuk (Р).
сундучок Ю lawwдl'tдp (Р).
сушила для рыбы В lдmдt, suγän (Т), Вю jдmдt (Т), А Те Ю
suγan (Т), А pinder, kul wertä juc.
табакерка Те cakamtujдs (Т), А Ю cakдm tujдs, В, timдγmin',
В тельта-мынь (Ш).
таган повс. put juγ (Т).

тарелка Ю вантош-согон (М).
татуировка А Те jiγдt (Т).
трубка для курения В känsä (Т), Вю kansa (Т), Ю kansa (Т), Ю patдl' (Р).

трутовик В Вю А ciηдs (Т), Те Ю ciγдt (Т), Те ciγдt sanдγ.
туес повс. tujдs (Т), Вю tüüsek.

тулуп А Те tolдp acn'i (Т), С tulup (Т).

тяж (в оленьей упряжи) В weli seγд (Т), Те ulak n'ur (Т).

уголок (на поле сака) Ю kimel'kat.

узел Ю soγ (Р), В montl (Т), А Те Ю muntдl, minip (Т).

уключина Ю l'up-mac (Р).
украшение В Вю süγ (Т), А Те siγ (Т), Ю síw (Т);
1 — воротника детской одежды Ю put löpдs;
2 — воротника женской одежды Ю köγ rassi (Р);

3 — дужки колыбели Те kúsд siγдr;

4 — мелкие металлические А Те t'дt' waγ (Т);
5 — накосные Вю jiγдl, А siγ.

упряжка оленей Ю wál'inawul';
собак Ю дjnam ampulawul'

упряжь — для оленя В weli n'ur, А sar n'ur, А Те aγдl'nдη (Т), Ю oγдl'nдη (Т);

для собаки В Вю ämp seγд, Те Ю amp sáγд;
для человека В wan püγдl'

утиральник В Вю moηtiw (Т), А moηдtlдtд ol'pintaγ (Т).

ухватик А чай-пут-ютле-юх (М).

фартук С máwдt topдs (Т).
фуражка В Вю win'iη mül (Т).

халат мужской — 1 — из грубошерстной ткани В Вю wikä (Т), А Те wika (Т), С wiká (Т);
2 — с отделкой из оленьих шкур pel'n'i (Т);

3 — суконный В Вю noj (Т), А Те Ю noj (Т).

ханты В Вю А Те Ю kantдγ (Т), С kantд (Т).

колст В rapintдγ (Т).

хорей В weli wälдγ (Т), Те wal'iwalдγ (Т), П wälaγ.

цепочка Ю sir;
пристяжного оленя Ю pдlдk-sir.

циновка А Те Ю jáki (Т), С jakán, В нарва-пям (Ш).

чайник В Те caj put.

чашка В Вю köγəl (Т);

деревянная Вю агаш-аяк;

чайная, из фарфора Вю lamət köγəl (Т), С kəmrək (Т).

черен весла В Вю luwwəj (Т), Те l'upwáj (Т), С tup wáj (Т).

черпак В ləj (Т), Вю əj (Т), А Те Ю l'əj (Т), С təj (Т)

Ал ləj, П ləj, Те tij, В Вю köγəl (Т), А Те keγəl (Т),

Ю koγki (Р), С кэуль (Шл).

черпачок из бересты В kot'alki (Т), Вю kot'ək (Т), А Те Ю kót' (Т).

чувал В Вю t'oγal (Т), А Те t'oγal (Т), Ю t'owal (Т), С t'oγal (Т).

чулок В t'olkä (Т), Вю t'ólki (Т), А Те Ю t'ulki (Т);

детский Те newrämkinc;

меховой В ospil n'ir (Т), В Вю А Те Ю kinc (Т), С kins (Т),

Ю wəjn-kinc (Р).

шапка В Вю mül (Т), А Те mil (Т), П mil;

ушанка В pələn mül (Т).

шарф С sarəp (Т).

шелк В Вю jermäk (Т), Ю jármák (Т), А Те С jármak (Т).

шест — 1 — для вещей в жилище А cur juγ;

2 — для невода Те sajəp walməγ (Т);

3 — для отталкивания лодки В wart juγ (Т);

4 — для просушивания вещей А nir.

шишечка (на носке лыжи) Ю niməl'taki.

шкафчик для посуды Те caj kat.

шкура повс. soγ.

шляпа В kutləη mül (Т).

штанина А Те Ю wor əp kuroη (Т).

штаны — из ровдуги В n'ur worəw (Т), Те n'ur worəp (Т);

из сукна В Вю nojintəγliworəw (Т);

мужские Ю ko worəw.

шуба В Вю acn'i (Т), А Те Ю acn'i (Т), С osn'ə (Т), В Вю

punun l'öpi.

1 — из камусов лося Вю kur oγn'i (Т);

2 — из шкур белки В law l'opi (Т);

3 — из шкур (или хвостов) белки Вю läγn'i (Т);
4 — из шкур зайца Вю töγдrn'i (Т);
5 — из шкур с голов зайца Вю töγдr oγдn'i (Т);
6 — из шкур с лапок зайцев Вю töγдr köwдl'n'i (Т);

7 — из шкур овцы Те ac̊ soγ acn'i (Т);

8 — из шкур оленя В Вю kölдγ (Т), А Те Ю kolдγ (Т), С kalд (Т), П kalaγ;

9 — из шкур собаки Те amp soγ acn'i (Т);

10 — с каймой Ю kдcpдsдη (Т).

якорь Ю kancдn wåγ (Т).
ящик В Вю min (Т).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

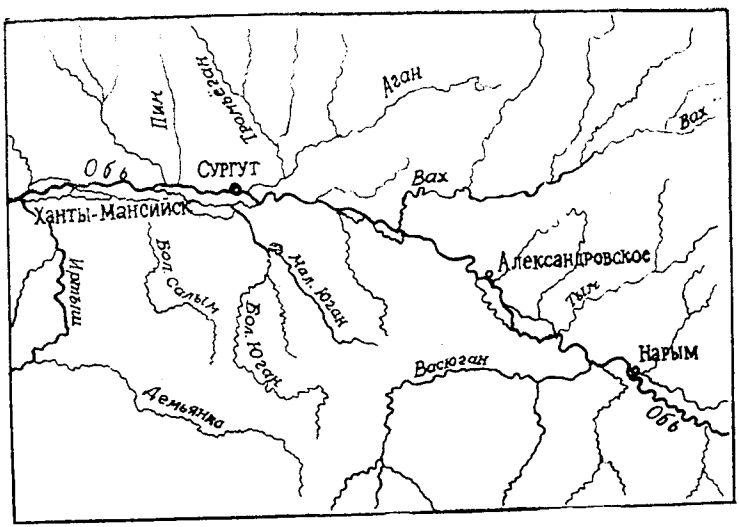


Рис. 1. Карта расселения восточных хантов

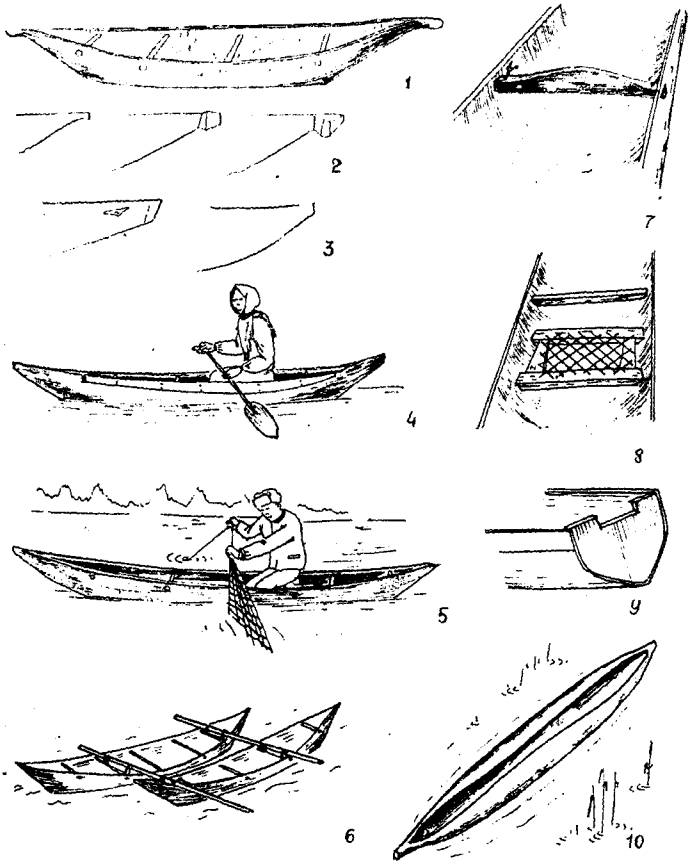


Рис. 2. Долбленки: *1* — общий вид, р. Васюган; *2* — «головки» на носу и корме, р. Васюган (с фот. В. М. Кулемзина); *3* — форма носа и кормы, р. Юган; *4* — плавание в долбленке с беседкой, р. Обь; *5* — плавание в долбленке без сидения, р. Юган; *6* — сдвоенные долбленки, р. Юган; *7* — опора для спины, р. Аган; *8* — беседка для сидения, р. Обь; *9* — устройство кормы для мотора, р. Вах; *10* — замачивание в процессе изготовления, р. Вах

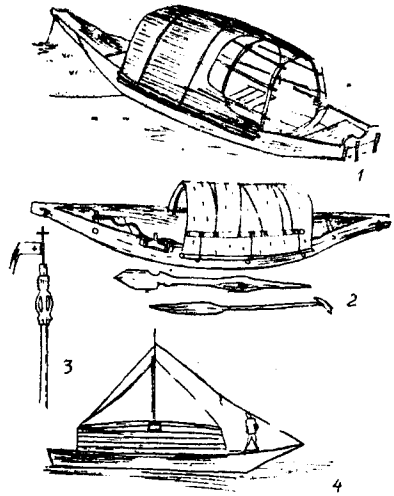


Рис. 3. Крытые лодки: *1* — современная лодка с мягким покрытием и тягой мотором, р. Юган; *2* — модель лодки с покрытием, р. Васюган [МАЭ, № И-376, *42—46*]; *3* — верхушка мачты, р. Васюган [ГМЭ, фототека, № 3939]; *4* — лодка с дощатым покрытием, р. Васюган [Орлова Е., 1926]

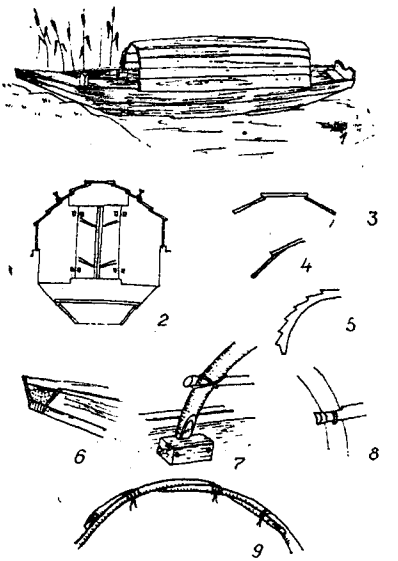


Рис. 4. Крытая лодка с р. Юган и ее детали: *1* — общий вид; *2* — разрез; *3, 4, 5* — соединение досок каркаса; *6* — нос; *7* — крепление обруча к борту; *8* — крепление причалины к обручу; *9* — соединение обручей каркаса

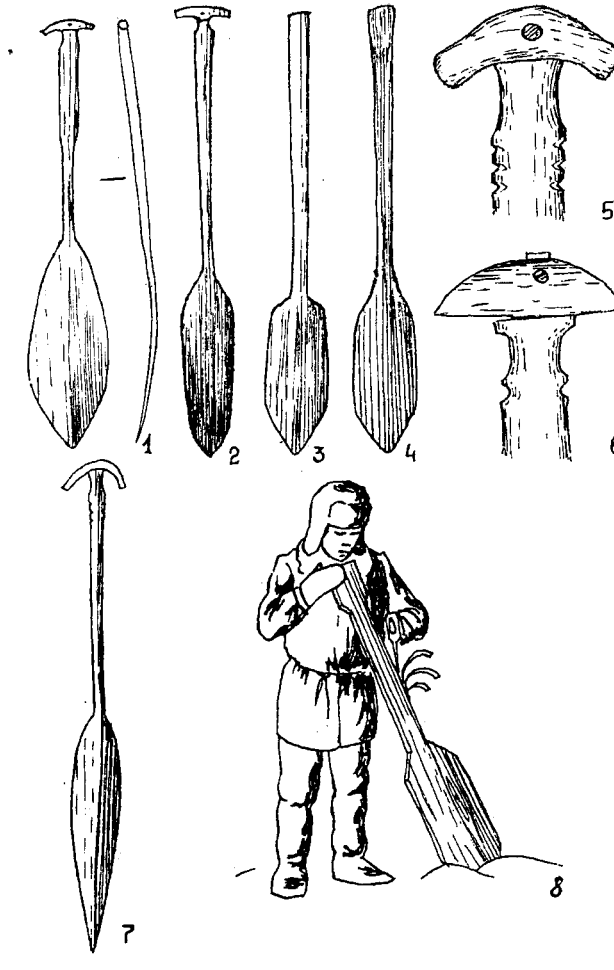


Рис. 5. Весла для долбленки: *1* — р. Обь; *2* — р. Вах; *3, 4* — р. Васюган; *5, 6* — концы рукоятей, р. Юган; *7* — р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 14]; *3, 8* — вытесывание заготовки к веслу, р. Юган (с фот. Е. М. Титаренко)

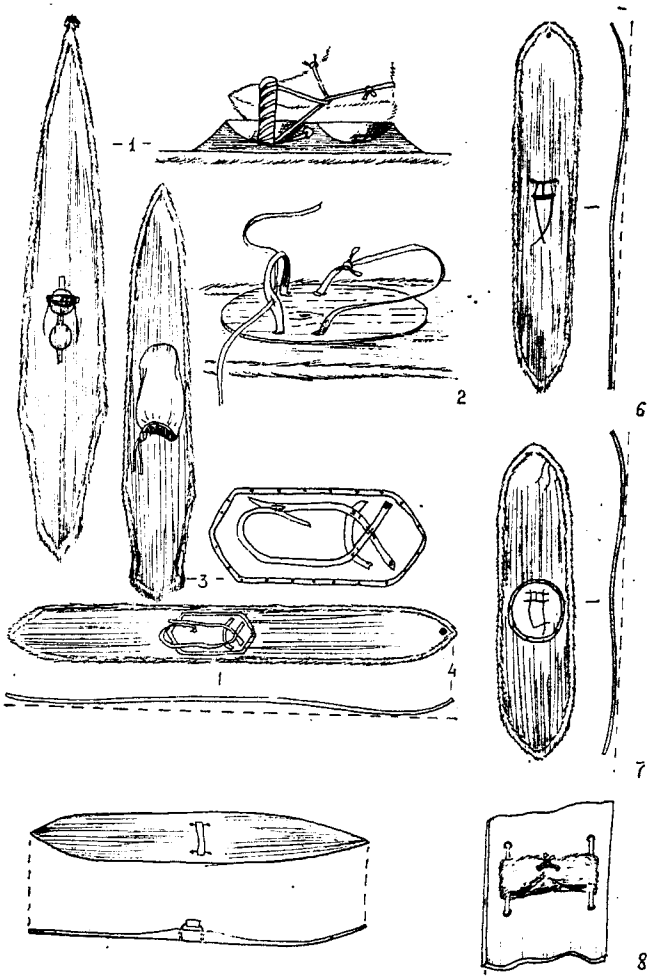


Рис. 6. Лыжи: *1* — мужские подволоки, р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 15, *1*, Fig. 77]; *2* — крепление подволок, р. Васюган (с фот. В. М. Кулемзина); *3* — мужские и женские подволоки, р. Пим; *4* — мужские и женские подволоки, р. Тромъеган; *5* — женские голицы, р. Юган; *6, 7* — мужские и женские подволоки, р. Вах; *8* — крепление лыж, р. Юган

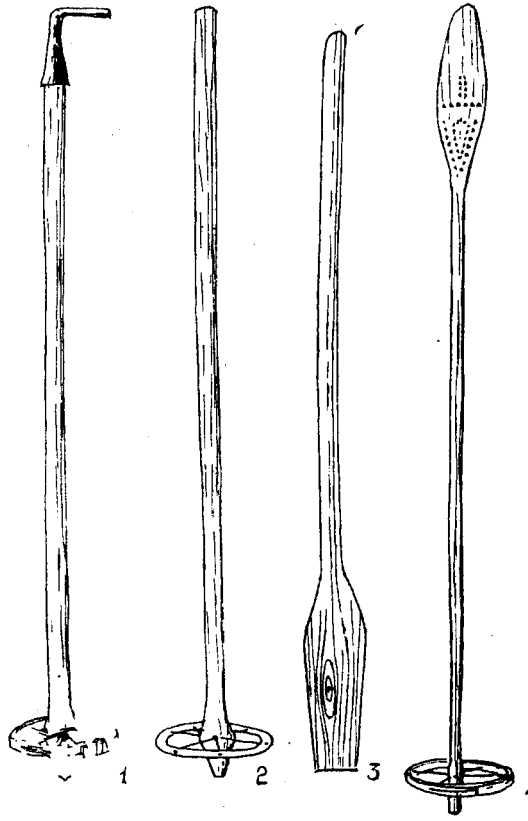


Рис. 7. Лыжные посохи: *1*, *2* — р. Вах; *3* — р. Васюган; *4* — р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 15]

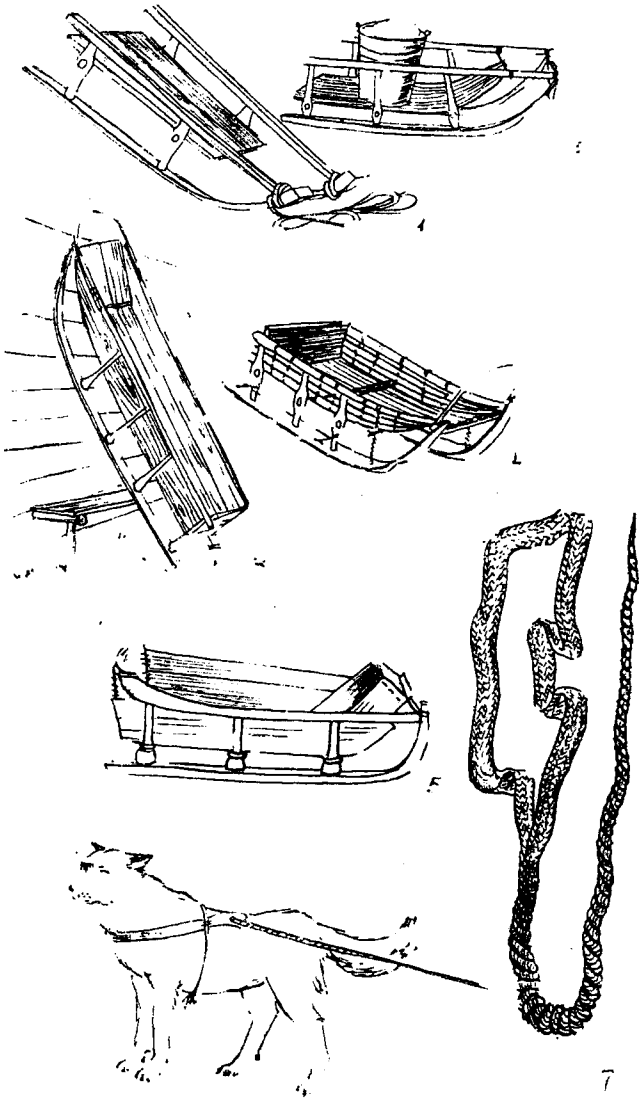


Рис. 8. Нарты и упряжь: *1* — ручная нарта для дров, р. Пим; *2* — ручная нарта для воды, р. Пим; *3* — ручная нарта с кузовом из досок, р. Обь; *4* — детская нарта, р. Вах; *5* — конная нарта, р. Салым [ТГМЗ, фотофонд, № 92, *59*]; *6* — собачья упряжь, р. Юган; *7* — лямка для человека, р. Васюган [МАЭ, № 5093, *35*]

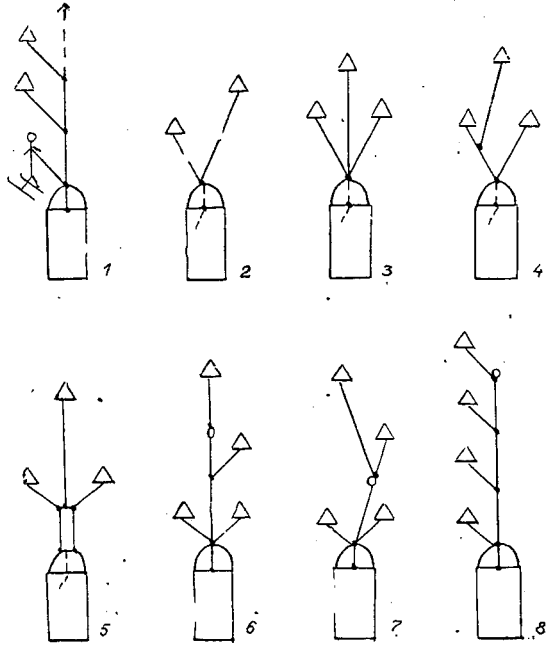


Рис. 9. Схема упряжек в тягловом собаководстве, р. Юган: *1* — место человека и собак в упряжке; *2, 3, 4, 5* — собаки привязаны к нарте постромками, потяг (пунктиром) не используется; *6, 7, 8* — постромки привязаны к потягу

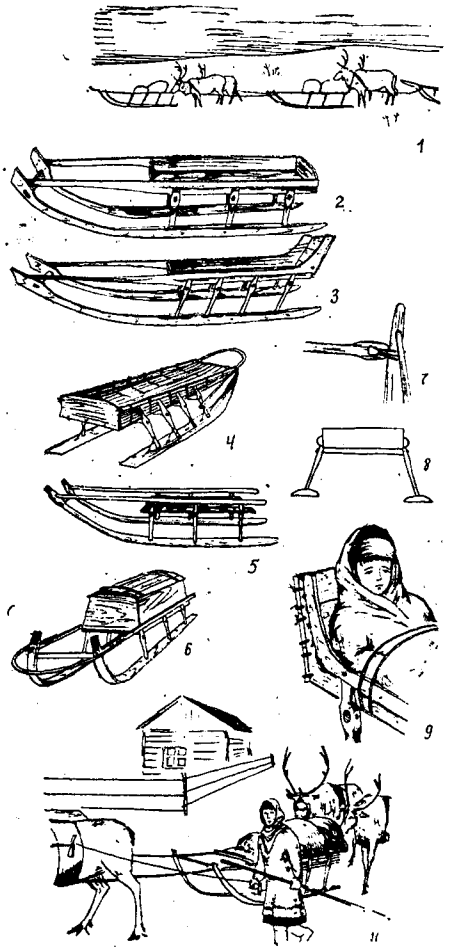


Рис. 10. Олений транспорт: *1* — перевозка груза, р. Вах; *2* — мужская ездовая нарта, р. Тромъеган; *3* — женская ездовая нарта, р. Тромъеган; *4* — грузовая и ездовая нарта, р. Юган; *5* — грузовая нарта, р. Пим; *6* — грузовая нарта, р. Аган; *7* — крепление головного вязка, р. Аган; *8* — разрез нарты, р. Пим; *9* — перевозка детей в нарте, р. Пим; *10* — оленьи упряжки в поселке, р. Юган

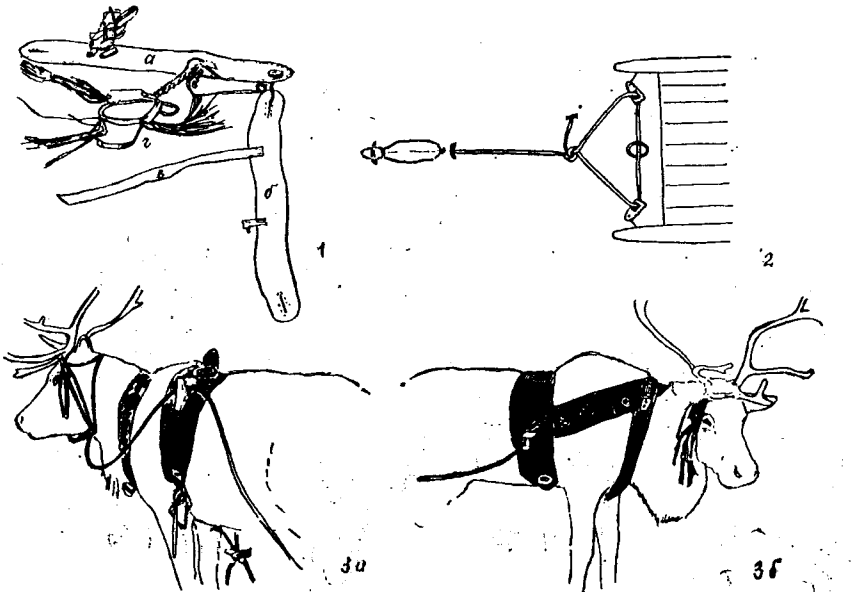


Рис. 11. Олений транспорт: *1* — упряжь передового оленя (*а* — пояс, *б* — лямка, *в* — подгрудный ремень, *г* — недоуздок), р. Тромъеган; *2* — схема запряжки одного оленя в нарту, р. Юган; *3а* и *3б* — передовой олень в упряжи, р. Пим

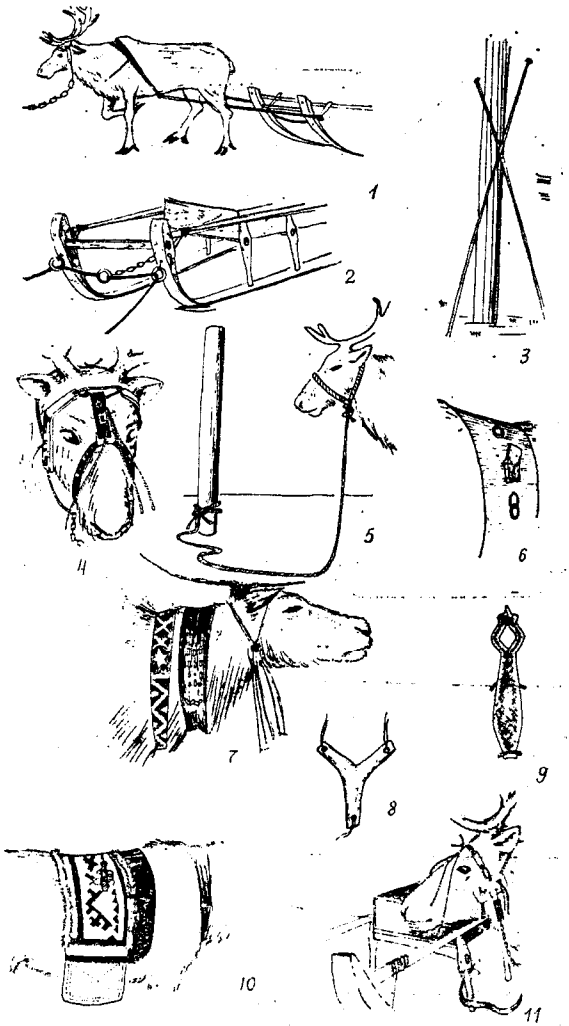


Рис. 12. Олений транспорт: *1* — безблочная грузовая нарта, р. Тромъеган; *2* — нарта с блоками-кольцами, р. Тромъеган; *3* — хореи, р. Тромъеган; *4* — меж- и подглазные ремни недоуздка оленя, р. Пим; *5* — кол для привязывания оленей и простой недоуздок-оброть, р. Юган; *6* — крючок и кольцо для вожжи на поясе оленя, р. Тромъеган; *7* — ошейники оленя из черемуховой пластины (с узором) и кожи, р. Тромъеган; *8* — трехконечная нащечная пластина, р. Юган; *9* — металлический крючок для вожжи на поясе оленя, р. Тромъеган; *10* — покрытие пояса оленя с аппликацией из сукна, р. Тромъеган; *11* — детали сложного недоуздка и способ прикрепления вожжи во время стоянки, р. Вах

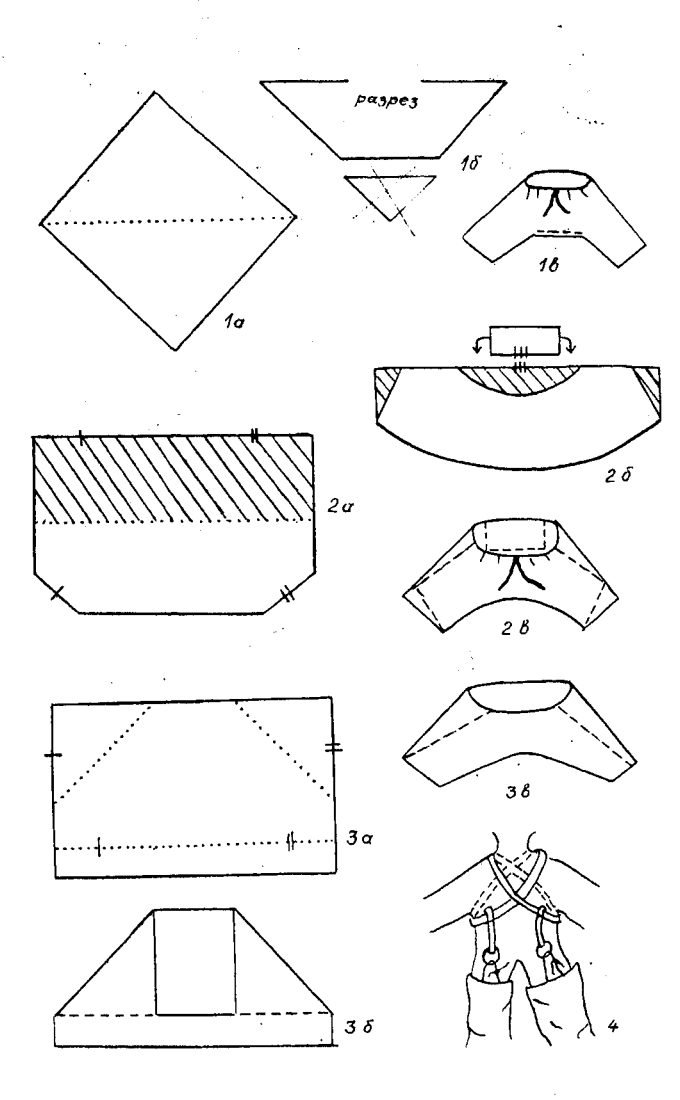


Рис. 13. Штаны и подтяжки: *1, 2* — женские натазники, р. Васюган; *3* — женские натазники, р. Вах; *4* — мужские подтяжки для прикрепления обуви, р. Пим

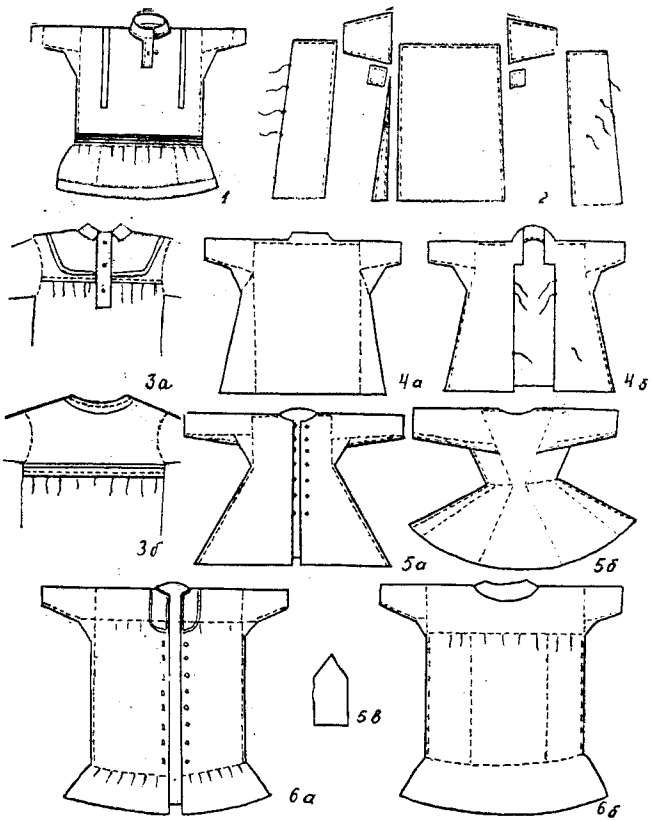


Рис. 14. Женская одежда: *1* — платье, р. Пим; *2* — детали сака, р. Юган; *3а* и *3б* — платье с кокеткой, р. Тромъеган; *4а* и *4б* — сак, р. Тромъеган; *5а, 5б* и *5в* — кафтан, р. Салым [ТГМЗ, № 1407]; *6а* и *6б* — сак, р. Пим

Рис. 15. Женская одежда: *1* — летний верхний комплект, р. Юган; *2* — два платья и платок — традиционные, кофта и сапоги — покупные, р. Тромъеган; *3* — платье с поясом, р. Тромъеган; *4* — сак (слева спущен с плеч), р. Аган; *5* — двойная шуба из шкур оленя, р. Тромъеган; *6* — шуба с верхом из сукна, р. Тромъеган

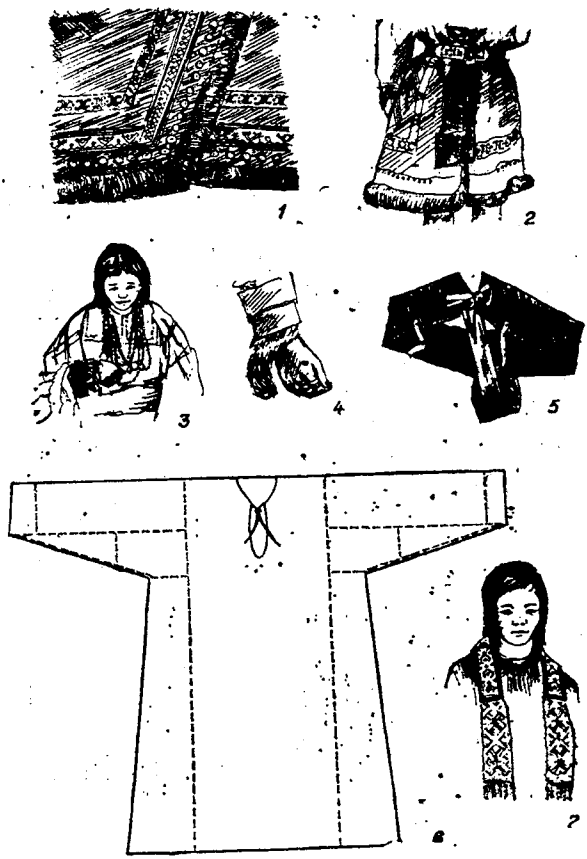


Рис. 16. Женская одежда: *1* — украшение мехом, пуговицами, тканью и бисером на зимнем саке, р. Аган; *2* — матерчатый пояс с пряжкой на зимнем саке, р. Тромъеган; *3*—оловянные отливки на воротнике сака и другие украшения, р. Юган [Martin F. R., 1897, Fig. 4]; *4* — кольца, р. Пим; *5* — пояс-повязка, р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 4, *5*]; *6* — рубаха из домотканого холста, р. Салым [ГМЭ, № 3950, *71*]; *7* — нагрудное украшение, р. Салым [ТГМЗ, № 968]

Рис. 17. Женская одежда: *1, 6* — кафтан праздничный, р. Салым [ТГМЗ, № 1407]; *2* — пояс тканый, Сургутский край [ТГМЗ, № 1497]; *3* — нагрудное украшение, р. Аган [ГМЭ, № 4047, 226]; *4, 5* — матерчатый пояс в свернутом виде с подвесками и ножнами, р. Пим

Рис. 18. Способы повязывания платков: *1, 5, 9* — р. Юган; *2, 3, 10* — р. Пим; *4* — р. Тромъеган; *6* — р. Аган; *7* — женский капор из шкур оленя, р. Аган; *8* — детский платок-накомарник, р. Юган

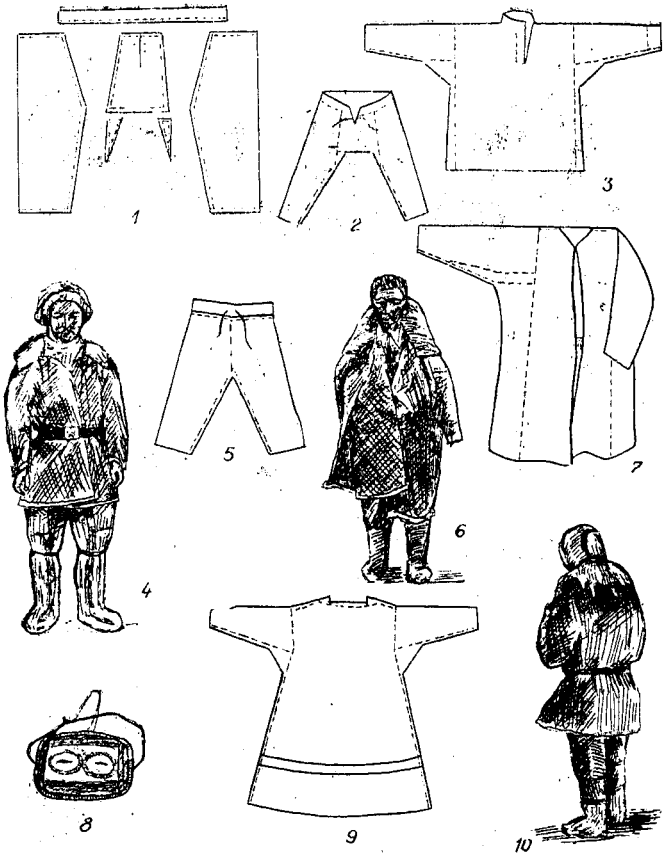


Рис. 19. Мужская одежда: *1* — детали штанов из ткани, р. Тромъеган; *2* — штаны из налимьих кож, р. Обь [ГМЭ, № 3950, *73*]; *3* — рубаха, р. Аган; *4*, *10* — зимние комплекты, р. Пим; *5* — штаны, р. Тромъеган; *6* — сак с простеганной подкладкой, р. Юган; *7* — шабур, р. Салым [ТГМЗ, фотофонд, № 1152, *20*]; *8* — защитные очки, Сургутский округ [МАЭ, № 592, *3*]; *9* — навершница малицы, р. Тромъеган

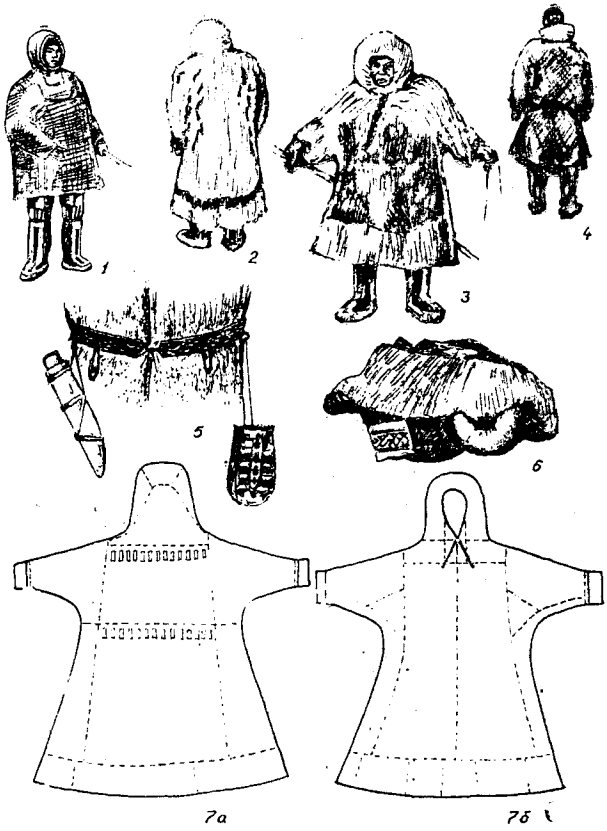


Рис. 20. Мужская одежда: *1* — кумыш из ткани, р. Тромъеган; *2, 3* — кумыш из шкур, р. Тромъеган; *4* — малица с навершницей, р. Тромъеган; *5* — пояс, р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 3, *4*]; *6* — способ хранения кумыша на улице, р. Пим; *7а* и *7б* — раскрой кумыша, р. Юган

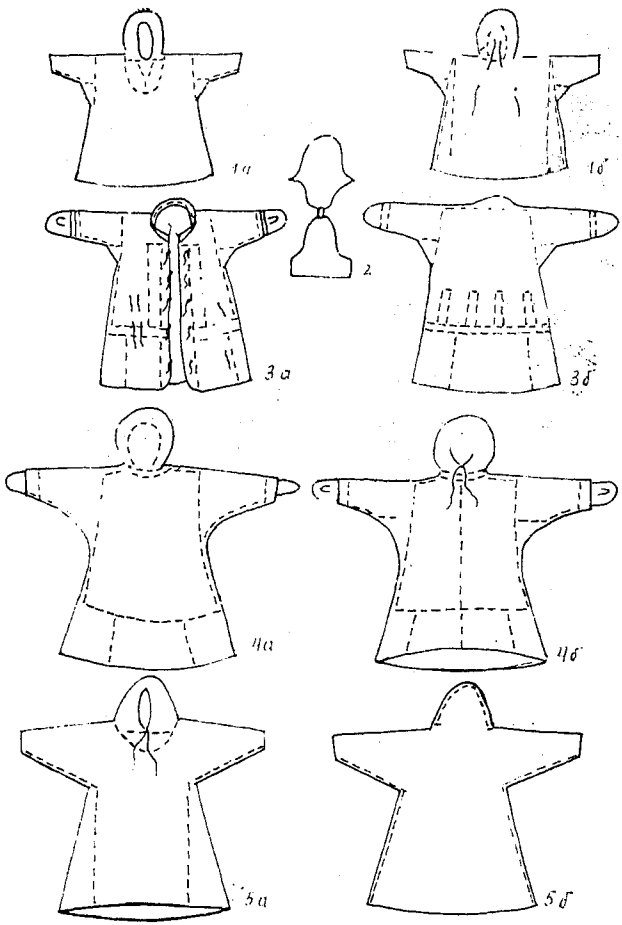


Рис. 21. Одежда: *1а* и *1б* — летняя глухая одежда из ткани для детей, р. Аган; *2* — выкройка рукавицы, р. Юган; *3а* и *3б* — шубка девочки-подростка, р. Тромъеган; *4а* и *4б* — малица, р. Тромъеган; *5а* и *5б* — кумыш из сукна, р. Тромъеган

Рис. 22. Мужская и женская обувь: *1, 2* — поршневидная, р. Аган; *3* — поршневидная, р. Пим; *4, 5* — башмаковидная, р. Юган; *6—10* — башмаковидная, р. Пим; *11* — чулки из шкуры и ткани, р. Юган; *12—14* — унтовидная, р. Пим

Рис. 23. Головные уборы мужчин: *1, 2,* — платок, р. Юган; *3* — шапка, р. Салым [ТГМЗ, фотофонд, № 92, *193*]; *4, 5, 6, 10, 13* — капор и способы его ношения, р. Пим, Юган; *7, 9* — капюшон малицы (откинут) и кумыша, р. Пим, Тромъеган; *8* — покупная шапка-ушанка; *10, 13* — способы повязывания шейного платка, р. Пим; *11* — капор [ИЭАС, 1961, с. 341, табл. 3, *4*]; *12* — современный стандартный головной убор из брезента; *13* — налобник из беличьих хвостов, р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 3, *1*]

Рис. 24. Детская одежда: *1* — украшение капюшона кумыша, р. Пим; *2* — капор девочки, р. Юган; *3* — зимняя одежда девочки, р. Юган; *4* — подтяжки мальчика, р. Пим; *5* — платок девочки-подростка, р. Пим; *6* — зимняя одежда мальчика, р. Юган; *7* — зимняя одежда мальчика, р. Тромъеган

Рис. 25. Прически и головные повязки: *1, 2* — традиционные прически мужчин; *3* — современная мужская прическа; *4, 5* — традиционные прически женщин; *6, 7* — современные прически девушек; *8* — подвески в косы, р. Аган; *9* — повязка, р. Юган; *10* — повязка, р. Аган [ГМЭ, № 4047, *217*]

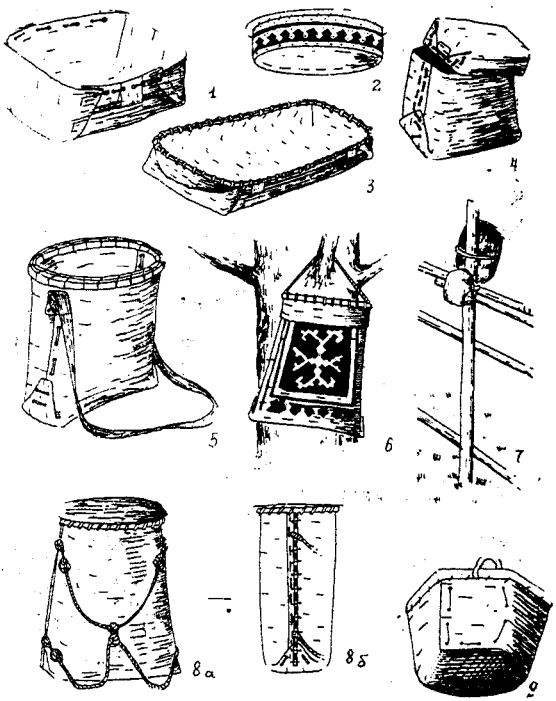


Рис. 26. Вместилища из бересты: *1, 3* — сосуды для жидкостей, р. Тромъеган; *2* — крышка кузова, р. Вах; *4* — коробка, р. Васюган; *5, 6* — кузовки для сбора высокорастущих ягод, р. Обь, Аган; *7* — кузовки для низкорастущих ягод, р. Юган; *8а* и *8б* — заплечный кузов, р. Васюган; *9* — ведерко для воды, р. Вах [ТГМЗ, экспозиция]

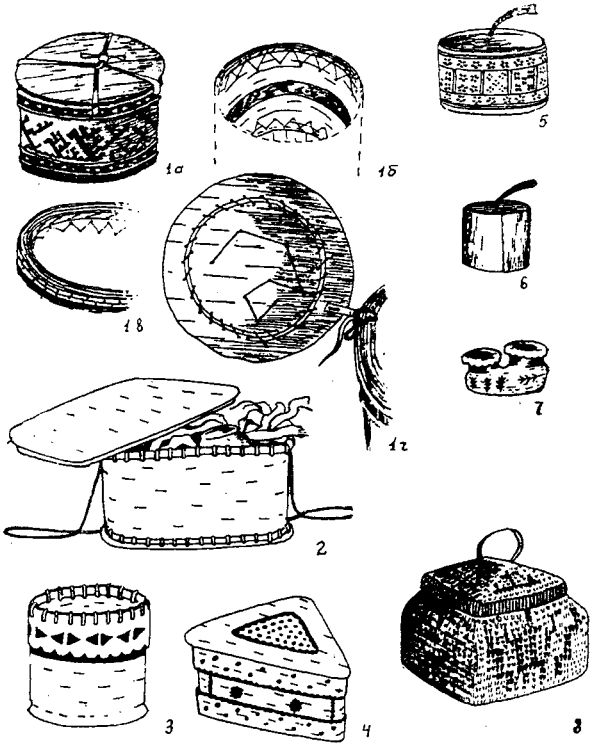


Рис. 27. Вместилища: *1а* — коробка из коры пихты и бересты, р. Юган; *1б* — берестяные полосы внутри коробки; *1в* — крепление верхнего обода; *1г* — берестяная крышка; *2* — берестяная коробка, р. Вах; *3* — берестяная коробка, р. Васюган [ТОКМ, № 3411, *87*]; *4* — берестяная коробка, р. Васюган [МАЭ, № 5111, *15*]; *5* — табакерка из бересты, р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 9, *2, 3*]; *6* — современная табакерка из жестяной банки, р. Аган; *7* — курительная трубка, р. Вах [ТОКМ, № 3168]; *8* — плетеная коробка, р. Тромъеган

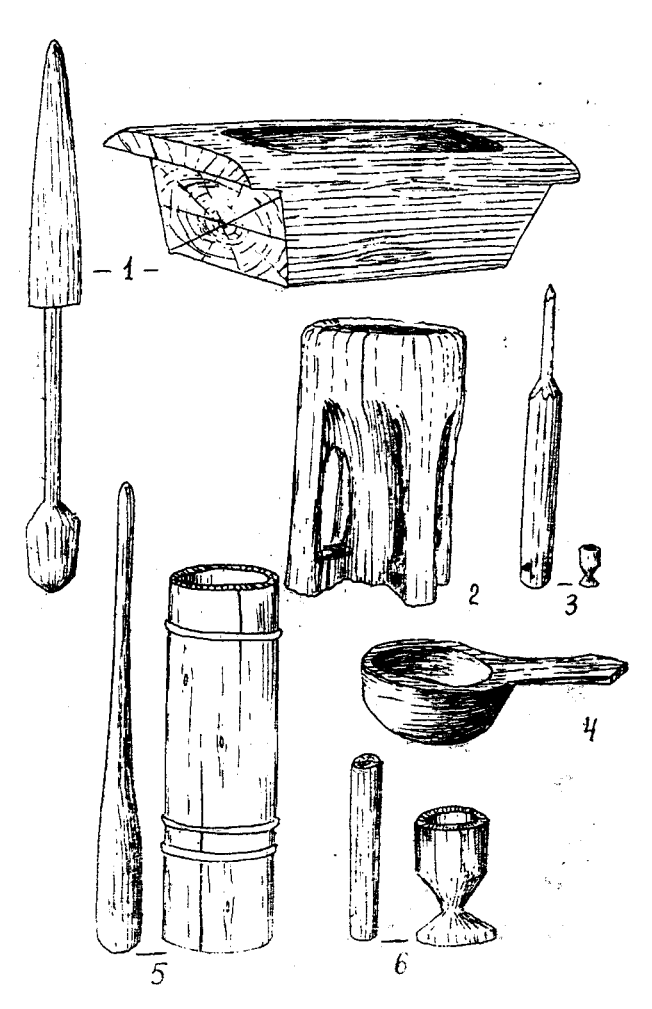


Рис. 28. Вместилища из дерева: *1* — корыто для толчения сухой рыбы, р. Вах; *2* — ступа для ячменя (?), р. Васюган; *3* — ступка и пест для растирания табачной смеси (сильно уменьшено), р. Вах; *4* — ковш для растирания табачной смеси, р. Васюган; *5* — ступа для черемухи, р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 9, *2, 3*]; *6* — ступка для табачной смеси, р. Аган [ГМЭ, № 4047, *105 а, б*]

Рис. 29. Утварь из дерева: *1*—блюдо, р. Тромъеган; *2* — блюдо, р. Юган; *3* — кадушка для теста, р. Пим; *4* — чашка, р. Васюган [МАЭ, № 5111, *48*]; *5* — лопата для разгребания снега, р. Юган; *6* — черпак, р. Тромъеган; *7* — подставка для котла, р. Юган [Martin F. R., Taf. 8, *3*]; *8* — лопатка для помешивания в котле и снятия крышки с чайника, р. Пим

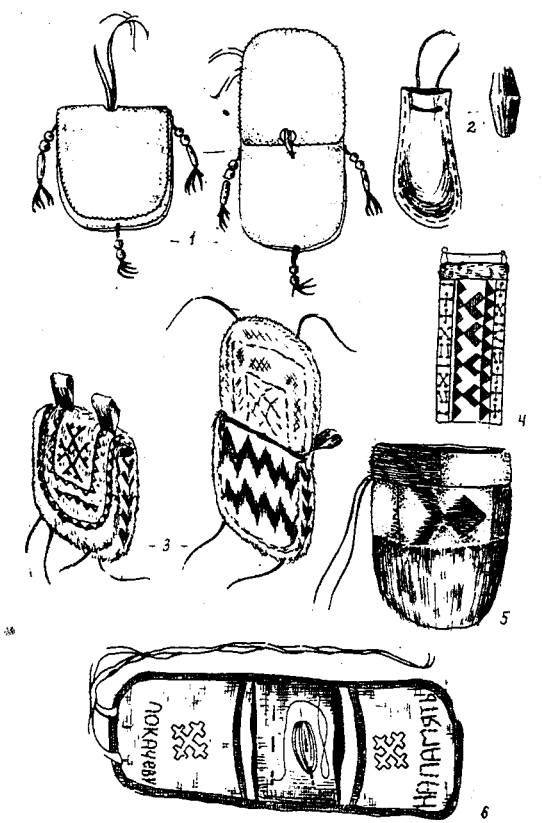


Рис. 30. Сумочки: *1* — мужская поясная, Сургут [МАЭС, № 2788]; *2* — для мелкокалиберных патронов, р. Вах (по рис. В. М. Кулемзина); *3* — мужская поясная, р. Аган; *4* — для оселка, р. Пим; *5* — женская для мелочей, р. Аган; *6* — мужская, р. Аган

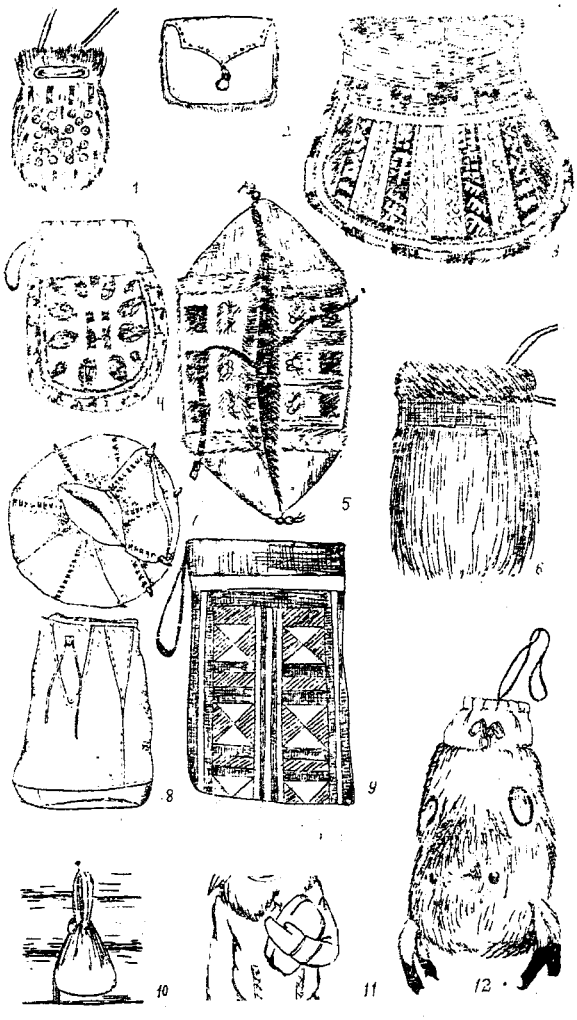


Рис. 31. Сумки и мешки: *1* — для боеприпасов, р. Юган; *2* — неизвестного назначения, р. Вах [ТОКМ, № 151]; *3* — для одежды (самодийского происхождения), р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 5, *4*]; *4* — для рукоделия, р. Тромъеган; *5* — для рукоделия, р. Вах; *6* — для выкроек, р. Юган; *7* — из шкур с лап лебедей, р. Вах [ТОКМ, № 601]; *8* — из налимьих шкур, р. Вах; *9* — из ткани, р. Васюган; *10* — узел из платка, р. Пим; *11* — способ переноски сумок, р. Вах; *12* — для рукоделия, р. Аган

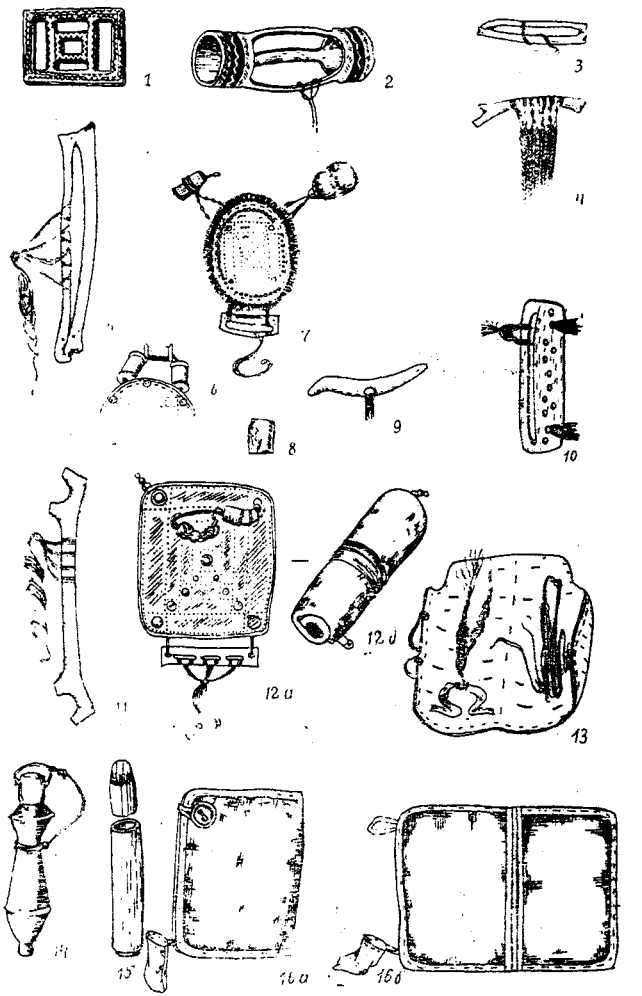


Рис. 32. Швейная утварь: *1*, *2* — костяные крепилки для сухожильных нитей, р. Васюган; *3* — крепилка из бедреной кости соболя, р. Юган; *4* — крепилка из подъязычной кости лося, р. Аган; *5* — крепилка из предплечья лебедя, р. Вах; *6* — катушки ниток на игольнике, р. Аган; *7* — игольник из сукна, р. Тромъеган; *8* — наперсток из оленьей шкуры, р. Юган [Martin F. R., 1897, Fig. 33]; *9* — костяная пластинка, удерживающая наперсток на игольнике, р. Пим; *10* — костяная крепилка для сухожильных нитей, р. Аган; *11* — крепилка, р. Салым [ТГМЗ, № 2048]; *12а* и *12б* — игольник из сукна, р. Пим; *13* — берестяная обертка для сухожильных нитей, р. Тромъеган; *14* — металлический игольник, р. Васюган; *15*—игольник из трубчатой кости, р. Обь [ТГМЗ, № 2057]; *16а* и *16б* — игольник из ткани, р. Васюган

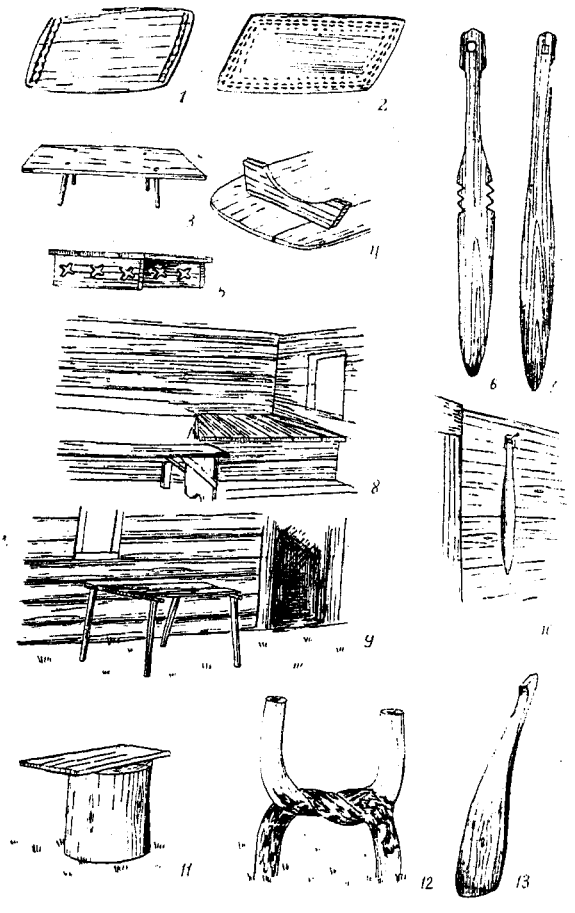


Рис. 33. Утварь из дерева: *1* — доска для раскроя шкур, р. Обь [ТГМЗ, № 2221]; *2* — доска для раскроя шкур, р. Юган [Martin F. R., 1897, Taf. 13]; *3* — столик, р. Вах; *4* — ножки столика, р. Пим; *5* — столик, р. Аган; *6, 7, 10* — выбивалки снега, р. Юган; *8, 9* — высокие столики, р. Тромъеган; *11* — сидение, р. Юган; *12* — сидение из растущих стволов деревьев, р. Васюган (с фот. В. М. Кулемзина); *13* — выбивалка снега, р. Пим

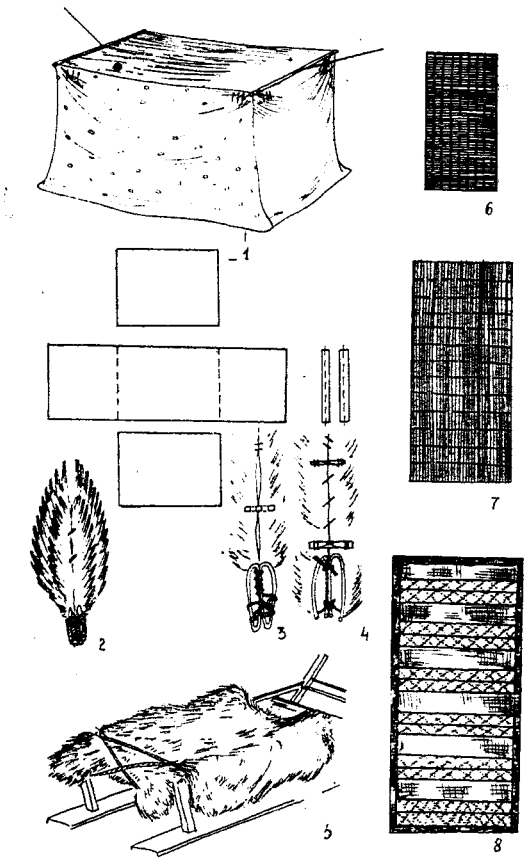


Рис. 34. Утварь: *1* — полог и его детали, р. Васюган; *2, 3, 4* — опахало-веник и способы крепления его деталей; 5 — подстилка из оленьей шкуры на нарте, р. Тромъеган; *6, 7, 8* — циновки, р. Пим

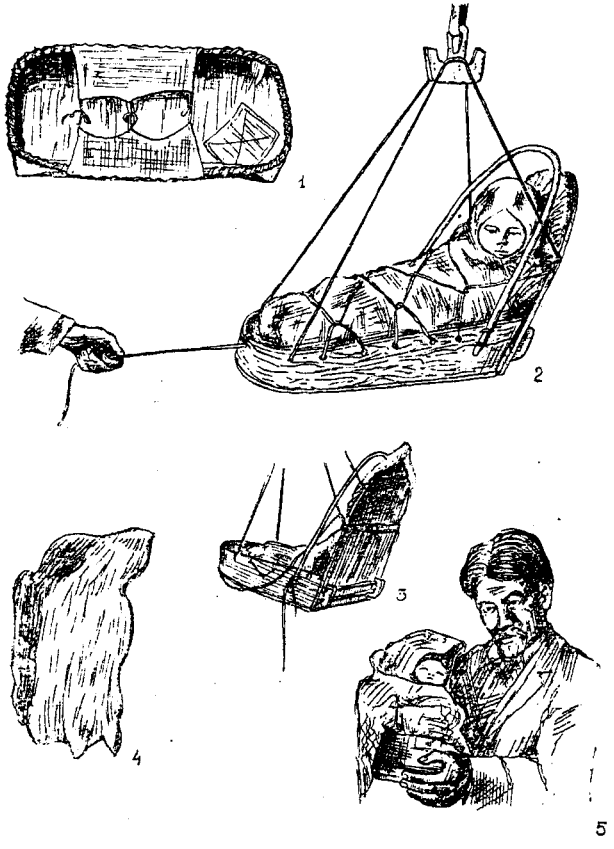


Рис. 35. Колыбели: *1* — ночная, р. Юган; *2, 3* — дневная, р. Аган, Юган; *4* — одеяльце из шкур зайца для колыбели, р. Аган; *5* — способ переноски колыбели, р. Юган

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Введение 13

Первая глава. **Материальная культура Сургутских и Салымских хантов**

1. Средства передвижения 18
2. Одежда 36
3. Утварь 64

Вторая глава. **Сравнительно-исторический анализ материальной культуры восточных хантов**

1. Средства передвижения 85
2. Одежда 146
3. Утварь 237

Заключение 280
Резюме 286
Источники 291
Литература 291
Список сокращений 308
Русско-хантыйский словарь использованных терминов . . 309
Иллюстрации 327

INHALTSVERZEICHNIS

Vorwort 5
Einführung 13

I. Capitel. **Die materielle Kultur von Surgut- und Salymchanten**
1. Verkehrsmittel 18
2. Tracht 36
3. Habseligkeit 64

II. Capitel. **Die historisch-vergleichende Untersuchung der materiellen Kultur von Ostchanten**

1. Verkehrsmittel 85
2. Tracht 146
3. Habseligkeit 237
Schlussfolgerung 280
Resümée 286
Quellenverzeichnis 291
Abkürzungen 291
Glossar 309
Illustrationen 327

Надежда Васильевна ЛУКИНА

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ХАНТОВ

(Восточная группа)

Редактор **Л. П. Цыганкова**
Технический редактор **Г. Н. Гридина**
Корректор **Л. Н. Банникова**

ИБ 02038. Сдано в набор 10/V.84 г. Подписано к печати 7/III.85 г. Формат 84×108 1/32. Бумага этикеточная. Литературная гарнитура. Высокая печать. П. л. 11,5; уч.-изд. л. 19; усл. п. л. 19,3. Тираж 700 экз. Заказ 5395. Цена в перепл. № 5—3 р.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства «Красное знамя»,
634029, г. Томск, ул. Советская, 47.

В 1985 году
в Издательстве
Томского государственного университета
выйдет в свет

Н. А. Томилов. **Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея.**

Работа представляет собой публикацию описаний этнографических предметов по хозяйству и культуре народов Севера Сибири, хранящихся в фондах одного из старейших сибирских музеев— Омского государственного исторического и литературного музея.

В 1985 году
в Издательстве
Томского государственного университета
выйдет в свет

Л. А. Чиндина. Монография. **Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа.**

В монографии освещаются вопросы происхождения и развития двух крупных западносибирских культур 5 в. до н. э. — 7 в. н. э. — кулайской и релкинской.